

Сухобоков Олег Васильевич
(1937–2008)

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела древнерусской и
средневековой археологии
Института археологии
Национальной академии наук
Украины. Специалист в области
славяно-русской археологии VIII
– XIII вв. Посвятил более 40 лет
исследованиям археологических

памятников Днепровского Левобережья. Автор четырех
монографий и свыше 150 научных работ.

О. В. Сухобоков «ЗЕМЛЯ НЕЗНАЕМА»

О. В. Сухобоков

«ЗЕМЛЯ НЕЗНАЕМА»:

НАСЕЛЕНИЕ БАСЕЙНА
СРЕДНЕГО ПСЛА В X–XIII ВВ.

ISBN 978-966-8894-84-8

9 789668 894848

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

О.В. Сухобоков

**«ЗЕМЛЯ НЕЗНАЕМА»:
НАСЕЛЕНИЕ БАССЕЙНА СРЕДНЕГО ПСЛА
В X–XIII ВВ.**

(по материалам роменско-древнерусского комплекса
в с. Каменное)

Киев
«Видаввець Олег Філюк»
2016

УДК 902 (477)

ББК

Научное издание.

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии НАН Украины,
Протокол от 12.02.2008 г. № 3.*

Ответственный редактор член-корреспондент НАН Украины,
доктор исторических наук А.П. Моця
Редактор кандидат исторических наук А.В. Комар
Рецензенты доктор исторических наук, профессор В.М. Рычка
доктор исторических наук, профессор Р.В. Терпиловский

Сухобоков О.В.

С-91 «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X – XIII вв. (по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное). – Киев: Видавець Олег Філюк, 2016. – 376 с., илл.

ISBN 978-617-646-094-7

Книга посвящена исследованию пограничного региона Древнерусского государства к востоку от р. Сулы, упоминаемого автором «Слова о полку Игореве» в числе «земель неизвестных». В научный оборот впервые в полном объеме вводятся материалы археологического комплекса роменско-древнерусских памятников на р. Псел в с. Каменное Сумской области, на примере которого раскрыты процессы освоения, социально-экономического и культурного развития региона от северянского этапа X – начала XI вв. вплоть до Батыева нашествия. Книга иллюстрирована картами, чертежами, рисунками и фотографиями.

Предназначена для историков, археологов, преподавателей и студентов исторических факультетов, а также всех интересующихся проблемами истории восточных славян и Руси.

**УДК
ББК**

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	7
Введение.....	9
Глава I. Городище и селище в с. Каменное.....	15
Глава II. Курганный могильник в с. Каменное.....	93
Глава III. Материальная культура населения Каменного.....	175
Глава IV. Духовная культура и социальная организация общины поселения в с. Каменное	235
Глава V. «Земля незнаема» – юго-восток лесостепного Днепровского Левобережья в X–XIII вв.	261
Заключение	303
Приложение 1: Дяченко В.Д., Покас П.М. Антропологические материалы из могильника у с. Каменного	311
Приложение 2: Результаты спектрографического анализа предметов из раскопок роменско-древнерусского комплекса памятников у с. Каменное	333
Приложение 3: Комар А.В. Хронология могильника у с. Каменное.....	335
Список сокращений.....	357
Иллюстрации.....	359

*Светлой памяти
археологов—славистов
Василия Иосифовича Довженка (1909—1976)
и Дмитрия Тарасовича Березовца (1910—1970)
посвящается*

От редакции

Представленная вниманию читателей книга известного археолога, знатока северянских и древнерусских древностей Днепровского Левобережья VIII–XIII вв. Олега Васильевича Сухобокова (1937–2008) является последней работой автора, посвятившего около полувека исследованию предмета.

«Земля незнаема» «Слова о полку Игореве», лежащая на юго-восток от возведенной еще Владимиром Святославичем Посульской оборонной линии Древнерусского государства, действительно практически не известна по письменным источникам, упоминаясь лапидарно лишь в кратких сводках русско-половецких военных действий. Картину жизни населения этого пограничного региона, в то же время, позволяют реконструировать археологические данные, анализу которых и посвящена настоящая книга.

За время плодотворной полевой деятельности автором проведены работы на целом ряде ярких памятников региона — Ницаха, Зеленый Гай, Каменное, Опошня, Лубны. Каждый из них по своему ценен, но материалы раскопок археологического комплекса у с. Каменное выбраны как базовые для характеристики северянско-древнерусского периода истории населения бассейна Псла именно благодаря комплексному характеру информации о памятнике — исследованию здесь были подвергнуты городище, селище и курганный могильник, изучены антропологические материалы.

Публикация материалов Каменного вводит в научный оборот ценный археологический и исторический источник, являясь, в определенном смысле, образцом исполнения научного долга исследователя, до последних минут жизни работавшего над завершением монографии.

Редакция выражает признательность Л.И. Билинской, Н.А. Гаврилюк, Р.С. Орлову, О.В. Пархоменко, О.О. Сухобоковой, Н.В. Хамайко, С.П. Юренко за предоставленные фотоматериалы и помощь в оформлении книги.

ВВЕДЕНИЕ

*Дивъ кличеть врѣху древа,
велить послушати земли незнаемъ,
Влзъ и Поморгю, и Посулгю,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебъ, тьмутораканьскый блъванъ!*

Слово о пълку Игоревъ

Левобережная Украина в силу географически и исторически детерминированных причин на протяжении тысячелетий являлась областью непосредственных контактов разных этносов с различными способами производства, образом жизни и социально-политической организацией разных сообществ. В последнюю треть первого и первые столетия второго тысячелетий н.э. их представляли земледельческие племена славян, переживавших болезненный процесс формирования феодального государства с одной стороны, и этнически неоднородные военно-политические образования кочевников-скотоводов — с другой. Их близкое территориальное соседство неизбежно вело к разного рода — мирным и конфликтным — взаимоотношениям, что не могло не сказаться на базисной социально-экономической сфере жизнедеятельности, которая получила исторически объективное и конкретно-материальное выражение в категориях археологической культуры. И, конечно же, эти взаимоотношения не могли не сказаться на физической конституции, антропологическом облике населения, как и не повлиять на специфику духовной сферы взаимодействующих этнических массивов.

В чисто археологическом аспекте рассматриваемая территория уже с эпохи энеолита характеризуется культурным разнообразием древностей. Такая пестрота разновременных и разнокультурных археологических памятников свойственна всем контактным в этнокультурном отношении зонам. Что же касается рассматриваемого в данной работе северо-восточного региона Днепровского Левобережья, то археологические исследования славянских и древнерусских поселений и могильников левобережноднепровской лесостепи (которые привлекали интерес образованной общественности, и, что весьма существенно, начали изучаться путем раскопок еще в 20-е

годы XIX века¹), показывают, что на протяжении I тысячелетия н. э. его население представлено памятниками ряда археологических культур. Это – зарубинецкая культура в ее классическом (III–II в. до н. э. – I в. н. э.) и позднем проявлениях в первые два века рассматриваемого тысячелетия, синхронные киевская и черняховская культуры в рамках его первой половины (III–V вв.). Таковые же колочинская и пеньковская – середины (V–VII вв.), вольтинско-роменская и салтово-маяцкая культуры – в его финальной четверти. Последние археологические культуры, будучи непосредственно предшествующими моменту образования древнерусского государства (середина IX в.), вместе с тем, во времени частично совпадают с этим процессом на раннем этапе становления Киевской Руси.

Памятники древнерусской культуры своим нижним хронологическим рубежом восходят к концу IX века, в то время как ее верхнюю границу знаменуют трагические события 30–40-х годов XIII в., вызванные нашествием новой волны кочевников, последствия которого были поистине катастрофическими как для населения древнерусского государства в целом, так и для обитателей Левобережной Украины – в частности.

Почти 150-летнее археологическое изучение славянских древностей² предоставило в распоряжение историков необходимые данные не только для выявления региональных особенностей поселений и могильников второй половины I – начала II тысячелетия н. э. и их общей этноплеменной атрибуции в пределах рассматриваемой территории, но и для реконструкции процесса восточнославянского расселения к северо-востоку и востоку от Среднего Поднепровья (Рис. 1; 134). Более того, картографирование древнерусских памятников позволяет реконструировать не только палеодемографическую ситуацию, но и динамику демографических процессов на основании данных, свидетельствующих о сравнительно более густой сети заселенности Левобережной Украины в исторических рамках существования Киевской Руси (Рис. 135), чем в предгосударственный период.

¹В 1823 г. чиновник при курском губернаторе А.А. Дмитриюков впервые предпринял раскопки курганной группы у с. Горналь. – См.: Дмитриюков А. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник РГО. СПб. 1854. Ч. II, кн. 4. С. 26–30. В конце 30-х гг. XIX в. по поручению харьковского губернатора В.В. Пассек осматривал курганы в Харьковской губернии В. В. Пассек – См.: Пассек В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // РИС. М. 1839. Т. III, кн. 2. С. 201–209.

²Последний обзор историографии см.: Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 5–12.

Рис. 1. Днепровское Левобережье в IX – XIII вв. : 1 – древнерусские поселения к востоку от Сулы; 2 – Тмутаракань; 3 – ареал роменской культуры; 4 – ареал салтово-маяцкой культуры; 5 – памятники боршевской культуры

Так, если для всей второй половины I тысячелетия известно свыше 250 пунктов с материалами этого периода, то лишь для временного отрезка с середины X в. до 30-х гг. XIII в. – около 170 поселений и могильников. При этом заслуживает внимания то обстоятельство, что более половины поселений на левом берегу Днепра имели укрепленный характер, как это конкретизировал М.П. Кучера в специально предпринятом исследовании городищ в границах современной территории Украины³. По сравнению с предшествующими памятниками волынцевско-роменской культуры, древности эпо-

³ Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VIII-XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. К. 1999. С. 114.

хи древнерусского государства распространены не только на более обширной территории, располагаясь в различных ландшафтных зонах Левобережного Поднепровья (Полесье и Лесостепь), но к концу XII в. их носители по островкам леса в поймах левобережных рек и речушек проникают в районы степного ландшафта, тем самым пополняя контингент полуоседлых «бродников».

Таким образом, мы вправе говорить о древнерусском заселении всей территории Днепровского Левобережья, включая сюда и его крайний северо-восточный регион, т. е. юго-восток Киевской Руси (Рис. 135). Так почему же несомненно сведущий и политически грамотный автор «Слова о полку Игореве», перечисляя «земли незнаемы»⁴ («Вльзь, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню»), неожиданно упоминает наряду с отдаленными Поморьем, Поволжьем, Крымом и Таманью совсем ближнее «Посулье»? Ведь не такой уж неизвестной для предводителей древнерусского войска, как и для обитателей южнорусских княжеств в целом, была и собственно Половецкая земля, пределы которой в широтном направлении ограничены правым берегом среднего течения Северского Донца, а в меридиональном — северной границей Степи с Лесостепью⁵. Во внутренние районы земли Половецкой неоднократно осуществляли свои победоносные походы русские князья во время Мономаха (первые десятилетия XII в.), видимо, не забыли об этих походах и его потомки. Не об этом ли прямо говорит Буй-Тур Всеволод князь трубчевский, называя своих курян — «свѣдоми къмети», которым «пути ... вѣдоми, яруги ... знаеми»?

Допустим, что эти знания были доступны не каждому воину, а находились в сфере компетенции военной и дипломатической разведок, одной из задач которых и является проработка путей проникновения на территорию противника. Но ведь заселенное древнерусскими земледельцами междуречье Сулы и Северского Донца уж никак нельзя признать таковым. Тем более, что этот регион к последней трети XII века, после длительного периода междоусобицы, был окончательно поделен и разграничен суверенами Переяславльской и Чернигово-Северской земель, между тем, как в состав древнерусского государства он был включен много ранее, еще первыми киевскими князьями. Казалось бы, речь должна была идти об исконно русской территории.

⁴ Здесь, думается, явно усматривается калька с латинского *terrae incognitae* — еще одно свидетельство незаурядной образованности все еще остающегося неидентифицированным творца эпического произведения.

⁵ Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж. 2003. Рис. 55.

В силу каких же обстоятельств и причин, обладавший немалыми историческими и географическими познаниями и, к тому же, достаточно искушенный в перипетиях современной ему внутриполитической борьбы, автор «Слова» поход чернигово-северских князей во главе с Игорем Святославичем новгород-северским за Сулу в направлении к Северскому Донцу воспевает как славный воинский подвиг? Упоминание в сюжете мифологического существа — «Дивь», позволяет исследователям предполагать и другой вариант объяснения — это всего лишь заимствование поэтической цитаты из произведения Бояна, посвященного событиям второй половины X — начала XI вв. Но являлось ли «Посулие» «землей неизвестной» именно в этот период или же такой статус сохранялся за ним и позже?

Было бы наивным полагать и беспримерной научной дерзостью утверждать, что в настоящее время можно предложить удовлетворяющее всех решение поставленного выше вопроса. Подобных вопросов автору «Слова о полку Игореве» можно задать не один десяток, точно также, как и предложить не меньшее количество гипотетических решений, но вряд ли они могут быть признанными в качестве истинных, будучи умозрительными конструкциями, которые только подливают масло в пламя научных дискуссий и способствуют росту библиографии. Так, например, только реестр названий монографий, статей и публикаций научного характера, посвященных истолкованию загадочных или не вполне понятных мест этого уникального образца светской древнерусской литературы, проблеме его авторства, самому «Слову» как эпическому произведению, наконец, ныне превышает 5000 позиций!

В предлагаемой вниманию читателя монографии автор делает попытку изложить свое видение истории славянского и древнерусского населения Сульско-Донецкого междуречья, опираясь при этом как на опыт и труды предшественников, так и на результаты своих исследований древнерусских памятников северо-востока Левобережной Украины.

Степень исследованности и введения в научный оборот археологических памятников региона, лежащего между р. Сулой и р. Северский Донец, заметно различается, отсюда несопоставима и их историческая информативность. Основное внимание в книге уделяется публикации материалов наиболее полно изученного на данный момент памятника региона — археологического комплекса позднероменских и древнерусских памятников близ с. Каменное в среднем течении р. Псел, который во второй половине 70-х годов

прошлого века на протяжении трех сезонов исследовался Левобережной славяно-русской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством автора этих строк.

В разное время в работах принимали участие ныне здравствующие сотрудники Института Р.С. Орлов, О.В. Пархоменко (Иченская) и безвременно ушедшие В.Д. Дяченко и П.М. Покас; а также тогда еще студенты-первокурсники исторического факультета Полтавского пединститута имени В.Г. Короленко, а ныне исследователи археологии Левобережной Украины – В.В. Приймак и А.Б. Супруненко; трагически погибшая В.А. Парня; в ту пору выпускник средней школы, а сейчас специалист по археологии Неаполя Скифского – А.Е. Пуздровский; несколько групп студентов-практикантов, руководимых преподавателем Полтавского пединститута С.П. Юренко (ныне доцент Киевского национального университета имени Тараса Шевченко).

Все они, точно так же, как и здесь персонально не поименованные участники экспедиции, способствовали ее успешной полевой и результативной камеральной работе. С глубоким уважением выражаю свою искреннюю признательность всем ее участникам. Не могу с благодарностью не упомянуть здесь пенсионера С.С. Стародубцева, потомственного землемера, производившего все необходимые геодезические работы на комплексе. И, конечно же, тепло вспоминается директор Сумского областного краеведческого музея Г.С. Долгин, внимательное и участливое отношение которого к конкретным бытовым и организационным нуждам экспедиции, проявленные во время работ по раскопкам памятников у с. Каменное, на долгие годы определило наше, смею надеяться, небесполезное сотрудничество.

Пользуюсь случаем, выражаю свою признательность научному редактору, рецензентам, а также коллегам из отдела древнерусской и средневековой археологии Института археологии НАН Украины, которые взяли на себя труд ознакомиться с рукописью данной работы; их ценные критические замечания и пожелания, конечно же, способствовали улучшению содержания и оформления ее в качестве книги. Персональное спасибо А.В. Комару за большую техническую помощь в оформлении этой монографии.

Особая благодарность – Светлане Павловне Юренко, супруге и коллеге, участнице многих экспедиционных сезонов, без повседневного внимания и заботы которой, без ее всесторонней помощи и поддержки, вряд ли смогла бы быть написана эта книга.

Глава I

ГОРОДИЩЕ И СЕЛИЩЕ У С. КАМЕННОЕ

I.1.1. Общая характеристика комплекса

Археологический комплекс близ с. Каменное Лебединского района Сумской области, известный еще по документам XVII в., в которых поселение упомянуто как «пригород каменный», был впервые включен в реестр древностей Харьковской губернии Филаретом Гумилевским¹. Памятники эти неоднократно обследовались: в начале XX в. В.Г. Ляскоронским, а в конце 1940-х годов Днепровской левобережной экспедицией Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР под руководством И.И. Ляпушкина². В 1971 г. городище осматривалось Левобережным отрядом Института археологии АН УССР (М.П. Кучера и О.В. Сухобоков)³.

В течение трех сезонов (1976–1978 гг.) силами Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР под руководством автора этих строк здесь производились работы с целью комплексного исследования всех его составляющих частей: на городище, селище и курганном могильнике⁴. Предварительно, перед началом работ был снят инструментальный план всего археологического комплекса при посредстве кипрегеля, что позволило уточнить расположение составляющих комплекс памятников относительно друг друга на местности и занимаемую ими площадь.

Вся отчетная полевая документация была передана на хранение в Научный архив Института археологии АН УССР; копии, согласно договоренности с отделами культуры Сумского обкома партии

¹Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. III. М. 1857. С. 530-534. 561-576.

²Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Труды XIII АС. М. 1907. Т.1. С. 168-169; Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. М.-Л., 1961. № 104. С. 256-258; Его же. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. М.-Л., 1968. № 152. С. 68.

³Кучера М. П., Сухобоков О. В. Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону ІА АН УРСР за 1971 р. // НА ІА НАНУ. № 1971/ 17а.

⁴Сухобоков О. В. и др. Отчет о работах Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР за 1976 г. // НА ІА НАНУ. № 1976/18; Сухобоков О. В. и др. Отчет о работах Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР в 1977–1978 гг. // НА ІА НАНУ. № 1977-1978/148.

и облисполкома, передавались в архив местного областного краеведческого музея, а массовый материал — на хранение в его фонды. Некоторые наиболее репрезентативные находки ныне выставлены в витринах постоянной экспозиции Сумского областного краеведческого музея. Результаты раскопок частично публиковались в различных научных изданиях⁵.

Комплекс археологических памятников с материалами славяно-древнерусской культуры IX–XIII вв. располагается на правом коренном берегу р. Псел, в прибрежной части юго-западной современной окраины села Каменное (урочище Городище) Лебединского района Сумской области. В его состав входят поселение, состоящее из двух частей, и курганный могильник (Рис. 2).

Поселение представлено укрепленной частью (городище), площадь которого ныне составляет 0,26 га, и обширным (до 10 га) неукрепленным участком плато, занятого открытой частью поселения — селищем, прилегающим к оборонительной линии с севера; его северная часть уходит под лес, в силу чего установить границы распространения культурных остатков в целом не представляется возможным.

Городище (Фото 1, 2; Рис. 3) расположено на мысовом останце берегового плато, образованном с востока и запада впадающими в долину реки Псел оврагами. Его площадка поднимается над летним уровнем воды на высоту от 22,0 до 28,0 м в наивысшей точке, с понижением к югу (Рис. 10, II). По сведениям И.И. Ляпушкина, некогда она, видимо, имела овальную форму. Однако состояние городища (в настоящее время оно подвержено интенсивному эрозионному разрушению, что особенно заметно на юго-восточном участке его площадки, и было отмечено в 1971 г. нашим с М.П. Кучерой обследованием), не позволяет говорить о какой-либо определенной геометрической форме.

К началу стационарных раскопок форму площадки городища, с некоторой натяжкой, можно определять как приближенную к полуовалу со следующими размерами: по длинной оси (линия ССВ–ЮЮЗ) 65 м и соответственно по короткой (В–З) до 40 м.

⁵Сухобоков О.В., Юренко С.П. Работы Левобережной славяно-русской экспедиции // АО 1976 г. М. 1977. С. 376-377; Сухобоков О.В., Иченская О.В., Орлов Р.С. Раскопки у с. Каменное // АО 1977. М. 1978. С. 387-388; Кучера М.П., Сухобоков О.В., Беляева С.А. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. К. 1984. С. 157-162; Дяченко В.Д., Покас П.М., Сухобоков О.В. Древнерусское население Левобережной Украины (по материалам могильника у с. Каменное) // Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины. К. 1984. С. 4-26; Сухобоков О. В. К характеристике могильника у с. Каменное // Проблемы археологии Сумщины. Суми, 1990. С. 98-104. Табл. XVIII–XXII и др.

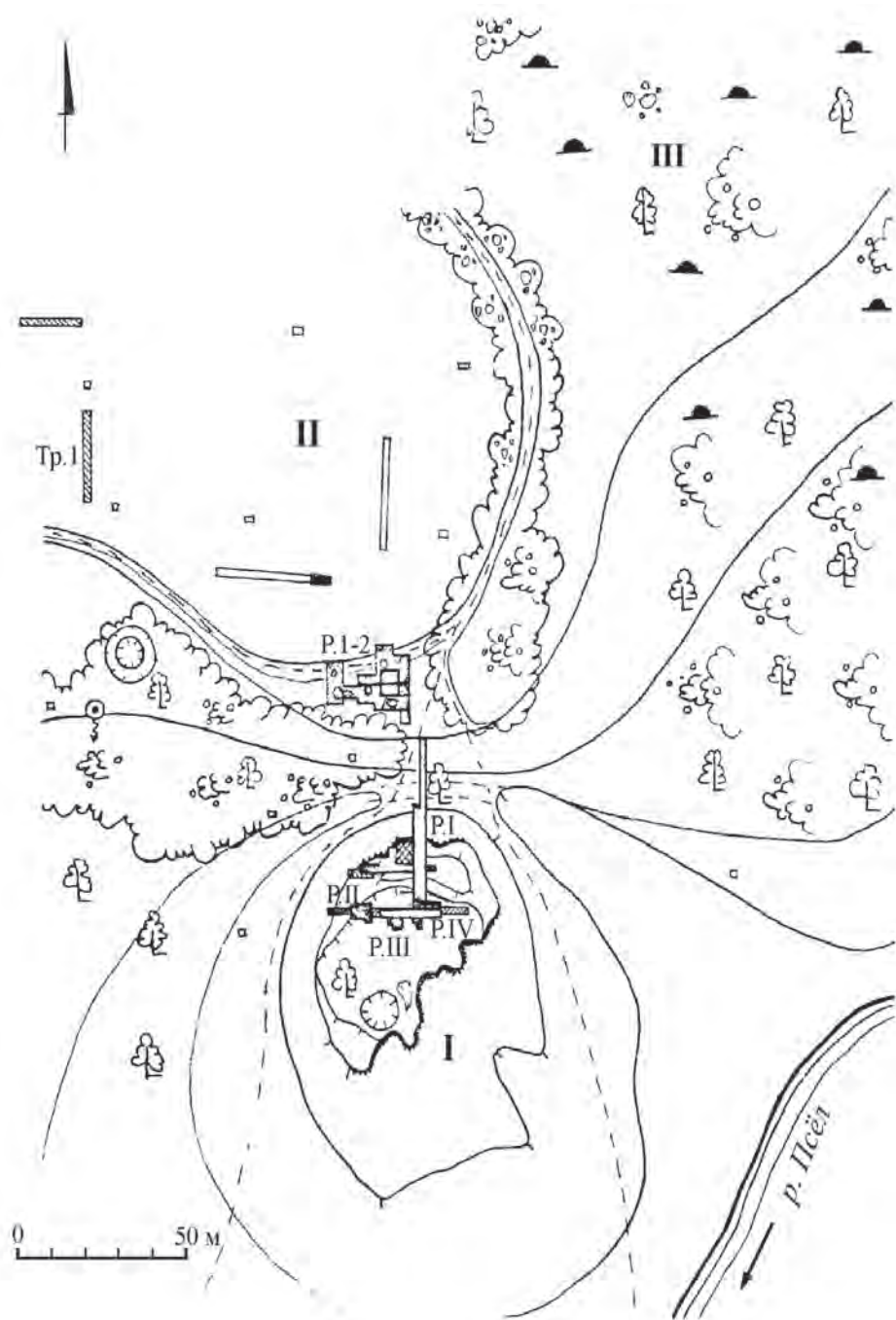

Рис. 2. Ситуационный план археологического комплекса памятников близ с. Каменное. I – городище; II – селище; III – могильник

Рис. 3. Каменное. Городище (вид с запада)

Поверхность городища задернована, поросла отдельно растущими деревьями (акация); на ее южном краю, во время существования поселения бывшим его центральной частью, прослеживается яма округлых очертаний (около 10 м в поперечнике, глубиной до 3,0 м), видимо, служившая резервуаром для сбора дождевой воды.

С напольной (северной) стороны площадка городища отрезана от плато, на котором находится неукрепленная часть поселения, ложбиной естественного происхождения (Рис. 4; 5). Она была искусственно углублена во время производства фортификационных работ, будучи таким образом преобразована в ров, в то время как выброшенный при этом грунт послужил основой для сооружения насыпи вала. Последний относится к валам так называемой кокошникоподобной формы⁶; его насыпь достигает высоты 5,7 м от дна рва. Наибольшая ширина последнего визуально определяется в 12 м при глубине около 4 м. По данным И.И. Ляпушкина, прово-

⁶Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X – XIII вв. // МИА. М. 1956. № 52. С. 28, 182.

Рис. 4. Вал и ров городища с северной стороны

дившего обследования городища в конце 40-х гг. минувшего века, высота насыпи вала составляла 5–7 м, а глубина рва – 6–7 м.

Такое разночтение в параметрах линии укреплений не находит какого-то логического объяснения, разве что в 1948 г. была допущена ошибка при обмерах, в чем известного своей дотошностью и педантичностью исследователя обвинить трудно. Остается допустить влияние эрозийных процессов и последствий глубокой вспашки территории селища (примерно с середины 1950-х гг.) с регулярным сезонным смывом пахотного чернозема, вместе с осадковыми водами в течение нескольких десятилетий заполнявшего ров. На основном высоком валу, а также на его значительно сниженных, частично сохранившихся на восточной и западной сторонах городища участках, видны остатки сильно заплывших окопов и, если принять во внимание смутные воспоминания владельцев близлежащих усадеб, следы самостоятельных раскопок «якогось вчителя з хлопцями чи не з Полтави»⁷.

⁷Как много позже стало известно, это был учитель истории из с. Кротенки Полтавской области Г.С. Гурский, вместе с участниками кружка исторического краеведения оставивший немало следов и на курганном могильнике. Видимо, на их совести лежит разрушение или повреждение от полутора до двух десятков курганов.

Рис. 5. Вал и ров городища с северо-западной стороны

Не исключено, что среди них могут быть и остатки незасыпанных шурфов И.И. Ляпушкина, который на основании полученных материалов определил культурно-хронологический облик городища как памятника с отложениями роменской и древнерусской культуры, соответственно суммарно датировав его рамками VIII–XIII вв.⁸

Ров и наиболее близко к нему расположенный край неукрепленной части поселения густо заросли кустарником. На расстоянии около 100 м к западу от городища на склоне западной балки находится родник. Предположительно, он существует на этом месте, по крайней мере, еще с конца первого тысячелетия н. э. и использовался обитателями поселения для повседневных нужд.

Участок плато, на котором расположено селище, поднимается на высоту 30–35,5 м от летнего уровня реки; его северная часть поросла густым широколиственным лесом и кустарником; край западной части плато занят усадьбами жителей хутора Городище, в незапамятные времена выселившихся из села. С востока к селищу примыкает могильник, северо-западная часть которого находится под лесом.

⁸Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. С. 256.

На распахиваемой под посеvy поверхности селища встречались довольно крупные обломки лепной и, преимущественно, гончарной посуды, костей животных, камней местного песчаника, выходы которого можно видеть в основании мыса, занятого городищем. На этих песчаниковых камнях иногда заметны следы обработки (от заточки каких-то острых и плоских предметов, вероятно, орудий труда). Культурные остатки относительно равномерно распространены на пахоте, местами проявляясь и на вскопанной поверхности усадебных огородов, как это можно было видеть на свободном от усадеб участке, расположенном западнее комплекса и к северу от леса, протяженном по линии В–З, площадь которого визуальнo определяется в 1800–2000 кв. м. Более точно установить размеры селища древнерусского времени, к сожалению, не представляется возможным.

В 140–160 м к северо-востоку от поселения на несколько понижающемся участке плато расположен курганный могильник площадью около 2,5 га, местами поросший отдельными деревьями и кустарником. На его поверхности плантажным плугом были проложены борозды под посадку саженцев дуба.

1.1.2. Особенности планировочной структуры

Археологический комплекс роменских и древнерусских древностей у с. Каменное по своей планировке не имеет принципиально существенных отличий от аналогичных синхронных поселений укрепленного характера на всей территории Киевской Руси, что в полной мере относится и к рассматриваемой территории.

При выборе места поселения, как известно, прежде всего руководствовались соображениями обеспечения безопасности, доступности источников воды и близости сельскохозяйственных угодий. По всем особенностям своего местоположения и условиям микро-рельефа рассматриваемый комплекс соответствует этим требованиям. Действительно, составляющие комплекс памятники расположены на плато высокого (свыше 30 м) правого берега р. Псел, при этом укрепленная часть поселения занимает обособленный останец выдающегося в пойму мыса, образованный впадающими в долину реки оврагами (с востока и запада) и отделяющийся от остальной части комплекса и самого плато естественной ложбиной с севера (Рис. 2; фото 1). Высота останца от подножия до самой вершины составляет 22–28 м, таким образом его площадка имеет естественный наклон к югу. Этот наклон в сторону долины по оси С–Ю

прослеживается и на плато, наивысшая точка которого фиксируется на территории могильника, где она достигает 35,2 м от летнего уровня воды (Рис. 10, I, II).

Площадка городища в древности, видимо, имела в плане овальную форму, что подтверждает, в частности, абрис плана его подножной части его на уровне прибрежной поверхности. Он, несмотря на конические выносы породы вследствие эрозийных процессов, указывает именно на изначально яйцевидную форму останца. Кстати, аналогичную форму имеет и городище Монастырище, которое традиционно относят к числу так называемых «болотных», что, вероятно, объясняется его расположением в месте слияния рек Ромен и Сулы, равно как и относительно небольшой высотой (до 5 м) площадки над заболоченной местностью, а также и намного более значительной степенью сползания останца в пойму и несравненно более широкой ложбиной, отделяющей его от плато коренного берега р. Сулы. Близки они и своими размерами⁹.

Наличие оврагов с восточной и западной сторон городища обеспечивало скрытный и доступный подход к реке, что в особенности относится к более узкому и глубокому из них, расположенному к востоку от городища. Протоптаные по их дну тропки, соединяющие полевую дорогу на плато и прибрежный участок, по-видимому, точно так же могли использоваться в древности, как и в настоящее время. Помимо этого, и поныне живой родничок находится на склоне плато неподалеку от начала западной балки; его сток делает дно оврага мокрым. Не исключено существование родника и в древнерусское время, что, конечно же, удовлетворяло потребности в питьевой воде без небезопасной необходимости спускаться к реке по воду.

Обрывающийся к берегу реки, протекающей непосредственно под городищем, южный край останца имеет крутой, почти отвесный склон с обнажениями выходов жирной глины бурого цвета, лежащей на твердых лессовидных породах, которые, в свою очередь, покоятся на отложениях рыхлого железистого песчаника; его конкреции довольно значительных размеров и сейчас можно видеть у подножия городища. Такая геологическая структура плато коренного берега является причиной того, что подпочвенные слои предматерикового суглинка и бурой глины имеют тенденцию к сползанию. Это в полной мере относится ко всей прибрежной части

⁹Комар А.В., Сухобоков О.В. Городище Монастырище и древнерусский Ромен: проблема преемственности. // Стародавній Коростень і слов'янські гради VIII – X ст. К. 2004. С. 159–173; Рис. 1.

Берег р. Псел. Дорога к городищу

Разрез вала городища. Рабочий момент. О.В.Сухобоков и С.П. Юренко

коренного плато, отступающей от современного русла на расстояние от 3–5 м до 15–35 м на протяжении до 3,0 км вверх и вниз по течению. Это делает весьма проблематичным использование прибрежных участков земли, находящихся в непосредственной близости от городища, для земледельческих надобностей, тем более, что примерно до середины, а то и конца мая в случае затяжной весны, они, со слов местных обитателей, пребывают под водой в результате весеннего половодья. Паводковые воды заливают и всю пойму, ширина которой здесь колеблется в пределах от 3 до 5–7 км, что также делает ограниченными, чтобы не сказать, сомнительными, возможности пойменного земледелия, не говоря уж об использовании незаливаемых весенними водами возвышенностей в речной долине для сколько-нибудь постоянного поселения.

В связи с этим, необычным выглядит утверждение А.В. Григорьева (со ссылкой на работы А.А. Узянова) о преимущественно открытом характере роменских поселений в пойме р. Тускарь, которые численно более чем на порядок превышают количество городищ¹⁰. Курское Посеймье, включающее в себя и поречье Тускари, вполне вписывается в зону лесостепи, и его водный режим по временам года в древности вряд ли существенно отличался от аналогичных условий бассейна среднего течения р. Псел, как мало ощутимы различия между ними и в настоящее время¹¹. Присущие им условия допускают наличие исключительно сезонных промысловых (рыболовецко-охотничьих, лесохимических, железодобывающих и пр.) или животноводческих станов временного характера, имевших место в бассейнах левых притоков Днепра еще в XIX в. и в начале XX в.¹² Использование на протяжении многих лет из сезона в сезон таких станов на всхолмлениях в пойме, зачастую во время паводков меняющих свою конфигурацию и требующих ежегодного возобновления построек, создает некоторую видимость стационарного селища¹³. По причинам производственной специфики и

¹⁰Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула. 2000. С. 54-56; См. также: Узянов А.А. Динамика заселения р. Тускарь (Диахронический анализ приуроченности поселений к различным этапам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М. 1985. С. 77-83;

¹¹Украина. Общий обзор // Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. М. 1969. С. 85; Гудзенко П.А. Сумська область. К. 1958. С. 6-19; Заставний Ф.Д. Географія України. Львів, 1994. С. 70-71. 77-78, 84-88, 87-91.

¹²Аристов М. Промышленность Древней Руси. СПб. 1866; Рождественская С.Б. Промыслы восточных славян // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М. 1987. С. 342-360.

¹³Возникает и закономерный вопрос: какой процент таких местонахождений исследован стационарными раскопками, ведь при помощи сборов керамики на поверхности характер селища установлен быть не может.

сезонности, на таких поселениях, конечно же, возведение сооружений оборонительного назначения представляется излишним, что вполне логично объясняет их открытый характер.

Роменских селищ, будь то сезонного или долговременного стационарного характера, ни в пойме р. Псел, ни в бассейнах соседних рек до сей поры, к сожалению, не обнаружено. Это делает бассейн р. Тускарь исключительным районом в ареале роменской культуры, что требует какого-то более аргументированного объяснения. Ни в коем случае не сомневаясь в высоком профессионализме названных авторов, все же не могу признать убедительными инвективы А.В. Григорьева против тезиса о роменских городищах как ведущем типе поселения у северянского населения предгосударственного периода¹⁴, который, очевидно, неприемлем для рассматриваемого здесь региона.

В свою очередь, позволю себе привести цитату из книги «Зайн ал-ахбар» хорасанского автора XI в. Гардизи, опирающуюся на труд саманидского везира в Средней Азии и Хорасане ал-Джайхани, написанный в 922 г. на основании более древних источников (VIII–IX вв.): «И у них есть обычай строить крепости. Несколько человек объединяются, чтобы строить укрепления, так как венгры на них постоянно совершают нападения и грабят их. Венгры приходят, а славяне запираются в эти укрепления, которые построили. Зимой большей частью они находятся в замках и крепостях, а летом в лесах»¹⁵. В этом отрывке недвусмысленно речь идет не только об обычае укреплять свои поселения, но и о причинах, побудивших к строительству оборонительных сооружений в IX–X вв. Да и в последующее время, в Киевской Руси укрепленный характер северянских поселений на территории Днепровского Левобережья, особенно на его беспокойной восточной окраине, сохраняет свое значение, хотя и не без определенных трансформаций социального и культурно-цивилизационного плана, что, тем не менее, нисколько не принимается во внимание вышеупомянутым оппонентом.

Вызывает, однако, недоумение, что, призывая «отказаться от тезиса о труднодоступности роменских поселков», А.В. Григорьев, в качестве примера максимального использования рельефа местности, («чтобы сократить объем необходимых работ») несколькими страницами ниже, приводит отнюдь не такие уж и легкодоступные останцовые и мысовые городища. Далее, при рассмотрении роменской фортификации он допускает некорректность, оперируя данны-

¹⁴Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С. 58-59.

¹⁵Цит. по: Новосельцев А.П. Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы 1998 г. М. 2000. С. 296-297.

ми раскопок Битицкого городища, которое, помимо того, что является хрестоматийным памятником волынцевского типа, остается и по сей день не менее труднодоступным со стороны долины реки в силу своей естественной защищенности. Можно было бы привести достаточно примеров подобных натяжек, но рецензирование книги уважаемого автора вовсе не входит в число задач данной работы, а цитированные избранные места здесь являются не более чем иллюстрацией уязвимости его системы аргументации, несвободной от передежек, терминологической путаницы и подмены понятий.

По моему убеждению, есть все основания утверждать, что городища роменской культуры, при строительстве которых максимально использовались особенности рельефа коренных берегов рек в виде выдающихся в пойму останцов и мысов прибрежных участков плато, являются ведущим типом поселенческой структуры северянского общества предгосударственного периода в целом, и для междуречья рек Сулы и Северского Донца в частности.

Это наблюдение справедливо и для поселений последующего древнерусского периода, когда факторы внутреннего развития северянского общества в сочетании с действием причин внешней опасности способствовали выработке компактной поселенческой структуры в виде комплекса, состоящего из городища, прилегающего к нему селища и близлежащего, в данном случае, курганного, могильника. Именно в качестве такого комплекса памятников разных категорий, на основании материалов раскопок и сделанных при этом наблюдений, и предстает позднероменско-древнерусское поселение у с. Каменное.

I.2. Городище

I.2.1. Исследования оборонительных сооружений

Археологические работы на городище имели главной целью исследование фортификационных сооружений, чтобы, по возможности, установить соотношение роменских и древнерусских строительных горизонтов для определения времени возникновения оборонительных конструкций, выяснения их структурных и хронологических особенностей в различные периоды существования жизни поселения. Для этого было необходимо разрезать оборонительную линию посредством поперечной траншеи. Разрез насыпи был заложен строго по оси С–Ю, шириной 4,0 м; его продолжением стала траншея поперек линии рва, ширина кото-

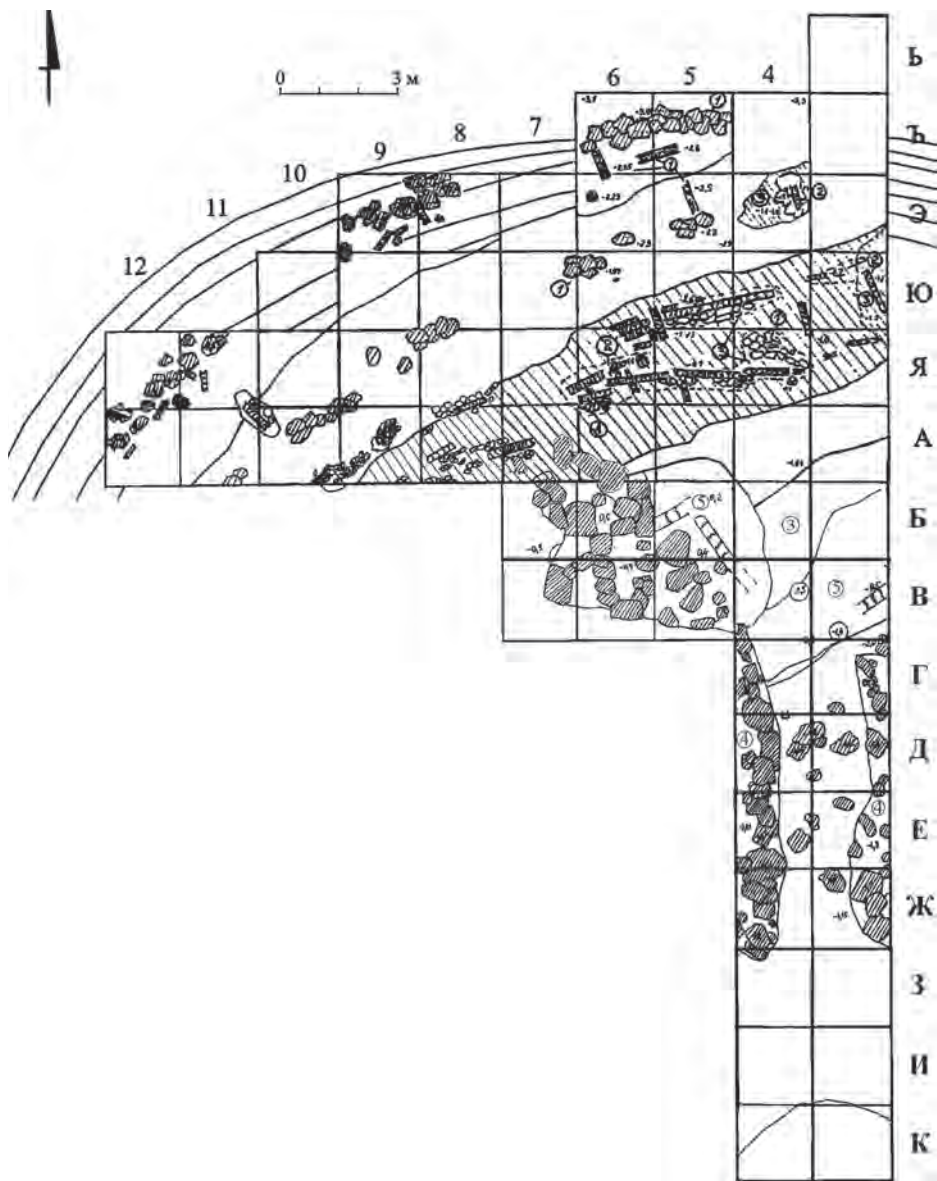

Рис. 6. Городище. Раскоп I. План конструкций оборонительной линии: 1 – камни; 2 – горелое дерево; 3 – обожженный суглинок вперемешку с золой и угольками; 4 – гумусированный слой темного цвета; 5 – скопление золы и углей

рой составила 2,0 м, а длина 22,0 м. Общая длина намеченного разреза насыпи и рва, таким образом, планировалась в 38 м (*Раскоп I*) (Рис. 6).

К западу от разреза по гребню, внутреннему склону насыпи и на прилегающем участке площадки была разбита сетка квадратов раскопа по оси В–3, длиной 16 м при ширине 4–12 м применительно к конфигурации поверхности местности. Однако, первоначально основное внимание было сосредоточено на работах по разрезу линии укреплений, что, в свою очередь, требовало исследования стратиграфии насыпи.

Насыпной грунт в своей верхней части был представлен лессовидным суглинком со значительным содержанием чернозема, комьев светлой и бурой глины, и отдельными скоплениями золы и угля, в ряде мест образующими протяженные прослойки различной мощности и плотности, в которых иногда просматривались сохранившие свою структуру остатки сгоревшего дерева (Рис. 7; 8). Зачастую они ниже или выше по вертикали сопровождалась прослойками обожженной докрасна глины. В некоторых случаях остатки деревянных конструкций были представлены различной толщины прослойками древесного тлена. В основании насыпи с внутренней стороны (на площадке городища) отмечена вымостка из крупных обломков песчаника, иногда достигающих весьма значительных размеров (0,35–0,5 × 0,2–0,3 × 0,3–0,5 м). Аналогичные аморфные обломки камня во взвешенном состоянии были зафиксированы и в ходе раскопок рва, основательно поврежденного немеченной при осмотре имевшейся здесь огневой точкой периода Великой Отечественной войны, которая, вероятно, была разрушена прямым попаданием бомбы или снаряда (найденны обломки искореженного щитка и колесо пулемета системы «Максим», пулеметные ленты, винтовочные стволы и патроны, осколки снарядов и т.п.).

В обоих профилях (восточной и западной стенок) разреза насыпи вала хорошо прослеживаются досыпки, вероятно, связанные с какими-то этапами возведения оборонительной линии (Рис. 10, III). Во всех слоях досыпок присутствует керамика, при этом в тех из них, которые расположены выше, отмечается превалирование фрагментов посуды древнерусского времени. Обломки роменских горшков представлены как в нижележащих, так и в верхних горизонтах, даже непосредственно под дерном. Именно под дерновым слоем, на глубине 0,2 м в верхней части, т. е., на гребне вала (кв. В/3), был най-

Рис. 7. Городище. Раскоп I. Горелые срубные конструкции в насыпи вала

ден крест-мошевик. Две бронзовые нательные иконки XIII в. были соответственно обнаружены в кв. Б/3 и Б/4 на глубинах 0,8 и 0,6 м. Данные факты здесь приведены в качестве иллюстрации стратиграфической непоследовательности в порядке залегания культурных напластований.

Основу первоначальной насыпи составлял слой темного гумусированного грунта (мощностью от 1,6 до 2 м, ширина в основании до 4,2 м), несомненно выбранный в процессе копания рва из верхней части естественной ложбины (слой 1а). С напольной и внутренней стороны основание вала было подсыпано мешанным суглинком с гумусными прослойками (слой 2) и гумусированным суглинком (слой 3) с прослойками лессовидного суглинка (слой 4). Ширина такого вала составила 4,6–6 м при высоте 2 м (или первоначально выше). На внешнем его склоне успела образоваться гумусная прослойка (слой 1), свидетельствующая о периоде задерновки. Позже насыпь была перекрыта слоем лессовидного суглинка светло-желтого цвета (до 1 м) (слой 4), перекрытого мощным слоем гумусированного темно-бурого суглинка (слой 3), толщина которого местами достигала 0,8–1,4 м. Выше него лежал дерновый слой (0,2–0,3 м).

Составлявший основу вала грунт (слои 1а, 3, 4), вероятнее всего, был извлечен из ложбины, отделяющей мыс от остального плато, и в которой позднее был выкопан ров. Выброшенный

Рис. 8. Городище. Раскоп I. Горелые деревянные конструкции в насыпи вала из рва грунт был насыпан на погребенную почву (чернозем), в слое которой практически отсутствовали какие бы то ни было культурные остатки. Единичные фрагменты роменской керамики изредка встречались на уровне поверхности погребенного чернозема, скрытого слоем темно-бурой гумусированной почвы поверх него. С внешней и внутренней сторон основы вала видны слоистые подсыпки, содержащие на втором этапе бессистемно чередующиеся прослойки угля, золы и обожженной глины (Рис. 11); в ряде случаев уголь сохранял структуру сторевшего

Рис. 9. Городище. Раскоп I. Остатки горелых столбов в основании насыпи вала

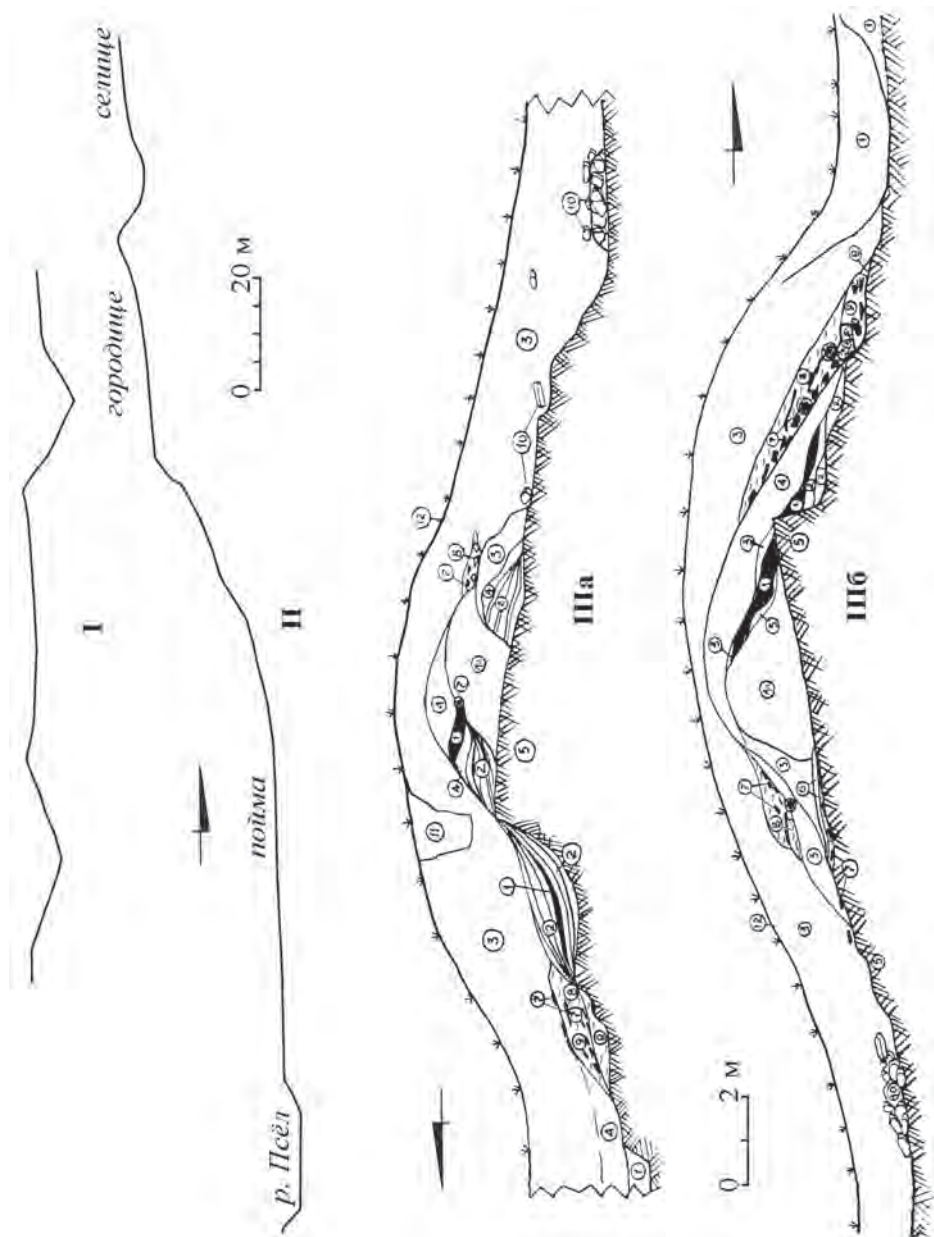

Рис. 10. Профили городища: I – по линии запад-восток; II – по линии север-юг; III – Разрез линии оборонительных сооружений: 1 – гумусированный темный слой; 2 – отложения слоистой структуры (прослойки глины, суглинка, гумуса); 3 – гумусированный суглинок; 4 – лесовидный суглинок в теле насыпи; 5 – материковый суглинок; 6 – зола; 7 – уголь (плахи, бревна); 8 – обожженная глина; 9 – обожженный суглинок; 10 – камни (песчаник); 11 – яма-перекоп; 12 – дерновый слой

дерева (Рис. 7), что особенно хорошо фиксировалось в западном профиле разреза. Аналогичная картина отмечена и на двух уступах, специально устроенных путем подрезки материкового грунта с напольной стороны площадки городища (Рис. 8), а также и по внешнему склону вала, точно так же, как и в верхних горизонтах заполнения рва, прослеживаемых непосредственно у подножия оборонительной стены.

Рис. 11. Городище. Разрез рва. Западная стенка

В ходе раскопок удалось предварительно установить параметры напольной линии укреплений. Ширина образовавшейся в момент развала дерево-земляных конструкций подошвы составляла 19,2 м, а ширина рва после заплывания — 8,2–10 м. Реальная максимальная ширина основания вала достигала всего 7,2 м, а рва (вместе со своеобразной уступчатой бермой) — до 13,2 м; наибольшая высота насыпи вала со дна рва — 5,7 м, при глубине последнего от уровня погребенного горизонта (под первоначальной подсыпкой) 1,5–1,8 м¹⁶. Профиль рва имел подтрапециевидную

¹⁶Следует отметить, что в более ранних публикациях (см.: Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII – XIII ст. К. 1992. С. 163-166) приводились иные параметры остатков фортификационных сооружений, уточненные в процессе интерпретации полевых данных.

форму, с горизонтальным дном, ширина которого составила около 4 м.

Для лучшего уяснения характера дерево-земляных конструкций, к западной стенке разреза оборонительной линии, на наиболее высокой площадке вала была заложена поисковая траншея длиной 16 м и шириной от 4-х до 12 м применительно к конфигурации насыпи. Здесь насыпь на разных участках была снята на глубину от 2,6 до 3,2 м (на внешнем склоне). На стороне насыпи, обращенной внутрь городища, и прилегающем к ней участке грунт был снят на глубину от 1,5–1,7 до 2,0 м. При этом в теле собственно вала, в темно-буром гумусированном, лежащем на светло-желтом суглинке, грунте, отчетливо просматривались прослойки чернозема, перемежающиеся с золисто-углистыми пластами, в которых местами были видны остатки сохранившего свою форму дерева, заключенного в слое обожженной глины.

На различных глубинах в насыпи на северном участке прирезки встречались крупные камни рыхлого песчаника; некоторые из них образовывали скопления в виде вымосток, назначение которых, за исключением расположенной у подошвы с внутренней стороны, представляется не вполне понятным. Одна из них была расчищена в кв. ХЭ/5 – 6 на глубине 1,3 м от поверхности; составляющие ее камни лежали параллельно по отношению к длинной оси вала. Параллельно вымостке, но на глубине 2,8 м выявлены остатки сгоревшего бревна, перпендикулярно которому на отметке 2,95 м лежал еще один обломок, обгоревший и частично сгнивший. Неподалеку от него (0,45 м) к югу зафиксированы следы сгоревшего стояка на глубине 2,25 м. Аналогичное размещение сгоревших и истлевших деревянных конструкций и скоплений камня отмечается на центральном участке раскопа на глубинах от 0,9 до 1,6 м.

Таким образом, можно говорить, по крайней мере, о двух горизонтах залегания строительных остатков, представленных разной толщины пластами угля и золы с сопутствующими прослойками обожженной докрасна глины, протяженностью 0,9–3,2 м, иногда пересекающимися перпендикулярными первым аналогичными пластами либо на том же уровне, либо на выше- и нижележащих горизонтах, с различными отметками их глубины от поверхности. Безусловно, к строительным остаткам следует отнести прослеживаемые в северных квадратах раскопа следы сгнивших стояков, расставленных по длинной оси насыпи, диаметр ямок от которых составляет 0,2–0,4 м, Вдоль выявленных древесных остатков про-

слеживается золисто-углистый слой, дополняемый скоплениями горелой глины, ширина которых иногда достигает 2,0 м и более; максимальная толщина глиняных слоев чаще всего равняется толщине сгоревшего дерева, не превышая при этом 0,4 м.

Расположение остатков деревянных конструкций, сохраняющих определенный порядок вдоль длинной оси насыпи, дает основания видеть в них элементы клетевой (срубной) системы оборонительных сооружений, характерного элемента древнерусского военного зодчества. Очевидно, угол такого сруба, заполнение которого составляли чередующиеся слои темно-бурого и светло-желтого суглинка с редкими находками обломков лепной роменской и гончарной древнерусской посуды, удалось расчистить в прирезке на центральном участке раскопа.

Для исследования западной части вала по периметру городища был заложен разрез в виде траншеи, преобразованный после прирезок в *Раскоп II* (Рис. 12). А после прирезок к северу и югу крайний западный участок *Раскопа II* был развернут в отдельный *Раскоп III* (ЛС/1 – 3/5 – 8/18 – 19) (Рис. 24).

При этом была получена стратиграфия насыпи вала на западной стороне площадки городища, образовавшейся как результат

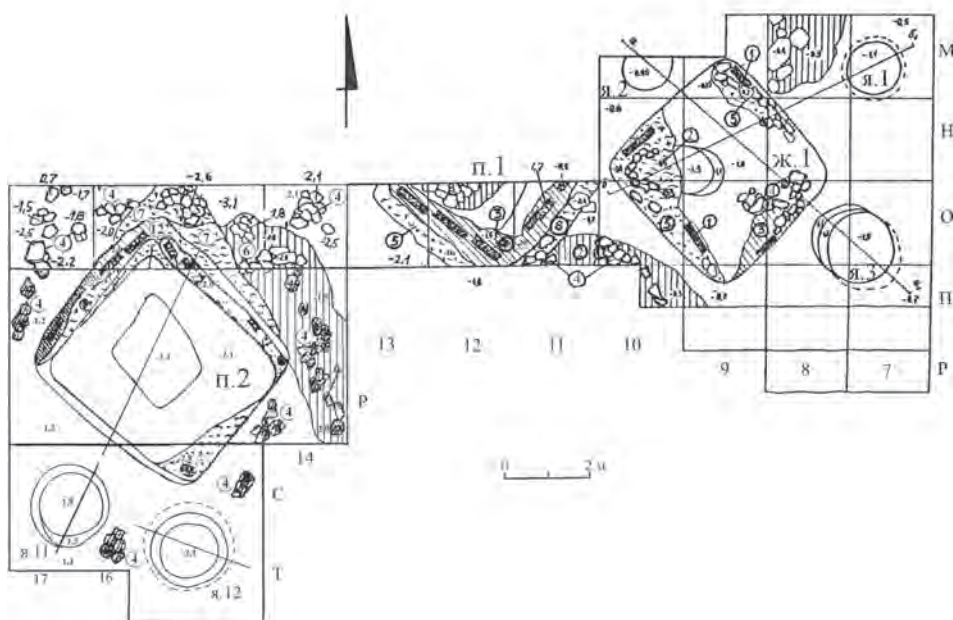

Рис. 12. Городище. План Раскопа II: 1 – горелое дерево; 2 – гумусированный слой; 3 – обожженная глина; 4 – камни; 5 – золисто-угольные скопления; 6 – зола

разрушения оборонительной стены по его периметру (Рис. 13). Максимальная высота вала здесь достигала 3,1 м, а ширина подошвы – до 11,45 м. Стратиграфия насыпи весьма сходна с картиной напластований на восточном участке раскопа (см. ниже); она состояла из: дернового слоя (0,2 м), слоя светлой глины с зольными включениями (от 0,4 до 0,7 м), слоя темно-бурой комковатой глины с углистой линзой (от 0,2 до 0,55 м), пласта чернозема (0,2–0,6 м), слоя светлой глины вперемешку с черноземом и скоплениями угля

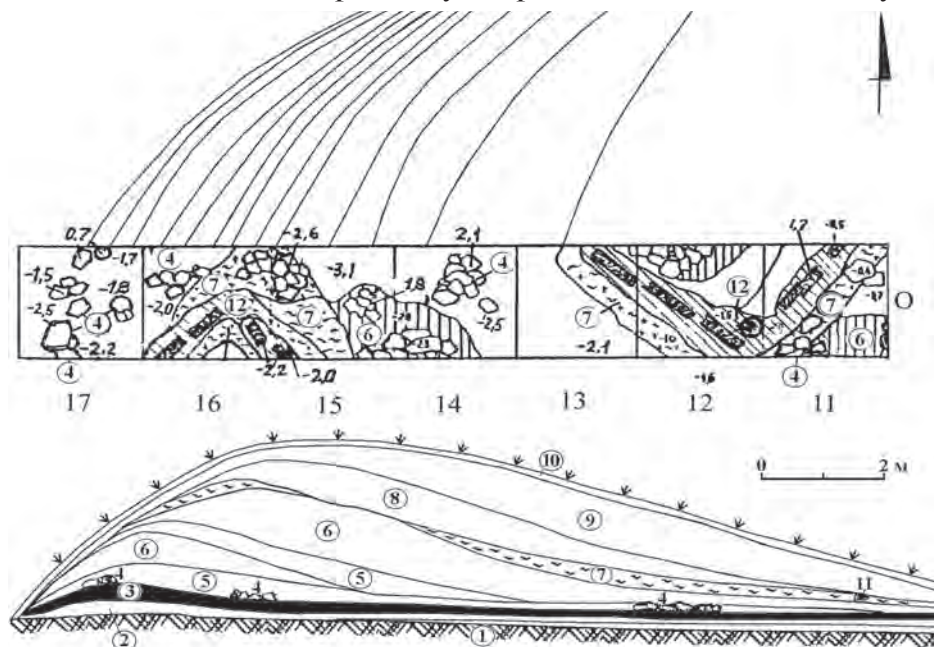

Рис. 13. Городище. Раскоп II. Разрез вала: 1 – материковый лесс; 2 – предматериковый суглинок; 3 – погребенный чернозем; 4 – камни; 5 – светлая глина с черноземом; 6 – чернозем; 7 – золисто-углистый слой; 8 – темно-бурая глина; 9 – бурая глина с золой; 10 – дерновый слой; 11 – горелое дерево

(0,25–0,35 м), слоя погребенного чернозема (0,25–0,3 м), ниже которого залегал предматериковый суглинок (0,1–0,15 м).

Кроме того, в основании насыпи как с внутренней, так и с внешней стороны, отмечалось наличие крупных камней песчаника (0,6 × 0,5 × 0,4 м), единичных и в виде небольших скоплений (по 3–7), залегавших на глубинах от 1,0 до 2,4–2,6 м. Обращает на себя внимание и скопление очень крупных камней, расчищенное на крайнем северном участке *Раскопа II* (Рис. 14); его размеры: по длинной оси – 3,85 м, а по короткой – от 0,3 до 0,6 м. Расположение этого скопления параллельно длинной оси насыпи вала позволяет

усматривать в этом какое-то конструктивное назначение, каковым, например, могло быть предохранение вала от возможного оползания, точно также, как это было устроено и с внутренней стороны.

Каменные скопления прослеживались и на западном участке *Раскопа II*, непосредственно примыкавшем к невысокой насыпи периферийного вала по западному краю площадки городища, будучи расчищенными на отметке 0,95 м под углисто-золистой линзой с перемежающимися слоями обожженной докрасна глины (толщина от 0,15 до 0,25 м) (Рис. 14). По обеим сторонам насыпи фиксировались зольные и угольные пласты толщиной 0,1–0,15 м, в некоторых местах сохранившие естественную структуру дерева, а на внутренней стороне у подошвы – также фрагмент сгоревшего бревна. В последних логично видеть остатки сгоревших деревянных конструкций от оборонительной стены, которая по мощности значительно уступала сооружениям основного (напольного) вала.

Одно целое помещение, вероятно, жилого назначения и углы от еще двух, предположительно, таковых же построек были раскопаны в примыкающей к центру с юга прирезке раскопа с глубины 0,6–0,8 м. Поблизости было выявлено несколько хозяйственных ям различной конфигурации. Значительное количество подобных сооружений расчищено в восточной прирезке (*Раскоп III*), концентрация которых на площадке городища является беспрецедентной

Рис. 14. Городище. Раскоп II. Каменная вымостка в основании насыпи вала с внешней стороны

и нуждается в каких-то объяснениях, наиболее естественным из которых будет предположение об использовании этих ям в качестве хранилищ припасов на случай форс-мажорной ситуации (Рис. 24).

Ближе к центру площадки на этом участке прирезки удалось расчистить несколько хозяйственных ям и остатки предположительно внутривальных помещений. В слое над ними во взвешенном состоянии встречались отдельные аморфные камни песчаника, угольки, обломки лепной и гончарной посуды, причем отмечается преобладание древнерусской керамики.

Помещение 1. Исследовано частично. Обнаружено в кв. ОП/11 – 13 на глубине 1,5–1,7 м под мощным золистым слоем. Ориентировано углами по сторонам света. Вдоль расчищенных стен прослежены остатки сгоревших плах в виде угольного скопления протяженностью до 3 м. Возле юго-западной стенки помещения располагалось скопление камней.

Помещение 2. В виде образующего угол пятна с темным заполнением было выявлено в поисковой траншее 1976 г. в кв. П-Т/13-17 на глубине 1,7–1,8 м, где оно перекрывалось толстым (0,2 м) слоем золы и пластом обожженной глины. После прирезки и преобразования ее в раскоп выяснилось, что строение ориентировано углами по сторонам света и имеет прямоугольную в плане, несколько вытянутую по линии СЗ–ЮВ, форму размерами 6,3 × 4,45 м (Рис. 15).

В подножии всех четырех стен помещения прослеживались скопления золы и угля в сочетании с пережженной глиной, в которых иногда были заключены остатки деревянных конструкций в виде различной степени обгоревших и затем истлевших бревен и протяженных скоплений угля, сохранивших древесную структуру. При этом в южном и восточном углах были расчищены ямки от стояков, вкопанных на 0,3 м ниже уровня пола, лежавшего на глубине 2,05–2,1 м с некоторым наклоном к югу. Диаметр столбовых ямок не превышал 0,35 м; на дне обнаружены следы древесного тлена.

Вдоль северо-восточной и северо-западной стен на глубине 1,95–2,0 м покоился слой обожженной глины шириной от 0,25 до 0,75 м, при расчистке которого и обнаружились остатки горелых бревен. В центральной части помещения в полу оконтурилось углубление (0,1–0,2 м) неправильной, но близкой к конфигурации постройки форме, размерами 2,8 × 3,15 × 2,7 × 3,25 м, о назначении которого судить затруднительно, точно также, как и о характере самого помещения, ввиду того, что при раскопках не было найдено никаких предметов, позволяющих предполагать, для каких надобностей оно служило.

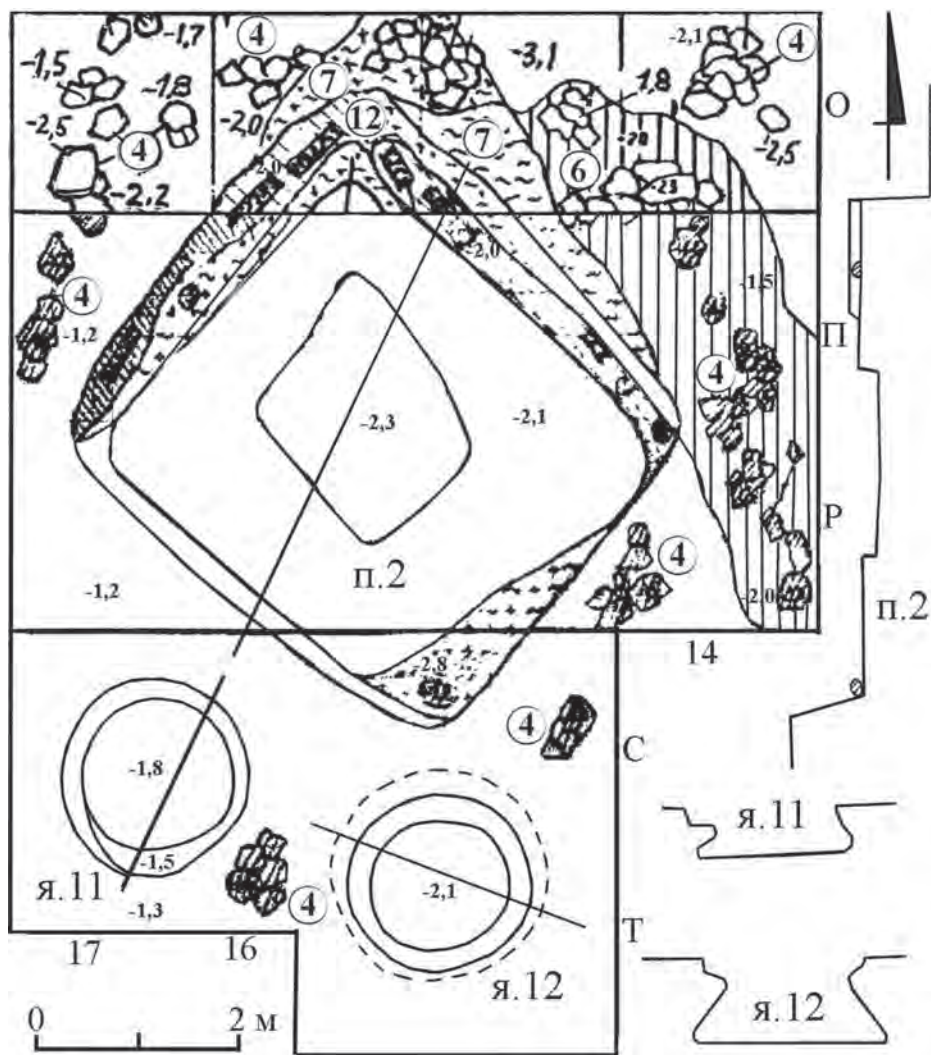

Рис. 15. Городище. Раскоп II. План помещения 2

Вместе с тем, отсутствие следов отопительного устройства наряду с незначительным количеством керамики в заполнении, дают основания допускать определенную связь помещения с оборонительными сооружениями, например, в качестве незаполненного грунтом сруба (так называемые пустые клетки) для хранения инвентаря, боевых средств для отражения неприятеля, продуктов и пр.

Вокруг помещения 2 в ходе раскопок в золисто-углистом (на северном участке) и в гумусированном (с юга) слоях на различных глубинах от 0,5 до 2,0–2,6 м фиксировались камни песчаника, лежащие без какого либо видимого порядка. Можно допускать, что

при сооружении данной постройки, вписывающейся с внутренней стороны в основание напольного вала, была просто нарушена каменная вымостка — крепида его подошвы.

Несколько иная картина обнаружилась на восточном краю площадки городища, где также на поверхности было заметно невысокое валообразное возвышение, в котором после раскопок можно видеть остатки оборонительных сооружений. Здесь по линии В—З была проложена траншея, шириной 4,0 м и длиной 10 м, в полевой документации получившая индекс *Раскоп IV* (кв. МН/30-40). Таким образом этот раскоп, как и западный, является продолжением преобразованной в *Раскоп II* траншеи 1976 г., заложенной перпендикулярно *Раскопу I* (линия укреплений с напольной стороны). Здесь также на глубине 1,5 м от наивысшей точки поверхности (кв. М/32) в насыпи прослеживались три линии скопления камней песчаника, выложенных на погребенном черноземе параллельно оси насыпи в направлении с севера на юг. При этом на восточном участке удалось четко проследить стратиграфию указанного валообразного возвышения, которое, по-видимому, является ничем иным, как остатками разрушенной оборонительной стены, воздвигнутой по периметру городища (Рис. 16).

Максимальная высота насыпи в месте разреза на *Раскопе IV* достигала около 3,2 м. Ее тело состояло из: дернового слоя (0,15–0,2 м); бурой комковатой глины с тонкими прослойками золы (0,35 м); слоистой темно-бурой глины (0,4 м); мощного слоя чернозема (1,4 м); выброса глины светло-желтого цвета (0,3 м); прослойки чернозема вперемешку с комьями темно-бурой глины (0,15 м); слоя светло-желтой глины (0,3 м); скопления песчаника (0,3 м); слоя погребенного чернозема (0,2 м), ниже которого лежал предматериковый суглинок. При этом ширина основания стены вала по периметру городища в момент ее возведения составляла около 5,0 м, а после ее развала достигала 10,2 м. Остатков деревянных сооружений на этом участке зафиксировано не было, однако на их существование как будто бы указывают золисто-угольные слои, наибольшая мощность которых отмечена в кв. МН/33-35 с внутренней стороны. Вероятно, есть определенные основания говорить о какой-то конструктивной связи каменных вымосток (Рис. 17) с несомненно имевшими здесь место деревянными конструкциями.

В раскопах на восточном участке площадки городища не было обнаружено каких-либо следов жилых или хозяйственных построек. Объяснить это, видимо, можно особенностями микрорельефа на этом участке, а именно соседством с более широкой балкой, по-

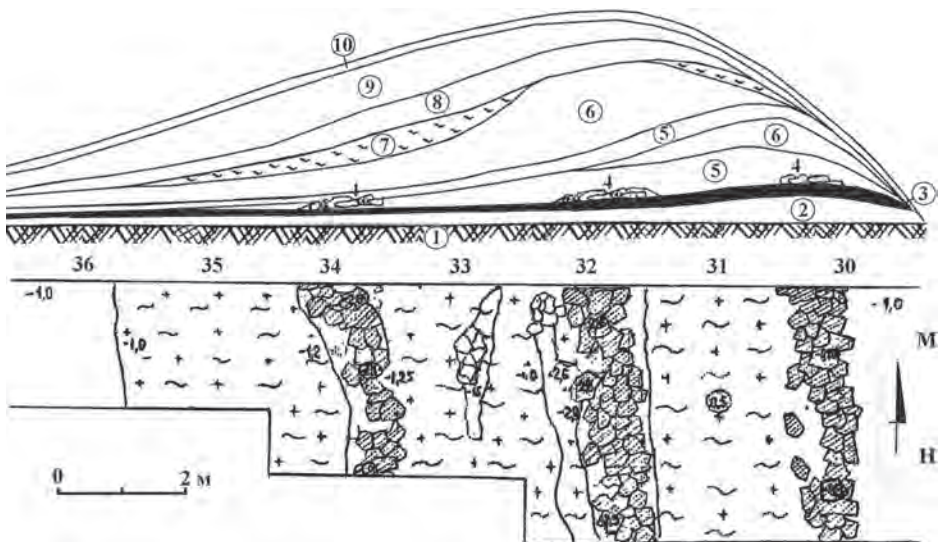

Рис. 16. Городище. Раскоп IV. Разрез вала: 1 – материковый лесс; 2 – пред-материковый суглинок; 3 – погребенный чернозем; 4 – камни; 5 – светлая глина с черноземом; 6 – чернозем; 7 – золисто-углистый слой; 8 – темно-бурая глина; 9 – бурая глина с золой; 10 – дерновый слой

Рис. 17. Городище. Раскоп IV. Каменная вымостка в основании насыпи вала с внешней стороны

логие склоны которой плавно поднимаются, перетекая в близлежащую часть плато. С этой, восточной, стороны подходы к городищу, не в пример западной стороне, где склон круто обрывается вниз в более обрывистый и глубокий овраг, оказываются доступнее. Поэтому, видимо для лучшего просмотра местности с востока, эта часть площадки городища была преднамеренно оставлена свободной от застройки.

К сожалению, разрушенная южная часть площадки городища не позволяет определенно судить о наличии здесь в древности каких либо дерево-земляных конструкций, хотя наблюдения напластований в профилях западного (*Раскон II*) и восточного (*Раскон IV*) участков валообразной насыпи по периметру и дают некоторые основания для этого.

Зафиксированные в профиле стенок разреза оборонительной линии основного вала с напольной стороны, а также в плане отложений в *Расконе II*, с учетом результатов раскопок на других сторонах площадки городища, позволяют говорить, по крайней мере, об остатках двух строительных горизонтов. Один из них залегает на глубинах от 0,9 до 1,25–1,4 м, а другой – в диапазоне 1,4–1,6 – 2,2 м. Соответственно этому, в культурных остатках древнерусская керамика преобладает в первом из них, дополняемая небольшим количеством лепной (до отметки 1,4 м), в то время как во втором горизонте количественное преимущество принадлежит обломкам роменской посуды.

Исходя из этого, в дальнейшем изложении эти два хронологически протяженных строительных этапа будут условно именоваться соответственно двум культурно-историческим периодам, «роменским» («предгосударственным») и «древнерусским». Безусловно, эти два строительных горизонта не в полной мере отражают действительную историю строительства оборонительных сооружений: конечно же, в каждом из них были какие-то периоды ремонтных работ, о чем свидетельствуют следы истлевшего дерева, наложение ямок от столбов одна на другую, совместное залегание слоев древесного тлена и угольно-золистых прослоек и т.п. Определить же хронологию этих, если можно так выразиться, интервалов текущего ремонта в рамках названных выше исторических периодов в настоящее время представляется крайне затруднительным по причине отсутствия четко датирующих находок, исключая, конечно же, сопутствующие керамические остатки.

1.2.2. Фортификация

По характеру местоположения городище относится к мысовым (останцовым) с планировкой укреплений в соответствии с рельефом. Это один из наиболее простых типов укрепленных поселений, вся фортификационная система которых состоит из одной оборонительной линии, защищающей городище с уязвимых сторон¹⁷.

В данном случае укрепления были возведены не только с напольной (северной) стороны в виде оборонительной стены и рва перед ней, но и с применением эскарпирования западных и восточных склонов останца. Как отмечалось выше, южная часть площадки городища разрушена эрозией. Поэтому говорить о наличии здесь эскарпа можно лишь предположительно: естественная крутизна почти отвесного южного склона как будто бы дает возможность допускать его отсутствие, что вряд ли имело место в древности: трудно представить, что строители могли оставить незавершенной оборонительную линию.

Над подрезанными склонами по периметру площадки первоначально, по-видимому, возвышалась стена, либо в виде двухрядного частокола, либо в виде горизонтально уложенных бревен, закрепленных при посредстве парных стояков. При этом, сообразуясь с крутизной и кривизной поверхности, вполне вероятно допустить применение обоих приемов. В частности, на применение первого из них может указывать наличие двух параллельных рядов ямок от столбов (диаметр 0,2–0,4 м, при глубине от 0,5 до 0,7 м; в заполнении – единичные обломки роменской керамики), вкопанных в первоначальную подсыпку разнородного пестроцветного грунта, выброшенного при сооружении рва.

До нас дошли некоторые свидетельства арабских авторов, использовавших географические сочинения более ранних писателей, повествовавших о фортификационном строительстве у славянского населения. В сочинении ал-Бекри сохранился отрывок воспоминаний еврейского путешественника Ибрагима ибн Якуба, посетившего около 965 г. земли западных славян. Описывая город ободритов «Аззан», ибн Якуб делает отступление о принципах славянской фортификации: «И таким образом строят Славяне большую часть своих крепостей: они направляются к лугам, обильным водами и

¹⁷Раппопорт П.А. О типологии древнерусских поселений // КСИИМК. М. 1967. Вып. 110. С. 14; Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX – середины XIII вв.: Методика исследования // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья в I тыс. н. э. Воронеж. 1983. С. 21-42.

камышем, и обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости и по величине ее. И выкапывают вокруг него ров, и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши ее досками и сваями на подобие битой земли [у Ф. Вестберга — Stampfbau — *О.С.*], покуда стена не дойдет до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, а к ней приходят по деревянному мосту»¹⁸. Как видим, в сюжете повествуется о применяемых славянами приемах возведения укреплений, в описании которых при малой толике воображения нетрудно видеть не только технологию самого процесса, но и последовательность конструктивных этапов строительства основных элементов оборонительных сооружений, поразительно сходную с описанной выше (ров, подсыпка выброшенным из рва грунтом, стена из бревен, сваи-стояки).

Именно таковы укрепления Опошнянского городища, роменская оборонительная линия на Донецком городище; такова же и система ранних укреплений в урочище Городок на детинце древнерусского Путивля¹⁹.

В Каменном ров был прокопан в месте естественной ложбинки, отделяющей останец от остальной части плато; ширину ее в древности ныне установить не представляется возможным. Выброшенный при этом материковый лесс, предматериковый и почвенный грунт составили основу первоначальной подсыпки (длина в основании около 5,2 м при высоте 1,6–2 м), лежащей на погребенном черноземе. С внешней и внутренней сторон подсыпки в ее основании на погребенный слой почвы без видимой системы были уложены крупные (0,3 × 0,4–0,5 × 0,4 м) камни из местного рыхлого железистого песчаника, которые как бы ограничивали ее, отступив от края почти отвесной подрезки этого участка северного склона на 1,5–1,8 м. Эта своеобразная берма затем была засыпана грунтом, взятым с площадки и из рва при его углублении во время реконструкции.

Если назначение каменной вымостки с внутренней стороны насыпи вполне определенно можно связывать с необходимостью

¹⁸Куник А.А., Розен В.Р. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб. 1878. Ч. 1. С. 48; Вестберг Ф. Комментарий на записку Ибрагима ибн Якуба о славянах. СПб. 1903. С. 23–24.

¹⁹Сухобоков О.В., Юренко С.П. Опошнянское городище (по материалам археологических исследований 1975 г.). Полтава. 1995; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков. 1962. С. 300–301; Сухобоков О.В. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж. 1991. С. 70; Рис. 3, А.

предохранения ее от оплывания²⁰, то наличие камней в заполнении рва соображениями конструктивного порядка объяснить сложно. Утверждать, что они сползли из вымостки с внешней стороны насыпи, трудно по причине достаточно большого расстояния, отделяющего скопления камней от края рва. Использование камней как панцирной обкладки склонов рва и вала принципиально не характерно для славянских и древнерусских городищ VIII–XIII вв. на территории Днепровского Левобережья²¹, за исключением его крайнего северо-востока, где на славянских поселениях в бассейне Северского Донца отмечается влияние салтовских традиций фортификационного строительства²².

Уровень залегания камней, с одной стороны, должен свидетельствовать о их принадлежности к первому этапу существования насыпи, с другой – досыпка второго этапа в *Раскопе I* не перекрывает камни *in situ* на склоне первоначальной насыпи, а горелые плахи древнерусских клетей залегают прямо над камнями бермы и рва. Называя данное скопление камней «вымосткой», не относящейся к конструкции насыпи вала, А.В. Григорьев, тем не менее, затрудняется назвать функциональное предназначение этого довольно трудоемкого элемента²³. Возможно, объяснить зафиксированную в Каменном картину может вариант намеренной очистки склонов роменского вала от камней во время сооружения клетей на втором, древнерусском этапе функционирования укреплений. Напомним, что в теле первоначального вала, несмотря на довольно большую вскрытую площадь, не зафиксировано никаких следов внутренних деревянных конструкций, а столбовые ямки от предполагаемой стены располагались с внешней стороны вала, на расстоянии до 4 м друг от друга (кв. Я4; Я6; А7).

Перекрытие скоплений камней досыпкой второго этапа и даже самими клетями, углубленными в старый вал, отмечено в *Раскопе II*. Вкоп основания клетки, заполненной лессовым суглинком, в гумусированный слой первоначального вала хорошо фиксируется и в *Раскопе I*. Наиболее уверенно перекрываются валом первого эта-

²⁰Ср. распространение скоплений камней с внутренней стороны насыпи на древнерусском городище у хут. Половецкого: Довженок В.И. Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 году // КСИА ИА АН УССР. 1959. Вып. 8. Рис. 2.

²¹Раппопорт П.А. О типологии древнерусских поселений. С. 28; Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. К. 1999. С. 56-61.

²²Колода В.В. Новые данные о контактах славяно-русов и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону. 2007. С. 92-95.

²³Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С. 73.

па каменные вымостки в *Расконе IV*. Эти факты не оставляют сомнений в их принадлежности укреплениям роменского этапа.

В роменское время ров был прокопан до глубины 2,8 м и, таким образом, с вершины образовавшейся подсыпки достигал более значительной глубины – около 5 м от дна, а его ширина, по-видимому, не превышала 8–10 м. В древнерусское время ров, возможно, был расширен, но вряд ли углублен, поскольку основной массив суглинка, составивший заполнение древнерусской стены в *Расконе I*, гумусированный, а не лессовидный. В *Расконах II* и *IV* роменская насыпь перекрыта также не материковым грунтом, а темно-бурой и бурой глиной. По-видимому, значительная часть грунта для досыпок была доставлена из другого места.

При этом, здесь необходимо указать и на случаи находок обломков роменской посуды, попавшей в досыпку вместе с грунтом культурного слоя с площадки городища. Как правило, такие сосуды имеют гораздо лучший обжиг, их венчики подправлены на круге; при этом можно заметить элементы подражания образцам посуды гончарной технологии; в то же время, состав теста остается традиционным (Рис. 18, I). Появление подобной посуды характерно для позднего периода существования роменской культуры, хронологию которого обычно определяют в пределах второй половины X – середины XI века²⁴. Впрочем, в засыпи присутствовала и древнерусская керамика XI–XII вв., что не позволяет однозначно датировать время сооружения укреплений XI в.

Основным конструктивным элементом новой древнерусской стены послужили бревенчатые городни (местами сохранившиеся на 2–3 венца), связанные поперечинами или закрепленными за нетолстыми стояками; поверх них, видимо, устанавливались срубы, забутованные землей (3,2 × 2,3 м). Подобные строительные технологии были свойственны древнерусской фортификации широких территорий²⁵, и не только для строительства укреплений на поселениях, но и таких грандиозных сооружений общегосударственного значения, которыми являлись так называемые Змиевы валы²⁶.

²⁴Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. К. 1975. С. 154; Его же. Роменская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э. К. 1985. С. 125–135; Григорьев А.В. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. К. 1988; Его же. Северская земля в VIII – нач. XI века. С. 32–50.

²⁵Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X – XV вв. М.-Л. 1961; Его же. Военное зодчество Западно-русских земель X – XIV вв. // МИА. М.-Л. 1967. № 140; Ратич О.О. До питання про розташування і оборонні споруди давньоруських городів Південно-Західної Русі // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. К. 1964; Тимошук Б.О. Давньоруська Буковина. К. 1982 и др.

²⁶Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. К. 1987. С. 123–130; Его же. Городища // Археология Украинской ССР. К. 1986. Т. 3. С. 372–396.

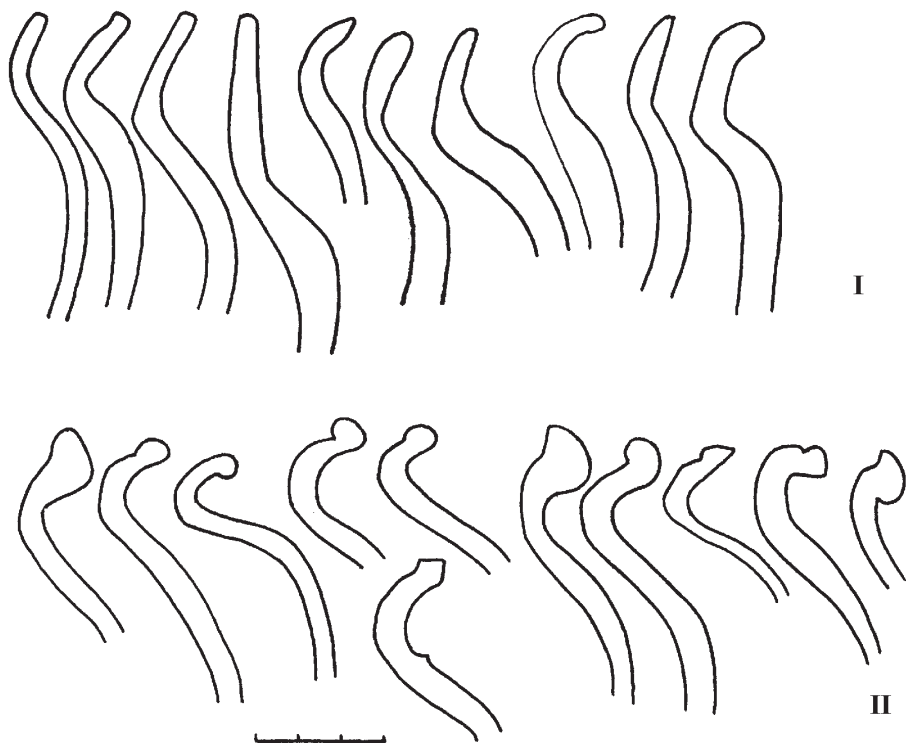

Рис. 18. Городище. Профили посуды из насыпи вала: I – профили лепных сосудов роменской культуры; II – профили гончарных древнерусских сосудов

На такую конструкцию древнерусских укреплений городища у с. Каменное указывают расчищенные по склону рва ниже уровня древнего горизонта (погребенного чернозема) продолговатые скопления угля, расположение которых параллельно линии насыпи вала и линии рва, красноречиво говорит о раскатившихся в результате пожара деревянных конструкциях, еще на стадии горения перекрытых слоем глины из рассыпавшейся забутовки. Это позволило, с одной стороны, бревнам сохранить свою древесную структуру и в то же время способствовало обжигу слоя глины, засыпавшей еще тлеющее дерево – с другой, и таким образом законсервировать его. Такая картина обнаружилась на глубинах от 2,8 до 1,6 м на склоне рва: взаимно пересекающиеся прослойки обгорелой глины, иногда с заключенными в них остатками горелого дерева в виде протяженных горизонтальных скоплений угля или столь же протяженных зольных пятен, достигающих трех и более метров длины (при ширине 0,3–0,5 м и толщине от 0,3 до 0,4 м) расчищены также и на открытой в *Раскопе II* (западном) поверхности досыпки основа-

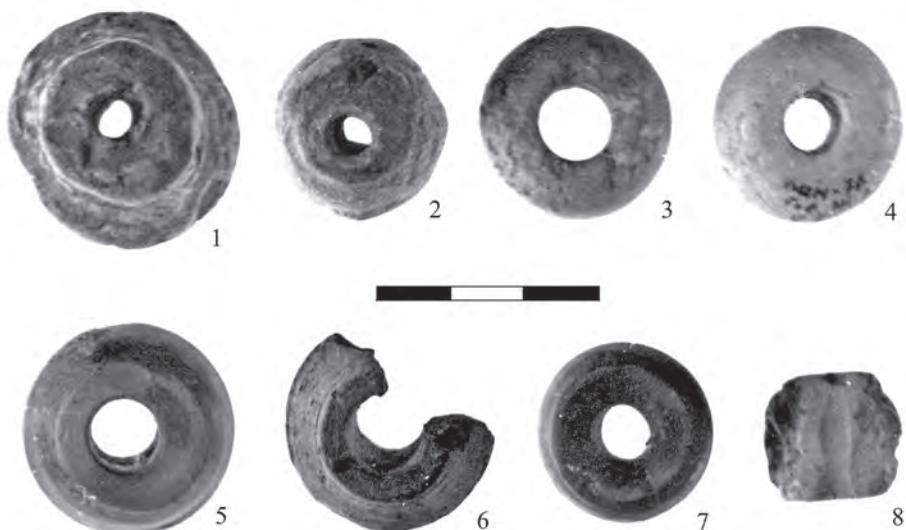

Рис. 19. Городище. Керамические и пиррофиллитовые
ряслица из насыпи вала

Рис. 20. Городище. Металлические предметы из культурного
слоя и насыпи вала

ния поверх развала стены роменского времени на глубинах 0,9–1,2 – 1,6 м от современной поверхности вала, возникшей при развале стены древнерусского строительного этапа. В *Расконе IV* также зафиксирован аналогичный золистый слой поверх роменского вала.

Рис. 21. Городище. Крест-энколпион и фрагмент креста из слоя насыпи вала

Рис. 22. Городище. Бронзовые иконки из слоя насыпи вала

На время, когда именно произошло это пожарище, зафиксировавшее поздний момент существования комплекса, указывают находки преимущественно древнерусской гончарной керамики, которая, судя по составу теста, качеству обжига, формам и моделированию края венчика, может быть датирована в пределах XII — первой половины XIII века (Рис. 18, II), а также кресты второй половины XII — первой половины XIII века (Рис. 21) и две бронзовые иконки первой половины XIII века (Рис. 22).

1.2.3. Раскопки на площадке городища

В процессе раскопок в западной прирезке к основному разрезу оборонительных сооружений, впоследствии расширенной в *Раскоп II* (с прирезкой 1978 г. — *Раскоп III*), были обнаружены остатки жилых и хозяйственных построек. По-видимому, остатки единого жилищно-хозяйственного комплекса, состоящего из помещения полуземляночного типа и трех различной конфигурации в плане и разной глубины ям, удалось обнаружить и расчистить в квадратах М-П/7—10 (Рис. 23). Контуры помещения обозначились на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности. В ходе его зачистки было выявлено отопительное устройство в виде полукруглого в плане скопления камней, лежащего на толстом слое горелой глины, что дало основания расчищенную постройку квалифицировать в качестве жилища. Остатки отопительного устройства в данном случае представляют собой обычную, вырезанную в материковом останце печь роменского типа, стенки которой были обложены камнями, что нередко встречается на финальном этапе культуры.

Жилище 1 (Рис. 23). Гумусированное пятно на его месте проявилось на северном участке раскопа в кв. НО/8-9 на уровне 0,55 м, что потребовало расширения раскопа к северу и западу. После расчистки и выборки гумусированного заполнения выяснились конфигурация и размеры полуземлянки. Постройка была ориентирована углами по сторонам света; имела подквадратную форму, длина сторон которой находилась в пределах 3,45—3,55 м; пол был расчищен на глубине 1,0 м от поверхности. На полу, непосредственно у стен котлована жилища, отмечены остатки сгоревших бревен, фиксируемых с отметок 0,75—0,8 м; они находились в скоплениях золы и угля, вперемешку с комьями горелой глины и иногда были перекрыты ими.

Особенно большое скопление золы и угля, зафиксированное в западном углу жилища, протянулось и вдоль западной стенки. В нем расчищены положенные в виде неправильной полуокружности

камни, величиной 5–10 × 7–15 см, которые, видимо, образовывали остатки очага, или сделанной из материкового останца печи, обложенной камнем. Именно в пользу последней конструкции может свидетельствовать массив обожженной докрасна глины, в этом углу достигающий около полуметра толщины. Непосредственно к нему примыкала предпечная яма круглой в плане формы (сечение по длинной оси 1,05 м), с закраиной, ширина которой 0,1 м, расчищенной на глубине 1,1 м; ее дно углублено в материковый суглинок на 0,3 м.

Не вполне понятно назначение скоплений камня вдоль северо-восточной и юго-восточной стенок. Остается, исходя из их местоположения на полу внутри жилища, предположить, что они как бы прижимали нижние бревна к стенке котлована. Это тем более допустимо, что в полу по углам и по серединам стен ни в одном случае не было выявлено обычных для жилищ аналогичной конструкции ямок от стояков, которые удерживали бы плахи облицовки стен, будучи одновременно и опорными элементами перекрытия.

Пол жилища плотно утрамбован, следов песчаной подсыпки не обнаружено.

В темном гумусированном заполнении во взвешенном состоянии встречались угольки и скопления золы, дополняемые комьями обожженной глины, которые совместно иногда образовывали линзовидные прослойки различной толщины (от 1,0 до 3,0–7,0 см); также во взвеси находились керамические остатки, преимущественно лепной роменской посуды, с незначительным количеством обломков гончарных сосудов древнерусского времени (Рис. 53, 1, 7). В очаге под золисто-угольной линзой найдены три развала роменских горшков; несколько крупных обломков роменских миски-корчаги и горшка найдены в предочажной яме. Аналогичные находки были обнаружены и под завалами при расчистке древесных плах вдоль стен и на полу жилища. Все сказанное позволяет относить это строение к роменской культуре и датировать в широких рамках второй половины X – середины XI в. Однако, отмеченные конструктивные детали в устройстве печи склоняют более к поздней части указанного диапазона при датировке всего сооружения.

В определенной связи с данным жилищем, вероятно, находились и выявленные в непосредственной близости от него, не отличающиеся разнообразием форм в плане, хозяйственные ямы 1–3 (Рис. 23).

Яма 1. Оконтурена с глубины 0,5 м к ССВ от восточной стенки жилища на расстоянии 1,65 м. Она имела в плане круглую форму и следующие параметры: верхний диаметр 1,25 м, а нижний по дну –

1,55 м. Стенки ямы ровные, плавно расширяющиеся книзу (глубина 1,1 м); местами на них видны пятна копоти и подпалины. Можно предполагать, что она могла служить хранилищем сыпучих продуктов.

В темном гумусированном заполнении преимущественно найдены обломки роменской посуды, разрозненные кости животных, угольки и комья горелой глины; лишь в самых верхних слоях встречены единичные фрагменты древнерусской керамики. В качестве индивидуальных находок можно назвать костяную проколку с отломанным рабочим кончиком.

Яма 2. Выявлена в виде темного пятна на светло-желтом суглинке на расстоянии 0,4 м к ССЗ от западной стенки жилища. Как и предыдущая, также имела округлые в плане очертания. Расчищена лишь ее половина, поскольку северный край уходил в стенку раскопа, что не помешало установлению ее параметров (диаметр 1,1 м, глубина 0,95 м). Стенки ровные, отвесно опускающиеся к горизонтально ровному дну. В гумусированном заполнении с незначительными включениями угля и зольных прослоек, за исключением небольшого количества маловыразительной роменской керамики, никаких находок не обнаружено.

Яма 3. Была расчищена близ юго-восточной стенки жилища на расстоянии 0,4 м от нее. В плане имела круглую форму; углублена на 1,5 м от современной поверхности; в ее северо-восточной стенке были прокопаны две ступеньки, расчищенные на глубинах 1,1 и 1,3 м (ширина соответственно 0,15 и 0,2 м), а также выявлен подбой в юго-восточной стенке, ширина которого после полной расчистки дна составляла 0,3–0,35 м. Диаметр по верхнему срезу – 2,0 м, а по дну – 1,9 м, что получилось за счет более пологой северо-восточной стенки. В обычном темном заполнении, помимо отдельных камней, костей животных, угольков и, в основном, обломков роменской керамики (пять фрагментов гончарной посуды на уровне верхнего среза), особых находок не выявлено.

Помимо этого, на краю западного участка обнаружилось сосредоточение ям (№ 4–13) различной формы и назначения (Рис. 24).

Яма 4. Ее половина была расчищена в поисковой траншее 1976 г. с глубины 0,6 м. После прирезки и расчистки выяснились ее конфигурация и параметры: в плане она имела округлые очертания, с верхним диаметром по длинной оси 2,5 м, а по короткой – 2,4 м. В нее была вписана яма также круглой в плане формы, но с меньшими размерами и подбоем в восточной стенке. Глубина большей из ям составляет 0,8 м; дно меньшей расчищено на отметке 1,5 м; наибольшая шири-

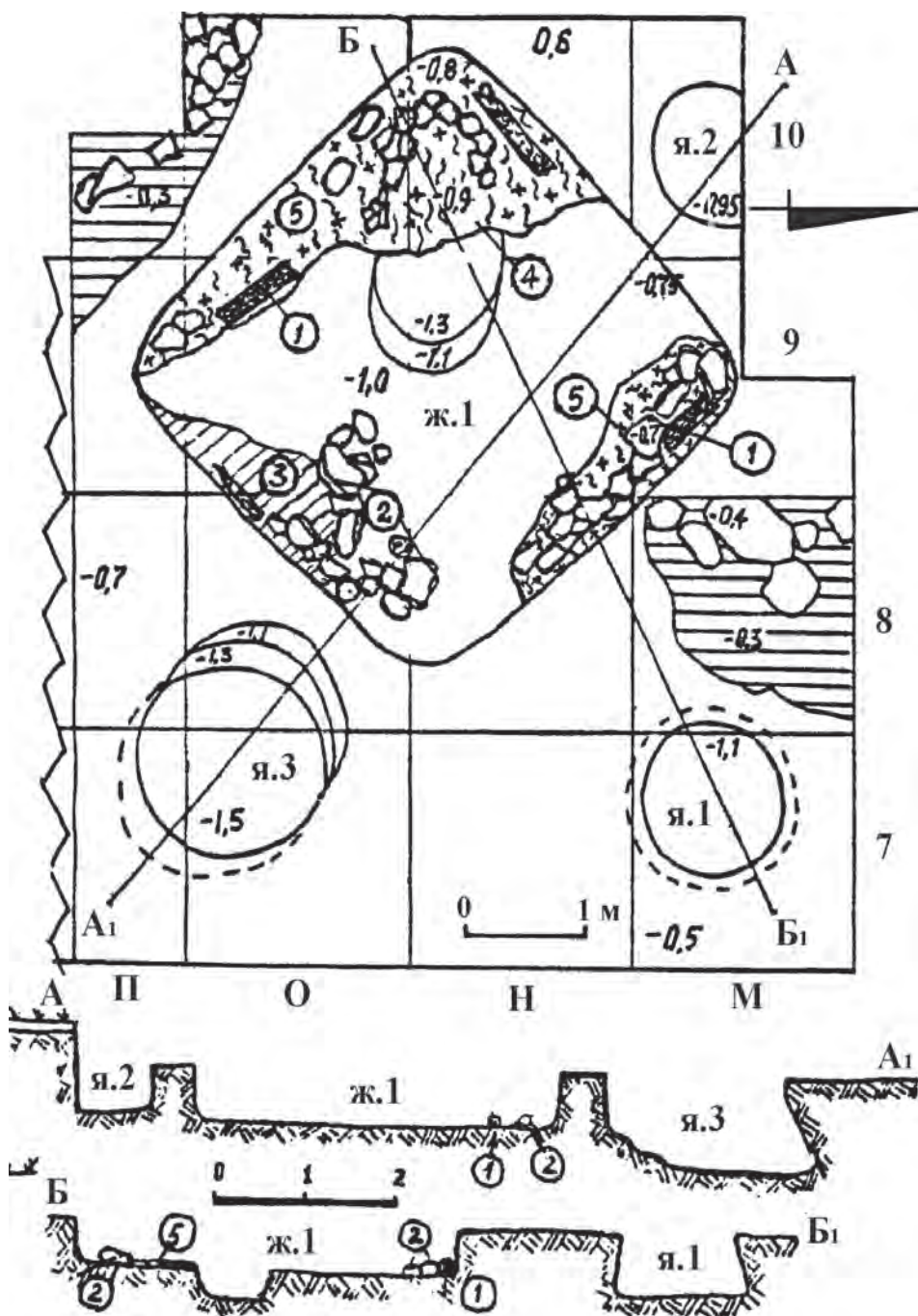

Рис. 23. Городище. Раскопы II-III. Жилище 1. План и профили: 1 – горелое дерево; 2 – камни; 3 – обожженная глина; 4 – гумусированный слой; 5 – золисто-угольное скопление; 6 – зола

на образовавшейся таким образом закраины составила 1,0 м; диаметр меньшей ямы по длинной оси 1,28 м, а по короткой – 1,1 м. Является ли подбой сделанным искусственно или результатом естественного обрушения стенки, судить затруднительно, хотя конфигурация

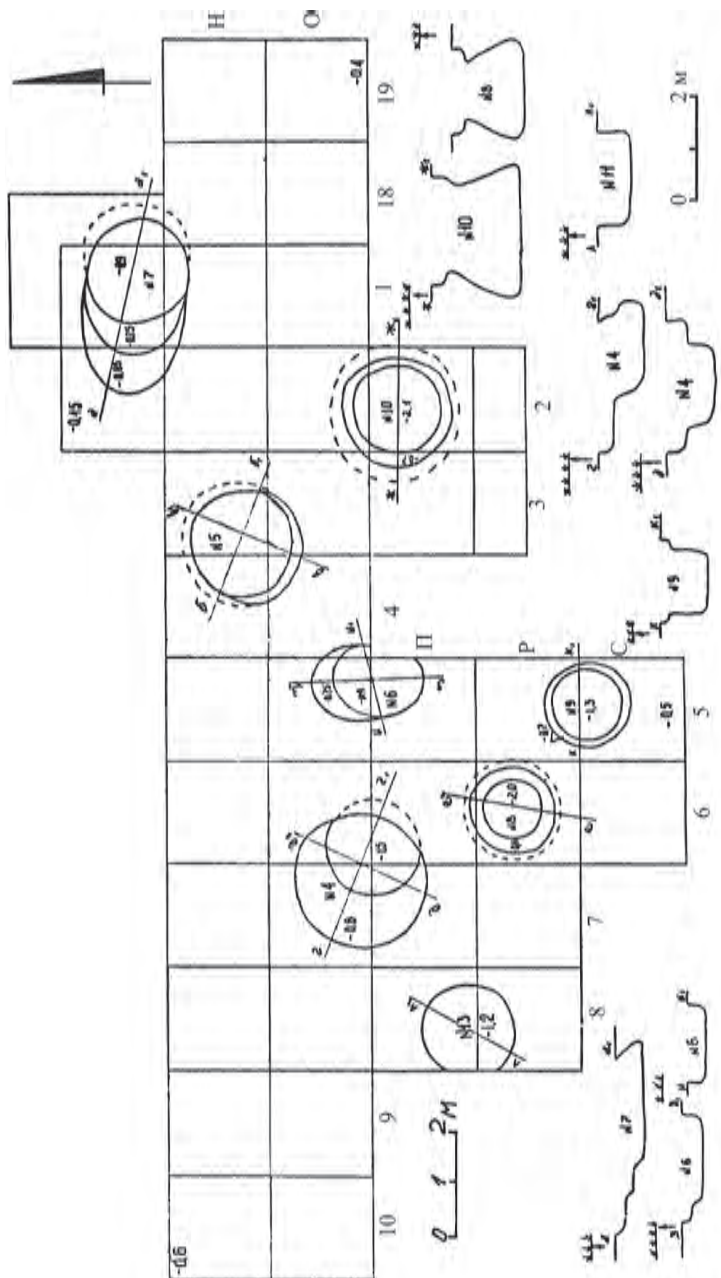

Рис. 24. Городище. Раскоп III. План и профили хозяйственных сооружений

как будто бы говорит в пользу первого из предположений. Заполнение ямы представлено обычным материалом, состоящим преимущественно из обломков гончарной керамики, костей животных, отдельных камней и пр. Сколько-нибудь существенных находок не выявлено.

Яма 5. Располагалась в кв. НО/3-4 между *ямами 6, 7, 10*. Яма округлой в плане формы, размеры по верхнему краю – 2,2 × 2,24 м, диаметр по дну – 2,2 м. Стенки ямы слегка скошены в направлении на СВ. Заполнение аналогично предшествующей *яме 4*.

Яма 6. Так же, как и описанная выше, поначалу частично была расчищена в той же траншее в кв. О/5 в виде темного пятна овальной формы, немного вытянутого по линии С–Ю. В ее северной стенке была прокопана закраина, шириной 0,4 м, опущенная ниже уровня площадки раскопа, который здесь не превышает 0,6 м. Размеры ямы по верхней оси сечения 2,1 м, а по нижней – 1,45 м; дно расчищено на глубине 0,9 м.

В гумусированном темного цвета заполнении ямы отмечены тонкие линзы золы и прослойки угля; во взвешенном состоянии – комья обожженной глины, камни, раздробленные кости животных и т. п. Во время зачистки дна обнаружен пласт чешуи и костей довольно крупной рыбы.

Яма 7. Оконтурена в северо-восточной части раскопа с глубины 0,45 м (кв. МН/1–2). Имеет овальную, вытянутую по оси В–З форму, образовавшуюся из-за двух ступенек в ее западной стенке; их ширина 0,35 и 0,25 м; опущены соответственно на глубину 0,65 и 0,75 м ниже предматерикового суглинка. В восточной стенке на уровне дна (глубина 0,9 м) расчищен подбой, ширина которого не превышала 0,25 м. Нижний диаметр ямы по оси сечения составлял 2,4 м, в то время как общий верхний по той же оси – 3,1 м.

Яма буквально была забита золой и углями; заполнение имеет довольно плотную консистенцию, в которой прослеживались толстые (0,05–0,1 м) слои обожженной докрасна глины, камней местного песчаника, скопления обожженных и раздробленных костей животных, скелет мелкого грызуна.

При выборке найдено несколько фрагментов стенок и донышко древнерусского горшка, а также глиняное пряслице. Состав заполнения не позволяет судить о первоначальном назначении ямы.

Яма 8. Расположена в кв. Р/6 на расстоянии 1,1 м южнее *ямы 4*. Ее контуры обозначились на уровне 0,5 м в виде темного пятна округлых очертаний. После расчистки выяснилось, что яма была круглой в плане формы с круговым подбоем по периметру, так что образовалась сужающаяся горловина, опущенная до уровня 0,8 м

(диаметром 1,05 м); в то же время верхний диаметр самой ямы составлял 1,65 м, а нижний — по дну 1,85 м. Дно ямы расчищено на глубине 2,0 м. Стенки ямы сильно закопчены, местами обожжены докрасна; ее заполнение представлено сильногумусированной глиной темно-бурого цвета. При выборке обнаружены рога оленя со следами рубящих ударов у основания, значительное количество гончарной древнерусской керамики, аморфные камни песчаника, угольки. Дно ямы плотно утрамбовано и имеет следы подмазки.

Большая глубина этой ямы, ее коническая форма в профиле, наличие горловины, наряду с очевидными предпринятыми в древности мерами профилактики (закопченность и обжиг стенок, подмазка дна) позволяют рассматривать ее в качестве зернохранилища.

Яма 9. Оконтурилась на уровне 0,5 м от современной поверхности в кв. РС/5. В плане имела круглую форму с заплечиками (до 0,1 м), опущенными на глубину 0,7 м, так что верхний размер по оси сечения составлял 1,8 м, а нижний — 1,4 м; дно расчищено на уровне 1,3 м.

В насыщенном золой и угольками гумусированном заполнении встречались линзы комочков обожженной глины вперемешку с мелкими камнями, а также значительное количество фрагментов роменской лепной и гончарной древнерусской посуды. Из индивидуальных находок можно назвать половинку розовато-фиолетового пиррофиллитового пряслица и обломок сильно сточенного железного ножа.

Яма 10. Проявилась в виде темного пятна на светлом фоне предматерикового суглинка на глубине 0,45 м от современного горизонта в кв. ОП/2. Была круглой в плане формы с заплечиками (шириной от 0,1 до 0,2 м), прокопанными на глубину 0,7 м. По всему нижнему периметру дна, расчищенного на глубине 2,1 м, выкопан подбой шириной 0,2–0,3 м. Верхний диаметр ямы составляет 2,1 м, в ее средней части — 1,7 м, а в поперечнике по нижнему уровню — 2,55 м. Стенки ямы хорошо обожжены, с пятнами копоти; дно плотно утрамбовано, ровное.

В обычном гумусированном заполнении с включениями угольков и комьев обожженной глины особых находок не обнаружено, исключая бронзовую прямоугольной формы пластинку размерами 4,0 × 3,5 см, слегка помятую. Что касается назначения самой ямы, то ее форма в профиле и обожженность стен позволяют допустить ее использование как вместилище для хранения сыпучих продуктов.

Вблизи от описанного выше *помещения 2* находились две хозяйственные ямы, видимо, составлявшие с ним единый хозяйственный комплекс (Рис. 15).

Яма 11. Расположена в 0,9 м к ЮЗ от середины юго-западной стенки помещения; ее контуры обозначились на уровне 1,25 м (кв. СТ/16-17). В плане она имела форму не вполне правильного овала, будучи несколько вытянутой в южном направлении за счет ступеньки шириной 0,15 м, дно которой расчищено на глубине 1,5 м. Верхний диаметр ямы составляет 1,6 м, а нижний — 1,9 м; углублена на 1,8 м от уровня современной поверхности. В обычном гумусированном заполнении встречались тонкие прослойки угля, золы, обожженной глины; во взвешенном состоянии находились камни, кости животных и, главным образом, роменская лепная керамика; фрагменты гончарной древнерусской посуды единичны и отмечались лишь в верхних горизонтах заполнения. В качестве индивидуальной находки можно указать на половинку глиняного пряслица биконической со срезанными вершинами формы.

Яма 12. Проявилась в виде пятна темного гумусированного грунта на фоне светло-желтого предматерикового суглинка в кв. СТ/15-16 с отметки 1,3 м на расстоянии 0,8 м от южного угла расчищенного *помещения 2*. По мере выборки этого пятна обозначились контуры ямы и ее основные параметры: в плане круглой формы с диаметром по верхнему срезу 1,45 м, а по нижнему — 2,0 м при глубине 2,1 м от современной поверхности. Горловина ямы подрезана на 0,2 м по всему верхнему диаметру, причем ширина образовавшейся в верхней части закраины составляла 0,1–0,15 м.

Стенки ямы ровные, местами подкопчены (следы сажи) и частично обожжены докрасна. В заполнении найдено небольшое количество обломков лепной посуды роменского типа; во взвешенном состоянии отмечены тонкие прослойки золы и угля, комочков обожженной глины, у дна чередующиеся между собой. На ровном дне под золисто-углистой линзой обнаружено небольшое скопление сторевших зерен (пшеницы или ржи). Исходя из последнего, данную яму допустимо рассматривать в качестве обычного для левобережноднепровских поселений роменского и древнерусского времени зернохранилища.

Яма 13. Контуры ямы обозначились с уровня 0,5 м в кв. ПР/8. Она имела близкую к овальной форму, будучи несколько вытянутой в юго-западном направлении; строго вертикальные стенки, на которых заметны следы действия огня (копоть), хотя, по-видимому,

настоящему обжигу они не подвергались. В ходе расчистки выяснились размеры ямы: 1,8 м по длинной оси сечения и 1,68 м — по короткой; дно расчищено на глубине 1,2 м от уровня современной поверхности, ровное, но без признаков искусственного уплотнения путем трамбования. В обычном довольно скудном заполнении на различных глубинах отмечается наличие золисто-угольных скоплений с примесью обожженной глины; все они во взвешенном состоянии и вряд ли каким-то образом могут говорить о ее назначении. Во взвеси встречались обломки гончарной древнерусской керамики с небольшим количеством фрагментов лепных сосудов.

Среди других находок выделяется продолговатый железный предмет, сильно коррозированный, в силу чего не поддающийся определению; обгоревший астрагал мелкого животного со стесанной боковой поверхностью, кости животных и пр. В качестве индивидуальной находки заслуживает упоминания обломок костяной проколки со следами длительного использования.

1.3. Раскопки на территории селища

Исследования неукрепленной части поселения были наиболее значительными по объему работами, производившимися в сезоны 1977–1978 гг. одновременно с раскопками остальных составляющих комплекса, то есть городища и курганного могильника.

Предварительный осмотр открытой поверхности показал наличие подъемного материала в виде костей животных, камней, обломков гончарной и лепной керамики, которые суммарно в целом могут быть датированы с IX по XIII в., что полностью совпадает с хронологией выявленных на городище артефактов. Подъемный материал распространен на всей доступной для исследований площади, размеры которой по данным инструментальной съемки составили: по длинной оси (В–З) 350–400 м, а по короткой (С–Ю) — 150–250 м, при этом допуск в 50 м обусловлен конфигурацией линии леса и кустарника с северной и северо-восточной сторон, а также линией усадеб на западной стороне. Первоначально на свободном от посевов и кустарника участке, непосредственно примыкающем ко рву, отделяющему неукрепленную часть поселения от городища, была проложена поисковая траншея, перпендикулярно линии разреза оборонительных укреплений. После прирезок к северу и западу она была преобразована в *Раскоп 1* (Рис. 25), площадь которого составила 336 кв. м.

Мощность культурного слоя колеблется в пределах 0,65–0,8 м; разница в глубинах залегания предматерикового слоя объясняется покатостью площадки селища в сторону городища и, естественно, большей интенсивностью смыва грунта. Примечательно, что собственно культурный слой насыщен относительно слабо по сравне-

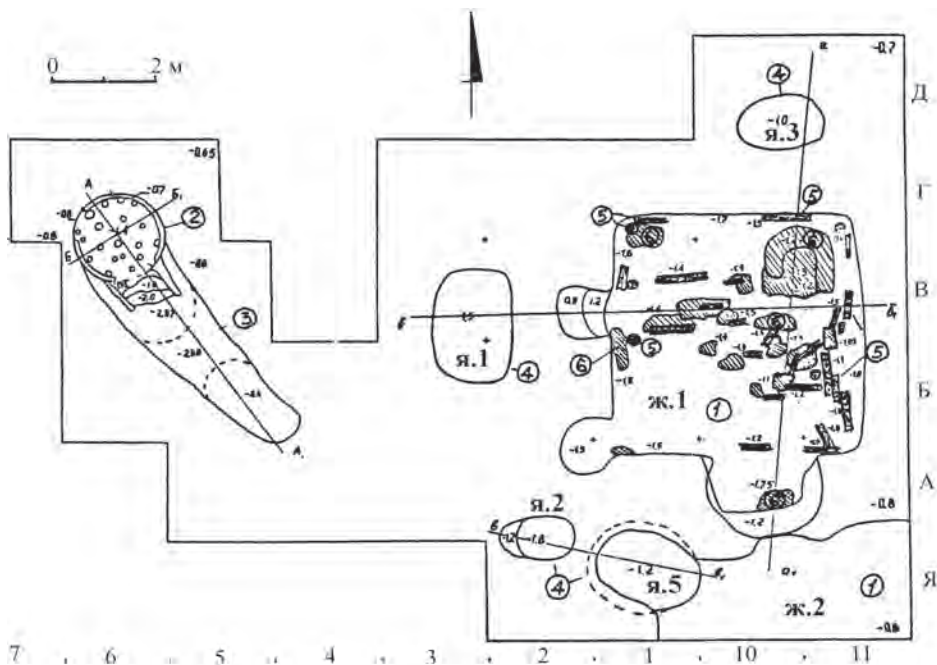

Рис. 25. Селище. Раскоп 1. План: 1 – жилище 1; 2 – гончарный горн; 3 – предгорная яма; 4 – хозяйственные ямы; 5 – горелое дерево; 6 – обожженная глина

нию с видимым количеством подъемного материала, собранного на поверхности пашни, но в отличие от поверхностных находок, керамика в слое представлена относительно более крупными фрагментами гончарных сосудов, преимущественно древнерусских. Вместе с тем, надо указать и на значительное количество обломков лепной посуды, представляющей роменскую культуру.

Таким образом, керамический материал не дает оснований говорить о различиях в культурно-хронологическом облике городища и селища.

В *Раскопе 1* выявлены остатки двух построек, одна из которых была раскрыта полностью, пять хозяйственных ям и гончарный горн. При этом, совсем не очевидным, а скорее – сомнительным, представляется, что *жилище 1* совместно с гончарной печью и сопутствующими хозяйственными ямами представляли собой единый

жилищно-производственный комплекс, хотя и выявлены на небольшом расстоянии друг от друга в одном и том же раскопе (Рис. 25).

Жилище 1 (Рис. 26; 29). Пятно темной гумусированной почвы на светло-желтом предматериковом суглинке обнаружилось с глубины 0,65 м, особенно четко обозначившись после зачистки (на уровне 0,75 м). Зачистка выявила почти квадратную форму сооружения со сторонами 4,9 и 4,6 м, несколько вытянутого по оси С–Ю. Очертания этого пятна в плане образовывали выступы, два из которых рас-

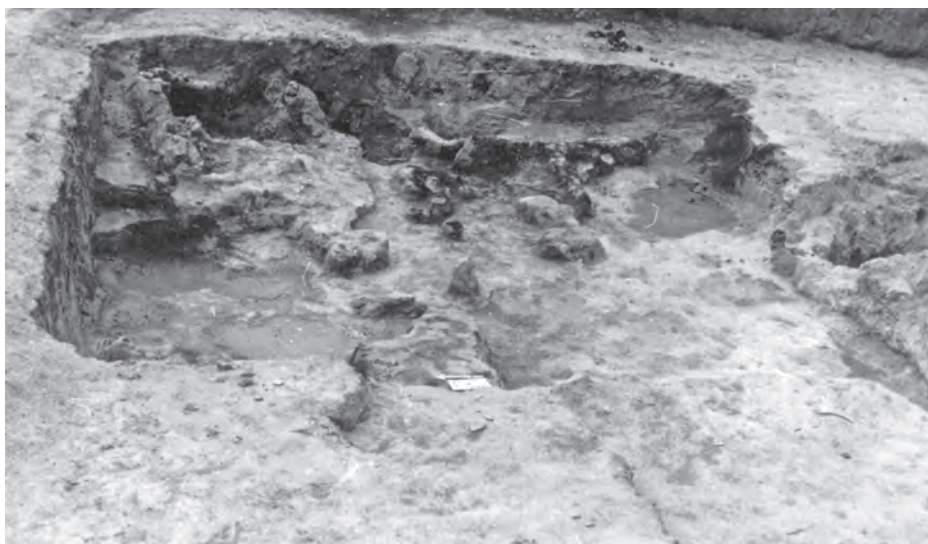

Рис. 26. Селище. Раскоп 1. Жилище 1. Вид с запада

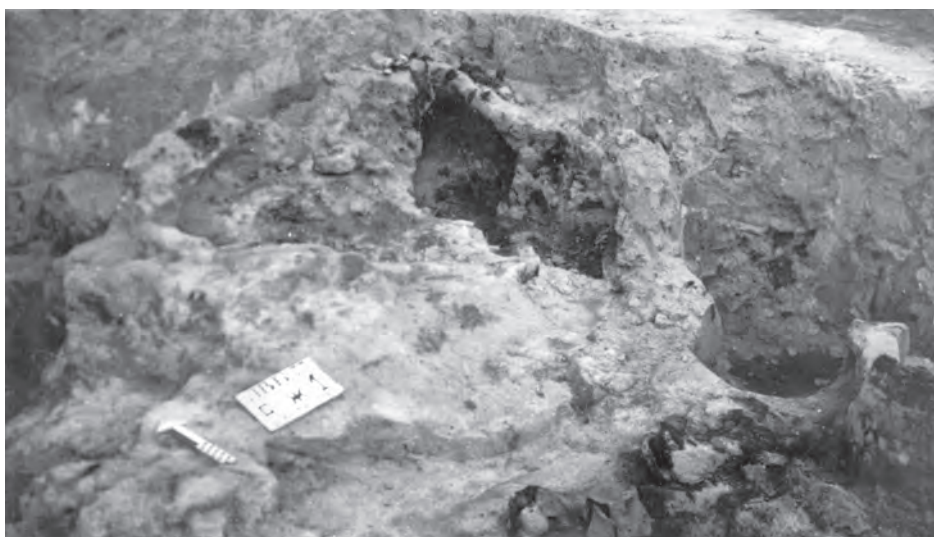

Рис. 27. Селище. Раскоп 1. Жилище 1. Печь

положены на западной и один — на южной сторонах. В процессе выборки заполнения эти выступы оказались прямыми к стенам котлована, вырезанными при его сооружении и, видимо, связанными с ним конструктивно. Котлован ориентирован стенками по сторонам света, при этом в его северо-восточном углу был расчищен развал глинобитной печи (Рис. 26), основание которой было вырезано одновременно с ним, что является обычным приемом при сооружении роменских полуземлянок, и, наряду с другими признаками, позволяя относить данное сооружение к помещениям жилого назначения.

На уровнях от 1,1 до 1,5 м в заполнении жилища был расчищен горизонт сгоревших деревянных конструкций перекрытия и стен, лежащих в пластах обожженной глины в сопровождении золистоглистых протяженных скоплений. Вдоль всех четырех стен и по углам на глубинах 1,2–1,35 м прослежены остатки деревянных плах; в северо-восточном и юго-восточном углах выявлены следы вертикально установленных бревен, на что указывают ямки с обугленным и истлевшим деревом в их заполнении, диаметр которых составляет от 0,25 до 0,35 м. Расположение горелых бревен на указанных уровнях таково, что в центральной части жилища отчетливо просматривается коньковая слега, сохранившая и на полу свое конструктивное расположение в системе перекрытия.

В середине западной стенки котлована полуземлянки был расчищен прокопанный вовнутрь приямок, предположительно имевший первоначально прямоугольные очертания; его размеры по оси сечения и по ширине одинаковы и составляют 0,8 м. Этот проем был оборудован двумя ступеньками шириной 0,45 и 0,4 м, углубленных соответственно на 0,9 и 1,2 м. Не исключено, что в древности они были облицованы деревом, хотя его следы не зафиксированы. Местоположение в стене котлована жилища позволяет предполагать, что этот приямок является остатками входа. По его обеим сторонам изнутри жилища зафиксированы ямки от столбов (диаметром 0,25 м), которые, вероятно, поддерживали какую-то крышу над входным коридорчиком.

Менее определенно можно говорить о назначении двух других вырезов, один из которых выходит из южного угла западной стенки и имеет округлые очертания размерами 1,25 × 1,0 м, углублен на 1,5 м. У его южного угла отмечено пятно обожженной глины (0,4 × 0,2 × 0,1 м), лежавшее прямо на полу. Второй вырез у южной стены, ближе к восточному углу, видимо, первоначально имел прямоугольную форму со следующими размерами: длина вдоль стены 2,2 м, по оси сечения — 1,8 м. Большая часть опущена ниже уровня пола на

С.П. Юренко во время работ на селище

0,25 м. В южной и юго-восточной частях приямок имеет некоторое повышение, высотой 0,2 м от поверхности пола данного проема. В центре ямы, примыкая к этой ступеньке, шириной от 0,4 до 0,6 м, расчищено пятно обожженной глины (0,7 × 0,4 × 0,07 м). Внутри помещения приямок ограничен остатком обгорелого бревна длиной 0,6 м, лежавшего на глубине 1,2 м на одной линии с расчищенной на уровне 0,8 м горелой плахой. Судя по расположению и наличию конструктивных остатков, во время существования жилища значительная часть ямы (если не вся целиком), вероятно, находилась за его пределами; на это, в частности, указывает отсутствие следов какого-то лаза в нее изнутри. Видимо, в результате осыпания стенки между нею и жилищем позднее образовался как бы проход, существование которого при строительстве не предусматривалось.

Как отмечалось выше, в северо-восточном углу расчищены остатки глинобитной печи, выявленной с глубины 1,2 м (Рис. 27). Она представляла собой кубовидный останец, вырезанный в материке во время рытья котлована жилища. Края собственно печи были слегка заокруглены, что особенно заметно в ее северной части, отстоящей от стенки котлована на 0,35 м. Пол со следами неоднократной подмазки находился на 0,2 м ниже развала стенок. В заполнении рабочей части печи находилось значительное скопление глиняных вальков, служивших своего рода кирпичами для возведения свода. Толщина глиняной подушки, на которой покоился под составляет 0,25 м, в то время как толщина слоя докрасна обожженной глины, т. е. собственно под, не превышает 10–12 см.

В процессе разборки заполнения и зачистки пола полуземлянки, в ее восточной половине неподалеку от печи было собрано несколько раздавленных, но поддающихся реставрации лепных сосудов с характерной роменской орнаментикой (Рис. 28), что само по себе говорит о культурно-хронологической принадлежности раскопанного сооружения. Наряду с этим, необходимо указать на присутствие гончарной керамики общерусских образцов, хронологию которых обычно определяют в пределах XI–XII вв. Ее, однако, не так много, чтобы повлиять на характеристику жилища, как объекта роменской культуры.

Здесь же найдено несколько точильных камней с различной степенью сработанности, шесть проколов из трубчатых костей, обломков оленьего рога со следами обработки, несколько пращевых камней, три железных, сильно сточенных ножа (Рис. 116, 16), костяные накладка с циркульным орнаментом и рукоять ножа (Рис. 47, 3, 10), астрагалы. Особо следует отметить находку половинки бегунка —

Рис. 28. Селище. Раскоп 1. Жилище 1. Развалы сосудов

верхнего жернового камня из плотного кварцита, в сегменте которого присутствует отверстие для рукояти.

Обнаружение значительного количества костяных и роговых поделок, а также обломков костяных заготовок как будто бы склоняет говорить о специальном назначении жилища. И все же трактовать его в качестве косторезной мастерской будет вряд ли обоснованно, хотя бы по причине отсутствия находок специальных инструментов. К тому же, небольшое количество бракованных изделий также противоречит такому предположению.

По-видимому, правильнее в данном случае говорить об отходах домашнего ремесла, которым вполне владел и занимался в меру необходимости и в свободное от основных хозяйственных занятий время всякий рядовой житель сельского поселения вплоть до начала XX века, а не только в период существования Древней Руси.

Жилище 2 было расчищено лишь частично, поскольку его полному раскрытию препятствовали топографические условия и, прежде всего, слишком близкое расположение этой части раскопа к разрезу оборонительной линии, а именно ко рву. Из-за опасений, что достаточно глубокий раскоп, даже после его засыпки, совместно с разрезом на краю плато может вызвать активизацию эрозийных процессов, пришлось довольствоваться лишь расчисткой примерно одной трети площади этой постройки. Говорить о ее жилом назначе-

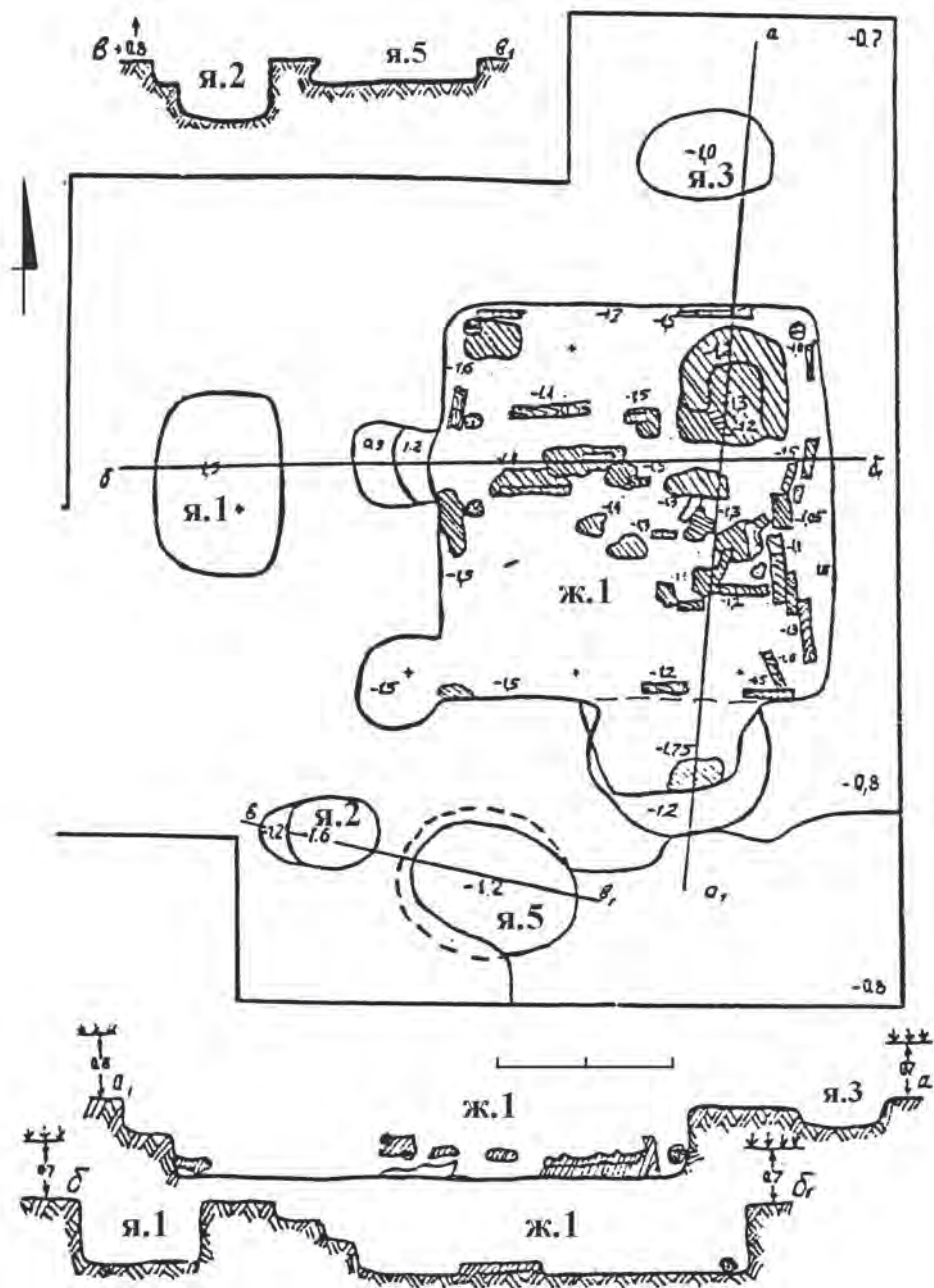

Рис. 29. Селище. Раскоп 1. План и профили жилища 1

нии можно весьма условно, с определенной осторожностью, хотя к этому и есть некоторые основания.

Темное пятно заполнения было обнаружено с глубины 0,8 м. В ходе раскопок был расчищен угол, по-видимому, прямоугольной в плане постройки (Рис. 25), и примыкающая к нему с западной стороны *яма 5*. Судя по раскопанной части, сооружение имело значительные размеры; так, длина раскрытой северной стенки составляла немногим более 5 м. Грунт из котлована помещения выбран не полностью, а только до уровня 1,0 м в связи с выборкой заполнения *ямы 5*. При его расчистке среди обломков гончарных и лепных горшков, обнаружен фрагмент лепной сковородки с высоким бортиком. Такие находки обычны для построек жилого назначения, что как будто бы и дает возможность считать таковым и описанное выше помещение, хотя оно и не было расчищено полностью, и в нем не обнаружено остатков отопительного устройства.

Выявленные в раскопе постройки пребывали в окружении группы хозяйственных ям, составляя с ними определенное единство. В связи с этим, необходимо рассмотреть эти ямы подробнее.

Яма 1. Контуры ямы выявились на расстоянии 0,8 м от входного приямка *жилища 1*, на глубине 0,75 м от уровня современной поверхности в виде близкого к прямоугольнику темного пятна гумусированной почвы, вытянутого по линии С–Ю. Размеры ямы по длинной оси 2,2 м, а по короткой – 1,45 м; ее стенки и дно ровные. Заполнение представляет темный гумусированный суглинок с включениями отдельных угольков, комьев обожженной глины и – во взвешенном состоянии – прослоек золы. В ходе работ в раскопе в культурном слое над ямой на уровне 0,4–0,6 м были найдены обломок точильного камня и половинка шиферного пряслица; два целых экземпляра аналогичных поделок, но более высокой биконической со срезанными вершинами формы, обнаружены на глубине 0,85 м при выборке заполнения самой ямы. На самом дне, опущенном в материк на глубину 1,5 м, наряду с обычным керамическим материалом найден железный нож. В керамических находках преобладали обломки сосудов лепной технологии совместно с единичными фрагментами гончарной древнерусской посуды.

Яма 2. Расположена поблизости от *жилища 1*, на расстоянии 1,0 м южнее юго-западного угла на уровне 0,7 м, т. е. предматерикового суглинка. В плане имела овальную форму (вытянута по линии В–З), образованную посредством ступеньки, врезанной в западную стенку и опущенной на глубину 1,2 м, в то время как дно самой ямы расчищено на 30–40 см ниже этого уровня. Таким образом, размеры ее по

Селище. Фиксация постройки 1. Р. С. Орлов

Селище. Рабочий момент. О. В. Иченская (Пархоменко)

длинной оси составляют 1,4 м, по короткой — 1,0 м, при глубине 1,6 м от современной поверхности. В гумусированном заполнении при выборке найдены обломки керамики как лепной, так и гончарной, в незначительном количестве, кости животных, угольки, зольные прослойки. Из особых находок можно назвать кварцитовый терочник, который вполне мог служить и метательным камнем для пращи.

Яма 3. Находилась в 1,2 м к северу от жилища на северном участке раскопа. В плане она имела овальную форму, будучи вытянутой по оси В–3, со следующими параметрами: по длинной оси 1,65 м и по короткой — 1,0 м, углублена от современного горизонта на 1,0 м. Стенки и дно ровные, без видимых следов подмазки или обжига.

В обычном по составу находок гумусированном заполнении среди массового материала найдены фрагмент круглого в сечении ложновитого браслета синего стекла, обломок рабочего конца железной косы, глиняное грузило (Рис. 47, 2, 4, 9), часть лепной глиняной сковородки.

Яма 4. Описана при характеристике *жилища 1* в качестве выреза котлована, оказавшегося приямком. Вполне возможно, что она имеет более позднее происхождение и частично наложилась на южную стенку жилища.

Яма 5. Очертания этой ямы с трудом просматривались в значительных размерах пятне темной гумусированной почвы в юго-восточной части раскопа. Лишь после основательной зачистки с уровня 0,6 м удалось выявить ее контуры, представлявшие овал протяженностью по длинной оси 2,0 м, а по короткой — 1,4 м (по верхнему срезу); дно расчищено на глубине 1,2 м, где размеры имели иные значения: 2,2 × 1,8 м. Эта яма, по-видимому, имела какое-то конструктивное отношение к не раскрытому полностью *жилищу 2*, своей восточной частью вписываясь в северо-западный угол последнего.

Заполнение ямы представлено плотным гумусированным грунтом с включениями отдельных угольков и скоплений золы во взвешенном состоянии, иногда совместно с комочками горелой глины. В нем встречено небольшое количество лепной и гончарной керамики, необработанные камни песчаника, дробленые кости, железный нож. Никаких особенностей в устройстве ямы, равно как и в составе находок, дающих основания судить о ее назначении, не обнаружено.

Помимо вышеописанных объектов, есть некоторые основания предполагать, что расширение в перспективе раскопа в северном и западном направлении даст возможность раскрыть еще какое-то количество жилых и производственных сооружений. На это, в частности, указывает факт находки в кв. Д/11 на уровне 0,5 м четырех фрагментированных гончарных горшков, два из которых поддаются

реставрации, представляя почти полные формы. Любопытно, что на днищах трех горшков имеются клейма в виде вписанного в рельефный прямоугольник косоугольного креста (Рис. 123, 1). По-видимому, здесь имела место постройка наземного типа более позднего времени, чем те полуземляночные сооружения, речь о которых шла выше.

Гончарный горн. Как уже говорилось, в пределах все того же *Раскопа 1*, в его западной части были выявлены остатки гончарной печи (кв. Б-Г/5-6). Первоначально обнаружилась часть предпечной ямы, выбранной до глубины 2,4 м; раскрыть ее полностью удалось лишь после расширения площади раскопа к западу и северу (Рис. 30).

Остатки стенок обжигательной камеры гончарного горна были замечены на глубине 0,7 м. Здесь предматериковый суглинок залегает на уровнях от 0,6 до 0,65 м, понижаясь в сторону городища. Стенки обжигательной камеры сохранились местами на высоту 0,4–0,65 м; их толщина колеблется от 7 до 15 см. Сама камера имеет круглую в плане форму с внешним диаметром 1,75 м, в то время как внутренний диаметр рабочего отделения не превышает 1,45 м. В поду расчищено 18 отверстий – продухов различного диаметра (от 10 до 18 см), располагавшихся по кругу без какой-то видимой системы, разве что продухи наибольшего диаметра в большинстве располагались ближе к стенкам. Своими осями эти отверстия были направлены наклонно к центру топки. Через них горячий воздух поступал в верхнее обжигательное отделение, в котором размещались предназначенные для этого сосуды (Рис. 31; 32; фото 6; 7).

Перед собственно гончарной печью была прокопана обширная предгорновая яма, протяженная по линии ССВ–ЮЮЗ. Ее размеры по длинной оси сечения 4,2 м, а по короткой в наибольшем расширении 1,75 м при глубине 2,3–2,4 м. Эта яма широкой (до 0,9 м) перегородкой разделялась на две части, одна из которых была собственно предгорновой, а вторая служила для хранения запаса глины и дробленого шамота. В предгорновую яму выходили челюсти топочного отделения (сохранившаяся часть имеет в длину 0,8 м), расчищенные на глубинах залегания их развала от 1,55 до 2,0 м. Предпечная яма по длинной оси была вытянута на 1,4 м при глубине 2,37 м; сохранившаяся часть топочной камеры имела следующие параметры 0,7 × 0,8 м при высоте 0,5 м. Ее вторая часть, назначением которой было хранение запаса приготовленной глины и шамота, имела большие размеры – 2,0 × 1,0–1,1 м и была углублена в лессовидный материк на 2,4 м²⁷.

²⁷Почти тождественное сооружение для обжига керамики имеется в Болгарии – Алексиев Й. Грънчарски печи и жилища-полуземлянки от IX – X в. край с. Хотница, Великотърновски окръг // Археология БАН. София. 1977. Т. XIX. Кн. 4. С. 55-60; Обр. 2.

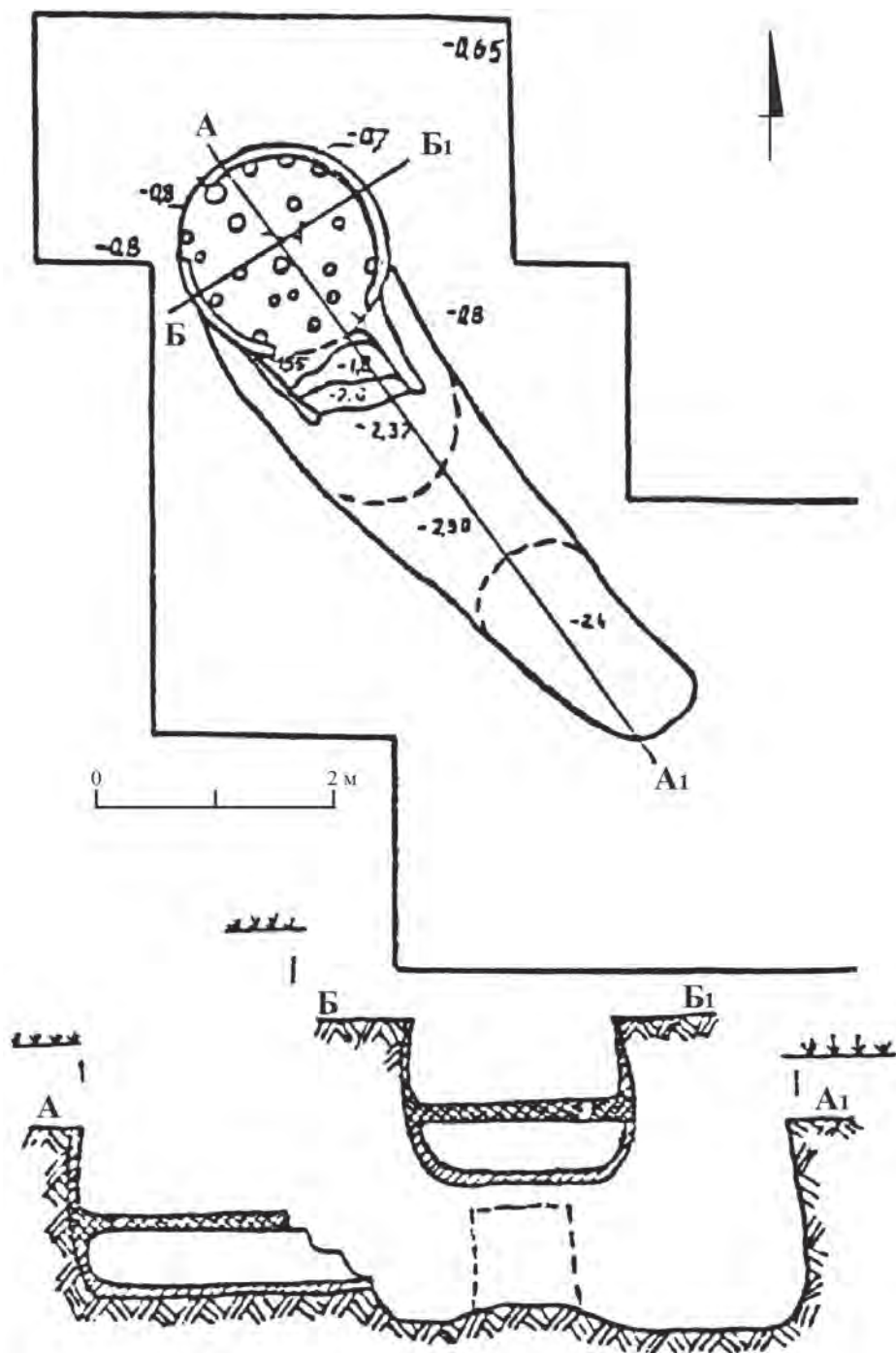

Рис. 30. Селище. Раскоп 1. Гончарный горн с предплечной ямой.
План и профили

Рис. 31. Селище. Раскоп 1. Гончарный горн. Вид с востока

Рис. 32. Селище. Раскоп 1. Под гончарного горна с продухами

В слое в непосредственной близости от печи найдены фрагменты лепных и гончарных сосудов (близких к горшкам т. н. «курганного типа»). В кв. А/6 расчищено большое количество деформированных обжигом обломков лепных и гончарных сосудов, наряду со значительным количеством керамического шлака. Аналогичная картина

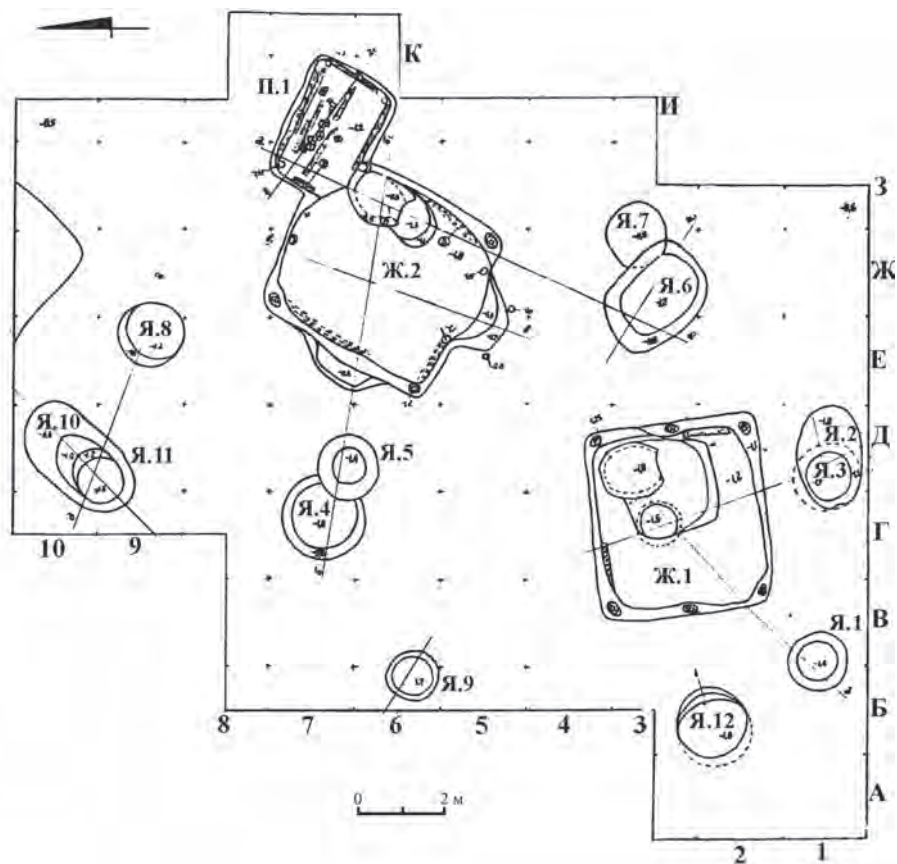

Рис. 33. Селище. Раскоп 2. План

наблюдалась и при расчистке топочной камеры горна. В культурном слое, заполнившем горн после его разрушения, преобладают фрагменты гончарной посуды XII в.

Раскоп 2 заложен поначалу как поисковая траншея (2 × 48 м) северо-восточнее *Раскопа 1*, а после прирезок в северном и западном направлениях, его пришлось преобразовать в полномасштабный раскоп, площадь которого достигала 300 кв. м. В результате произведенных работ было раскрыто две постройки полужемляночного типа срубно-каркасной конструкции и двенадцать хозяйственных и мусорных ям различной конфигурации, размеров и назначения (Рис. 33).

Жилище 1 (Рис. 34; 36). Оконтурилось в виде гумусированного пятна подпрямоугольных очертаний с уровня 0,6 м в южной ча-

сти раскопа. После зачистки более определенной стала его почти квадратная форма, размеры пятна которого составили площадь $4,4 \times 4,0$ м. В процессе выборки заполнения выяснилось, что котло-

Рис. 34. Селище. Раскоп 2. Жилище 1 (вид с юго-запада)

Рис. 35. Селище. Раскоп 2. Жилище 1. Печь

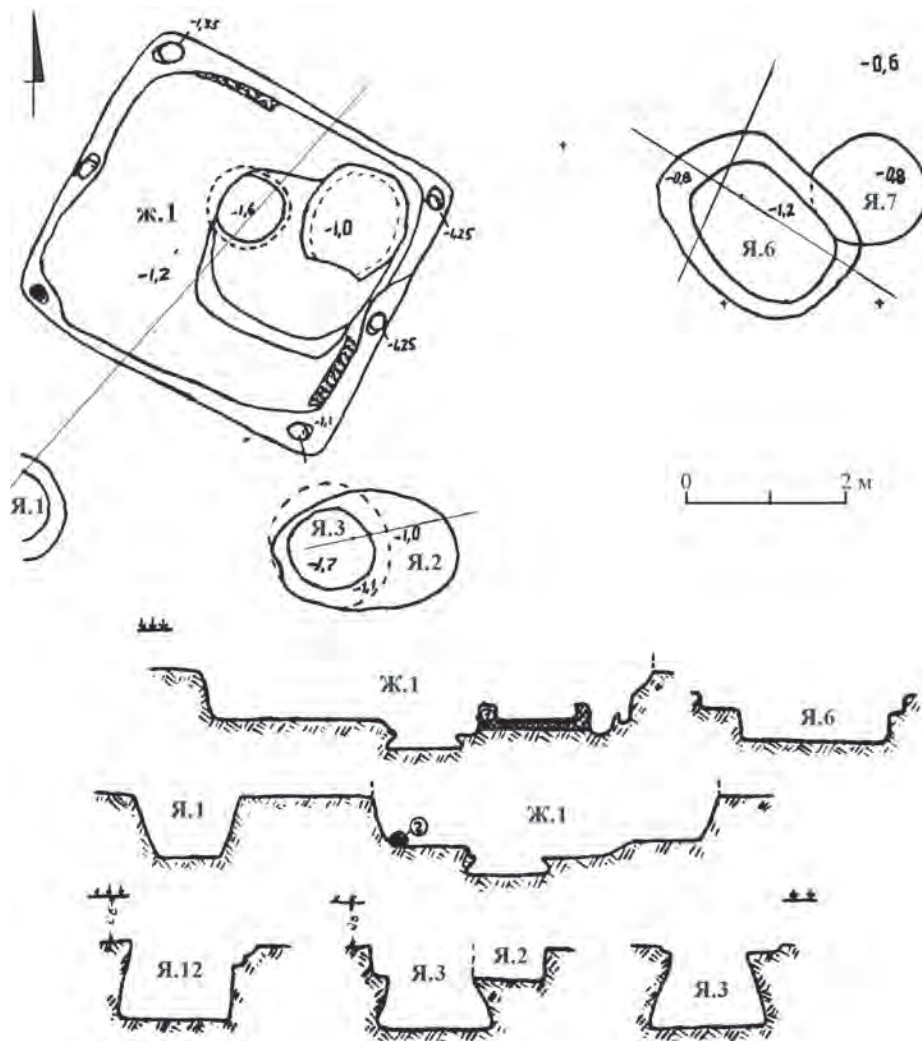

Рис. 36. Селище. Раскоп 2. Жилище 1 и хозяйственные ямы 1-3, 6, 7, 12.
План и профили

ван помещения имеет ровные, с небольшим наклоном ко дну, стен-ки. Дно расчищено на глубине 1,2 м. Вдоль юго-восточной и юго-за-падной стенок котлована, а также в углах обнаружены забитые углем и золой, а то и древесным тленом, ямки от вертикально стоявших столбов (0,2–0,35 м в диаметре при глубине 0,1–0,15 м ниже уровня пола).

Печь глинобитной конструкции размерами 1,4 × 1,25 м обна-ружена в северо-восточном углу, имела близкую к овалу в плане форму (Рис. 35). Высота сохранившихся стенок составляет 0,75 м.

В 0,3 м западнее нее расположена круглая в плане яма с подбоем по периметру, расширяющаяся в западной стенке; ее сечение по верхнему срезу составляет 0,8 м и 1,0 м – по дну, углубленному на 1,6 м от уровня дневной поверхности. Стенки ямы закопчены и местами частично обожжены докрасна, на дне выявлен довольно толстый (0,1 м) пласт золы и угля. Печь и прилегающая к ней яма находились в обширном углублении пола, имеющем подквадратные очертания, размерами 2,35 × 2,1 м, и прокопанном на глубину 1,4 м. Таким образом, яма с печью как бы вычленяются из остального внутрижилищного пространства. С какой целью это было сделано, пока что остается неясным, тем более, что нет каких-то специфических деталей, на основании которых можно было бы определенно судить о назначении такого обособления отопительного устройства. Видимо, в данном случае, по причине отсутствия предпечной ямы, такое углубление должно было как-то компенсировать функции последней, несмотря на его незначительную глубину.

Пол этого, безусловно, жилого сооружения был плотно утрамбован и имел следы подсыпки речным песком. На полу при зачистке котлована в значительном количестве встречена древнерусская керамика совместно с небольшим процентом обломков лепной посуды роменского типа (Рис. 48). Здесь же найдены кости животных, аморфные комки обожженной глины, иногда – в виде небольших скоплений, последнее особенно заметно в окологлазном углублении и в заполнении прилегающей ямы. В этой же яме найдена половина глиняной льячки (Рис. 118, 17), а близ печи – два сильно сточенных железных ножа; на полу в северном углу – обломок рога со следами рубящих ударов в основании. Рабочая часть печи была заполнена глиняными вальками от свода и фрагментами гончарного горшка.

Расчищенные по углам и серединам стен ямки от стоячков позволяют говорить о каркасно-столбовой конструкции стен жилища, при которой вертикальные столбы удерживали заложенные за них плахи облицовки котлована, остатки которых в виде сохранивших структуру протяженных (до 1,0–1,2 м) скоплений древесного угля, были расчищены на полу у юго-западной и поблизости юго-восточной стенок. При этом элементы конструкции лучше всего зафиксированы именно близ последней.

Отсутствие среди обнаруженных находок полных форм посуды, даже в фрагментированном состоянии, незначительность сгоревших деревянных конструкций, позволяют говорить о том, что жители добровольно покинули данное жилище. Тем более, что видимых

следов какой-то катастрофы обнаружено не было, о чем свидетельствуют явно пришедшие в негодность для дальнейшего использования льячка и сработанные ножи. По-видимому, через относительно небольшой отрезок времени котлован был просто засыпан грунтом, а не был использован в качестве вместилища для мусора. В последнем случае находок было бы несравненно много больше. Вероятно в какой-то связи с этим жилищем находились и выявленные в непосредственной близости от него ямы.

Жилище 2 (Рис. 37; 39). Его остатки были обнаружены в северо-восточной части *Раскопа 2*. Как и предшествующее, данное жилище было ориентировано углами по сторонам света и имело аналогичную подпрямоугольную форму с двумя вырезами у северо- и юго-запад-

Рис. 37. Селище. Раскоп 2. Жилище 2 (вид с севера)

ной стенок котлована, с «пристройкой» в северо-восточному углу, которая также имела прямоугольные очертания ($3,1 \times 2,2$ м), протяженные по линии СЗ–ЮВ. Размеры котлована жилища по длинной оси (СВВ–ЮЗЗ) 4,5 м, а по короткой – 4,2 м; его пол в виде плотно утрамбованной площадки расчищен на уровне 1,0 м; стенки котлована ровные, слегка наклоненные ко дну. На дне вдоль южной, восточной и западной стен прослежены следы древесного тлена в виде продолговатых пятен темно – коричневого цвета, длина которых от 1,6 до 2,0 м при ширине 0,2–0,3 м; во всех углах наличествуют ямки от столбов диаметром 0,2 м, углубленные на 1,1–1,2 м от современной поверхности. Расчистка последних обнаружила наличие древесного тлена в их заполнении.

Прямоугольный в плане вырез в южной стенке был образован двумя ступеньками шириной 0,3 и 0,4 м при глубине соответственно 0,7 и 0,9 м от поверхности; длина ступенек с внешней стороны не превышает 1,1 м, а внутри жилища 1,6 м. С внешней стороны выреза по углам расположены две ямки, диаметром 0,15 м, углубленные на 0,8 и 0,9 м от поверхности. Аналогичные ямки по сторонам нижней из ступенек имеются и внутри полуземлянки, но при одинаковом диаметре их глубина несколько больше – 1,15 м.

Другой вырез находился в середине западной стенки; в плане он так же имел форму прямоугольника с закругленными углами. Его размеры следующие: по короткой оси – 0,45 м и вдоль стены по длинной оси 1,2 и 1,4 м (в нижней части выреза). Нижняя часть ступеньки опущена на глубину 0,8 м, плавно спускалась к полу помещения на уровень 0,95 м. О назначении этого выреза определенно судить не представляется возможным; остается предположить, что здесь мы имеем дело с волоковым оконцем. Это тем более вероятно, что аналогичные устройства имели место на других славяно-русских поселениях рассматриваемого времени.

От располагавшейся в восточной части помещения глинобитной печи (Рис. 38), прослеженной с уровня 0,6 м, сохранился под овальной формы, размеры которого составляют 1,15 × 1,4 м; стенки сохранились на высоту не более 20 см. Таким образом, под был расчищен на глубине 0,8 м. Перед ним раскопана предпечная яма, углубленная

Рис. 38. Селище. Раскоп 2. Жилище 2. Печь

на 1,3 м при диаметре 1,0 м. В ней на глубине 1,1 м находилась ступенька, ширина которой не превышала 0,2 м.

В заполнении жилища, кроме фрагментов гончарных сосудов XII — начала XIII в. (Рис. 53, 6, 9), найдены обломок серпа со сплюснутым рабочим кончиком (длина 14,0 см, ширина 2,0 см), половинка пиррофиллитового пряслица уплощенно-биконической формы, два железных ножа (Рис. 116, 9, 20), а также тесло-мотыжка (Рис. 117, 23).

Постройка 1 (Рис. 39; 40). Постройка своим западным углом вписывалась в северо-восточный угол *жилища 2*, но таким образом, что при этом не пострадала печь, к тыльной части которой непосредственно прилегало сгоревшее бревно южной стенки вспомогательного помещения; его размеры 2,95 x 2,05 м. Пол этой служебной постройки выявлен на уровне 1,2 м, что несколько ниже, чем в самом жилище. В северной половине этого сооружения на полу расчищен завал горелого дерева, видимо, от перекрытия, в то время как по углам расчищены ямки от стояков (0,2 м в диаметре при глубине 1,3–1,35 м) с углями в их заполнении. Остатки сгоревшей облицовки стен котлована пристройки, сохранившие свою структуру почти на всю длину, представлены более толстыми бревнами (плахами), чем это было в завале, состоявшем из довольно тонких жердей (8–10 см), обломки которых сохранились на длину от 0,8 до 1,4–1,8 м (Рис. 40; 41; фото 5).

При расчистке постройки на ее полу были обнаружены три развала гончарных горшков второй половины XII — первой половины XIII в. (примечательно, что обломки одного из них находились и в пристройке, и в *жилище 2*), фрагментированную лепную сковородку, железный предмет неустановленного назначения (длина 11,6, ширина 1,2 см).

Кроме вышеописанных сооружений, в *Раскопе 2*, в его северной части зафиксирован угол еще одного помещения, ушедшего в северную стенку и оставшегося нераскопанным. Тем не менее, можно утверждать, что и оно было ориентировано углами по сторонам света, как и раскопанные ранее. К тому же в раскопе было расчищено 12 ям; некоторые из них несомненно составляли определенный единый комплекс с жилыми помещениями. Таковы, например, *ямы 1, 2–3*, выявленные в непосредственной близости с *жилищем 1*, или же *ямы 4–5* близ *жилища 2*. В то же время, ямы 6–12 представляли собой вполне отдельные сооружения, будучи связанными с указанными помещениями разве что единообразием массового материала.

Яма 1. Ее очертания выявились на расстоянии 2,05 м юго-западнее *жилища 1* с уровня 0,6 м как пятно темного грунта на фоне светло-желтого предматерикового суглинка. Зачистка позволила опреде-

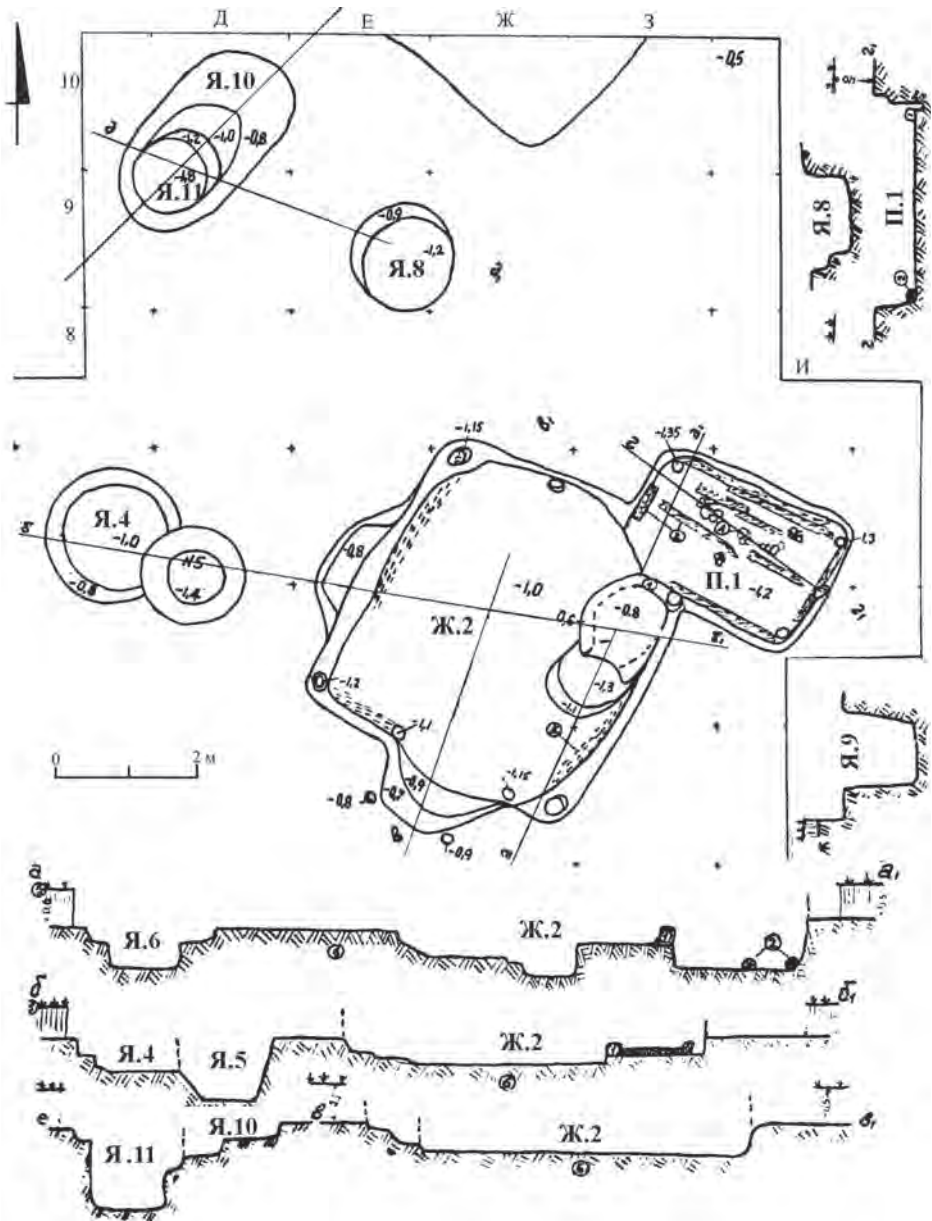

Рис. 39. Селище. Раскоп 2. Жилище 2, постройка 1 и хозяйственные ямы 4, 5, 8-11. План и профили

Рис. 40. Селище. Раскоп 2. Постройка 1 (вид с востока)

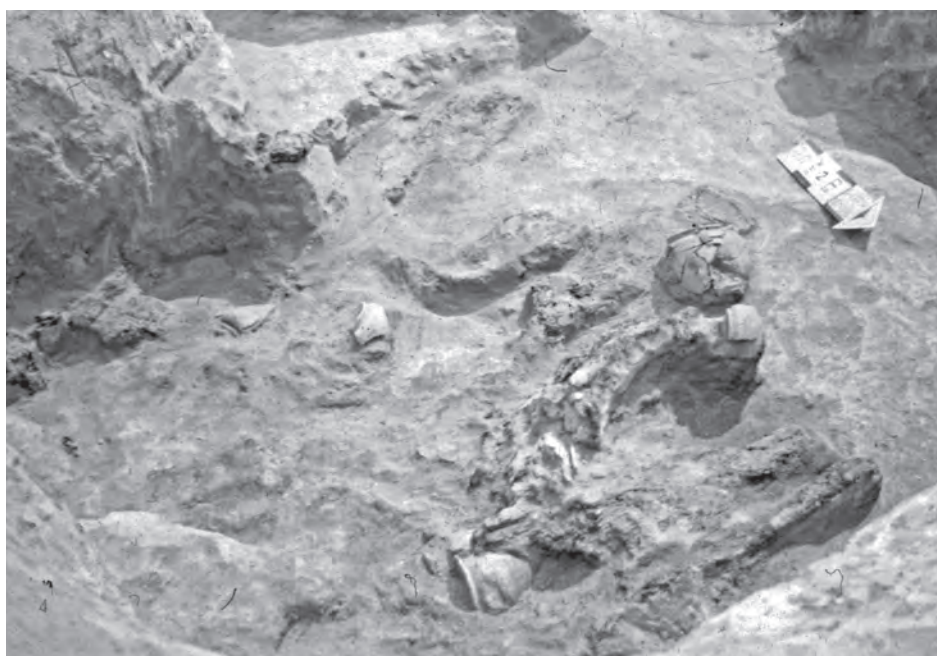

Рис. 41. Селище. Раскоп 2. Постройка 1. Развалы гончарных сосудов

лить ее конфигурацию в плане, а последующая выборка заполнения – другие параметры. Так, в плане она оказалась круглой с диаметром по верхнему срезу 1,3 м, а по дну, опущенному на глубину 1,4 м от уровня современного горизонта, с поперечником, не превышающим 0,9 м. Стенки ямы ровные, с некоторым наклоном вовнутрь ко дну.

В обычном по составу находок заполнении встречена гончарная керамика, кости животных, отдельные скопления угля и комьев обожженной глины. Особого внимания заслуживает углистая линза, расчищенная на уровне 0,95–1,0 м, в которой, однако, не обнаружено индивидуальных находок.

Ямы 2-3 (Рис. 42; 43). Первоначально, с момента появления темного пятна на расстоянии 0,55 м к югу от *жилища 1*, с глубины 0,6 м и до уровня 1,1 м расчищалась как одна большая яма, вытянутая в плане по линии В–З. В процессе выборки заполнения были определены общие параметры: по длинной оси 2,25 м и 1,65 м – по короткой; с уровня 1,0 м (глубина *ямы 2*) были расчищены контуры круглой в плане *ямы 3* (верхний диаметр 1,0 м), дно которой было врезано в материковый лесс на 1,7 м. По всему периметру стенок этой ямы прокопан подбой таким образом, что диаметр по дну составил 1,4 м. Стенки *ямы 3* ровные, расширяющиеся ко дну, сильно закопчены; явные следы обжига видны на восточной стороне. На дне выделяется скопление золы в виде плотного пласта, под которым найден обломок бортика

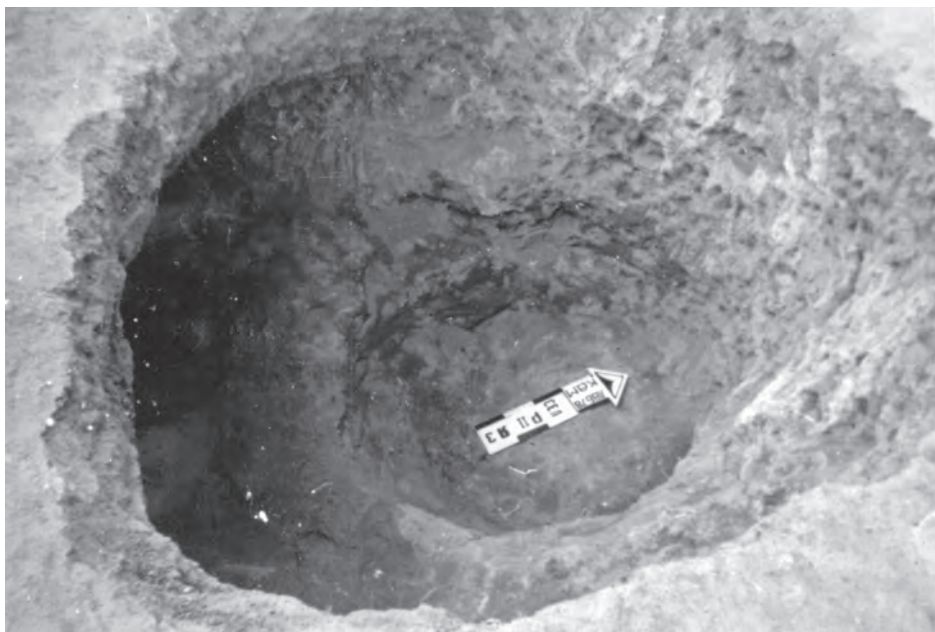

Рис. 42. Селище. Раскоп 2. Яма 2-3 (вид с юга)

Рис. 43. Селище. Раскоп 2. Яма 2-3 (вид с востока)

лепной сковородки, часть железной крицы. Особо следует упомянуть несколько фрагментов лепных, но сформованных на медленном круге сосудов, орнаментированных гусеничным штампом и врезной полой многорядной волной (видимо, посредством этого же штампа).

В невыразительном гумусированном заполнении обеих ям представлена преимущественно керамика древнерусского времени XII в. (Рис. 53, 3) наряду с обломками лепной роменской посуды; а также костяная застежка (Рис. 119, 20). В восточной части (*яма 2*) был расчищен скелет особи мелкого рогатого скота, находившийся в анатомическом порядке.

Ямы 4 и 5 (Рис. 44). Расположены в 0,5 м к западу от западного приямка (окна) *жилища 2* на глубине 0,55 м. В ходе расчистки оказалось, что яма 5 своим западным краем вписалась в *яму 4*, и несмотря на ее большую глубину раскапывались одновременно. Обе они были круглыми в плане и располагались на одной оси, вытянутой по линии В–З. Дно ямы 4 обнаружилось на глубине 1,0 м; ее диаметр по верхнему срезу определялся в 1,9 м, а по дну – 1,45 м; стенки ровные с некоторым наклоном вовнутрь. На уровне 0,8 м в яме расчищены заплечики по всему периметру. В обычном гумусированном заполне-

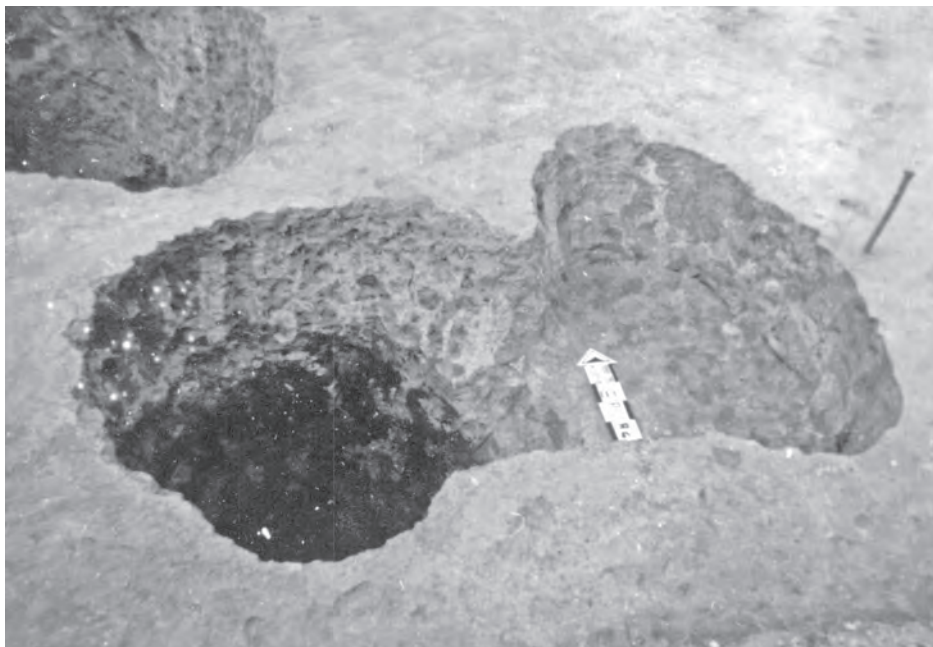

Рис. 44. Селище. Раскоп 2. Ямы 4, 5 (вид с юга)

нии, помимо керамических культурных остатков (гончарной технологии), сколько-нибудь существенных находок не обнаружено.

Как и предшествующая, *яма 5* – круглая в плане, а в разрезе представляла собой перевернутый геометрически правильный конус со срезанной вершиной. Основание этого конуса (верхний срез) имело в диаметре 1,4 м, а по дну – 0,9 м; последнее расчищено на уровне 1,4 м. Стенки ровные, с наклоном ко дну, на котором был выявлен значительной толщины (0,45 м) пласт плотной золы вперемешку с углем и комьями обожженной глины. В этом слое однако полностью отсутствовали кости животных и обломки глиняных сосудов, хотя они и встречались в верхних горизонтах заполнения, представляя как роменскую, так и древнерусскую посуду.

Яма 6. Обнаружилась на юго-восточном участке раскопа с глубиной 0,6 м в виде продолговатого пятна гумусированной почвы, вытянутого по линии ССВ–ЮЮЗ. Зачистка позволила уточнить его конфигурацию в виде неправильного с закругленными углами прямоугольника с такими параметрами: по длинной оси 2,55, а по короткой – 1,9 м. По периметру внутренних краев ямы имелись заплечики неравномерной ширины – от 0,15 до 0,4 м, опущенные до уровня 0,8 м от поверхности; дно ямы было расчищено на глубине 1,2 м.

Здесь же встречались немногочисленные обломки лепной роменской и гончарной древнерусской посуды.

Яма 7 (Рис. 45). Контуры ее обозначились во время раскопок ямы 6, на которую она наложилась своей западной частью; зафиксирована также с уровня залегания предматерикового суглинка, т. е. 0,6 м. В плане имела неправильную круглую форму с поперечниками 1,35 м и 1,45 м; стенки и дно ровные, без видимых следов обмазки или обжига. Дно опущено на глубину 0,8 м от горизонта. В гумусированном заполнении встречались угольки, комочки обожженной глины и отдельные фрагменты лепной и гончарной керамики. На дне расчищен скелет крупного животного, очевидно, лошади.

Рис. 45. Селище. Раскоп 2. Яма 7

Яма 8. Находилась в северной части раскопа, севернее соответствующего угла жилища 2, прослежена с глубины 0,5 м. В плане имела круглую форму со следующими размерами по верхнему диаметральному сечению 1,45 м; дно опущено на уровень 1,2 м от современного горизонта, причем его диаметр не превышает 1,25 м. В северо-западной стороне ямы расчищена закраина шириной 0,25 м, прокопанная на глубину 0,9 м.

В гумусированном рыхлом заполнении никаких находок, исключая немногочисленные обломки лепной и гончарной керамики и костей животных, обнаружено не было.

Яма 9. Расположена в средней части раскопа, у его западной стенки. По форме в плане круглая, с ровными, сужающимися ко дну стенками. Ее контуры обозначились с глубины 0,55 м от современной поверхности. Посредством расчистки были выяснены размеры ямы, которые определяются диаметром по верхнему срезу 1,15 м, диаметром по дну 1,05 м, глубиной до 1,75 м.

В заполнении ямы ближе ко дну отмечены золистые прослойки, толщиной не более 2–3 см; на глубине 0,3 м от дна был зафиксирован пласт золы вперемешку с угольками, очень плотной консистенции, толщина которого не превышала 0,05 м; в нем содержались обгорелые кости, обломки гончарной древнерусской и единичные фрагменты лепной роменской посуды.

Ямы 10–11. Контуры ямы в виде продолговатого пятна гумусированного грунта, вытянутого по линии СВ–ЮЗ, выявились на глубине 0,5 м в северной части раскопа. Фактически она состояла из двух разновеликих ям, что и определило ее довольно сложную конфигурацию; при этом *яма 11* занимала юго-западную часть *ямы 10* с глубины 0,8 м, двумя ступеньками различной ширины (0,5 и 0,2 м), прокопанными соответственно на уровнях 1,0 и 1,2 м, опускаясь ко дну *ямы 11*, расчищенному на глубине 1,8 м. Общая длина ям по линии сечения составила 3,2 для ямы 10 м, а ширина по коротким осям соответственно для *ямы 10*–1,65 м и 1,45 м – для *ямы 11*.

В гумусированном заполнении, содержащем преимущественно керамические обломки, были найдены два железных ножа, обломков рабочей части серпа, обломок косы-горбуши, поясная пряжка (Рис. 117, 3, 19), а в верхней части этого, безусловно, комплексного единовременного сооружения – развал древнерусского сосуда с врезным линейно-волнистым орнаментом по плечикам.

Яма 12. Находилась на юго-западном участке *Раскопа 2*, на расстоянии 0,7 м от западного угла *жилища 1*. Как и большинство хозяйственных ям, имела круглую в плане форму, слегка вытянутую по линии С–Ю. При расчистке в ее западной стенке выявился подбой, максимальная ширина которого не превышала 0,2 м, и две ступеньки – заплечики с восточной стороны; их ширина по 15 см при высоте каждой также не более 15 см. Верхний поперечник ямы по оси сечения составлял 1,6 м, а нижний – 1,55 м. Дно расчищено на уровне 1,8 м от современной поверхности.

Заполнение ямы сильно гумусированное, темного цвета с включением отдельных мелких угольков и комочков горелой глины, прослойками золы и относительно незначительным количеством обломков лепной и гончарной посуды. Из особых находок следует на-

звать медорезный нож (Рис. 117, 2I), обнаруженный в заполнении на отметке 1,2 м, а также керамические жетоны из стенок сосудов.

Кроме описанных выше раскопов, на свободной от посевов, усадеб и леса площади селища для выяснения границ поселения, хотя бы по распространенности керамики и культурных остатков, было заложено несколько траншей и шурфов. *Траншея 1* (Рис. 46) была разбита в 80 м к северо-западу от северо-западного угла *Раскопа 2*, длина которой достигала 40 м при ширине от 2,0 до 4,0 м. Несмотря на богатый подъемный материал, собранный на пахотной поверхности и представленный, главным образом, керамикой древнерусского времени, культурный слой в этой траншее, как и в шурфах и других траншеях, при относительной мощности (0,5 – 0,6 м) оказался чрезвычайно

Рис. 46. Селище. Траншея I. Группа хозяйственных ям (вид с севера)

скудным. В обычном гумусированном заполнении встречались единичные фрагменты глиняных сосудов, кости животных, уголь, зола.

В траншеях расчищено несколько ям, и поскольку они ничего существенного не дали для общей характеристики поселения как по находкам, так и по характеру конструктивных особенностей, ниже дана их суммарная характеристика.

Все они были круглыми или овальными в плане, опущены в материковый грунт на незначительную глубину (не более 1,0 м), стенки и дно ровные. Какой-то системы в их расположении не выявлено. Ничего определенного нельзя сказать и об их назначении, так как ни при их расчистке, ни в заполнении, не было получено решительно

никаких специфических материалов для этого. Не просматривается и существенной разницы в соотношении роменской и древнерусской керамики, разве что в отдельных местах отмечается преобладание какой-то одной группы. Таково, например, скопление обломков преимущественно роменской посуды на северном участке траншеи. При этом любопытно отметить, что ни в трех траншеях, ни в одиннадцати шурфах, не было обнаружено каких бы то ни было остатков более капитальных сооружений, чем рядовые хозяйственные ямы. Говорить о заранее продуманном размещении этих последних в особом месте поселения, также пока не приходится, ввиду отсутствия каких-то планиграфических оснований.

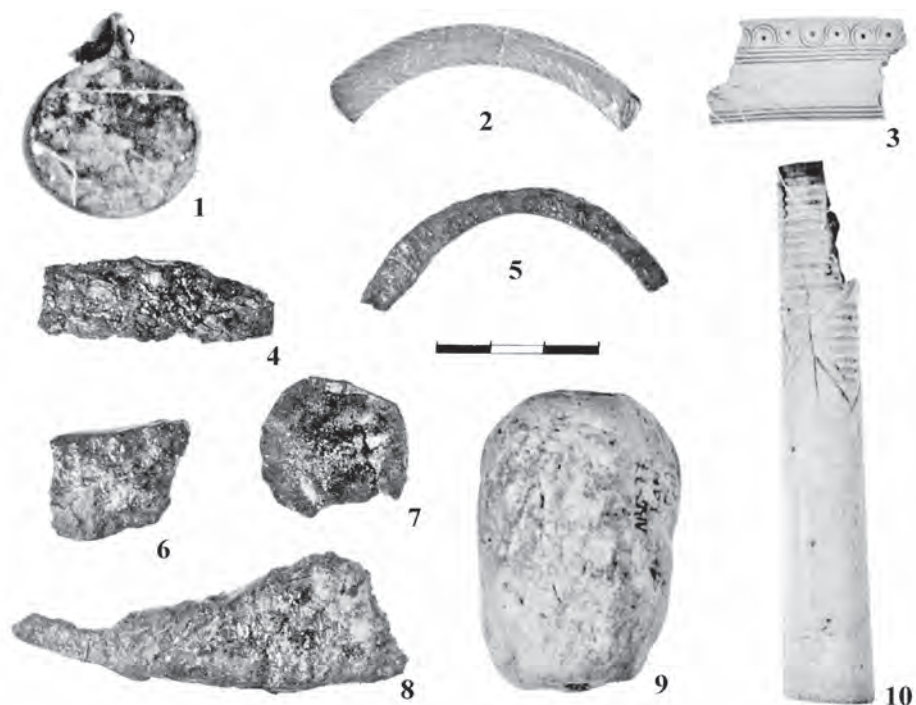

Рис. 47. Селище. Находки из слоя и объектов

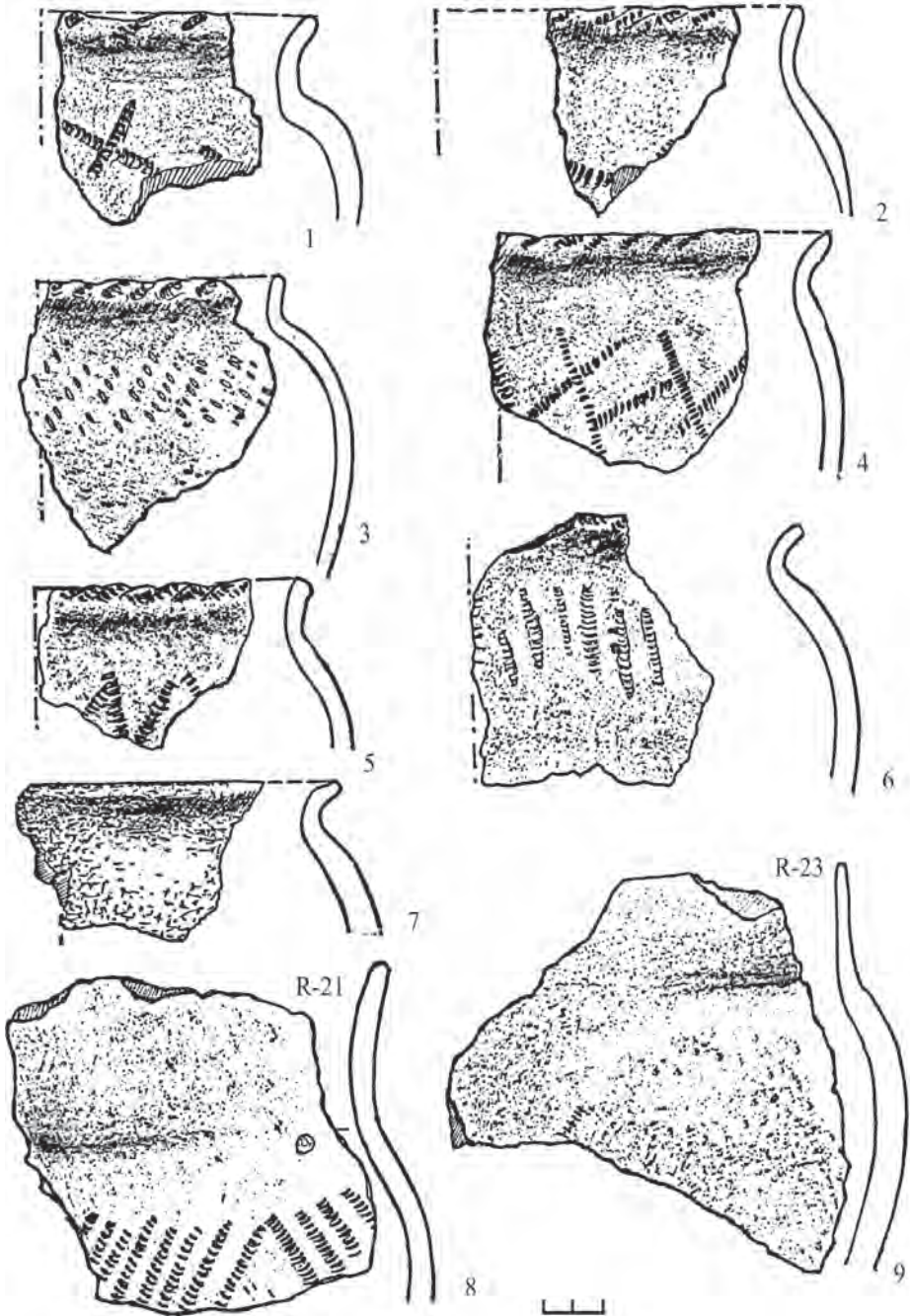

Рис. 48. Селище. Раскоп 2. Фрагменты лепных сосудов

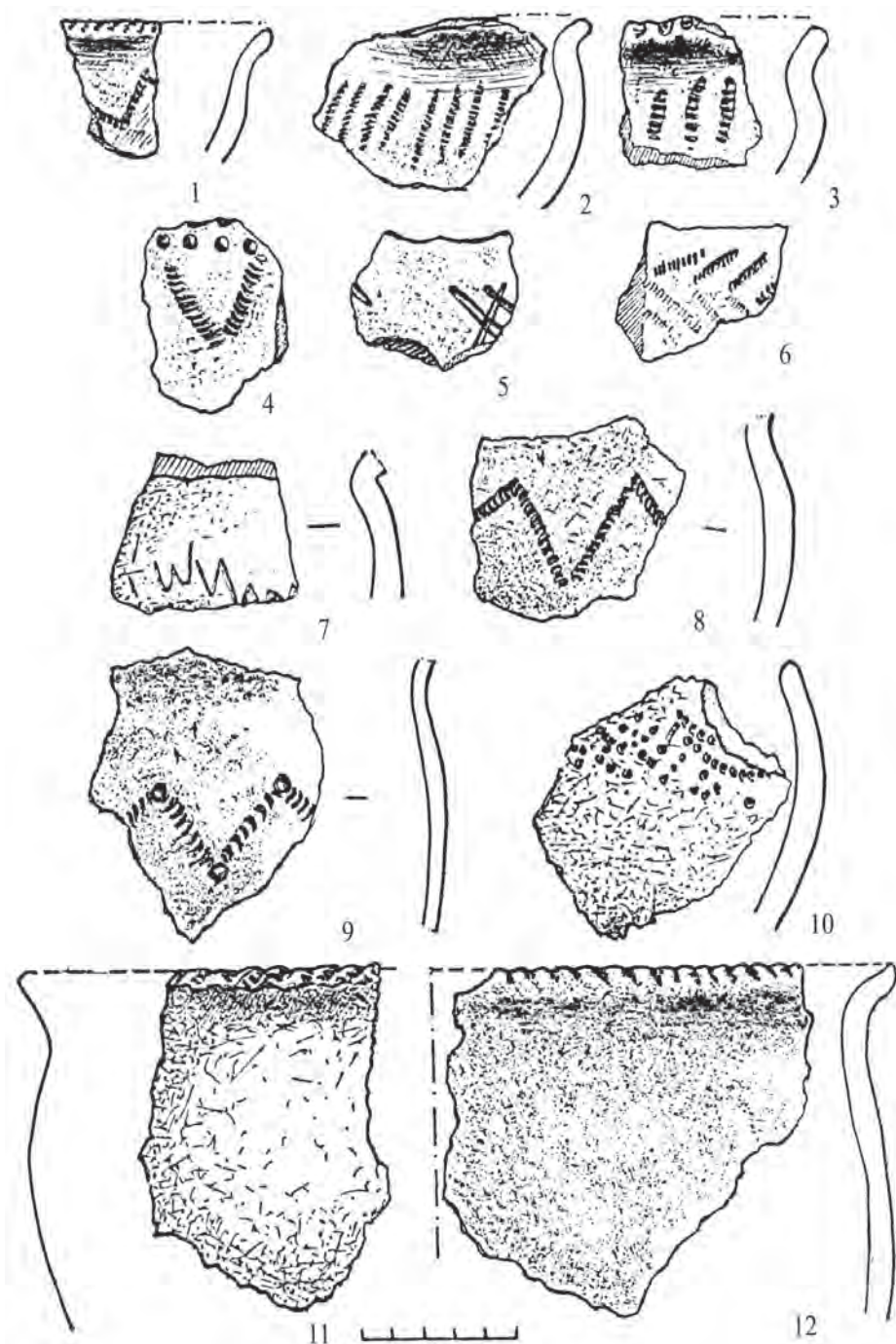

Рис. 49. Селище. Раскоп 2. Фрагменты лепных сосудов

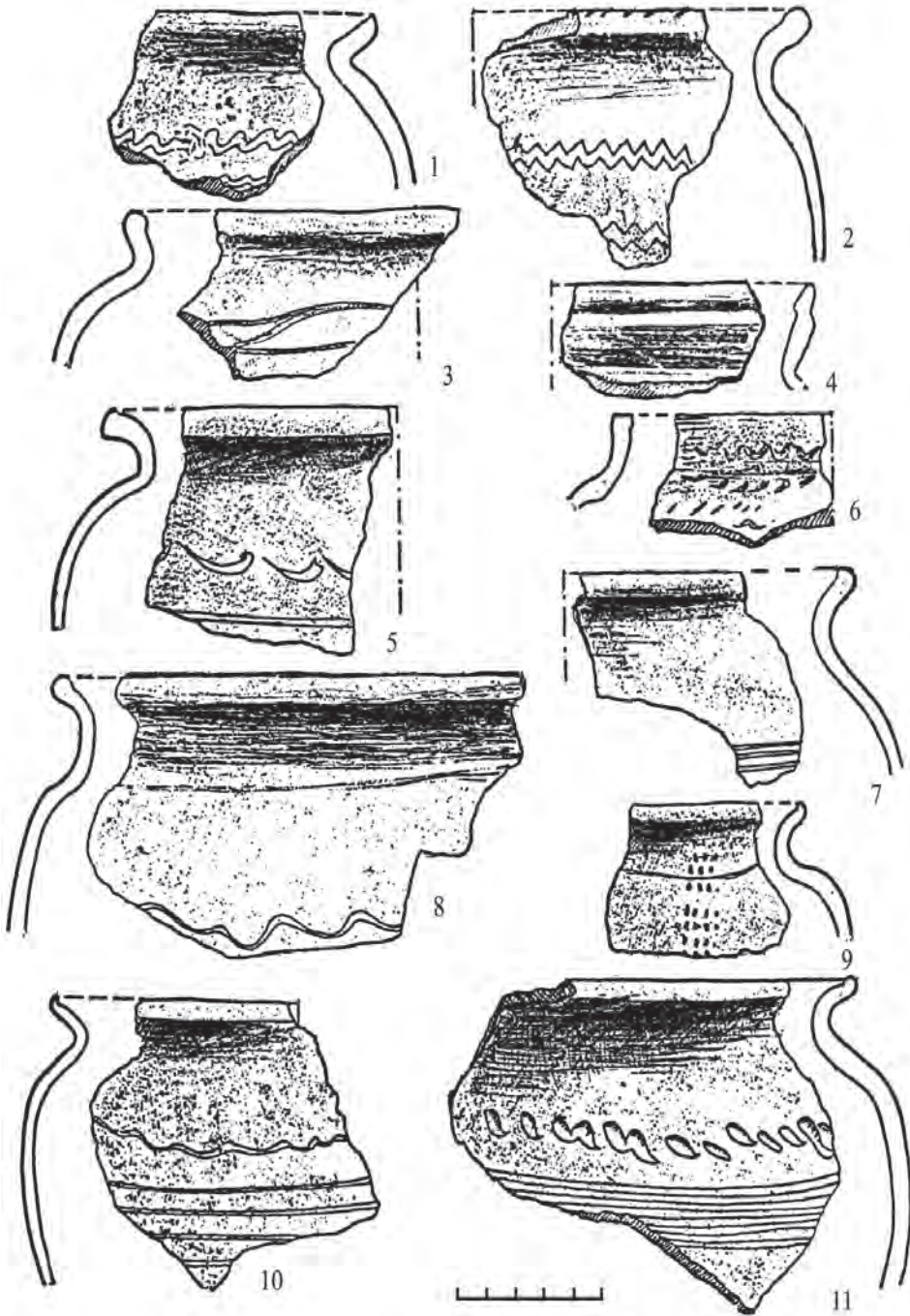

Рис. 50. Селище. Раскоп 2. Фрагменты гончарных сосудов

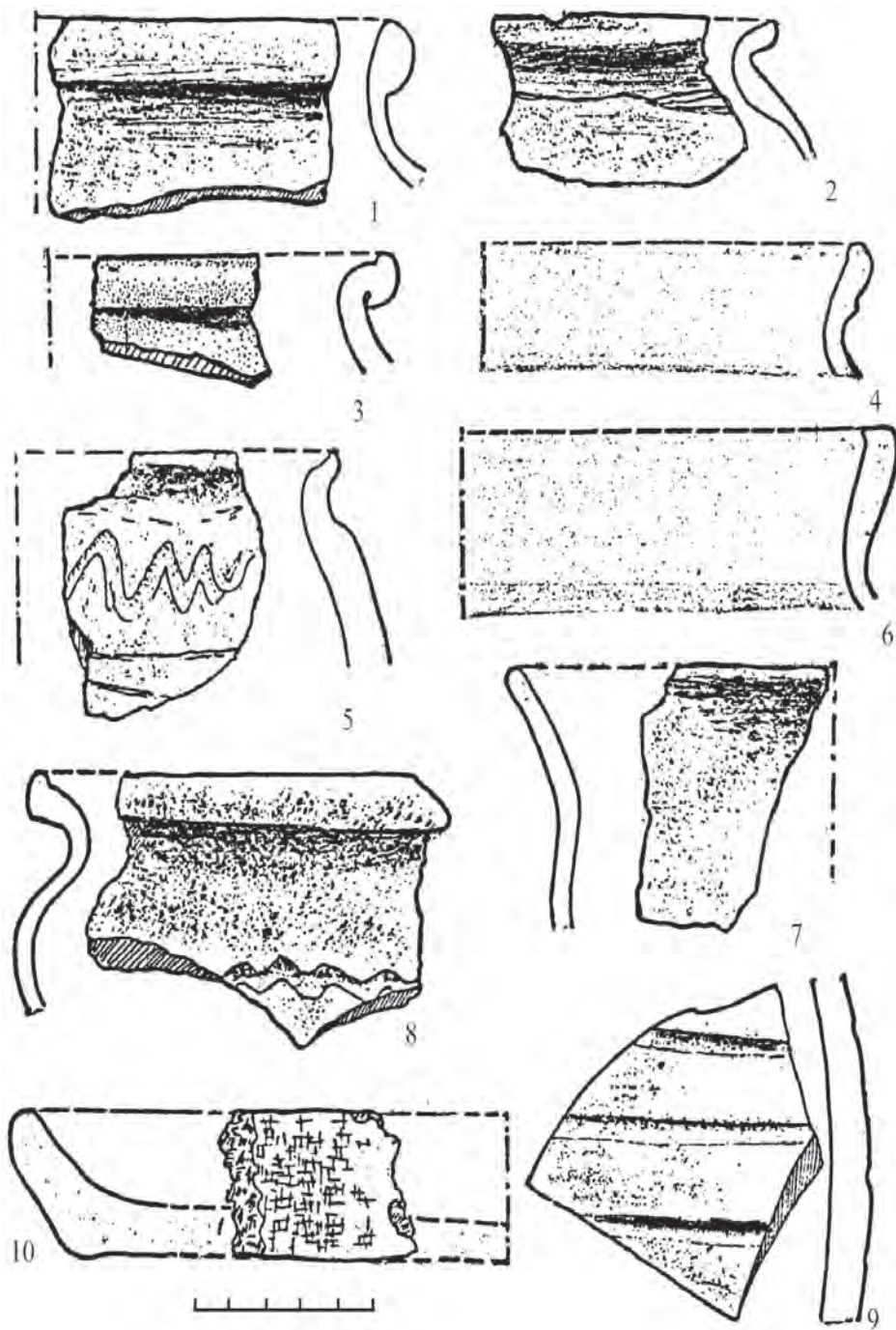

Рис. 51. Селище. Раскоп 2. Фрагменты лепных (5, 7, 10) и гончарных (1-4, 6, 8, 9) сосудов

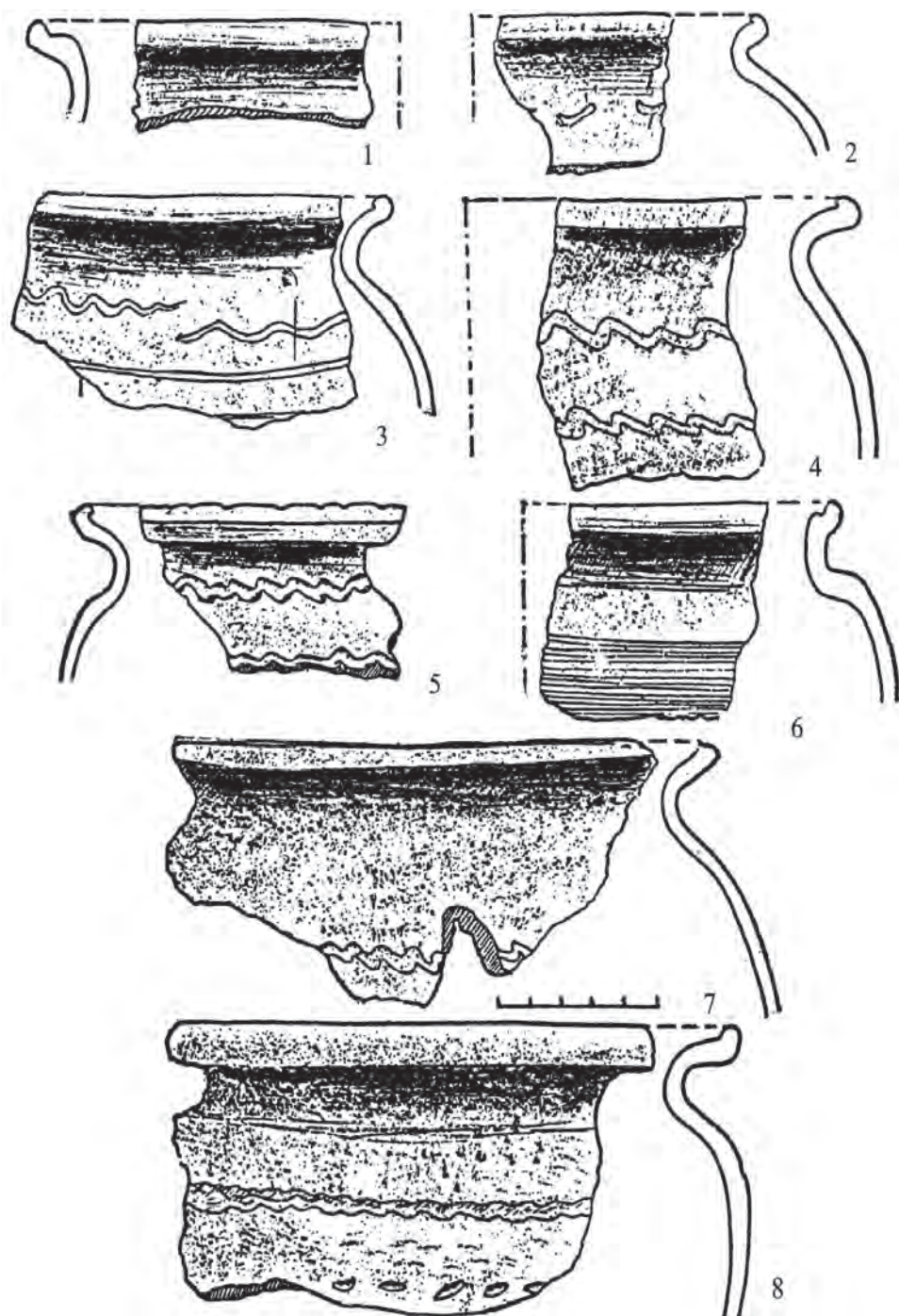

Рис. 52. Селище. Раскоп 2. Фрагменты гончарных сосудов

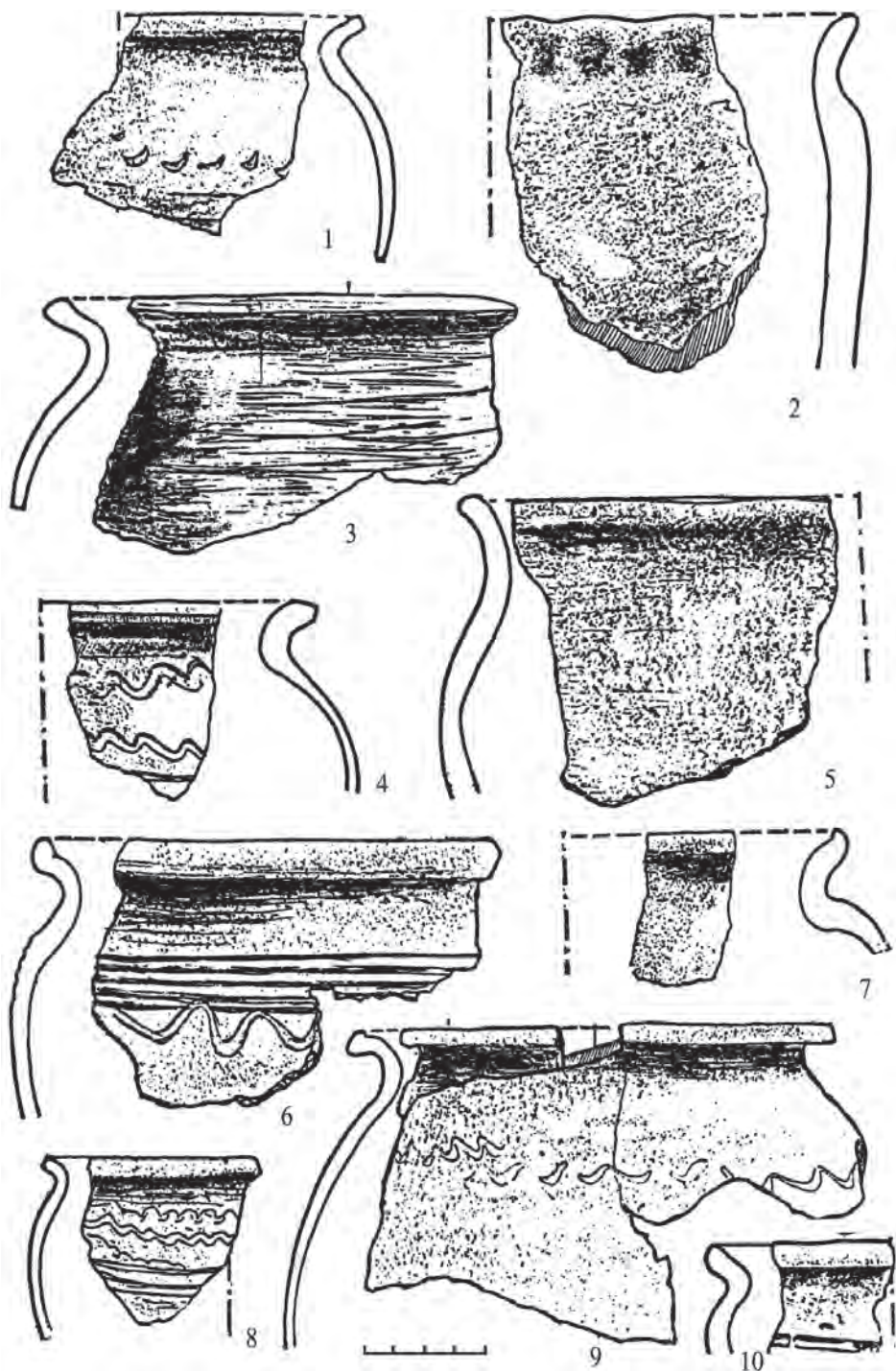

Рис. 53. Селище. Раскоп 2. Фрагменты гончарных (1, 3, 4, 6-10) и лепных (2, 5) сосудов

Глава II

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У с. КАМЕННОЕ

Курганный могильник является важной составной частью археологического комплекса у с. Каменное. По данным инструментальной съемки посредством кипрегеля, он расположен на плато коренного берега р. Псел к северо-северо-востоку от городища и селища; занимает площадь около 2,5 га и состоит из 144 насыпей (Рис. 2; 54). Высота этого участка над летним уровнем реки составляет 35,2 м. Со всех сторон территория древнего кладбища окружена лесом, посадками молодого дубняка, отдельно стоящими дубами, судя по толщине их стволов, весьма почтенного возраста; поросла кустами. На задернованной поверхности видны параллельные траншеи, проделанные плантажным плугом под саженцы дуба, не взирая на холмистый рельеф местности, образованный курганами.

Насыпи расположены очень скучено, иногда сливаясь полями друг с другом. Определенной закономерности в их расположении визуально не прослеживается, разве что можно отметить общую протяженность древнего могильника по линии СЗ—ЮВ на расстояние 390 м (Рис. 54). Наибольшая скученность насыпей заметна в западной части могильника, где полевая дорога отделяет группу из 51 кургана. Еще одна группа из 15 могил отмечена к югу от вышеназванной, будучи отделенной от края плато невысокой (до 0,5 м) валообразной прерывистой насыпью и ровиком с запада и юга, протянувшимися соответственно на 25 и 35 м. По-видимому, проведение этих земляных работ было предпринято в новейшее время и не представляет предмета археологических исследований.

Курганы невелики, их высота находится в пределах 0,5–1,7 м, при диаметре соответственно от 5,0 до 12,5–16,6 м. Какого-либо соотношения между курганами более крупных размеров и насыпями меньших параметров на основании только внешнего осмотра установить не представляется возможным.

Визуально было зафиксировано, что значительная часть курганов в разное время подвергалась грабительским раскопкам, на что указывают имеющиеся ямы в центре вершук насыпей (насчитано 57 курганов). Часть из них была специально доисследована, в ходе чего подтвердился вывод о грабительском происхождении воронок.

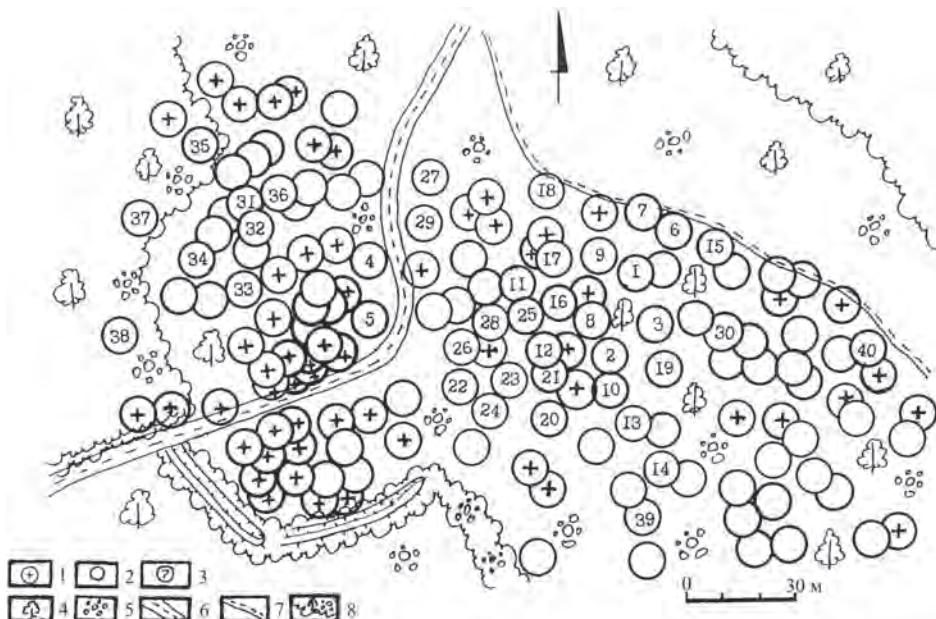

Рис. 54. Курганный могильник. План: 1 – поврежденные курганы; 2 – неповрежденные насыпи; 3 – раскопки 1976–1978 гг.; 4 – отдельные деревья; 5 – кустарник; 6 – полевая дорога; 7 – тропинка; 8 – лес лиственный

Курган 1. Занимал срединное положение в северной части восточной группы неповрежденных насыпей, на расстоянии 6 м к востоку от отдельно стоящего высокого старого дуба. На задернованной поверхности насыпи, в ее центральной части, несколько смещаясь к югу, просматривается неглубокая (0,25 м) западинка до трех метров в поперечнике. Вокруг кургана заметно углубление в виде канавки, ширина которой от 1,2 м до 1,5 м и глубина около 0,35 м. Этот курган относительно высокий (до 1,7 м); его диаметр вместе с ровиком составлял около 15 м (Рис. 55).

Предварительно курган был растрассирован по сторонам света, по оси С–Ю заложена контрольная траншея шириной 1,0 м. Снятие насыпи производилось последовательно, четвертями. В ходе раскопок была выявлена следующая стратиграфия: дерновый слой – 0,2 м; бурая глина – 0,3–0,45 м; гумусированный слой почвы темного цвета – 0,15–0,2 м; золисто-углистая прослойка вперемешку с линзами бурой глины, чернозема и предматерикового суглинка – 0,65 м; слой погребенного чернозема – 0,2 м, ниже которого залегал предматериковый суглинок светло-бурого цвета до 0,15 м и лессовидный материковый грунт светло-желтого цвета. После снятия насыпи выяснилось, что

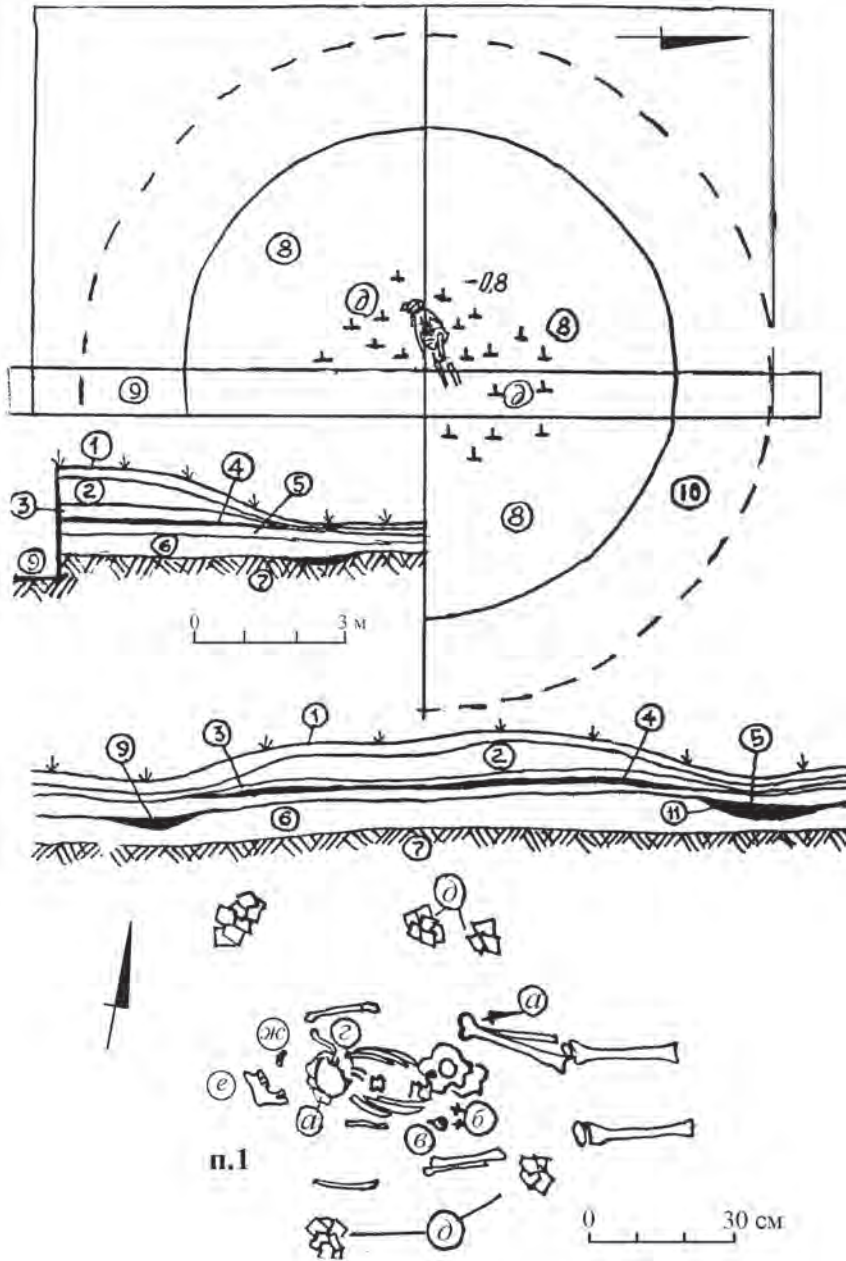

Рис. 55. Курган 1. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – бурая глина; 3 – гумусированная темно-бурая глина; 4 – зола, угольки; 5 – погребенный чернозем; 6 – предматериковый лессовидный суглинок; 7 – материковый лесс; 8 – снятая часть насыпи; 9 – контрольная траншея; 10 – ровик по периметру насыпи; 11 – илистое заполнение ровика. План погребения: а – нож железный; б – поясной наконечник салтовского типа; в – бубенчик; г – астрагалы; д – обломки керамики; е – кости черепа; ж – разрозненные зубы

кольцевая канавка врезана в предматериковый суглинок, а на ее дне расчищено илистое заполнение интенсивно черного цвета, поверх которого находились чередующиеся прослойки бурой почвы с тонкими линзами золы и угля.

Погребение 1 (Рис. 55) выявлено в центральной части под насыпью, непосредственно на золисто-углистой подсыпке, на глубине 0,8 м от поверхности; на этом же уровне обнаружены разрозненные фрагменты лепной и гончарной керамики. Скелет полностью не сохранился: остались обломки черепной крышки и нижняя челюсть, раздавленные кости таза и находившиеся в анатомическом порядке кости верхних и нижних конечностей, исключая правую берцовую. Длина сохранившейся части костяка 0,87 м, а в плечевом поясе его ширина составляет 0,45 м. На расстоянии 0,25–0,5 м расчищены расположенные по линии ЮЮЗ – ССВ три скопления фрагментов гончарной и лепной посуды, по-видимому, преднамеренно разбитой и разбросанной таким образом, что восстановить хотя бы форму верхней части не представлялось возможным.

В качестве сопутствующего инвентаря при покойном найдены: железный коррозированный нож (в области левого бедра), серебряный с растительным орнаментом наконечник пояса салтовского типа (под костями таза), три астрагала мелких животных и бронзовый грушевидный бубенчик с крестообразной прорезью (в костях грудной клетки) (Рис. 56, 1–4).

Курган 2. Расположен в 8 м к югу от *кургана 1*. По своим параметрам относится к числу средних: его высота составляла 1,35 м при диаметре 14 м (Рис. 57). На поросшей бурьяном поверхности у подножия довольно четко просматривалось углубление канавки, как позднее выяснилось, шириной 1,3 м и глубиной 0,15–0,2 м от современной поверхности, на дне которой выявилось илистое заполнение. Контрольная траншея (ширина 0,5 м) заложена по линии С–Ю. Насыпь была снята на три четверти.

Стратиграфия объекта представлена: дерновым слоем – 0,25 м, бурой почвой – 0,5 м, темным гумусированным грунтом – 0,25 м, погребенным черноземом – 0,2 м, предматериковым суглинком – 0,15 м. Ниже последнего залегал материковый лесс.

В насыпи выявлены два погребения, первое из которых находилось ближе к центру. Расчистка *погребения 1* началась с глубины 0,5 м от поверхности кургана. Костяк был ориентирован головой на запад с небольшим смещением к югу и находился в правильном анатомическом порядке, за исключением отсутствующей правой локтевой кости; голени и кости стоп были повреж-

Рис. 56. Инвентарь погребений: 1-4 – п. 1 к. 1; 5-10 – п. 1 к. 2; 11-18 – п. 2 к. 2; 19 – к. 3; 20, 21 – к. 4; 22-25 – к. 5

дены одним из рабочих при прокладке контрольной траншеи. Длина сохранившейся части скелета – 1,3 м, ширина в плечевом поясе – 0,5 м; череп покойного обращен лицевой частью к западу; кисть левой руки, судя по ее положению, находилась на тазовых костях (Рис. 57).

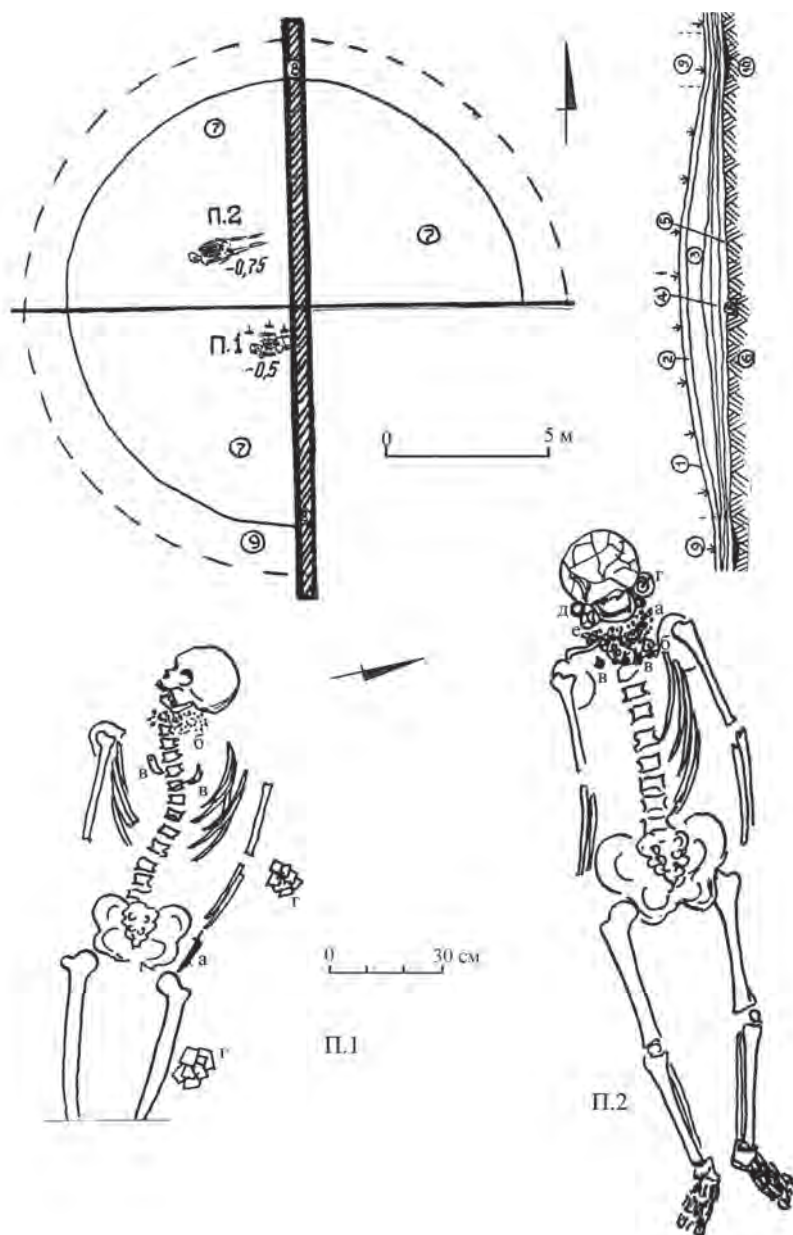

Рис. 57. Курган 2. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – бурая почва; 3 – гумусированная темно-бурая глина; 4 – погребенный чернозем; 5 – предматериковый суглинок; 6 – материковый лесс; 7 – снятая часть насыпи; 8 – контрольная траншея; 9 – ровик; 10 – снятое заполнение ровика. План погребений: погребение 1: а – нож железный; б – бусы бисерные; в – клыки-амулеты; г – обломки гончарной посуды; погребение 2: а – бусы различные; б – ажурные подвески серебряные; в – пуговицы бронзовые; г – большое бронзовое височное кольцо; д – железное кольцо; е – малые височные кольца

При погребенном обнаружены: железный нож (у левого бедра), бронзовая проволочная серьга с бусиной из зеленого стекла, 32 бисерные бусины (в области шейных позвонков и грудной клетки), два амулета из просверленных медвежьих клыков (в костях грудины); вблизи локтевого сгиба левой руки и у левого бедра расчищены разрозненные обломки лепной и гончарной посуды. К этому же погребению отнесена найденная на глубине 0,7 м серебряная салтовская поясная бляшка (Рис. 56, 5–10).

Погребение 2 выявлено в северо-западной четверти кургана на глубине 0,75 м, на расстоянии 2,7 м к северо-западу от первого. Костяк сохранился относительно хорошо, исключая отсутствующие кисти рук и раздавленный череп. Скелет сориентирован головой на запад с незначительным смещением его длинной оси в южном направлении; общая длина костяка 1,8 м при ширине в плечевом поясе 0,43 м. Кости рук вытянуты вдоль тела, череп фрагментирован.

Во время расчистки костяка обнаружены: в области верхней части грудной клетки бусы из бисера, стекла с позолотой, разноцветной пасты (53 экз.), а также две бронзовые пуговицы; слева под черепом — большое бронзовое кольцо и массивное железное кольцо у черепа справа; в области нижней челюсти — два малых височных

Рис. 58. Курган 2. Погребение 2. Расположение украшений in situ

кольца из бронзовой проволоки; на грудной клетке – две серебряные ажурные подвески и одна фигурная (Рис. 56, 11–18; 58).

Согласно антропологическому определению В.Д. Дяченко и П.М. Покаса, скелет первого погребения принадлежал мужчине зрелого возраста, а второго – мужчине старческого возраста. В этом и ряде других случаев ниже (см.: *Приложение 1*) оценка антропологов разительно расходится с показаниями набора инвентаря погребений, включающих классические «женские» признаки – бусы, височные кольца.

Курган 3. Находился в 12,5 м к юго-востоку от кургана 1, в непосредственной близости от *кургана 2*. Относится к числу крупных: высота насыпи 1,2 м при диаметре 8 м или 9,8 м вместе с кольцевым ровиком, ширина которого достигает 1,0 м (Рис. 59). Поверхность задернована, следов повреждения курганной насыпи не отмечено. В ходе снятия насыпи выяснилась ее стратиграфия: дерновый слой – 0,25 м, светлая глина – 0,5 м, темная гумусированная почва – 0,3 м, погребенный чернозем – 0,2 м, предматериковый суглинок – 0,25 м. В кольцевом ровике-канавке, дно которого углублено на 0,35 м, прослежены илистые заполнения, толщиной 0,10–0,15 м.

Курган содержал в центре западной половины насыпи два захоронения в гробовищах, от которых сохранились лишь следы древесного тлена, что не дает возможности судить об их конструкции. Захоронения обнаружались на глубине 1,5 м от поверхности, будучи опущенными в предматериковый суглинок. Скелеты погребенных были ориентированы головой на запад с некоторым отклонением к северу (Рис. 59; 60). Они находились в вытянутом на спине положении, с руками вдоль тела и лицами, обращенными к северу.

Оба костяка сохраняли правильное анатомическое положение, исключая отсутствие кистей рук у обоих погребенных и ног (у одного). Длина одного, видимо, мужского, скелета составляет 1,85 м при ширине плечевого пояса 0,45 м; судя по протяженности древесного тлена длина гробовища была 1,92 м, а ширина – 0,53 м. Во время расчистки данного *погребения 1* в области шеи слева обнаружена крупная пастовая бусина (Рис. 124, 1), а в костях таза – медная бляшка круглой формы с двумя штифтами (Рис. 56, 19).

Скелет принадлежал мужчине зрелого возраста (около 55 лет).

Длина сохранившейся части *погребения 2* достигала 1,7 м, ширина скелета в плечевом поясе – 0,36 м; расположение полос дре-

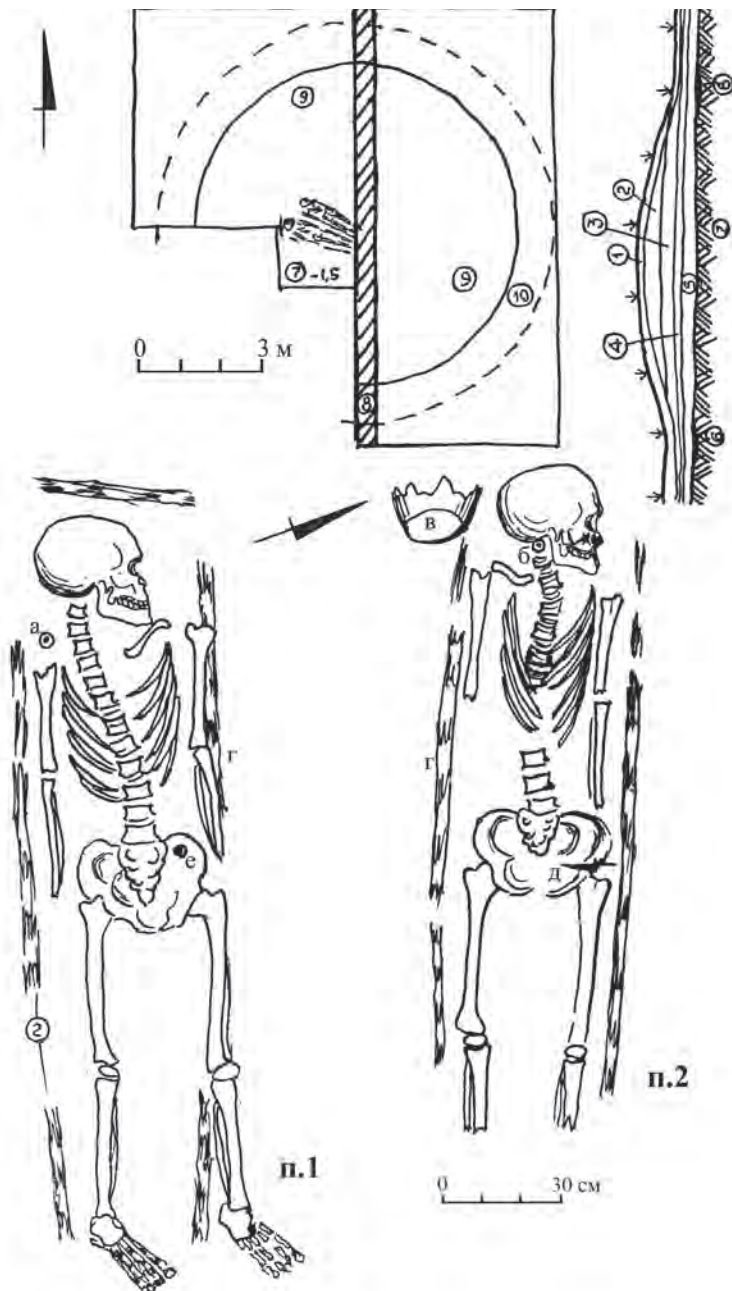

Рис. 59. Курган 3. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – светло-бурая глина; 3 – гумусированная темно-бурая глина; 4 – погребенный чернозем; 5 – предматериковый лессовидный суглинок; 6 – илистое заполнение ровика; 7 – материковый лесс; 8 – контрольная траншея; 9 – снятая часть насыпи; 10 – ровик. План погребений: а – большая мозаичная пастовая бусина; б – серьга височная бронзовая; в – гончарный сосуд; г – древесный тлен; д – нож железный; е – бляшка

Рис. 60. Курган 3. Погребения 1 и 2 (вид с востока)

весного тлена не позволило установить подлинные размеры гробовища: ширина равна 0,52 м, в то время как сохранившиеся длинные стороны не превышали 1,20 м.

В ходе расчистки скелета при покойном были выявлены: справа близ черепа придонная часть гончарного горшка, а у его основания – серьга из бронзовой проволоки; в костях таза слева – железный нож.

Скелет в этом захоронении принадлежал молодой (20–25 лет) женщине.

Курган 4. Располагался в западной группе курганов, отделенной полевой дорогой от остальных могил некрополя. Высота насыпи от предматерикового суглинка до современной поверхности, как выяснилось в процессе раскопок, составляла 1,1 м, диаметр совместно с кольцевым ровиком – 12 м. Курган был растрассирован по сторонам света, контрольная траншея шириной 0,5 м сориентирована по линии С–Ю. Поверхность насыпи задернована, на ее западной половине видны следы самодельных раскопок в виде двух заплывших ямок (современная глубина 0,2 м, диаметр – не более 0,5 м). Вокруг насыпи отчетливо заметен кольцевой ровик шириной от 0,8 до 1,0 м. Стратиграфия насыпи характеризуется дерновым слоем – 0,25 м, слоем глины вперемешку с черноземом – 0,6 м, слоем погребенной почвы и предматерикового суглинка – 0,35 м, ниже

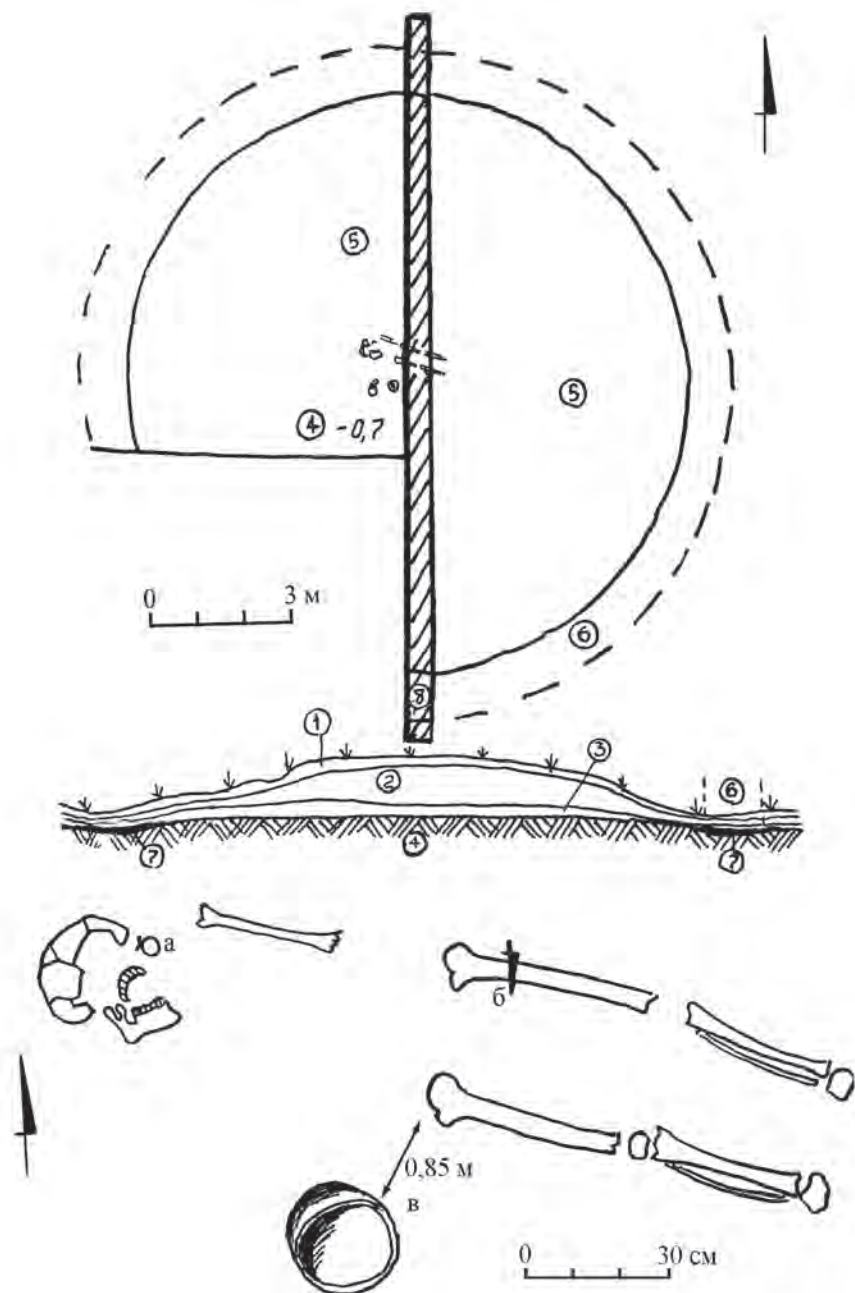

Рис. 61. Курган 4. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – бурая глина в смеси с черноземом; 3 – погребенная почва; 4 – предматериковый лессовидный суглинок; 5 – снятая часть насыпи; 6 – ровик; 7 – илистое заполнение ровика; 8 – контрольная траншея. План погребения: а – височное проволочное кольцо медное; б – нож железный; в – глиняная лепная миска

Рис. 62. Курган 4. Погребение (вид с востока)

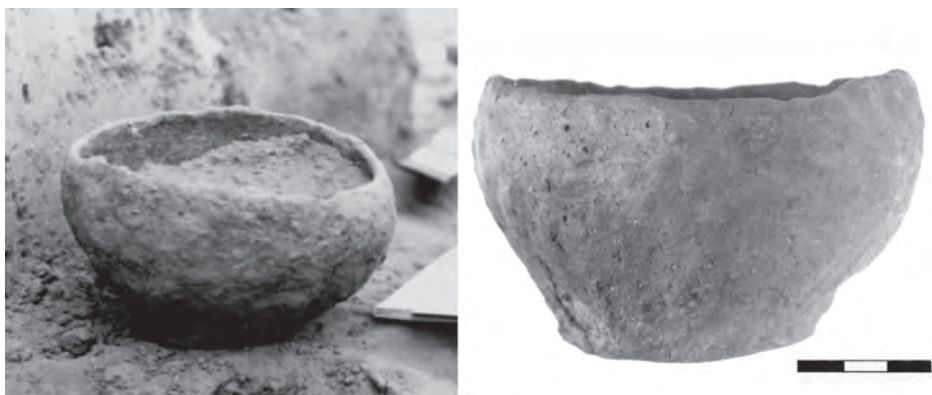

Рис. 63. Курган 4. Лепная миска из погребения

последнего находился материковый лесс. На дне углубленной в материк на 0,15–0,2 м канавки отмечено наличие илистого заполнения с включением угольков и золы в верхних отложениях (Рис. 61).

Погребение обнаружено в центральной части насыпи с уровня 0,7 м от поверхности в виде разрушенного скелета, от которого сохранились верхняя крышка черепа, нижняя и верхняя челюсти, левое предплечье, длинные кости ног, пребывавшие в анатомическом порядке, в то время как кости стоп отсутствовали. Длина сохранившейся части скелета 1,7 м.

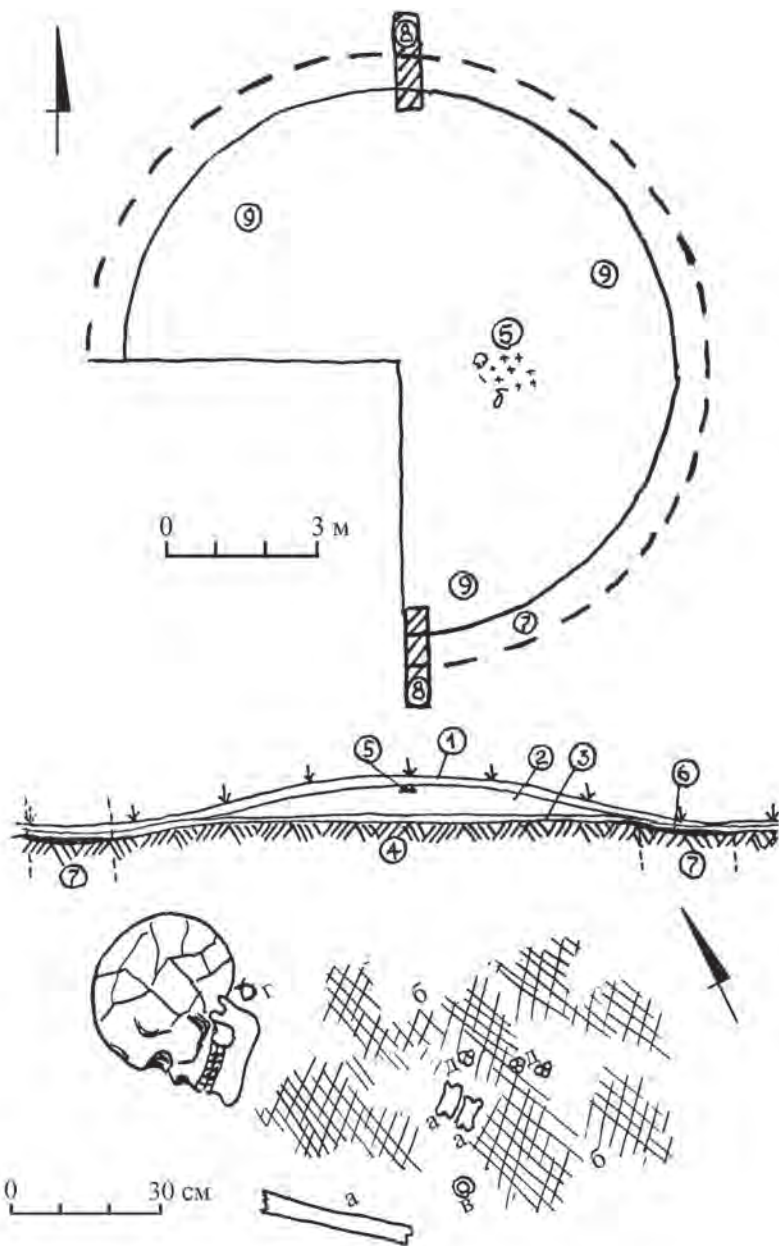

Рис. 64. Курган 5. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – гумусированная темно-бурая глина в смеси с черноземом; 3 – погребенный чернозем; 4 – предметериковый суглинок; 5 – разрушенное погребение; 6 – заполнение ровика; 7 – ровик по периметру кургана; 8 – контрольная траншея; 9 – снятая часть насыпи. План погребения: а – отдельные позвонки и разрозненные кости; б – зола, угольки; в – массивное бронзовое кольцо; г – проволочное височное кольцо; д – бляшки салтовского типа

Костяк принадлежал мужчине зрелого возраста (около 50 лет). При покойном обнаружены: в области черепа слева проволочное кольцо с заходящими концами, на верхней трети левой берцовой кости — железный нож, небольшой лепной мискообразный сосуд около 0,85 м к югу от погребения, но на одном уровне с расчищенными человеческими останками (Рис. 61; 62; 63).

Курган 5. Расположен в западной части могильника, близ полевой дороги, на расстоянии 7,5 м севернее кургана 4. Его высота не превышала 1,0 м, а диаметр основания совместно с ровиком (ширина 0,6 м при глубине 0,15 м) составлял 12,1 м. На задернованной поверхности насыпи повреждений не заметно, но четко просматривается неглубокая канавка у основания. Раскопки открыли кольцевой ровик, глубина которого не превышает 0,15 м при ширине 0,6 м. В заполнении из плотного чернозема с илистыми прослойками встречались угольки. Курган предварительно был растрассирован по сторонам света, контрольные траншеи (длина 2,0 м, ширина 0,5 м) проложены в южной и северной четвертях основания. При снятии насыпи выяснилась ее структура, состоявшая из дернового слоя — 0,2–0,3 м, смешанного с глиной чернозема — 0,55 м, тонкого слоя погребенного грунта совместно с предматериковым суглинком — 0,25 м (Рис. 64).

Погребение было обнаружено на уровне 0,4 м в центральной части. Оно оказалось несколько смещенным к востоку на 1,5 м и имело крайне плохую сохранность: от покойника остались раздавленный череп с относительно хорошо сохранившейся лицевой частью, обращенной на юг, кость правого предплечья без эпифизов и несколько позвонков в области поясницы. Судя по вектору разброса костей, скелет был ориентирован по линии СЗЗ–ЮВВ. Все погребение было засыпано золой и углем на площадке размерами 0,7 × 0,9 м.

Скелет принадлежал молодой женщине 20–25 лет. Особо примечательны следы посмертной (?) трепанации черепа. Во время расчистки погребения в области черепа слева было найдено проволочное медное височное кольцо с заходящими концами, в области таза слева три серебряных бляшки с растительным орнаментом и массивное бронзовое кольцо (Рис. 56, 22–25).

Курган 6. Находился в восточной части некрополя, на расстоянии 8 м к северо-востоку от кургана 1, фактически занимая центральное место в этой группе. Судя по параметрам, его следует относить к числу средних: высота 1,2 м при диаметре основания не более 9 м. Следов ровика вокруг насыпи визуально не наблюдалось.

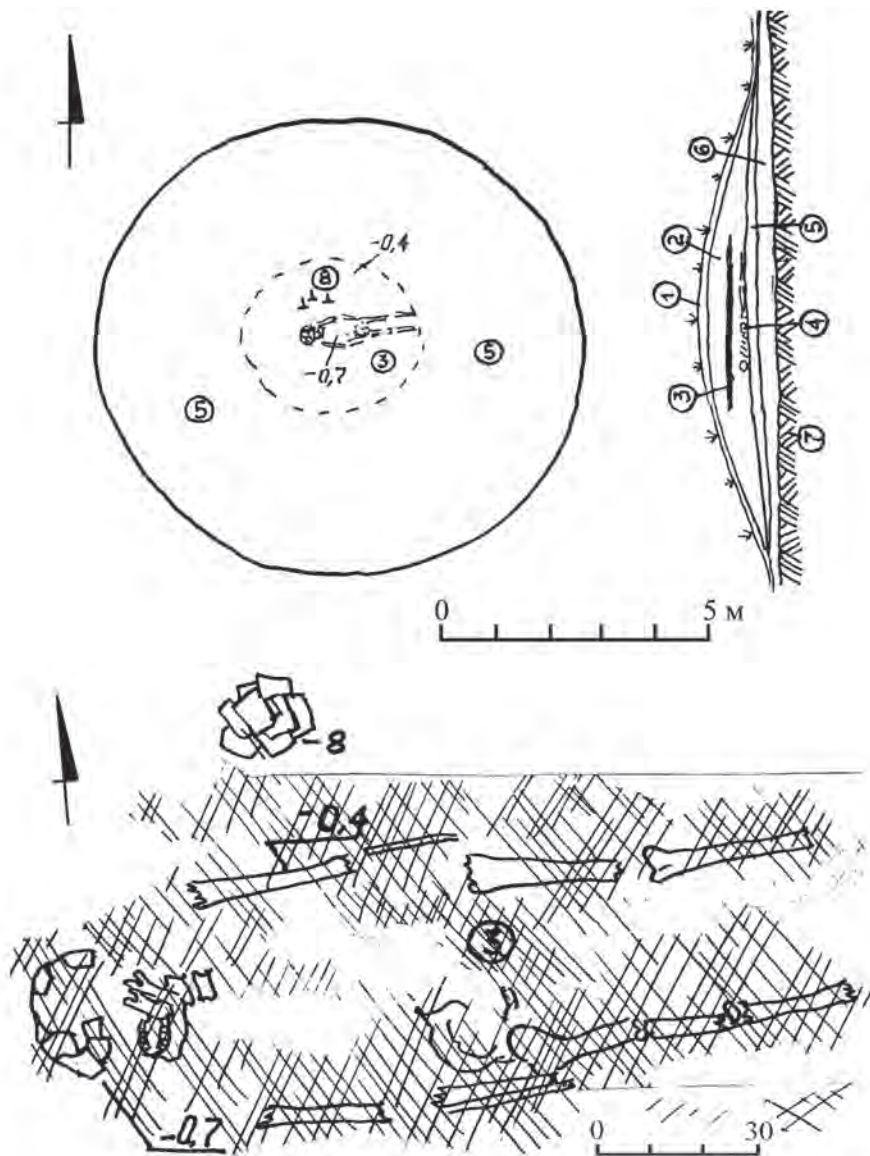

Рис. 65. Курган 6. План и профиль: 1 – дерновый слой; 2 – гумусированная темно-бурая глина; 3 – золисто-угольная прослойка над погребением; 4 – разрушенное погребение; 5 – прослойка светлой глины; 6 – погребенный чернозем; 7 – предматериковый лессовидный суглинок; 8 – обломки керамики

Зафиксирована следующая стратиграфия насыпи: дерновый слой – 0,2 м, темная гумусированная бурая почва – 0,6 м, углистая прослойка толщиной около 10 см (не менее трех метров в диаметре) на глубине 0,4 м от поверхности, ниже нее следовал линзовидный

слоем глины, после чего — погребенный чернозем с предматериковым суглинком — 0,2 м (Рис. 65).

Остатки *погребения* обнаружены с глубины 0,7 м от уровня современного горизонта. Они были перекрыты углистой прослойкой, которая прослеживалась и под погребенным. Сохранность скелета оказалась неудовлетворительной: от него сохранились фрагментированная черепная крышка, нижняя челюсть, два шейных позвонка, а также находившиеся в анатомическом порядке кости верхних и нижних конечностей (без эпифизов). Общий вектор расположения костей (на протяжении 1,5 м) позволяет утверждать, что покойный был ориентирован головой на запад. На расстоянии 0,5 м слева от левой руки погребенного расчищено скопление лепной керамики. Иных находок не выявлено.

Курган 7. Также принадлежал к восточной группе курганов, будучи расположенным в 7 м севернее *кургана 1*. Его высота 0,9 м от уровня древней поверхности, диаметр основания не превышает 10 м; вокруг последнего визуально не прослежено следов углубления от канавки — кольцевого ровика. Курган был растрассирован по сторонам света, снято три четверти насыпи. Прокопанные в северной и восточной полах контрольные траншеи (ширина 0,5 м, длина 1,5 м) также не смогли выявить следов ровика, обычно образующегося при сооружении насыпи. Структура насыпи довольно примитивна: дерновый слой — 0,3 м, бурая глина в смеси с черноземом — 0,6 м, погребенный чернозем (древняя дневная поверхность) совместно с предматериковым суглинком — 0,2 м, ниже которого лежал материковый лесс (Рис. 66).

Погребение выявлено на глубине 0,4 м от современной поверхности, головой ориентировано строго на запад. Скелет плохо сохранился, практически представляя собой череп со смещенной нижней челюстью, кость правого предплечья, два хребтовых позвонка и кости ног в анатомическом порядке (без правой стопы) (Рис. 66).

В процессе расчистки погребения при умершем не обнаружены какие-либо предметы личного убора, равно как и вещи, сопровождающие в мир иной. Но на уровне погребения на глубине 0,4 м в насыпи найден трехгранный бронзовый наконечник стрелы скифского времени (хронология которого определяется, судя по схеме, не ранее IV в. до н. э.). Такая находка в погребальном комплексе X–XII вв. н. э. рационального объяснения не имеет (амулет — «громовая стрела?»), тем более, что в материалах раскопок и городища и селища какие-либо материалы скифского времени начисто отсутствуют.

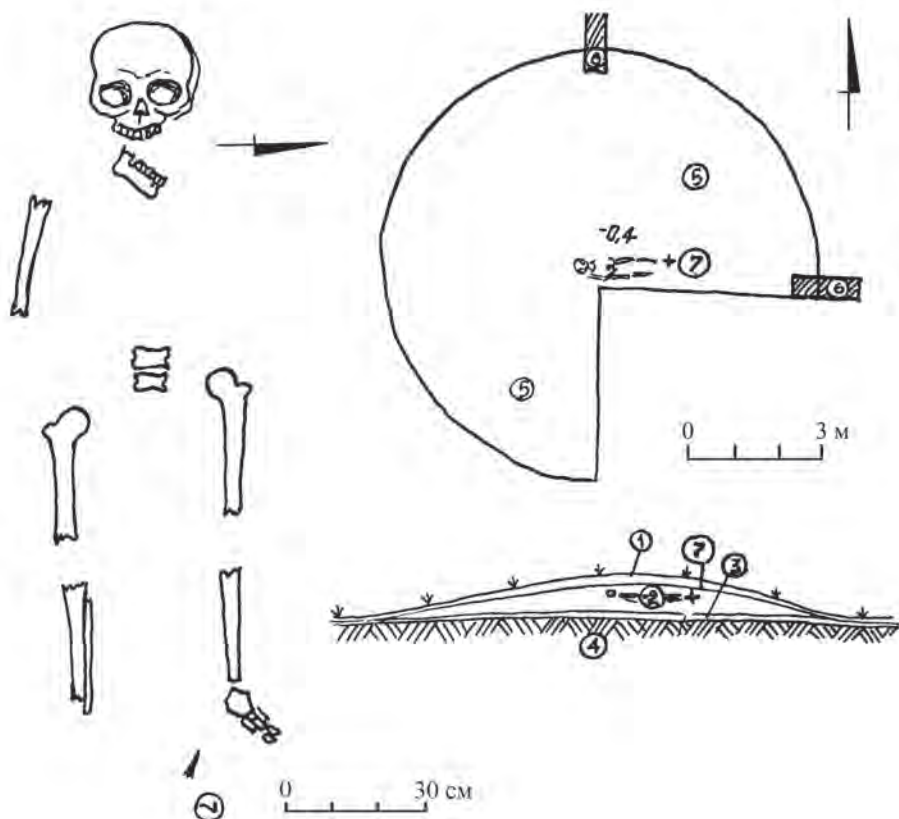

Рис. 66. Курган 7. План и профиль: 1 – дерновый слой; 2 – гумусированная бурая глина вперемешку с черноземом; 3 – погребенная почва; 4 – предматериковый лессовидный суглинок; 5 – снятая часть насыпи; 6 – контрольная траншея; 7 – скифский наконечник стрелы

Курган 8. Находился в составе восточной группы курганов некрополя, на расстоянии 10 м к юго-западу от реперного кургана 1. По своим параметрам он вполне может быть отнесен к крупным: его высота 1,4 м от уровня древнего горизонта при поперечнике насыпи 16,6 м. Вокруг последней хорошо заметна канавка от кольцевого ровика, ширина которой на задернованной поверхности от 1,2 до 1,5 м и глубиной 0,2 м. Обнаружена следующая стратиграфическая ситуация: дерновый слой – 0,2 м, темно-бурая гумусированная глина – 0,9–1,0 м, выбросы светлой глины в центральной части насыпи толщиной до 0,1–0,2 м (на площади $4,15 \times 2,75$ м), погребенный чернозем – 0,2 м. В илестых прослойках заполнения ровика заметны угольки и зола (Рис. 68).

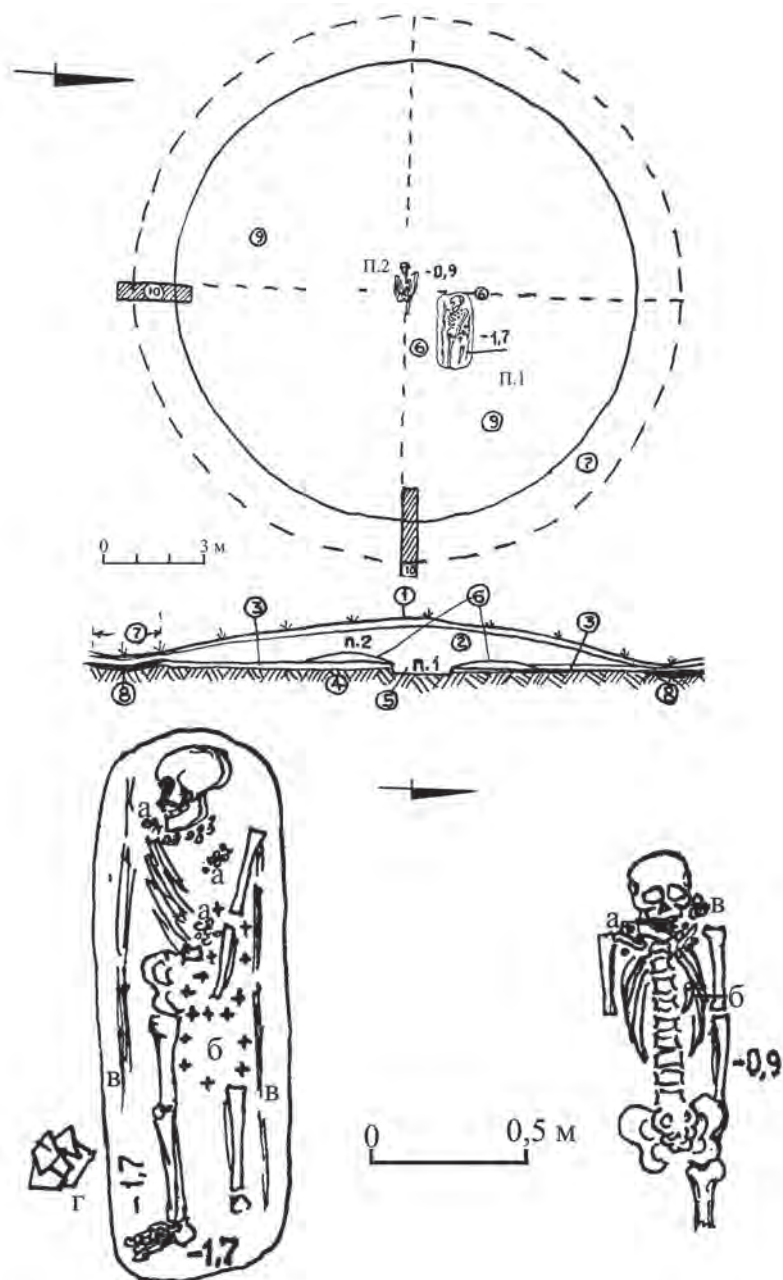

Рис. 67. Курган 8. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – гумусированная темно-бурая глина; 3 – погребенный чернозем; 4 – предматериковый суглинок; 5 – яма погребения – 1; 6 – выбросы материкового лесса; 7 – ровик; 9 – снятая часть насыпи; 10 – контрольная траншея. План погребений: Погребение 1: а – бусы; б – отдельные угольки, зола; в – древесный тлен гробовища; г – обломки керамики; погребение 2: а – бусы; б – клык-амулет; в – височные кольца

В кургане содержалось два погребения, одно из которых находилось в теле насыпи на уровне 0,9 м от поверхности (*погребение 2*), а второе было опущено в материковый суглинок к северо-востоку от вышеназванного, находившегося в центральной части. Оба погребения были ориентированы головами строго на запад.

Погребение 1 было совершено в яме, углубленной в материк на 0,3 м. Вокруг ямы на древнем горизонте, кроме восточной стороны, заметны выбросы светлой глины на расстояние 2–2,5 м, толщина слоя которой местами составляла 0,2 м. В яме вдоль корпуса погребенного прослеживаются остатки гробовища в виде узких (3–5 см) протяженных скоплений истлевшего дерева. Скелет умершего находился в анатомическом порядке, за исключением костей отсутствующих правой руки, кисти левой руки, правых берцовой кости и стопы. Левая рука покоилась на остатках костей плохо сохранившегося таза. Длина костяка составляла 1,52 м, ширина в плечевом поясе немногим более 0,4 м. Череп залегал несколько выше уровня таза и ног — возможно, голова погребенного располагалась на подушке (Рис. 68).

Скелет принадлежал женщине старческого возраста. При расчистке скелета под костями грудины и таза обнаружена подсыпка из золы и угольков. В сопровождающем инвентаре присутствовали различные бусы (39 экз.): в области нижней челюсти (справа — 16 экз., слева — 18 экз.), еще пять бусин найдены в области таза.

Рис. 68. Курган 8. Погребение 1 (вид с севера)

Рис. 69. Курган 8. Инвентарь погребений: 1, 2, 4, 5, 7 – п. 2; 3, 6 – п. 1

Справа от гробовища выявлено скопление гончарной керамики, из которого удалось собрать половину древнерусского гончарного горшка, а на выбросе светлой глины слева от погребенной обнаружен железный нож (Рис. 69, б).

Погребение 2 также расчищено в центральной части курганной насыпи на глубине 0,9 м от ее поверхности. Скелет сохранился не полностью: отсутствовали правая локтевая кость, кисть левой руки, правая берцовая кость и голень со стопой правой ноги. Длина сохранившейся части скелета 1,27 м, ширина плечевого пояса – 0,43 м.

В процессе расчистки погребения были обнаружены стеклянные бусы с прокладкой из золотой фольги и половинка сердоликовой бусины – близ нижней челюсти (четыре справа, две слева), три проволочных медных кольца с заходящими концами (в области черепа слева), а в костях грудной клетки слева – амулет из просверленного медвежьего клыка (Рис. 69, 1, 2, 4, 5, 7).

Курган 9. Располагался в восточной курганной группе, в 5 м западнее *кургана 1*. Его высота 0,7 м от современной дневной поверхности, но в древности, видимо, была несколько большей. Это видно хотя бы по тому, что основание насыпи составляло 12 м. Видимых следов окружающего основание кольцевого ровика на задернованной поверхности не прослеживалось, не удалось их обнаружить и при посредстве контрольных траншей (1,0 × 0,5 м) в северной и южной полах кургана. Насыпь была срыта полностью при этом обнаружилась ее структура, состоявшая из: дернового слоя – 0,2 м, слоя бурой

почвы (глина вперемешку с черноземом) – 0,5 м, слоя погребенного чернозема с предматериковым суглинком – 0,2 м, ниже которого лежал материковый лесс светло-желтого цвета. В ходе раскопок было

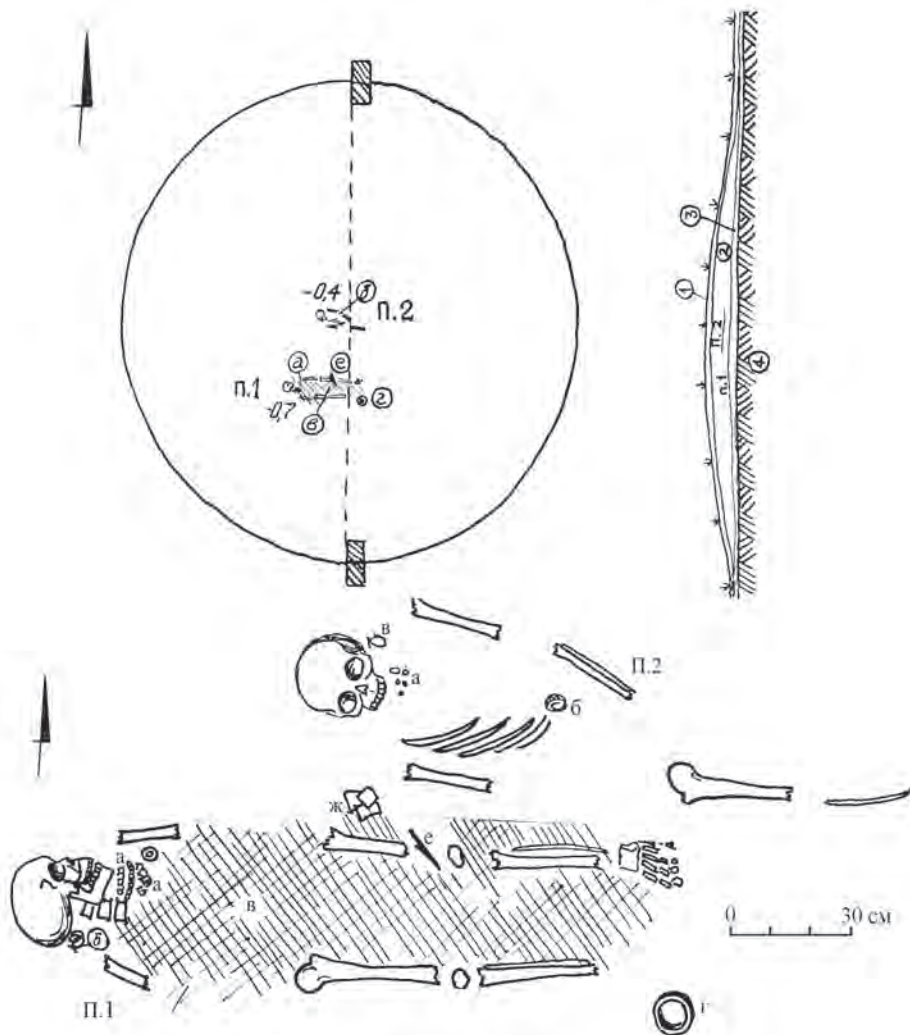

Рис. 70. Курган 9. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – слой бурой глины вперемешку с черноземом; 3 – погребенная почва; 4 – предматериковый суглинок. План погребений: погребение 1: а – бусы; б – височные кольца; в – древесный тлен гробовища; г – лепной горшок; д – бубенчики; е – нож; ж – обломки лепной керамики; погребение 2: а – бусы; б – перстень; в – височное кольцо

выявлено два погребения, одно из которых совершено на древнем горизонте, а второе – несколько выше него, в теле насыпи (Рис. 70).

Погребение 1 выявлено в центральной части кургана на глубине 0,7 м, будучи несколько смещенным от самого центра на 1,8 м к югу. Покойный был уложен на спину, головой на запад (лицевой частью на юг), скелет сохранял правильное анатомическое положение, за исключением отсутствовавших костей грудной клетки, таза, позвоночника, обеих локтевых костей. Длина сохранившейся части костяка 1,6 м при ширине в плечевом поясе 0,35 м. Поверх костей зафиксирована тонкая прослойка древесного тлена, хотя ни остатков гробовища, ни каких-либо следов деревянных конструкций обнаружено не было (Рис. 70; 71).

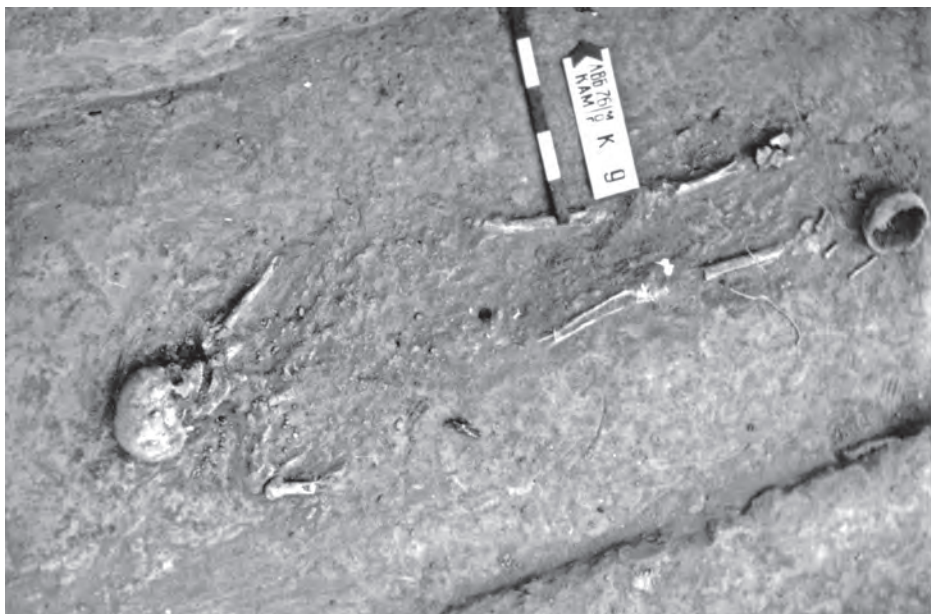

Рис. 71. Курган 9. Погребение 1 (вид с юга)

Погребение принадлежало женщине зрелого возраста (35–40 лет). Во время расчистки погребения в качестве сопровождающего инвентаря выявлены: в области левого тазобедренного сустава – несколько обломков лепной посуды, а в области отсутствующей правой стопы – небольшой лепной горшок с вертикально поставленным венчиком. Среди других находок – различные бусы (в количестве 63 экз.), найденные в области шеи и верхней части грудины; справа от черепа и под ним – проволочные медные височные кольца с заходящими концами (3 экз.), в верхней части грудной клетки – 12 бронзовых пуговиц в форме бубенчиков из двух спаянных половинок, в области колена левой ноги – железный нож (Рис. 72, 1, 2, 4–6).

Рис. 72. Курган 9. Инвентарь погребений: 1, 2, 4-6 – п. 1; 3 – п. 2

Погребение 2. Также обнаружено в центральной части, на расстоянии 1,8 м к северу от *погребения 1*, на уровне 0,4 м. Покойный был уложен на спине, головой ориентирован на запад (лицо обращено вверх). Состояние костяка крайне неудовлетворительно. По существу от умершего сохранились лишь череп без нижней челюсти, кости левой руки и предплечье правой, несколько ребер с правой стороны грудины, разрозненные фрагменты правой ноги.

Кости левой ноги полностью отсутствуют, точно так же как кисти рук и стопы. Длина сохранившейся части скелета — 1,6 м, ширина в плечах — 0,4 м.

При расчистке погребения найдены: три стеклянные с прокладкой из золотой фольги бусины бочковидной формы (в области верхней части грудной клетки), височное кольцо из бронзовой проволоки с заходящими концами (у черепа слева), «усатый» пластинчатый бронзовый перстень, украшенный геометрическим пуансонным орнаментом (в области таза) (Рис. 72, 3).

Курган 10. Находился в 15 м к югу от кургана 1 во все той же восточной группе. Задернованная поверхность насыпи искажена плантажными бороздами для саженцев дубняка, канавка от кольцевого ровика визуально не прослеживается. Не выявлено его следов и на уровне предматерикового суглинка при помощи контрольной траншеи (1,0 × 0,5 м), проложенной в западной поле насыпи. Высота кургана 1,2 м с диаметром основания 10,2 м.

В стратиграфии насыпи представлены: дерновый слой — 0,25 м, слой темной гумусированной почвы (глина с черноземом) — 0,7 м, пласт светлой глины с вкраплениями чернозема — 0,25 м, погребенный чернозем с предматериковым суглинком — 0,15 м (Рис. 73).

Курган содержал погребение по обряду трупосожжения на стороне, которое обнаружилось с глубины 0,3 м, будучи на 0,5 м смещено от центральной точки к юго-востоку. Остатки кремации были помещены в корчагообразный горшок (глубокую с широкой горловиной миску) роменского типа с характерным орнаментом в виде горизонтального зигзагообразного фриза, полученного посредством оттиска гребенчатого штампа («гусеничный» декор). На том же уровне в насыпи, что и погребение, особенно в ее восточной поле, встречались обломки лепной керамики. К северо-западу от центра преобладали мелкие невыразительные фрагменты гончарных сосудов, залегавшие на глубинах от 0,3 до 0,45 м.

В погребальной урне находились: фрагментированная железная витая гривна (четыре обломка), серебряная серьга, бронзовый бубенчик с крестовидным разрезом, бусы (четыре пережженных сердоликовых, семь стеклянных желтых), три бронзовые пуговицы в виде бубенчиков из двух половинок, два железных ножа, калачевидное кресало с язычком, железная блесна с крючком (Рис. 74). В заполнении погребальной урны присутствовали кальцинированные сильно фрагментированные кости. В теле насыпи выявлено 15 фрагментов лепной и 10 обломков гончарной посуды, из которых не удалось собрать какую-либо формообразующую часть, поскольку

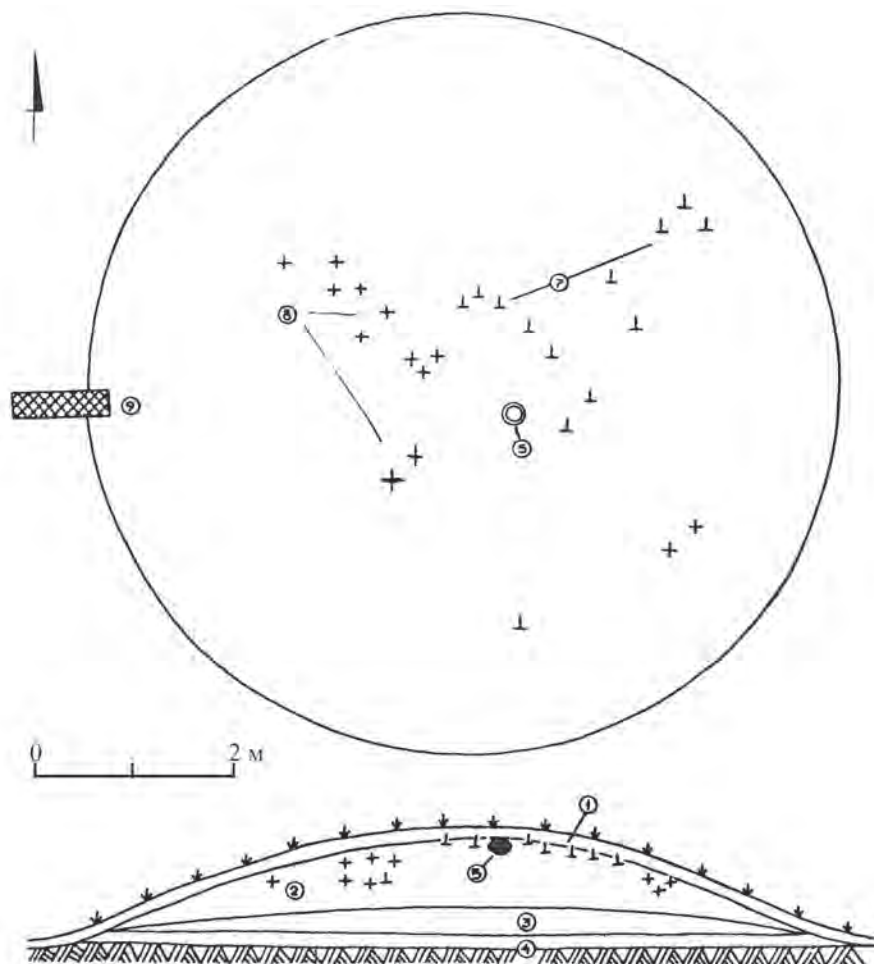

Рис. 73. Курган 10. План и профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – темно-бурая гумусированная глина; 3 – бурая глина вперемешку с черноземом; 4 – погребенная почва; 5 – погребальная урна; 6 – предматериковый суглинок; 7 – фрагменты лепной посуды; 8 – обломки гончарной керамики; 9 – контрольная траншея

ку они принадлежали нескольким экземплярам сосудов, разбитым за пределами кургана.

Курган 11. Располагался в восточной курганной группе, на расстоянии 28 м к ЮЗ от кургана 1. Его высота составляет 0,85 м от уровня древнего горизонта, диаметр насыпи – 12,8 м. Канавка от кольцевого ровика не просматривается; не обнаружено его следов и в контрольной траншее (1,0 × 0,5 м). Стратиграфию насыпи представляют: дерновый слой – 0,2 м, темная гумусированная с включением угольков и золы почва – 0,65 м, чернозем вперемешку со светлой глиной – 0,4 м, погребенная почва – 0,15 м (Рис. 75).

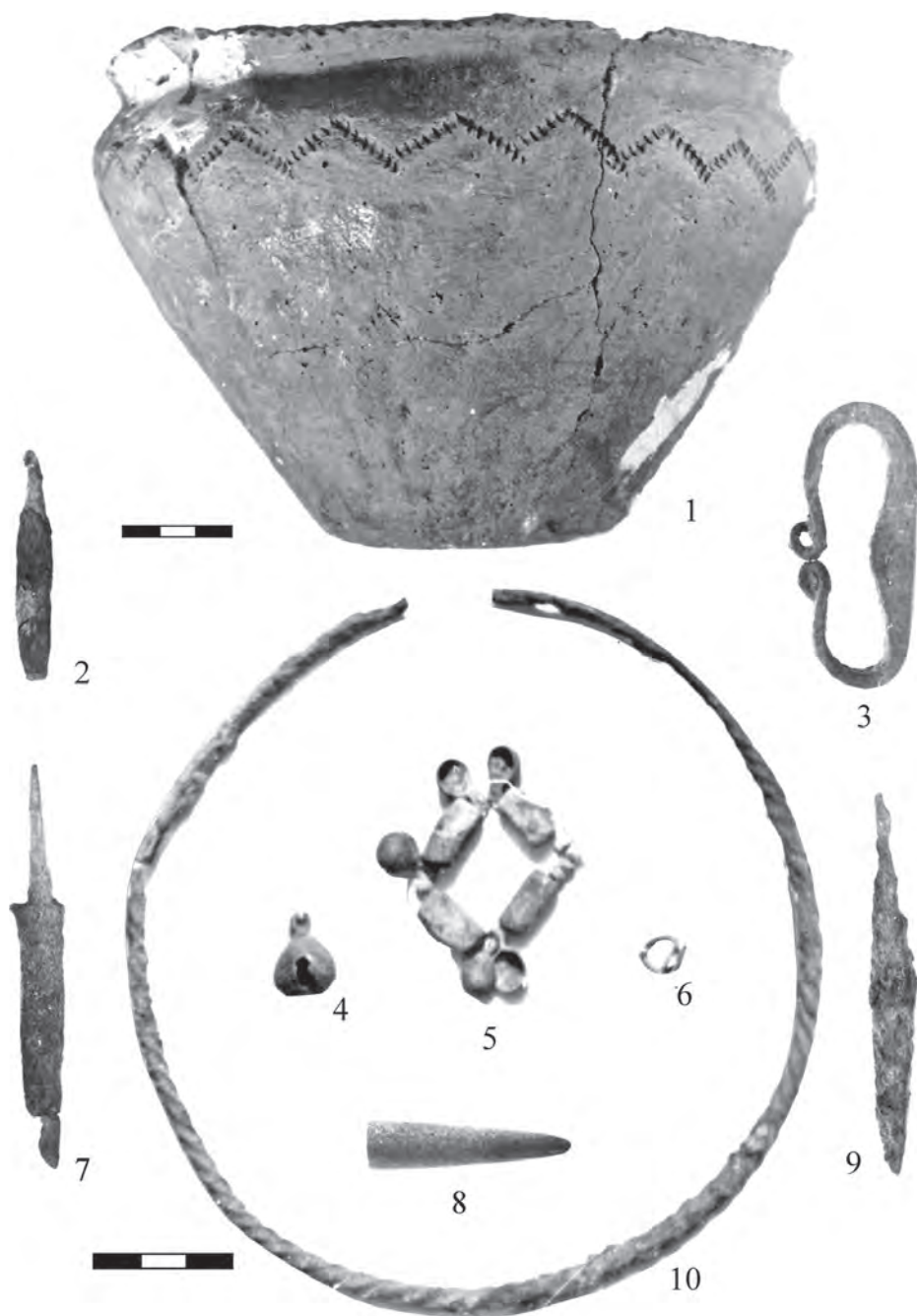

Рис. 74. Курган 10. Урна и инвентарь погребения

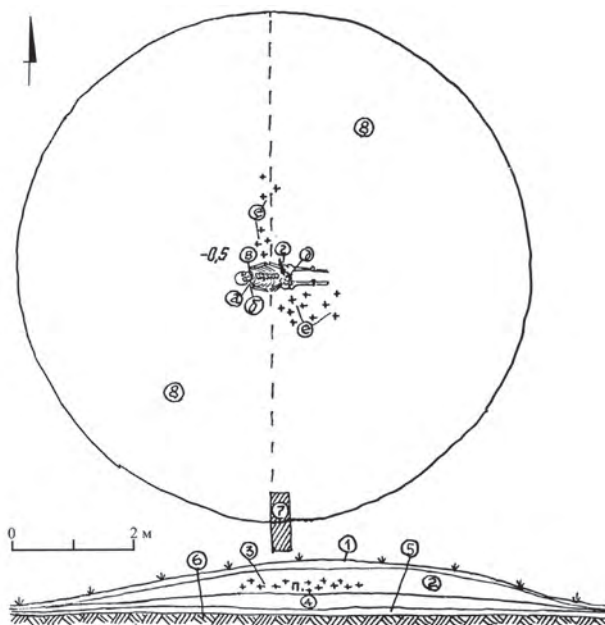

Рис. 75. Курган 11. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – гумусированная темная глина; 3 – погребение; 4 – темная глина вперемешку с черноземом; 5 – погребенная почва; 6 – предматериковый суглинок; 7 – контрольная траншея; 8 – снятая часть насыпи. План погребения: а – височное кольцо; б – бисер; в – серьга; г – нож; д – перстень; е – скопления золы вперемешку с угольками

Погребение обнаружено на глубине 0,5 м от поверхности насыпи точно в ее центре. Костяк умершего хорошей сохранности находился в анатомическом порядке (за исключением стоп ног и кистей рук). Он лежал в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на запад, с лицом, обращенным к небу; руки были уложены

таким образом, чтобы кисти рук покоились на костях таза. Длина скелета 1,6 м, ширина в плечевом поясе — 0,6 м. На том же уровне, что и погребение, к северу и юго-востоку от него на расстоянии соответственно 2,5 и 1,5 м прослежены скопления угля и золы. Они встречались также и под скелетом.

Захоронение принадлежало молодой (20–25 лет) женщине. Погребенную сопровождали височное проволочное кольцо, обнаруженное у правого виска; медная проволочная серьга, выявленная при расчистке под черепом справа; бисерные бусы (132 экз.), найденные в верхней части грудной клетки; железный нож, лежавший у левой берцовой кости, а также медный проволочный перстень (на тазовых костях слева) (Рис. 76, 1).

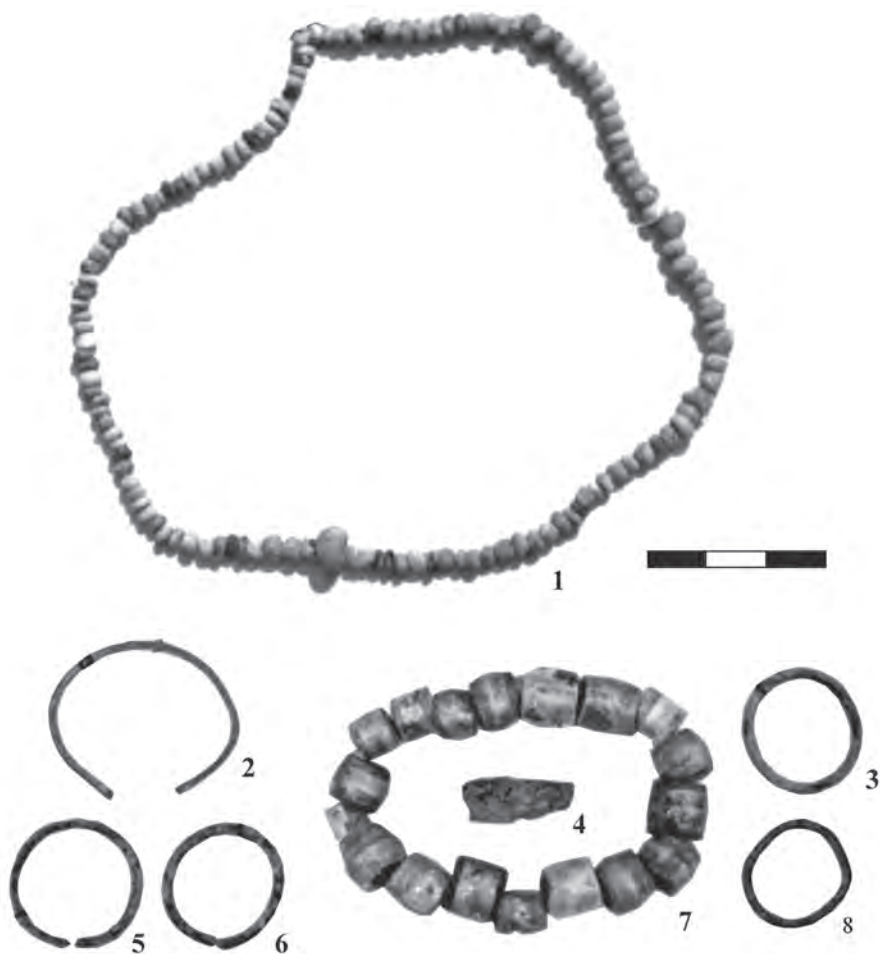

Рис. 76. Инвентарь погребений: 1 – к. 11; 2-8 – к. 12

Курган 12. Находился на западном участке восточной курганной группы, в 10 м к юго-востоку от кургана 11. Высота насыпи составляет 0,8 м, поперечник ее основания — 12,6 м. Поверхность кургана не имеет видимых повреждений, задернована; канавка от окружающего ровика визуальнo не прослеживалась; не фиксировались его следы и в контрольной траншее в южной поле насыпи. В процессе раскопок была выявлена такая структура напластований: дерновый слой — 0,2 м, темно-бурая глина с комьями чернозема — 0,65 м, погребенный чернозем с предматериковым суглинком — 0,2 м (Рис. 77).

Погребение обнаружилось с глубины 0,4 м, смещенное на 1,8 м к северу от центра. Покойный находился в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на запад с незначительным отклонением к югу. Скелет сохранился неудовлетворительно: отсутствуют ребра и позвоночник, кости правой руки и голени, локтевая кость левой руки, кисти рук и стопы ног. Судя по вектору расположения костей умершего, длина сохранившейся части скелета не превышает 1,65 м, причем ширину плечевого пояса установить оказалось невозможным. Погребение принадлежало человеку зрелого возраста, его пол антропологами не определен.

При расчистке погребения близ черепа слева найдены бронзовое височное кольцо и два медных небольших проволочных височных кольца (справа), 19 разных бусин — в области шеи и верхней части грудной клетки, медный проволочный перстень — в костях таза справа, а слева — сильно коррозированный нож со следами деревянной рукоятки (Рис. 76, 2–8).

Курган 13. Расположен в восточной курганной группе, непосредственно примыкая к *кургану 10* с юга. На задернованной поверхности насыпи имеется несколько борозд под посадку саженцев. Высота кургана около 0,9 м от уровня древнего горизонта, диаметр основания 13,8 м. Структура насыпи обнаруживает следующую стратиграфию: дерновый слой — 0,25 м, слой бурой глины с комьями чернозема — 0,45 м, прослойка светлой глины (выкид) — 0,15 м, погребенный чернозем — 0,15 м, ниже которого залегал предматериковый суглинок, переходящий в материковый лесс (Рис. 78).

Канавка от кольцевого ровика на поверхности не просматривалась и была обнаружена лишь посредством контрольной траншеи в северной и южной полах насыпи. Ее размеры по ширине 1,0–1,2 м, углублена на 0,35 м от уровня древней поверхности. На дне ровика

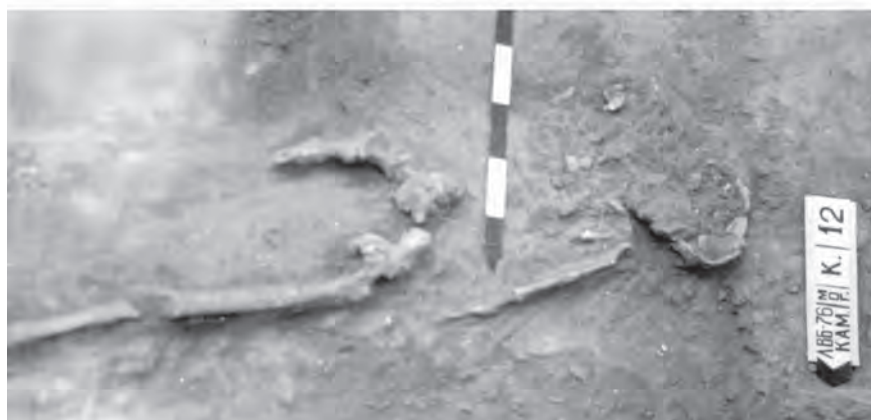
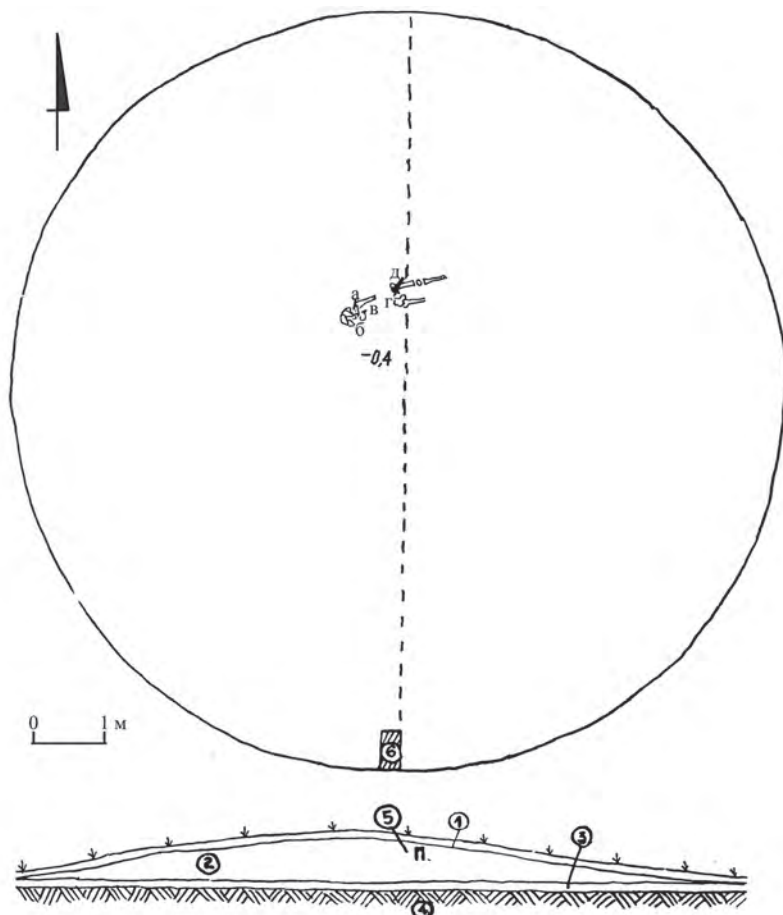

Рис. 77. Курган 12. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – гумусированная темно-бурая глина; 3 – погребенный чернозем; 4 – предматериковый лесс; 5 – погребение; 6 – контрольная траншея. План погребения: а – кольцо массивное; б – височные кольца; в – бусы; г – медный перстень; д – нож

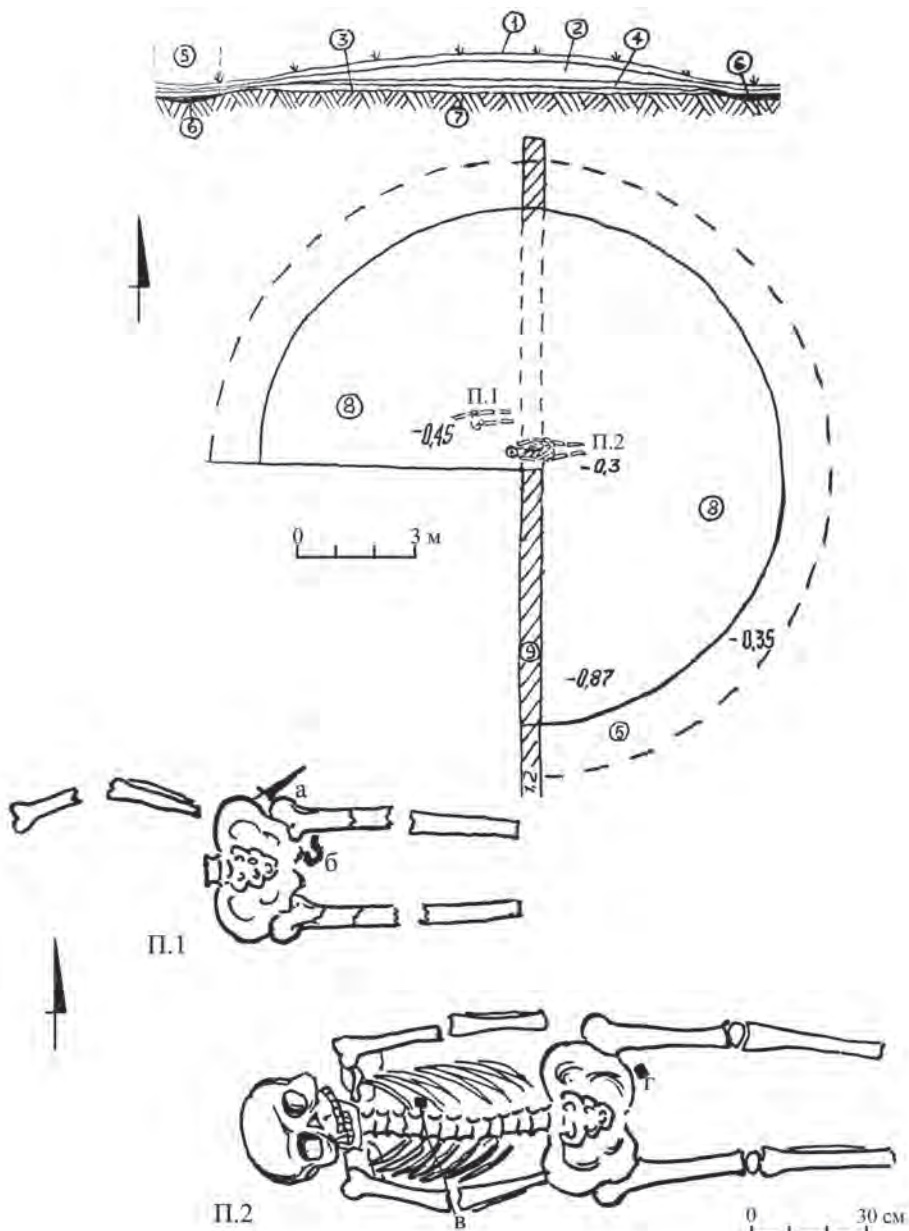

Рис. 78. Курган 13. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – бурая гумусированная глина; 3 – погребенный чернозем; 4 – прослойка светлой глины; 5 – ровик по периметру насыпи; 6 – заполнение ровика; 7 – предматериковый суглинок; 8 – снятая часть насыпи; 9 – контрольная траншея. План погребений: а – нож; б – крюк; в – бусина; г – бляшка

встречены незначительные инклюзии угля и золы, мощность илистого заполнения от 0,15 до 0,2 м.

В кургане содержалось два погребения, расчищенные на различных горизонтах в насыпи.

Погребение 1 обнаружилось на уровне 0,45 м в ходе снятия насыпного грунта в северо-западной четверти кургана. Покойный лежал вытянуто на спине, судя по вектору расположения останков ориентирован головой на запад. Состояние скелета неудовлетворительное: сохранились лишь кости левой руки, раздавленный таз, обе берцовые кости с голеньями, но без стоп. Длина сохранившейся части костяка 1,1 м, ширину плечевого пояса установить не удалось. При погребенном во время расчистки найдены железный нож, находившийся у левого бедра, и в костях таза слева — железный крюк, предназначенный, по-видимому, для крепления колчана к поясной портупее (Рис. 79, 1, 2).

Погребение 2 также выявлено в центральной части кургана на глубине 0,3 м. Скелет умершего ориентирован головой на запад; сохранился относительно хорошо и пребывал в анатомическом порядке, лежал на спине в вытянутом положении, кисти рук и стопы ног отсутствовали. Длина сохранившейся части составляет 1,4 м

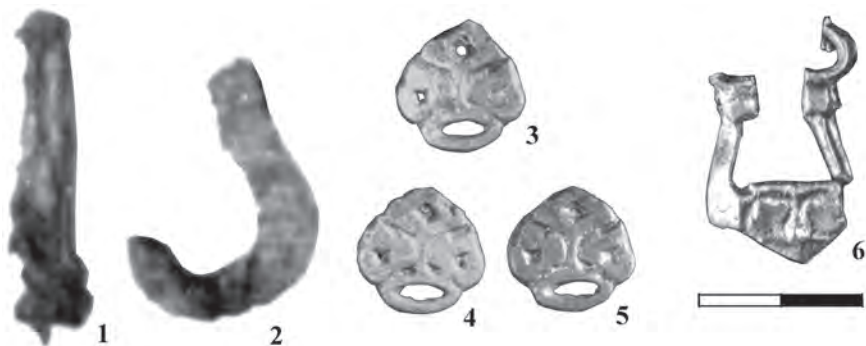

Рис. 79. Инвентарь погребений: 1, 2 – п. 1 к. 13; 3 – п. 2 к. 13; 4-6 – к. 14

при ширине плечевого пояса 0,32 м. Костяк принадлежал ребенку 6–7 лет.

Во время расчистки погребения были найдены половинка восьмигранной сердоликовой бусины темно-красного цвета (в костях грудины), а под тазовыми костями серебряная бляшка салтовского типа с растительным орнаментом (Рис. 79, 3).

Курган 14. Расположен на крайнем восточном участке восточной курганной группы, в 6 м к ЮЮВ от кургана 13. Предварительно курган был растрассирован по сторонам света, по осевой

линии С–Ю проложена контрольная траншея (ширина 0,5 м), посредством которой был выявлен кольцевой ровик в его южной поле. Ширина ровика 0,7 м при глубине от уровня погребенной поверхности около 0,3 м. В илистых прослойках заполнения (0,12 м) встречались угольки и зола, отдельные измельченные обломки лепной и гончарной керамики.

Курган имел высоту 1,2 м при поперечнике основания 9 м. Структура напластований в насыпи выглядит следующим образом: дерновый слой – 0,2 м, бурая глина в смеси с черноземом – 0,8 м, чернозем с комьями светлой глины – 0,2 м, погребенная почва – 0,2 м, ниже лежит тонкий слой предматерикового суглинка, плавно перетекающий в материковый лесс (Рис. 80).

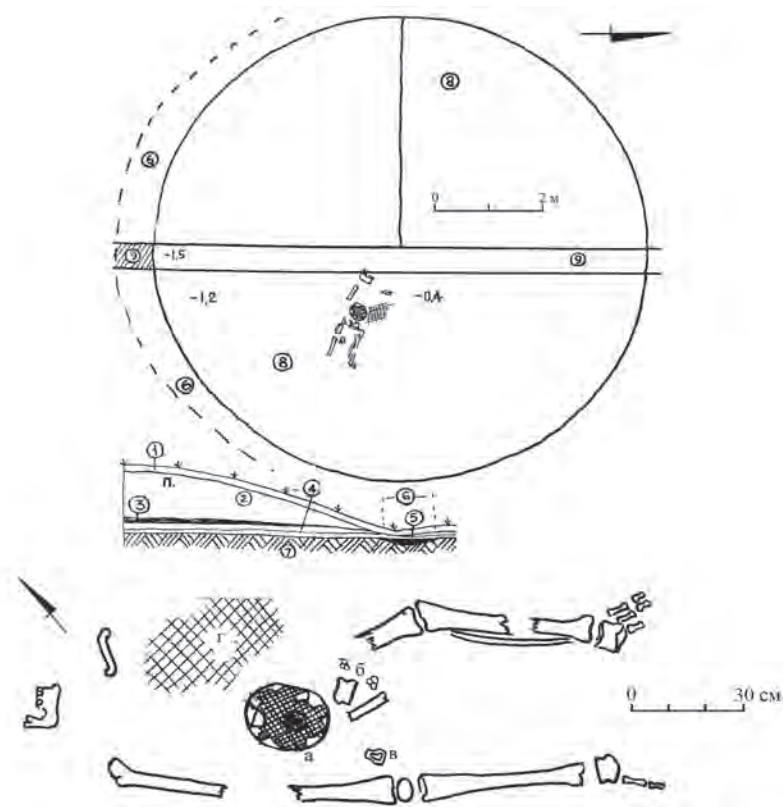

Рис. 80. Курган 14. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – темно-бурая глина вперемешку с черноземом; 3 – прослойка чернозема; 4 – погребенная почва; 5 – заполнение ровика; 6 – ровик по периметру; 7 – предматериковый лесс; 8 – снятая часть насыпи; 9 – контрольная траншея. План погребения: а – раздавленный череп; б – пряжка; в – бляшки; г – зола, уголь

Погребение обнаружено в восточной поле насыпи, будучи несколько смещенным (на 0,8 м) к юго-востоку от центра, на уровне 0,4 м от поверхности кургана. Анатомическое положение костяка нарушено: раздавленная черепная коробка находилась в области отсутствующих костей таза, отсутствуют кости левой руки, позвоночника, грудной клетки, ребра, стопа правой ноги; только нижняя челюсть и левая ключица остались на месте своего естественного положения. Длина разброса сохранившихся костей скелета 1,65 м (от нижней челюсти до левой стопы).

Погребение принадлежало мужчине зрелого возраста. Расчетка захоронения выявила в области левой стороны грудной клетки углисто-золистое пятно диаметром около полуметра. В нем обнаружено большое количество мелких косточек, определить происхождение которых оказалось затруднительным. Две серебряные бляшки салтовского типа с растительным орнаментом найдены в костях таза, под коротким в норе землеройного животного обнаружены обломки фрагментированной салтовской серебряной пряжки (Рис. 79, 4–6).

Курган 15. Находился на северо-восточной окраине могильника, отделенной от остальной части плато пешеходной тропкой к речке, в 25 м к северо-востоку от *кургана 1*. Насыпь имела правильную сферическую форму, немного вытянутую по линии С–Ю с диаметром основания 7,2 м при высоте от уровня погребенной поверхности 0,9 м. Она состояла из дернового слоя – 0,25 м, пласта бурой глины мощностью 0,4 м, осветленного гумусированного суглинка – 0,3 м, погребенного чернозема – 0,2 м, ниже которого находился слой предматерикового суглинка (Рис. 81).

Погребение (Рис. 82) выявлено под центральной частью насыпи в яме, по форме близкой к прямоугольнику (2,3 x 1,0 м), глубина которой от уровня погребенного горизонта достигала 0,8 м. Погребальная яма ориентирована по оси В–З с небольшим отклонением к югу. В заполнении могилы, представленном рыхлым осветленным гумусированным грунтом, над скелетом погребенного, вдоль стенок ямы, на самом дне прослеживаются остатки гробовища в виде фрагментов истлевшего дерева. Это позволило установить размеры гроба, длина которого – 2,0 м, ширина – 0,7 м, при высоте сохранившихся местами стенок – 0,1–0,15 м.

Умерший покоился в вытянутом на спине положении, лицевой частью черепа обращен к северу, кости рук вытянуты вдоль тела. Сохранность скелета удовлетворительная: отсутствуют лишь кости стоп и кисти рук. Погребенный был мужчиной зрелого возраста.

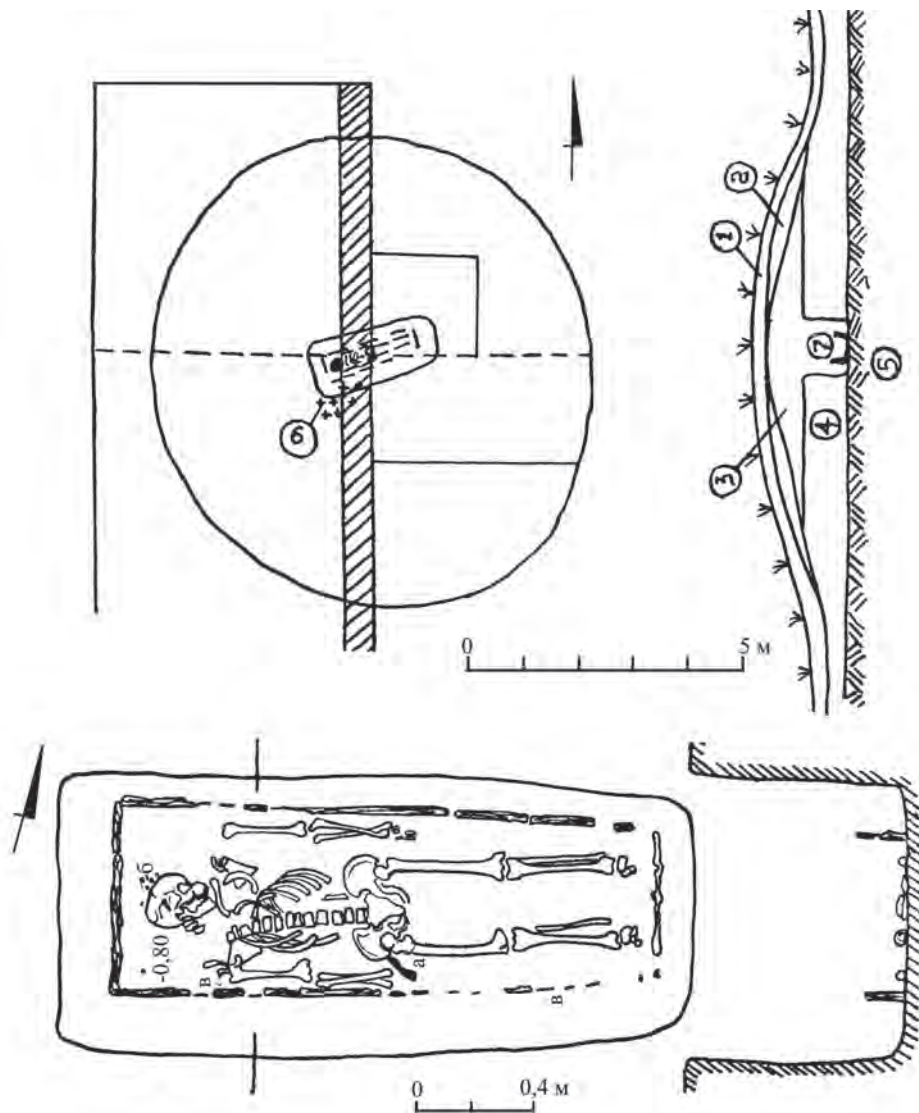

Рис. 81. Курган 15. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – бурая глина; 3 – осветленный гумусированный суглинок; 4 – погребенная почва; 5 – материковый лесс; 6 – обломки керамики; 7 – древесный тлен от гробовища. План погребения: а – нож; б – угли; в – дерево

При расчистке под черепом умершего выявлено скопление угольков, которые встречались вместе с золой и на дне могильной ямы. Из сопровождающего инвентаря найден лишь железный черенковый нож (длина 14,6 см) (рис. 87, 11). На уровне погребен-

Рис. 82. Курган 15. Погребение (вид с юга)

ной поверхности под насыпью (0,7–0,9 м) на расстоянии 0,7–1,5 м к юго-западу от центра обнаружены остатки тризны (?) в виде скопления гончарной посуды и костей животных.

Курган 16. Находился в центральной части между ранее раскопанными курганами 12 и 8, на расстоянии 25 м к ЮЮЗ от кургана 1. Насыпь расплывшаяся, неправильных очертаний, диаметр основания немногим более 6 м, высота кургана от уровня погребенного чернозема 0,55 м. Стратиграфия насыпи проста и состоит из дернового слоя – 0,2 м, осветленного гумусированного слоя бурого оттенка – 0,15–0,2 м, погребенной почвы с предматериковым суглинком – 0,2 м, выходов материкового светло-желтого лесса на уровне 0,7 м от задернованной поверхности кургана (Рис. 83).

Погребение обнаружилось в центральной части насыпи с глубины 0,2 м от уровня погребенной поверхности. Очертания могильной ямы на фоне гомогенного слоя погребенной почвы не прослеживались, и лишь по рыхлой консистенции грунтового заполнения удалось определить края ямы, опущенной в предматериковый слой на уровень 0,25 м. Яма имела подпрямоугольную, с закругленными углами форму; ориентирована на запад со значительным отклонением к северу. Анатомический порядок костяка погребенного изрядно нарушен: череп и ребра собраны в одном месте, позвоночник и таз отсутствуют, точно так же, как и кости рук, и стопы ног (Рис. 84).

По-видимому, погребенный был ребенком 5–7 лет, тем не менее, в сопровождающем инвентаре расчищены витая гривна из медной проволоки с образующим диаметром 15 см, найденная под черепом; две пастовые бусины цилиндрической формы; два кольца из медной проволоки и аналогичная серьга, а также фигурная деревянная накладка (Рис. 87, 1–5, 8, 9).

Как и при раскопках предыдущего, в насыпи этого кургана, как-будто бы, удалось уловить следы тризны, в 0,5 м к северо-востоку от погребения на уровне погребенного чернозема, которые представляли собой скопление отдельных кальцинированных косточек в сопровождении измельченных обломков лепного сосуда. Впрочем, не исключено, что это могли быть остатки разрушенного детского захоронения по обряду трупосожжения (?).

Курган 17. Раскопан в центральной части восточной курганной группы, прямо на тропинке, соединяющей полевую дорогу с прибрежным участком долины р. Псел, севернее курганов 11 и 12

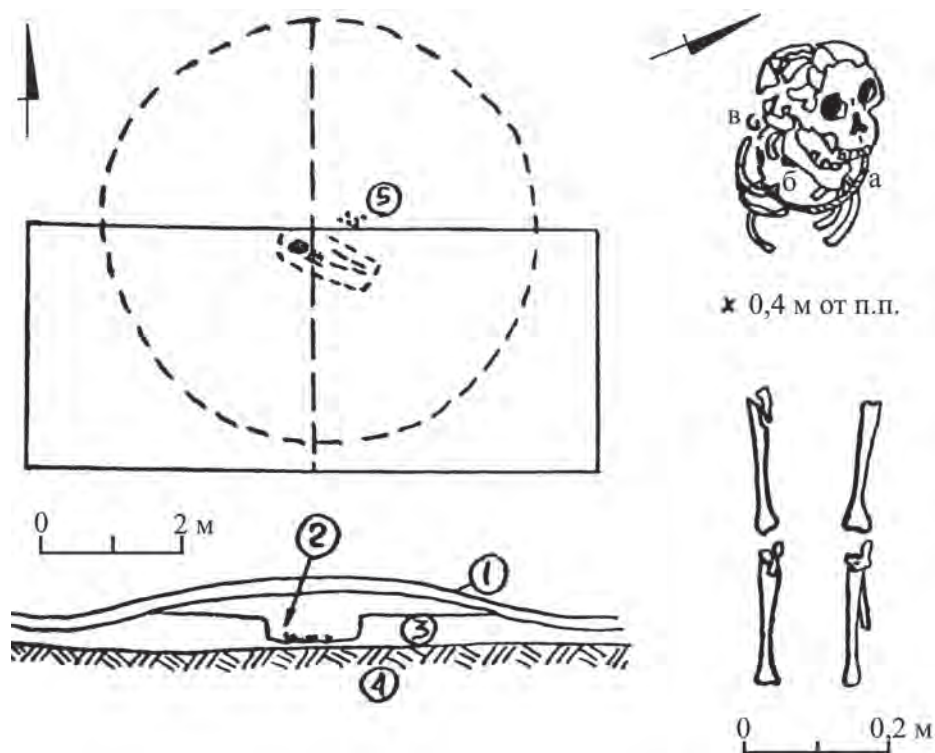

Рис. 83. Курган 16. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленная гумусированная бурая глина; 3 – погребенная почва; 4 – предматериковый суглинок; 5 – кальцинированные косточки. План погребения: а – гривна; б – бусы; в – височные кольца и серьга

и в 22 м к западу от *кургана 1*. Насыпь расплылась и повреждена плантажным плугом. Ее высота не превышает 0,95 м от уровня погребенной почвы, а поперечник насыпи в ее основании составляет 7,6 м. При снятии грунта прослежена структура кургана: дерновый слой – 0,25 м, осветленный гумусированный слой буроватой глины – 0,55 м, погребенная почва – 0,2 м; материковый лесс залегал на глубине 1,05 м (Рис. 85).

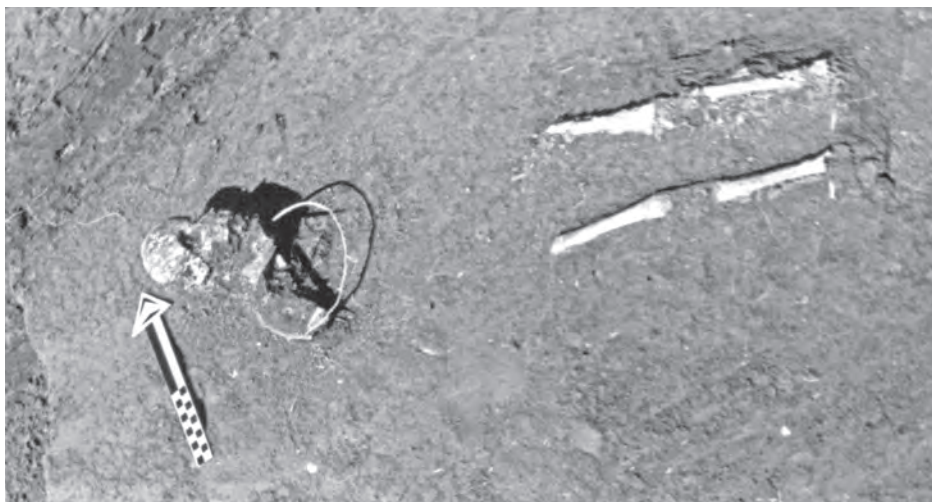

Рис. 84. Курган 16. Погребение (вид с юга)

В кургане содержалось *погребение*, совершенное в гробовище, опущенном в прямоугольную в плане яму, ориентированную в западном направлении со значительным отклонением к югу (ось СВ–ЮЗ). Яма углублена на 1,0 м от уровня погребенной поверхности. От домовины сохранились обломки истлевших плах толщиной 2–4 см, по высоте стенок местами до 0,3 м, что позволило установить ее параметры – 2,0 x 0,4–0,5 м. Умерший был размещен в вытянутом на спине положении при соблюдении анатомического порядка. Сохранность костяка удовлетворительная, за исключением отсутствующих фаланг пальцев на кистях рук и костей стоп (Рис. 86).

Скелет принадлежал молодой женщине 20–25 лет. При расчистке оказалось, что при ней находились две серьги диаметром 1,6 см из медной проволоки сечением 1 мм, одна серьга диаметром 2 см с S-видной петлей из проволоки сечением 2 мм, 12 стеклянных бусин с внутренней золоченой прокладкой двух размеров – все в области шеи и грудной клетки; в области правого колена – железный нож (12,5 см длиной) (Рис. 87, 6, 7, 10).

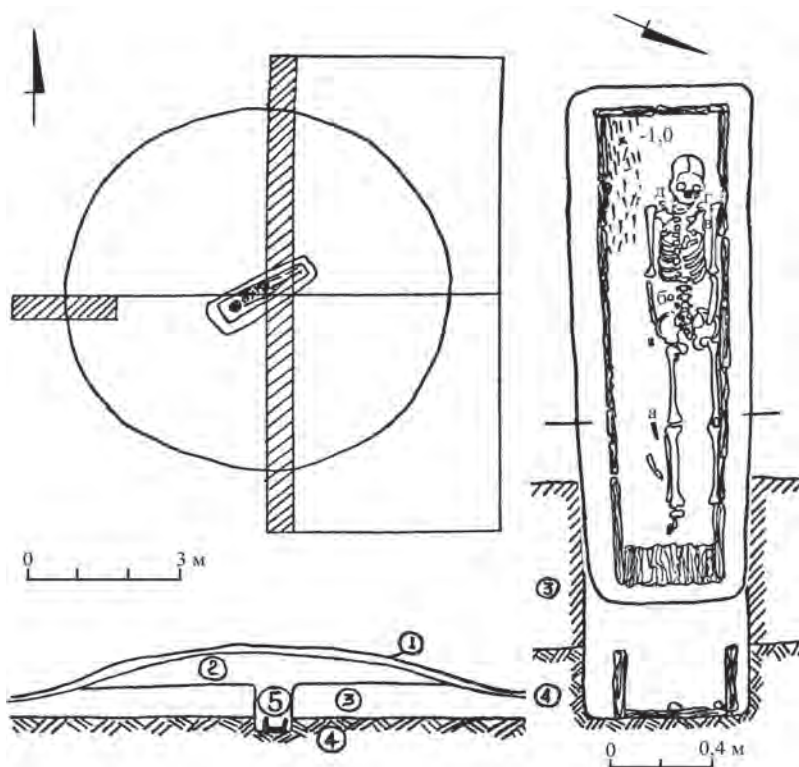

Рис. 85. Курган 17. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленная гумусированная бурая глина; 3 – погребенный чернозем; 4 – предматериковый лесс; 5 – гробовище. План погребения: а – нож; б – кольцо; в – височное кольцо с S – видной петлей; г – стеклянные бусы; д – обломок серьги

Рис. 86. Курган 17. Погребение (вид с северо-востока)

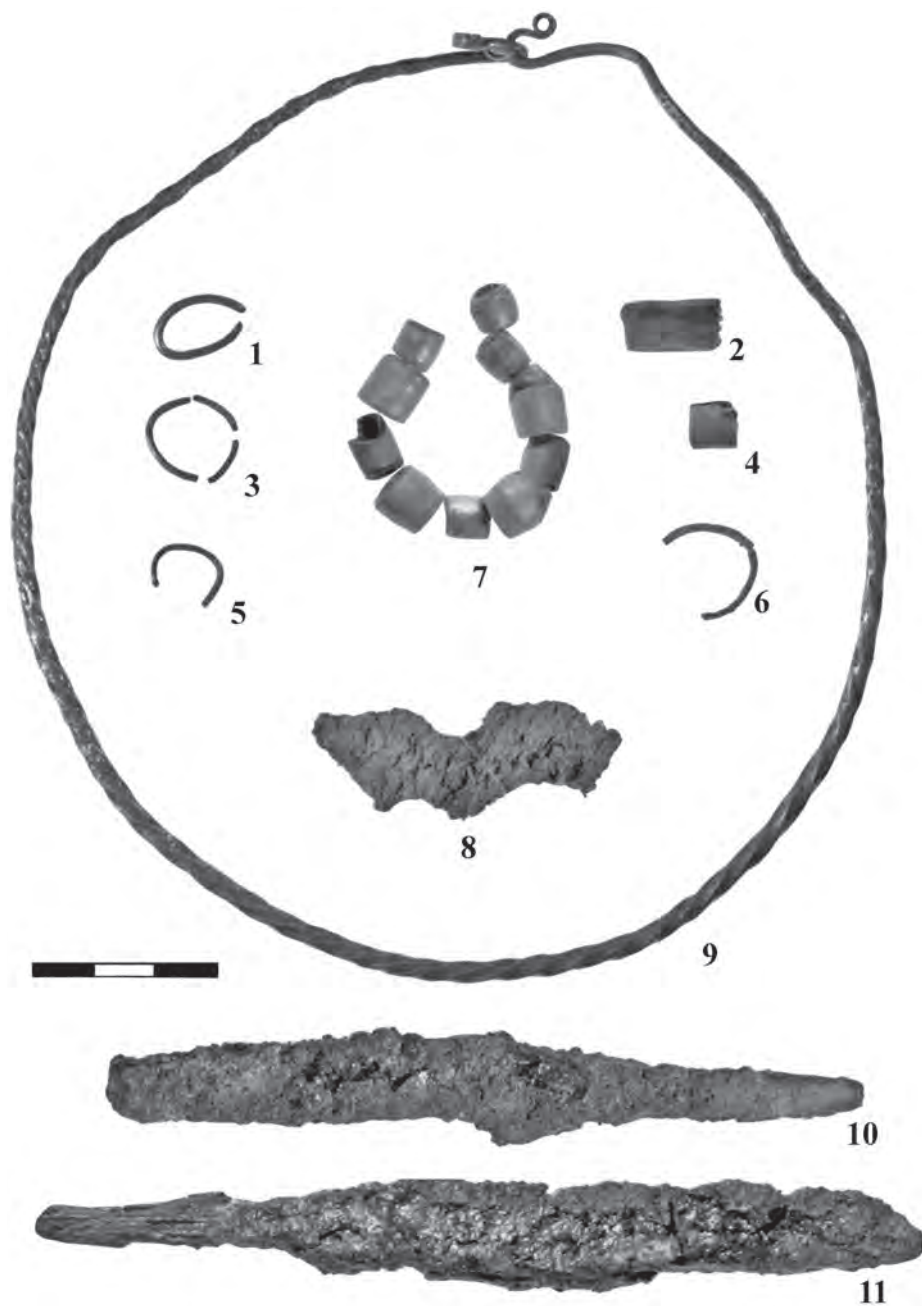

Рис. 87. Инвентарь погребений: 1-5, 8, 9 – к. 16; 6, 7, 10 – к. 17; 11 – к. 15

Курган 18. Располагался на северном участке восточной курганной группы к северу от *кургана 1*, на самой тропинке от дороги к реке. Насыпь имела правильную сферическую форму с диаметром основания 8 м и высотой 1,2 м от уровня погребенного чернозема.

Стратиграфия насыпи выяснилась в процессе снятия грунта: дерновый слой – 0,2 м, осветленный гумусированный слой бурой глины – 0,8 м, погребенный чернозем – 0,2 м; материковый лесс лежал на уровне 1,4 м (Рис. 88).

Погребение обнаружилось на уровне погребенного чернозема, будучи слегка смещенным от центральной точки насыпи.

Костяк ориентирован головой на запад с отклонением к северу; лицевая часть черепа была обращена на юг. Скелет сохранился относительно неплохо, за исключением отсутствующих кистей рук, стоп ног, ребер, группы шейно-грудных позвонков и раздавленного таза (Рис. 89).

Захоронение принадлежало женщине старческого возраста. Скелет сопровождали: три спиральных височных кольца северянского типа, изготовленные из серебряной проволоки, найденные под черепом; две простые медные серьги с сомкнутыми концами; под нижней челюстью – семь бусин из стекла с золотой фольговой прокладкой, а у колена правой ноги раковина каури с проволочной петелькой. Кроме этого, на том же уровне, что и погребение, на расстоянии полуметра к востоку от него найдено еще одно спиральное височное кольцо и три стеклянные бусины с прокладкой – результат деятельности землеройных животных (Рис. 90).

Следует отметить также наличие под черепом разрозненных обломков лепной роменской посуды. Отдельные фрагменты такой керамики встречались в насыпи на уровне погребенного чернозема в юго-западной поле кургана. Не исключено, что в этом случае мы имеем дело с остатками тризны.

Курган 19. Находился в центре восточной курганной группы южнее *курганов 2 и 3* на расстоянии 32 м от реперного *кургана 1*. Насыпь имела правильную сферическую форму, слегка расплылась, частично перекрывая почти незаметную окружающую канавку. Диаметр ее основания вместе с кольцевым ровиком составляет 8,1 м при высоте от погребенной поверхности 1,0 м.

Структура насыпи состояла из дернового слоя – 0,25 м, осветленного гумусированного слоя бурой глины – 0,5 м, слоя погребенного чернозема совместно с предматериковым суглинком – 0,2 м; материковый лесс светло-желтого цвета залегал непосредственно под последним слоем, что хорошо видно в контрольных траншеях

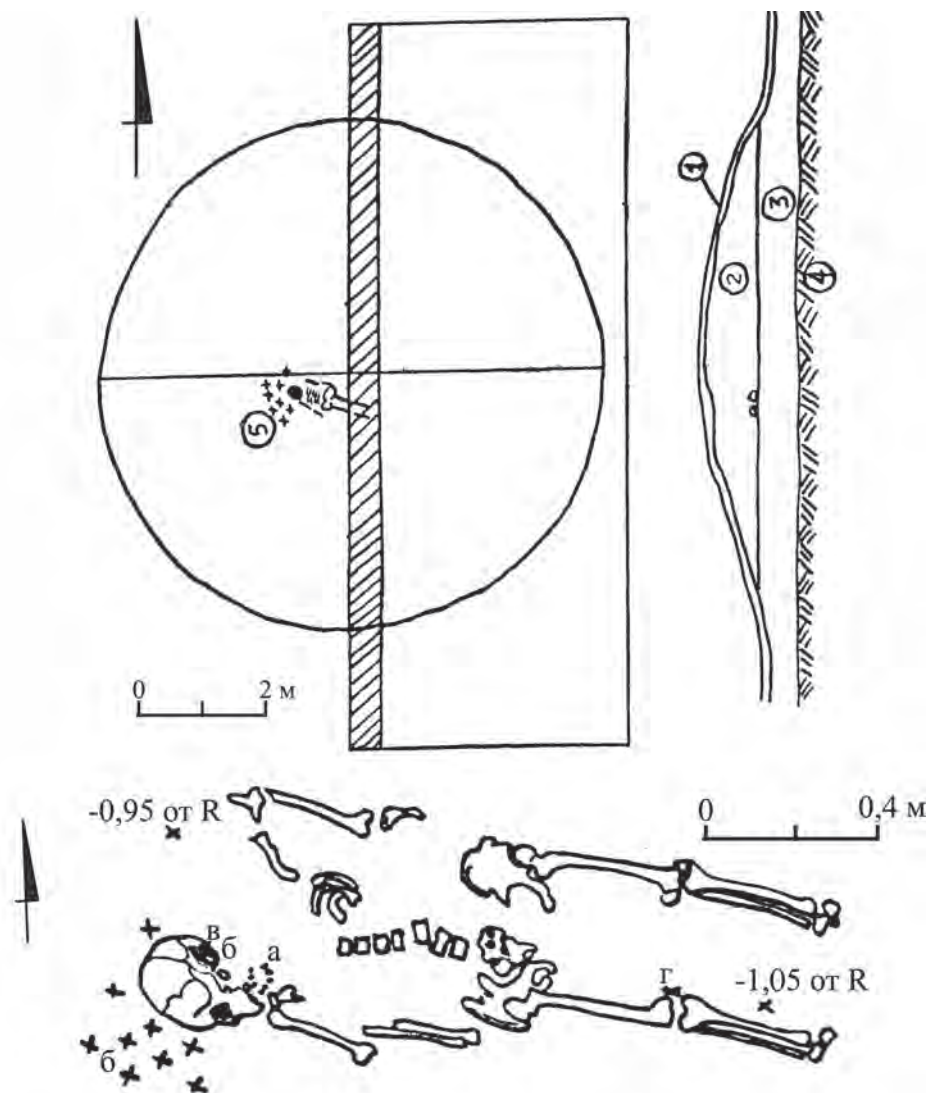

Рис. 88. Курган 18. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленная темная бурая глина; 3 – погребенная почва; 4 – материковый лесс; 5 – обломки лепной керамики. План погребения: а – бусы; б – серьги и височные кольца; в – фрагмент лепного горшка; г – раковина каури

(ширина 0,5 м), проложенных в северной, южной и западной четвертях основания, где и был выявлен ровик. Его ширина 0,7 м, углублен от погребенной поверхности на 0,3 м и практически полностью заполнен слоистыми илистыми прослойками (Рис. 91).

Рис. 89. Курган 18. Погребение (вид с севера)

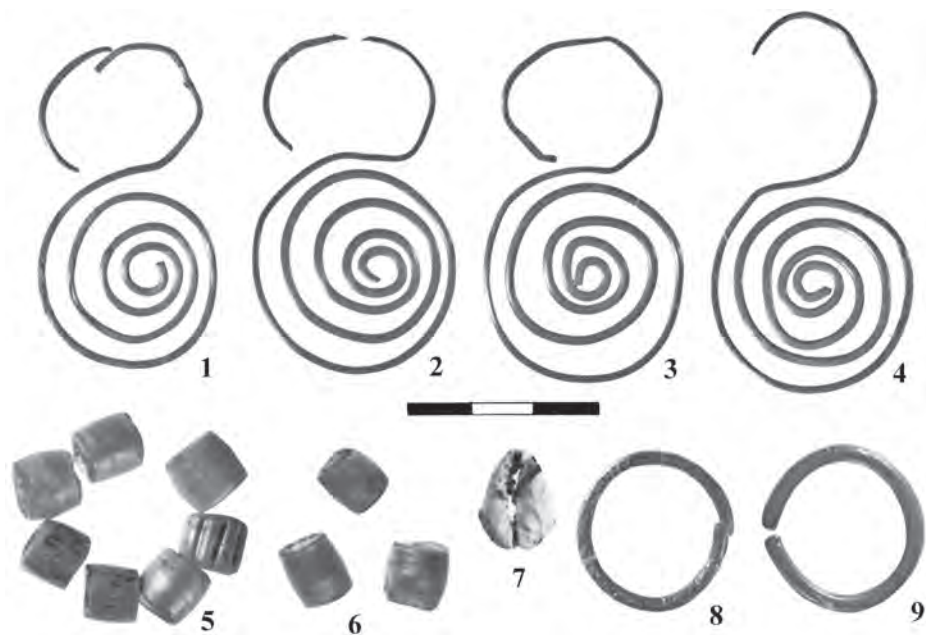

Рис. 90. Курган 18. Инвентарь погребения

Погребение обнаружилось на уровне погребенной поверхности. Умерший уложен в вытянутом на спине положении, ориентирован головой на запад с существенным отклонением к югу. Сохранность скелета неудовлетворительна: полностью отсутствует большая его

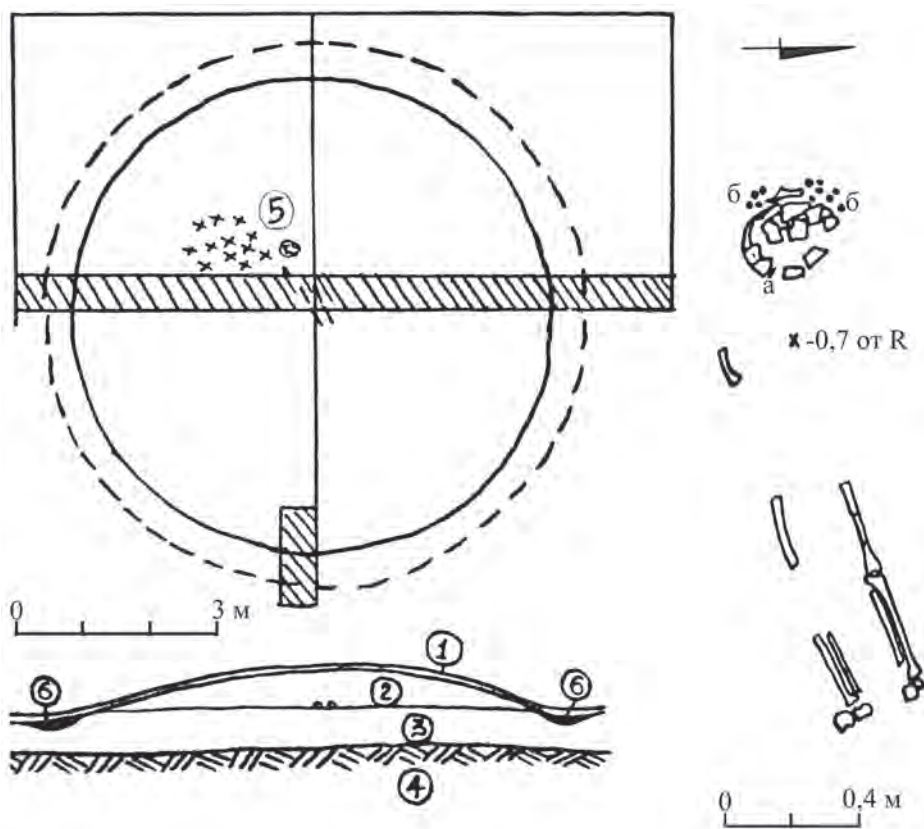

Рис. 91. Курган 19. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой, 2 – осветленный слой бурой глины; 3 – погребенная почва; 4 – материковый лесс; 5 – фрагменты керамики; 6 – заполнение ровика (гумус). План погребения: а – бусы; б – кальцинированные косточки

часть, сохранились лишь раздавленный череп, правая ключица и кости нижних конечностей без стоп.

Согласно определению антропологов, скелет принадлежал мужчине зрелого возраста. При расчистке погребения под черепом встречались невыразительные кальцинированные косточки совместно с комочками обожженной глины. Здесь же найдены три стеклянные бочковидные бусины с фольговой прокладкой (Рис. 95, 1–3). К юго-западу от скелета на уровне древнего горизонта обнаружены измельченные обломки гончарного сосуда на площади $1,2 \times 0,75$ м, которые, по-видимому, являются следами тризны (?).

Курган 20. Расположен на южном участке восточной курганной группы, южнее кургана 13, в 40 м к югу от кургана 1. Насыпь срав-

нительно неплохо сохранилась, округлая; поверхность несколько повреждена плантажными бороздами и грабительской ямой в центральной части, которая, однако, не причинила вреда погребениям, как это выяснилось в ходе раскопок. Диаметр основания кургана вместе с едва различимой канавкой от кольцевого ровика составлял 10,3 м при высоте насыпи 1,0 м от уровня погребенной почвы. При снятии насыпи обнаружился характер и порядок напластований, определяющих ее стратиграфию. Последняя состоит из дернового слоя мощностью 0,25 м, осветленного гумусированного грунта (бурая глина с комьями чернозема и светлой глины) — 0,75 м, погребенного чернозема с предматериковым суглинком — 0,2 м. Прокопанные в северной, западной и южной четвертях основания кургана траншеи выявили кольцевой ровик шириной 1,0 м при глубине от погребенной поверхности 0,2–0,35 м, заполненный илистыми прослойками слоистой структуры и тонкими линзами глины (Рис. 92).

Стратиграфия насыпи нарушена грабительской ямой, что потребовало продления контрольных траншей для уточнения ее структуры. В них и были первоначально выявлены восточные края могильных ям. Погребения находились близко от центра, в юго-западной четверти, и были совершены в ямах, ориентированных по длинной оси на запад (Рис. 93).

Погребение 1 обнаружено на расстоянии полуметра юго-западнее центральной точки кургана. Могильная яма имела прямоугольную форму размерами 2,0 × 0,6 м, углублена на 0,65 м от погребенной поверхности. Северная стенка могилы повреждена грабительским вкопом. На ее дне и у южной стенки прослежены остатки гробовища в виде тлена от деревянных плах. Умершая покоилась головой на запад, в вытянутом на спине положении, с нарушением анатомического порядка скелета: на своем естественном месте находились лишь кости ног (с неполными стопами) и раздавленный череп.

Во время расчистки скелета найдены серьга из медной проволоки с заходящими концами, четыре серебряных височных кольца с сомкнутыми концами, 27 бусин из стеклянной пасты синего цвета, семь бубенчиковидных пуговиц с петельками — все под фрагментированным черепом; обломок коррозированного железного ножа с остатками тлена от деревянной рукояти на черенке — в области правого колена (Рис. 95, 4–20).

Погребение 2 находилось в 0,5 м южнее *погребения 1*. Могильная яма имела трапециевидную форму, расширяющуюся к верхней

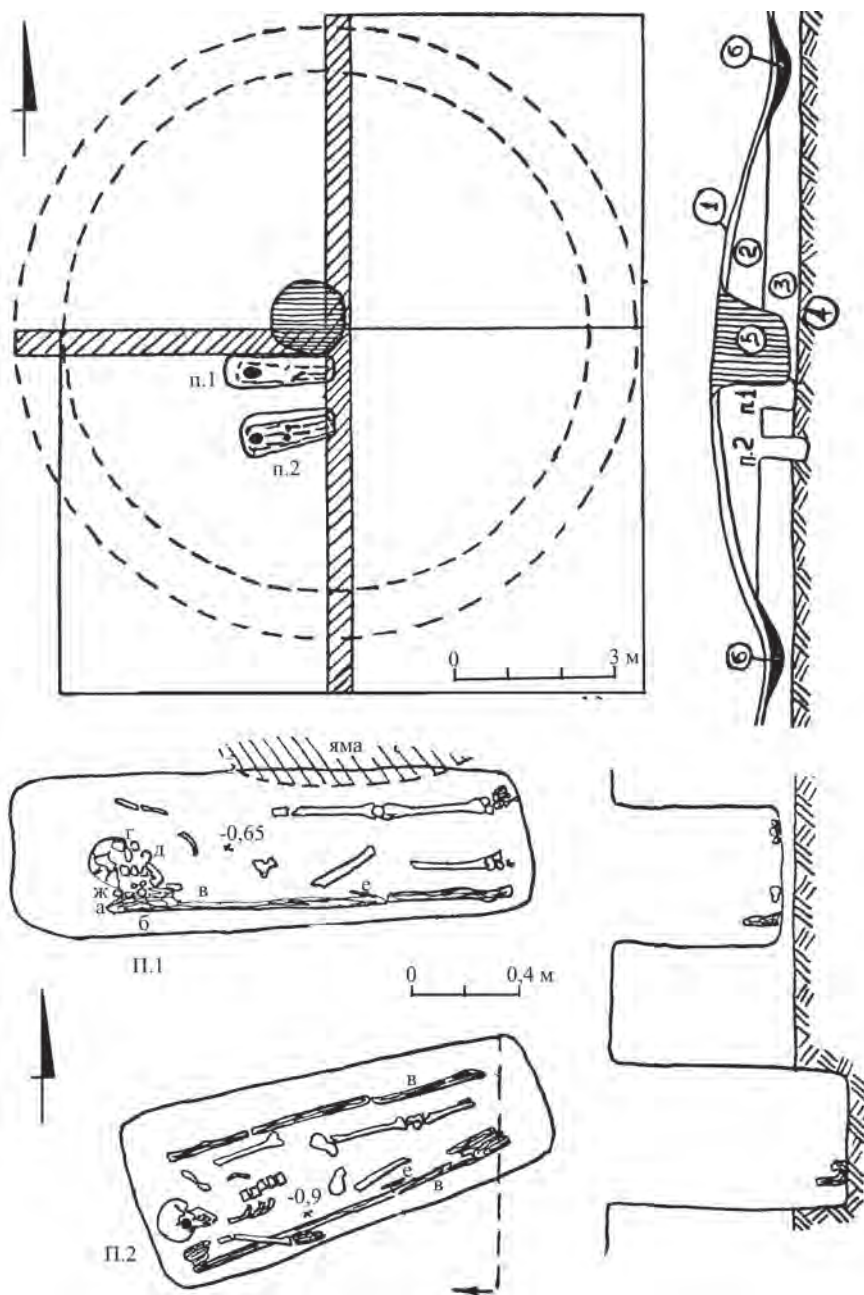

Рис. 92. Курган 20. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленная гумусированная бурая глина; 3 – погребенная почва; 4 – материковый лесс; 5 – грабительская яма; 6 – заполнение ровика. План погребений: а – проволочная серьга; б – височное кольцо; в – древесный тлен; г – массивная серьга; д – бусы; е – нож; ж – височное кольцо

Рис. 93. Курган 20. Погребения 1 и 2 (вид с востока).

части скелета, с размерами $1,6 \times 0,7 \times 0,5$ м, дно которой было расчищено на глубине 0,9 м от уровня погребенного горизонта. Вдоль стен и на дне прослежены остатки древесного тлена от гробовища, сложенного из плах, толщина которых достигала 3–4 см. Покойный лежал на спине, головой ориентирован в западном направлении, лицевыми костями обращен к югу. Скелет носил явные признаки нарушения анатомического порядка, а некоторые кости отсутствовали вовсе. При костяке близ средней части правой берцовой кости обнаружен железный нож с черенком (длина лезвия 9 см, черенка – 4 см) (Рис. 95, 22).

Первое из захоронений принадлежало женщине зрелого возраста, а второе – мужчине, также в зрелых годах.

Курган 21. Расположен в центральной части восточной группы курганов в близком соседстве с уже раскопанными *курганами 12 и 16*. Насыпь в основании имеет в поперечнике 6,5 м при высоте 0,8 м от уровня погребенной поверхности. Характер и порядок напластований в насыпи определяются дерновым слоем, толщиной до 0,25 м, осветленным гумусированным грунтом бурого цвета, мощностью 0,5 м, погребенным черноземом, переходящим в предметиковый суглинок – 0,2 м. Следов окружающего курган ровика на поверхности не просматривалось визуально; не выявлено и в ходе раскопок (Рис. 94).

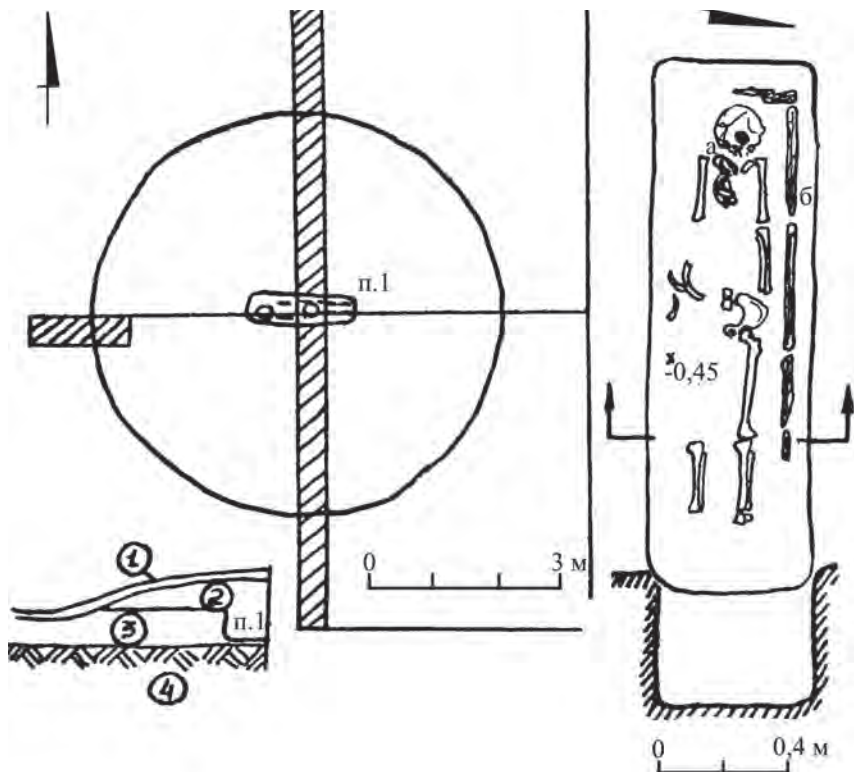

Рис. 94. Курган 21. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный гумусированный грунт бурого цвета; 3 – погребенный чернозем; 4 – материковый лесс. План погребений: а – бусы; б – древесный тлен

Погребение обнаружено в центральной части кургана, в яме, опущенной ниже слоя погребенного чернозема на глубину 0,45 м. Форма ямы овально-прямоугольная, размерами 1,7 × 0,5 м. Вдоль северной стенки ямы выявлены следы древесного тлена от истлевшей стенки гробовища (толщина плахи – от 3 до 5 см). Умерший лежал в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на запад. Анатомический порядок скелета покойного нарушен, свое естественное положение сохраняла лишь левая часть костяка, при полном отсутствии ребер, правой берцовой, локтевой костей, обеих стоп, позвоночника, разрушенном тазе; череп фрагментирован.

Согласно определению антропологов, скелет принадлежал молодому мужчине. Однако при расчистке погребения под нижней челюстью найдены 20 стеклянных с золотой прокладкой бусин бочковидной формы (Рис. 95, 2I), что позволяет все же предполагать его принадлежность женщине.

Курган 22. Как и предыдущий, находился в центральной части восточной группы и относится к числу средних курганов: его высота достигает 1,1–1,25 м при диаметре основания вместе с канавкой от окружающего ровика – 9,0 м. Стратиграфия насыпи следующая: дерновый слой – 0,25 м, осветленный гумусированный грунт (глина бурого цвета) – 0,9 м, погребенный чернозем с предматериковым суглинком – 0,2 м. Проложенные ориентированные по сторонам света контрольные траншеи позволили открыть кольцевой ровик шириной до 1,0 м, дно которого углублено от нижнего уровня погребенного горизонта на 0,3 м; в заполнении – илстые и песчаные

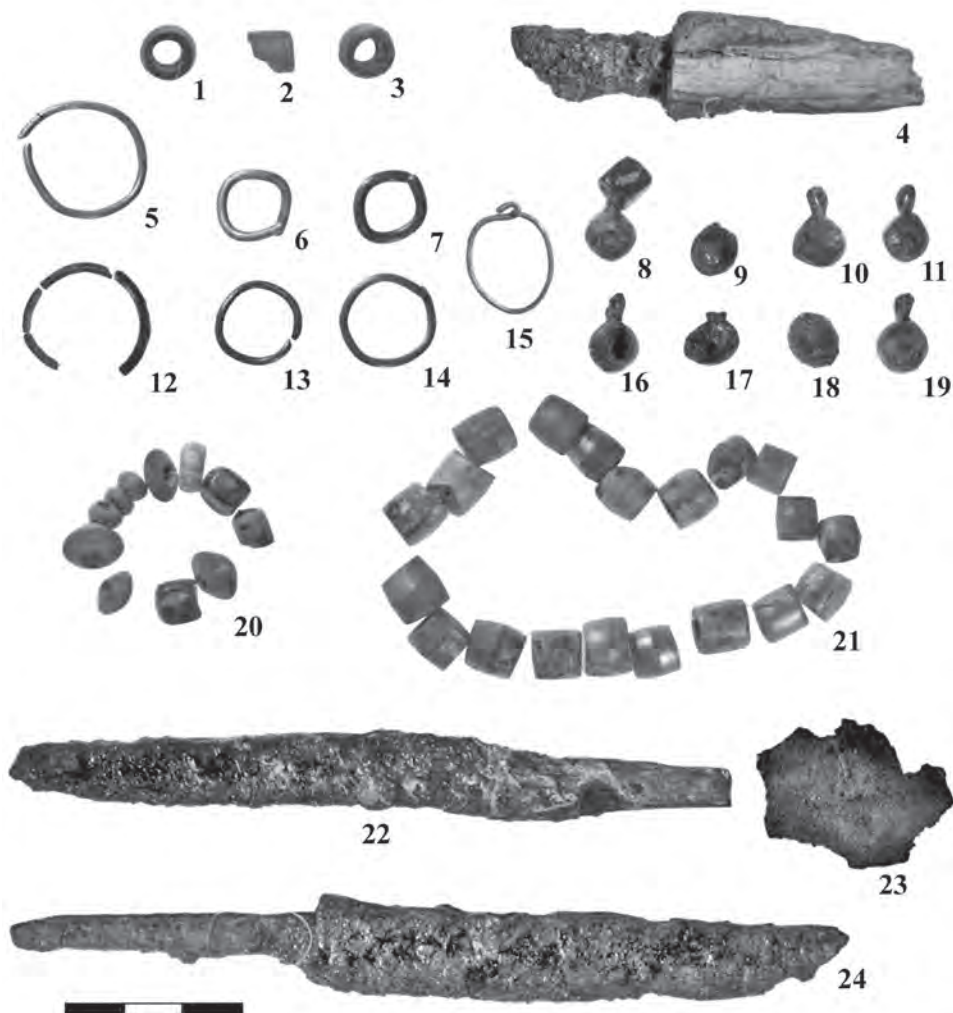

Рис. 95. Инвентарь погребений: 1-3 – п. 1 к. 19; 4-20 – п. 1 к. 20; 21 – к. 21; 22 – п. 2 к. 20; 23, 24 – к. 23

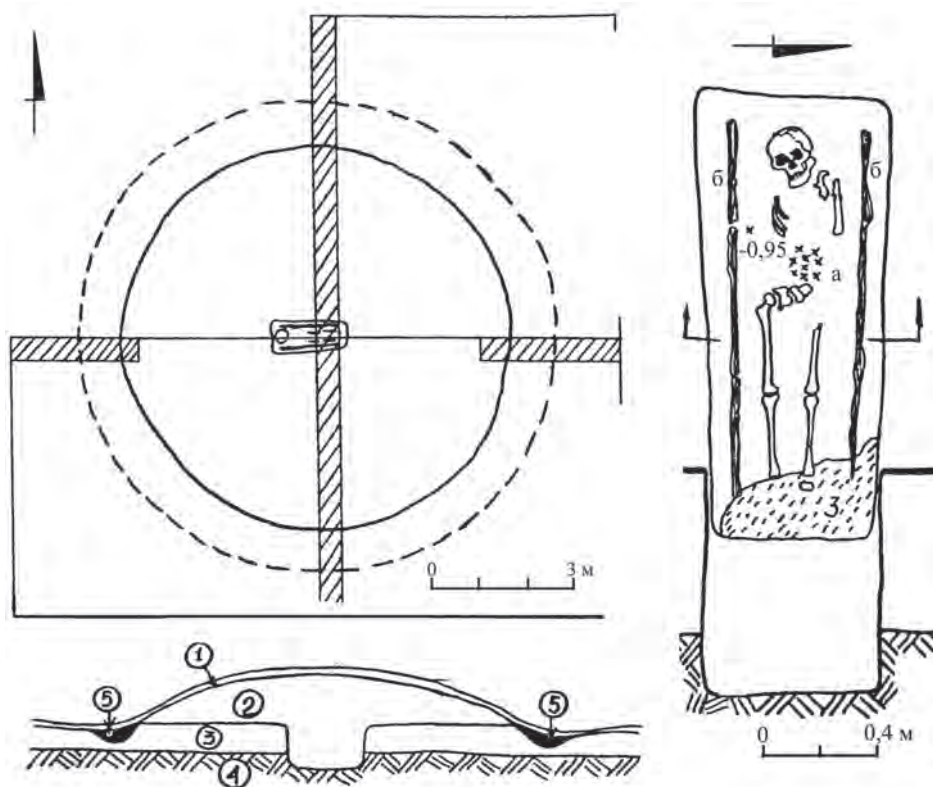

Рис. 96. Курган 22. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленная гумусированная бурая глина; 3 – погребенная почва; 4 – материковый лесс; 5 – илистое заполнение ровика по периметру насыпи. План погребения: а – уголь; б – древесный тлен; в – скопление золы

прослойки с присутствием в верхних слоях отдельных измельченных угольков (Рис. 96).

Погребение осуществлено в яме, расположенной в центре под насыпью. Она имела прямоугольные очертания (размеры 1,85 × 0,55 м), дно ее врезалось в материковый лесс на глубину 0,95 м от погребенной поверхности. В рыхлом гумусированном грунте заполнения встречались довольно многочисленные угольки, на дне и вдоль стен прослеживались следы древесного тлена от плах толщиной 2–3 см. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой ориентирован на запад. Скелет сохранял обычный анатомический порядок, при этом у него отсутствовали ребра левой стороны грудины, левая локтевая кость с кистью, большая часть позвоночного столба, таз, кости правой руки и стопы обеих ног.

Захоронение принадлежит мужчине зрелого возраста. В ходе расчистки скелета и могильной ямы в области отсутствующих ко-

стей таза выявлено скопление угля и золы размерами $0,3 \times 0,35$ м, а также плотный пласт золы в области голеностопных костей. Предметов личного убора и сопровождающего инвентаря не обнаружено вовсе. Не обнаружено и следов тризны в насыпи.

Курган 23. Расположен в центре восточной группы курганов между близлежащими *курганами 21 и 24*. Он относится к числу невысоких — его насыпь не превышала 0,9 м при поперечнике основания вместе с канавкой от кольцевого ровика 8,6 м.

Стратиграфия насыпи: дерновый слой мощностью 0,25 м, осветленный гумусированный грунт, состоящий из смеси чернозема с бурой глиной, — 0,7 м, погребенный чернозем с предматериковым суглинком — 0,2 м. Контрольные траншеи по оси В–3 и в северной поле кургана позволили выявить кольцевой ровик с чередующимися прослойками ила и глины в заполнении (ширина 0,8 м, углублен в предматериковый суглинок на 0,3 м от уровня погребенной почвы). В 0,4 м к югу от центральной точки было обнаружено *погребение*, совершенное в яме прямоугольных очертаний (размеры $1,7 \times 0,6$ м) глубиной 0,4 м от уровня погребенного древнего горизонта. Покойный лежал в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на запад, лицевые кости обращены на юг, руки согнуты в локтях таким образом, чтобы кисти покоились на костях таза. Сохранность скелета удовлетворительная (Рис. 97).

Умерший был мужчиной 18–20 лет. Во время расчистки погребения при покойнике близ левого бедра был найден сильно коррозированный черенковый железный нож (длина 14,0 см, длина лезвия — 9 см). В насыпи на глубине 0,3 м от поверхности кургана непосредственно над погребением найдена медная пластинка ($33 \times 25 \times 0,5$ мм) с рваными краями, назначение которой осталось невыясненным (Рис. 95, 23, 24).

Курган 24. Раскапывался на южном участке центральной части восточной курганной группы, неподалеку от селища в близком соседстве с *курганами 22 и 23*.

Высота относительно хорошо сохранившей сферическую форму насыпи достигает 1,2 м от уровня погребенной поверхности, поперечник ее основания совместно с визуально просматривавшейся канавкой от кольцевого ровика — 11,0 м. Задернованная поверхность кургана несколько повреждена плантажными бороздами под сажены. Структура насыпи характеризуется дерновым слоем — 0,25 м, осветленным гумусированным суглинком бурого цвета —

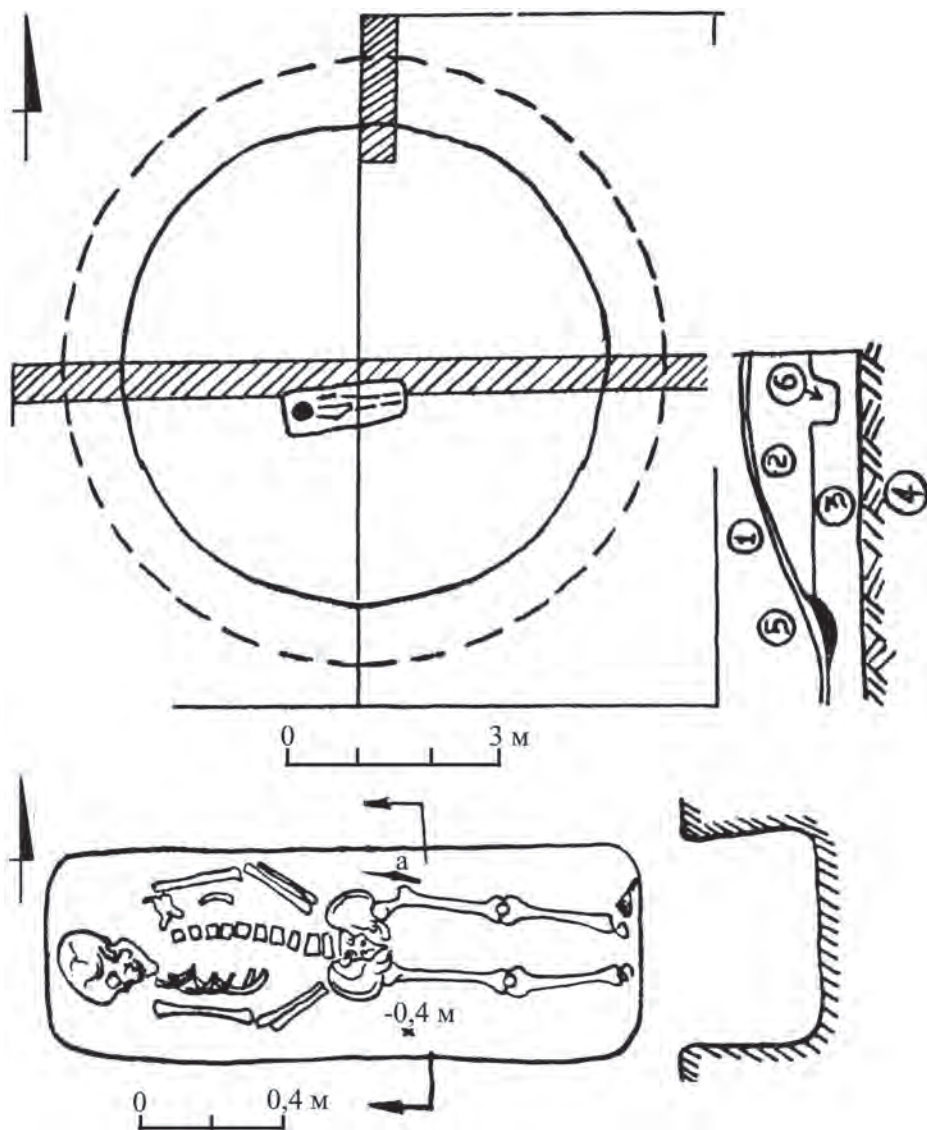

Рис. 97. Курган 23. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный чернозем попеременно с бурой глиной; 3 – погребенный чернозем; 5 – заполнение ролика; 6 – могильная яма. План погребения: а – нож

1,0 м, погребенным черноземом совместно с предматериковым суглинком – 0,2 м (Рис. 98).

Кольцевой ролик хорошо проявился в контрольных траншеях (ширина 0,5 м), проложенных по оси С–Ю и в западной поле насыпи. Его параметры: ширина от 0,9 до 1,1 м, дно углублено на 0,3–

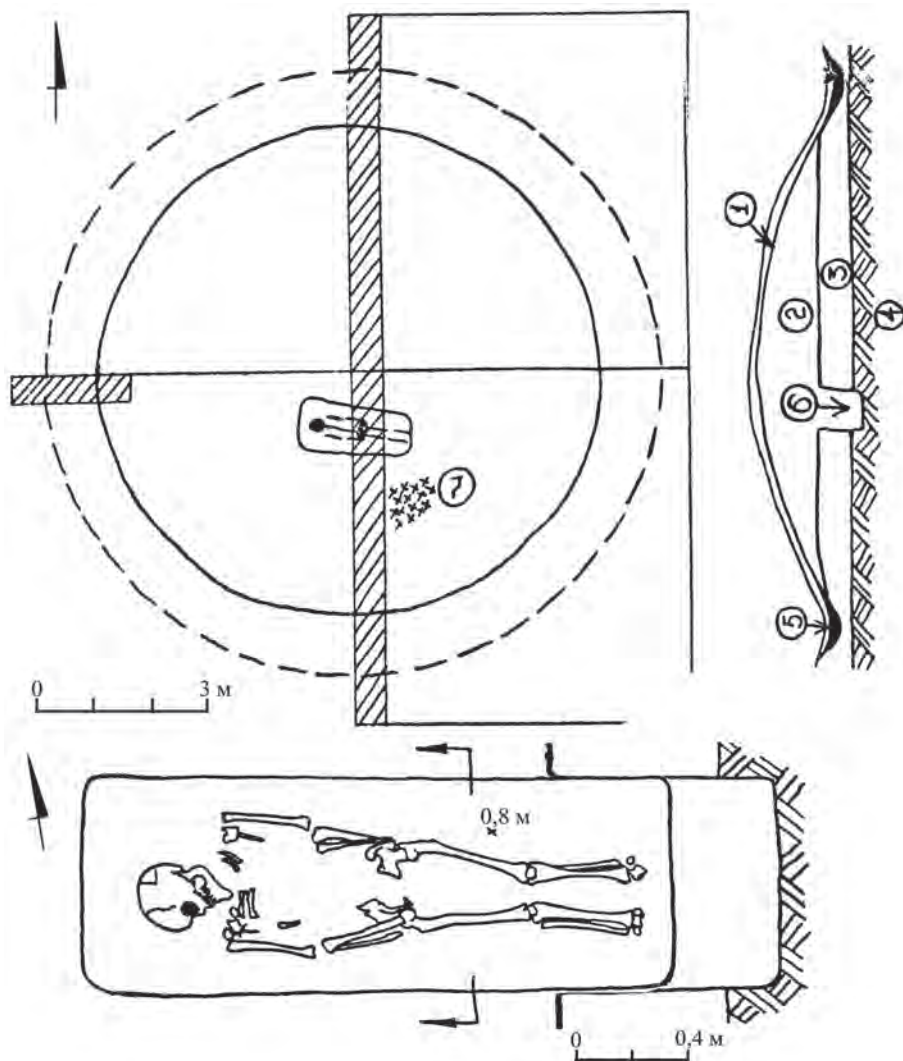

Рис. 98. Курган 24. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный гумусированный суглинок бурого цвета; 3 – погребенный чернозем; 4 – материковый лесс; 5 – илистое заполнение ровика в основании насыпи; 6 – могильная яма; 7 – обломки керамики

0,35 м от погребенного горизонта и заполнено перемежающимися тонкими прослойками ила и глины. В их верхнем горизонте заметно присутствие угольков и единичных фрагментов древнерусской посуды в сильно измельченном виде.

Погребение было выявлено на расстоянии 1,0 м к югу от центральной точки. Оно было совершено в прямоугольной яме размерами $2,1 \times 0,8$ м, опущенной в материковый лесс на глубину 0,8 м от

погребенного горизонта. Умерший покоился в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на запад. Отмечено разрушение скелета умершего, что выражается в отсутствии костей грудной клетки, позвоночного столба, ребер, кистей рук и обеих стоп.

Скелет принадлежал мужчине зрелого возраста. Во время расчистки погребения при нем не обнаружено предметов личного убора и сопровождающего инвентаря. В юго-восточной четверти насыпи на уровне дневной поверхности зафиксировано скопление обломков гончарной керамики древнерусского времени в измельченном виде размерами по длинной оси 1,1 м, а по короткой — 0,65 м.

Курган 25. Находился на западном участке восточной курганной группы, в 20 м к востоку от полевой дороги. Насыпь в ее юго-восточной части повреждена широкой, видимо, бульдозерной, канавой (окопом — ?). Высота сохранившейся части составляет 1,5 м с диаметром основания совместно с окружающей канавкой от кольцевого ровика 12,5 м.

При снятии насыпи обнаружилась ее структура, в которой представлен дерновый слой — 0,25 м; осветленный гумусированный грунт, состоящий из глины в смеси с черноземом, — 0,95–1,05 м; погребенный чернозем с предматериковым суглинком — 0,25–0,35 м. Кольцевой ровик хорошо просматривался в контрольных траншеях, он имел ширину 0,95–1,1 м при глубине 0,35 м от уровня погребенной поверхности, в слоистом интенсивно темном заполнении заметны тонкие прослойки глины и угольков (Рис. 99).

Под насыпью содержалось два захоронения. *Погребение 1* выявлено на уровне древней дневной поверхности в 1,0 м к югу от центральной точки подошвы кургана. Умерший покоился вытянуто на спине, головой ориентирован на запад, лицевой частью обращен к югу. Сохранность скелета можно было бы назвать хорошей, если бы не отсутствующие кости левой руки и обеих стоп.

Согласно антропологическому определению, скелет принадлежал мужчине зрелого возраста. Но в процессе расчистки погребения в области шеи и верхней части грудной клетки найдены шесть стеклянных с золотой фольговой прокладкой бусин и две бипирамидальных халцедоновых, в области черепа — два проволочных серебряных височных кольца, под черепом — еще одно аналогичное; над костями таза — остатки сильно окислившейся литой кольцевидной пряжки из медного сплава (Рис. 105, 1–5). Под костями нижней части грудной клетки и в области левого бедра обнаружилась угольная подсыпка.

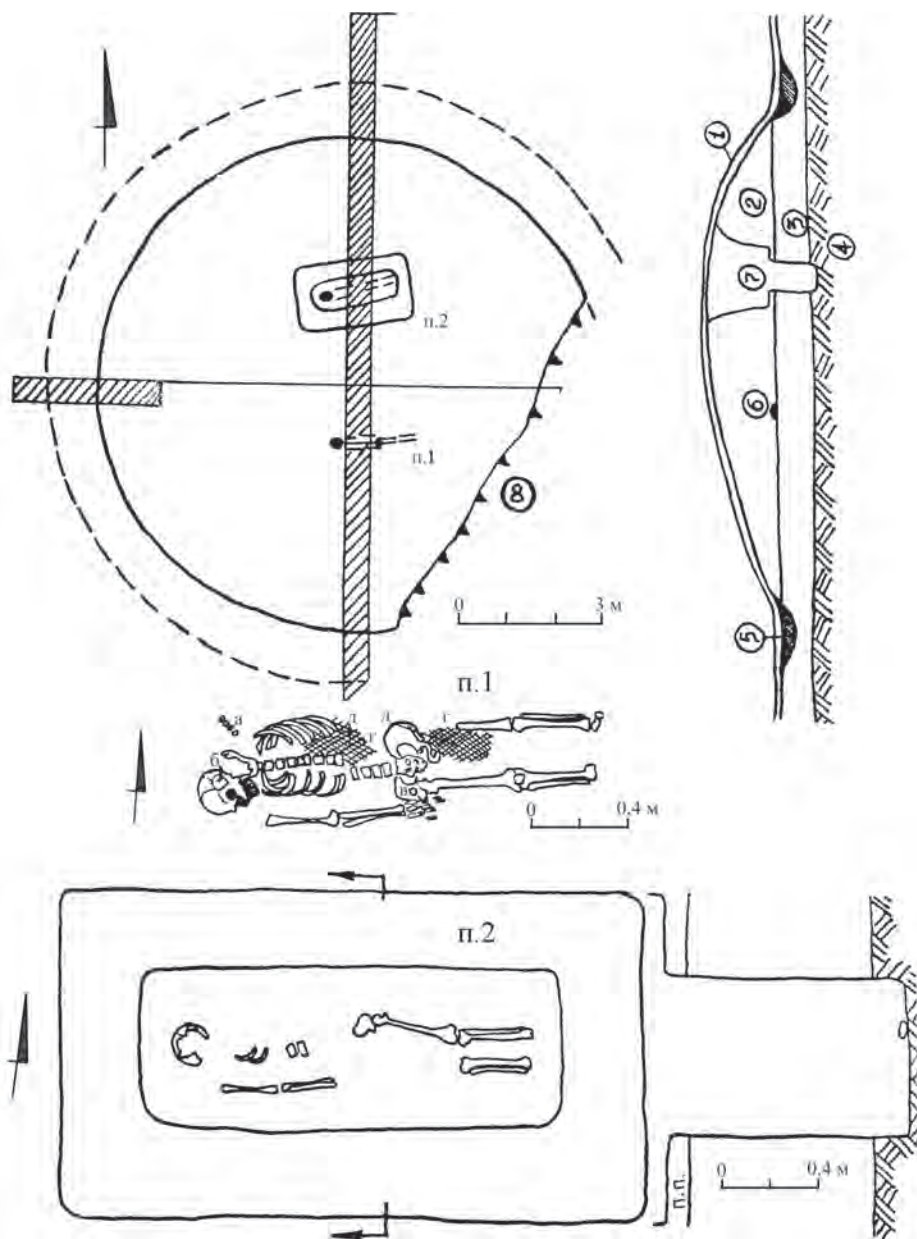

Рис. 99. Курган 25. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный чернозем в смеси с бурой глиной; 3 – погребенная почва; 4 – материковый лесс; 5 – заполнение ровика; 6- 7 – погребения; 8 – разрушенная часть насыпи. План погребений: а – бусы; б – височные кольца серебряные; в – медные кольца; г – угольная подсыпка; д – обломки керамики

Погребение 2 расчищено на расстоянии 1,3 м к северу от центра кургана. На поверхности углубление не просматривалось, но сразу же под дерновым слоем обнаружилась шахта впускной могилы прямоугольной формы (2,5 × 1,4 м), врезанной в материковый лесс от погребенного чернозема на глубину 0,95 м. По периметру на уровне погребенной дневной поверхности она имела заплечики шириной 0,35 м. С этого уровня могила была овально-прямоугольных очертаний, ее размеры – 1,8 × 0,7 м. В рыхлом гумусированном заполнении отмечены остатки древесного тлена от гробовища, однако установить его форму и конструкцию оказалось невозможным. Покойный был уложен в вытянутом на спине положении, ориентирован головой на запад. Сохранность скелета крайне неудовлетворительная: остались лишь черепная крышка, кости левой ноги и голень правой, правая рука без кисти и несколько обломков ребер.

Погребение принадлежало мужчине старческого возраста (55–65 лет). Каких-либо находок в ходе расчистки не выявлено. Возможности позднего впускного захоронения в древнерусском кургане противоречит крайне плохая сохранность костей и дерева.

Курган 26. Расположен на западном участке восточной курганной группы, в 15 м к востоку от полевой дороги, делающей здесь резкий поворот на запад. Курган относится к числу малых: высота насыпи составляет 0,6 м при диаметре подошвы 5,0 м. Насыпь состояла из дернового слоя – 0,2 м; гумусированного суглинка темного цвета, местами осветленного, – 0,4 м; погребенного чернозема с предматериковым суглинком – 0,2 м. Следов канавки на задернованной поверхности не просматривалось, не обнаружен и кольцевой ровик в контрольной траншее, проложенной по оси С – Ю (Рис. 100).

Погребение обнаружилось в центре основания курганной насыпи на уровне погребенной дневной поверхности (фрагментированный череп, плечевая кость левой руки и три обломка ребер). Расположение останков позволяет говорить о западной ориентации покойного и о его вытянутом на спине положении.

В ходе расчистки погребения под черепной коробкой найдено серебряное проволочное кольцо с далеко заходящими концами диаметром около 2 см (Рис. 105, б).

Курган 27. Находился на западном краю восточной курганной группы, в 5 м к востоку от полевой дороги. Насыпь сильно оплыла, задернована; ее высота не превышает 0,8 м при диаметре основания 8,5 м. Следы канавки, обычно окружающей насыпь, визуально не

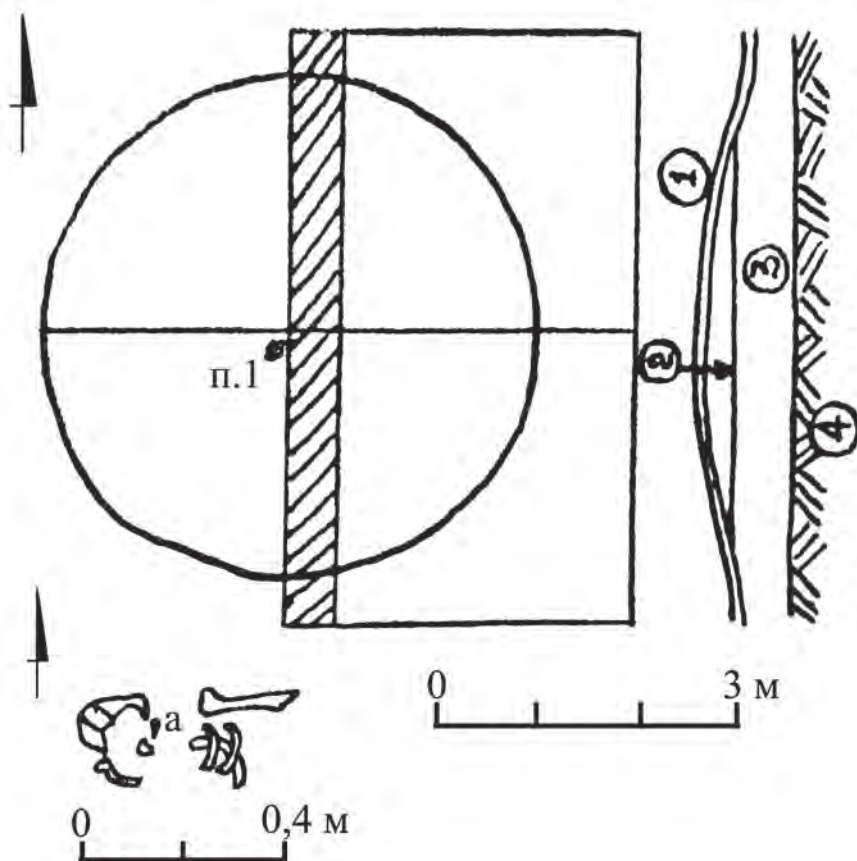

Рис. 100. Курган 26. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный гумусированный суглинок темного цвета; 3 – погребенный чернозем; 4 – материковый лесс. План погребения: а – кольцо височное

просматривались, не обнаружился и ровик в траншее в западной поле.

В насыпи зафиксировано нарушение стратиграфии, по причине то ли повышенной активности землеройных животных, то ли чрезмерного любопытства краеведов-аматоров. Стратиграфия насыпи: дерновый слой – 0,25 м, осветленный гумусированный грунт из глины с черноземом – 0,65 м, погребенная почва (чернозем с предматериковым суглинком) – 0,25 м, ниже последнего залегал материковый лесс (Рис. 101).

Под курганом раскопаны два захоронения. *Погребение 1* выявилось на расстоянии 0,5 м от центральной точки на глубине 1,2 м от поверхности насыпи. Погребальной ямы проследить не

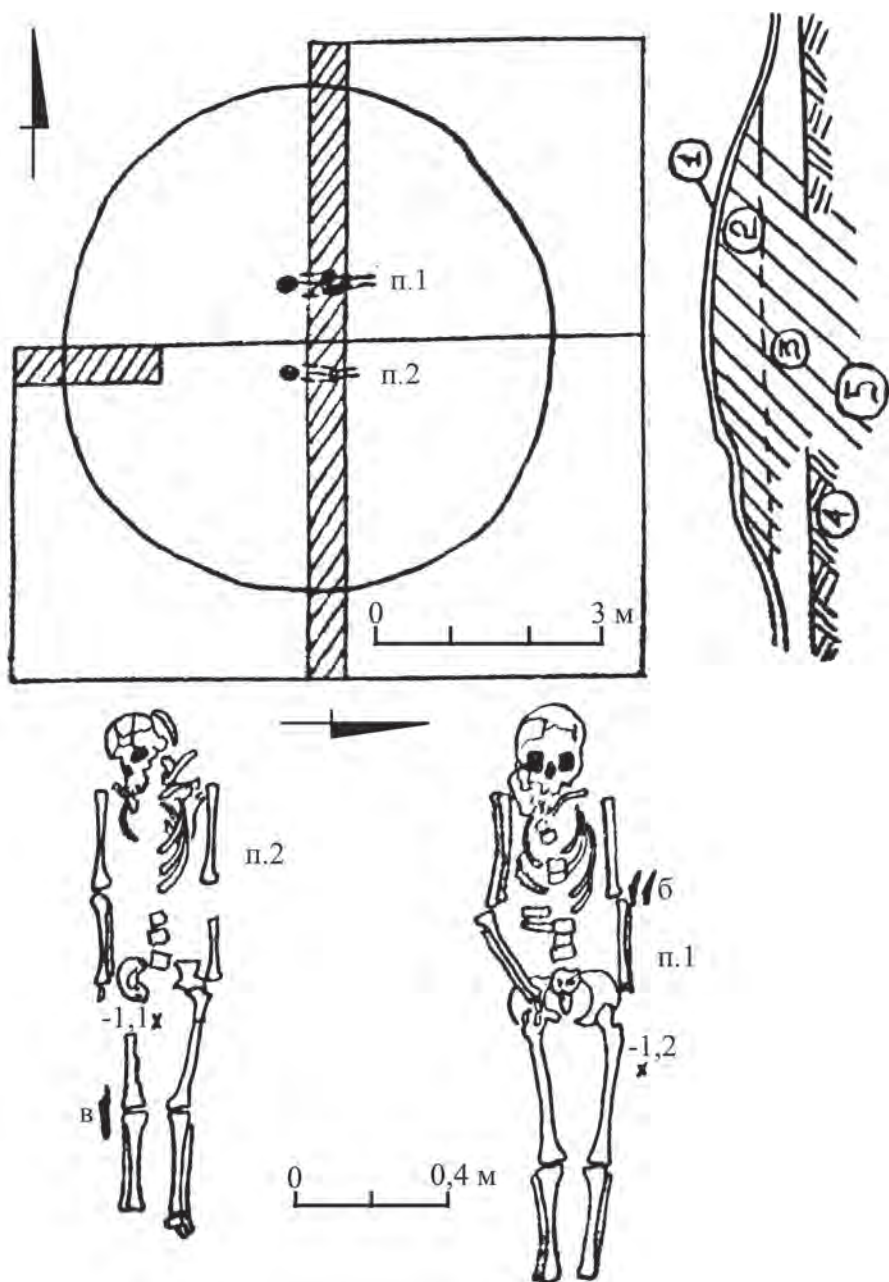

Рис. 101. Курган 27. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный гумусированный суглинок темного цвета; 3 – погребенный чернозем; 4 – материковый лесс; 5 – повреждения насыпи. План погребений: б – наконечники стрел; в – нож

удалось. На ее предполагаемом дне умерший был помещен в вытянутом на спине положении, ориентирован головой на запад, руки уложены вдоль тела, при этом правая рука согнута в локте таким образом, чтобы ее кисть лежала поверх таза. Сохранность скелета относительно удовлетворительная при отсутствии костей стоп и кисти левой руки. В ходе расчистки скелета, у локтя левой руки при погребенном были найдены два ромбовидных, черешковых наконечника стрелы (длина соответственно 10,5 и 6,5 см) (Рис. 105, 9, 10).

Погребение 2 располагалось в 0,3 м к югу от центра на глубине 1,1 м от поверхности. Как и в первом случае, краев погребальной ямы, как и следов гробовища, не обнаружено. Покойный был уложен вытянуто на спине, головой ориентирован на запад. Сохранность костяка крайне неудовлетворительная: отсутствуют ребра с правой стороны, большая часть позвоночного столба, кисти рук и стопы ног, раздавлен таз и черепная коробка.

Умерший являлся мужчиной среднего возраста (30–35 лет). У правого колена покойного найден железный черенковый нож длиной 14,5 см, а также фрагмент железного предмета неопределенного назначения. Под скелетом в области грудной клетки выявлен обломок медной пластинки близкой к прямоугольнику формы (33 × 26 × 0,5 мм), о назначении которой можно только догадываться (Рис. 105, 7, 8, 12).

Курган 28. Насыпь сильно оплыла, заросла бурьяном так, что с трудом обнаруживалась визуально. Находился на западном участке все той же восточной группы. Курган невысокий (0,7 м), диаметром не более 6,0 м.

В ходе снятия насыпи и предварительной прокладки контрольных траншей в южной, западной и восточной четвертях основания кургана, целью которых было установление наличия кольцевого ровика, была выяснена и ее стратиграфия, которая мало чем отличалась от большинства раскопанных могил. Структура насыпи состояла из дернового слоя – 0,2 м, осветленного гумусированного грунта из смеси бурой глины с черноземом – 0,5 м, погребенного чернозема совместно с предматериковым суглинком – 0,2 м (Рис. 102).

В ее центральной части на уровне погребенного горизонта выявлены остатки двух различных погребений, одинаково неудовлетворительной степени сохранности по причине их разрушения.

Погребение 1 обнаружилось в центре подошвы кургана на уровне дневной поверхности. Сохранившийся скелет (раздавленный

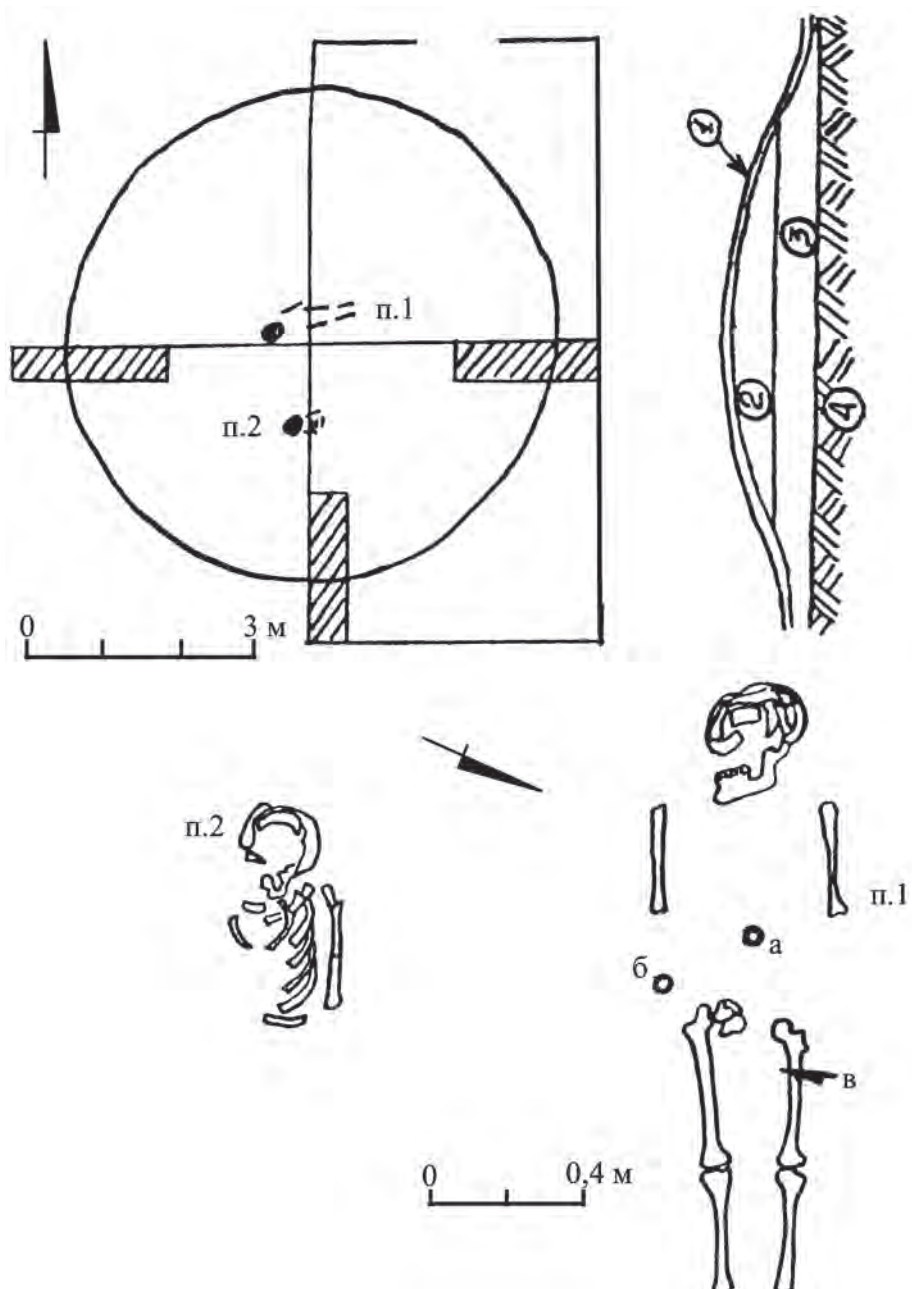

Рис. 102. Курган 28. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный гумусированный чернозем с комьями бурой глины; 3 – погребенный чернозем; 4 – материковый лесс. План погребений: а – височное кольцо, б – железное кольцо; в – нож

череп, обе плечевые кости, обломок правой части таза, берцовые и голени обеих ног без стоп) покоился на спине в вытянутом положении.

Скелет принадлежал мужчине зрелого возраста. В процессе расчистки при нем были найдены у левого бедра – железный черенковый нож с обломанным кончиком, в области правого тазобедренного сустава – железное массивное кольцо диаметром 3,4 см, а в центре отсутствующего позвоночника – литое медное кольцо диаметром 3,3 см, в сечении 4 мм – по-видимому, пряжка (Рис. 105, 11, 13, 14).

Погребение 2 находилось в 0,9 м к югу от центра, также на уровне погребенной дневной поверхности. Оно оказалось почти полностью разрушенным: сохранились только обломки черепной крышки, левая часть грудной клетки, фрагментированная левая плечевая кость. Сопровождающих находок не обнаружено.

Курган 29. Находился на самом краю западного участка восточной курганной группы, поблизости от полевой дороги. Выделялся хорошо сохранившейся насыпью правильной полусферической формы, вокруг которой на задернованной поверхности была видна неглубокая, заросшая бурьяном канавка от кольцевого ровика. Высота кургана составляла 1,2 м при поперечнике подошвы 9,5 м. Стратиграфия насыпи выглядела следующим образом: дерновый слой – 0,25 м, гумусированная почва из бурой глины вперемешку с черноземом и комьями светлой глины – 0,8 м, смесь погребенного чернозема с предматериковым суглинком – 0,2 м, ниже которого залегал светло-желтый материковый лесс. По крайним концам контрольной траншеи был расчищен ровик шириной 0,8 м, углубленный на 0,35–0,45 м в предматериковый суглинок. Его заполнение составляли перемежающиеся прослойки илистого гумуса и глины с песком, в верхних горизонтах которого присутствовали угольки, невыразительные обломки сильно измельченной керамики (Рис. 103).

Под насыпью были вскрыты три захоронения. Два из них совершены в ямах, опущенных в погребенную почву на одинаковую глубину (*погребения 1 и 2*), тогда как детское *погребение 3* лишь слегка углублено в древний горизонт (Рис. 104).

Погребение 1 обнаружено на расстоянии 0,3 м к северу от центра подошвы кургана. Умерший покоился в вытянутом на спине положении, ориентирован головой на запад с некоторым отклонением к югу. Сохранность костяка этого погребения, по сравнению с состоянием двух других, значительно лучше: в анатомическом по-

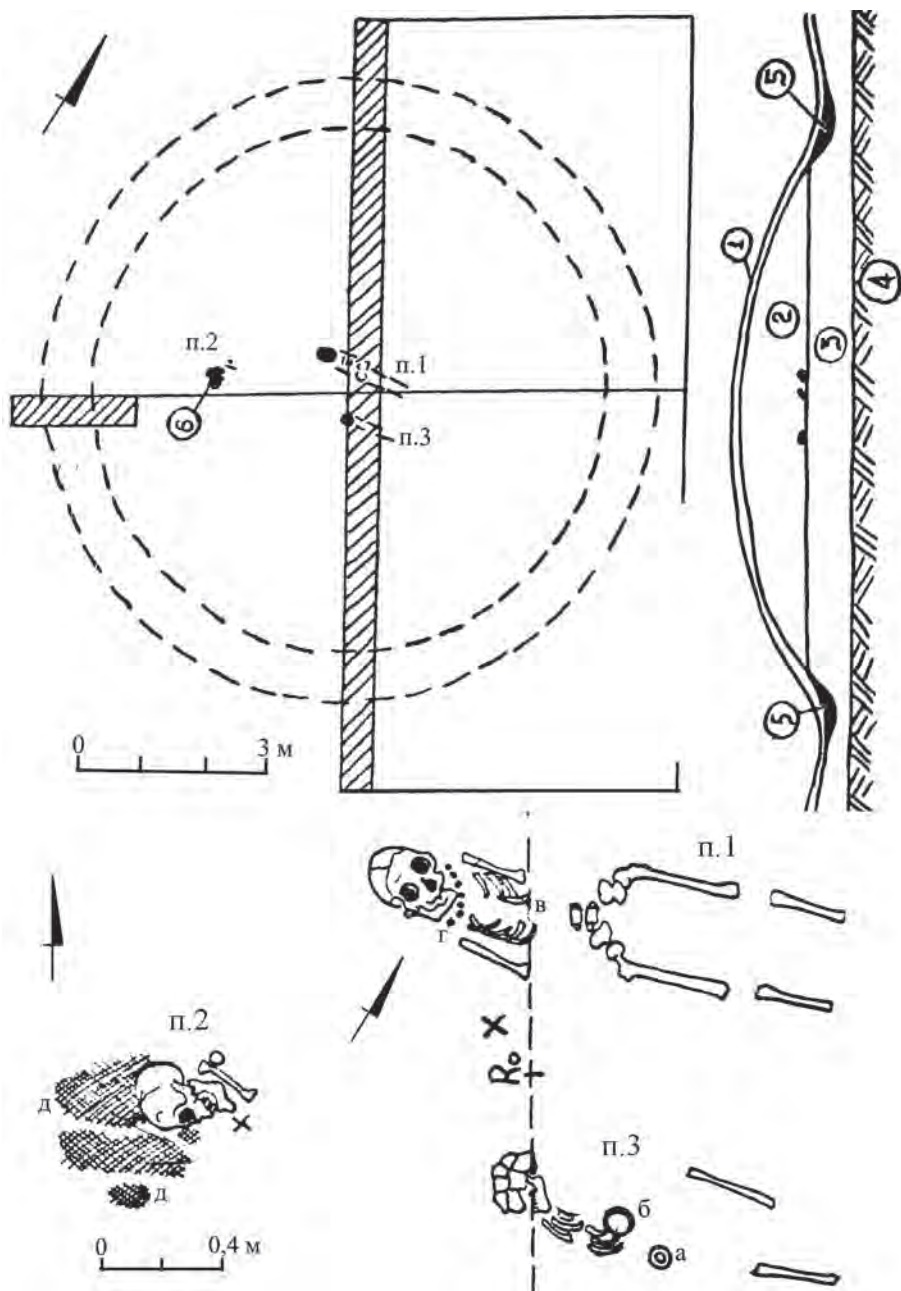

Рис. 103. Курган 29. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный чернозем вперемешку с комьями светлой и бурой глины; 3 – погребенная почва; 4 – материковый лесс; 5 – гумусированное заполнение ровика. План погребений: а – пастовые бусы; б – железное кольцо; в – клыки-амулеты; г – стеклянные бусы; д – зола, угольки

Рис. 104. Курган 29. Погребения 1–3 (вид с запада)

рядке находились кости обеих ног (без стоп), обе плечевые кости, несколько ребер, при полном отсутствии позвоночного столба и частичном – костей таза. Скелет принадлежал ребенку 7–9 лет.

Под нижней челюстью и в области шеи обнаружено ожерелье из 24-х рубчатых бусин («ягодовидные» из зеленого и синего стекла) и трех просверленных клыков собаки или волка, служивших, по-видимому, амулетами (Рис. 105, 17).

Погребение 2 выявлено в западной половине основания кургана на расстоянии 2,0 м западнее центра, разрушено почти полностью. Сохранились лишь обломки раздавленного черепа, ориентированного на запад, и левая ключица. Под ними расчищено пятно угольной подсыпки размерами 0,5 × 0,3 м. Какие-либо вещи личного убора отсутствовали.

Погребение 3 расчищено на расстоянии 0,6 м к юго-востоку от *погребения 1*. Его сохранность также крайне неудовлетворительная: от скелета остались только фрагменты черепной крышки, отдельные ребра и кости нижних конечностей. Длина разброса сохранившихся костных останков (1,2 м) и вектор их расположения позво-

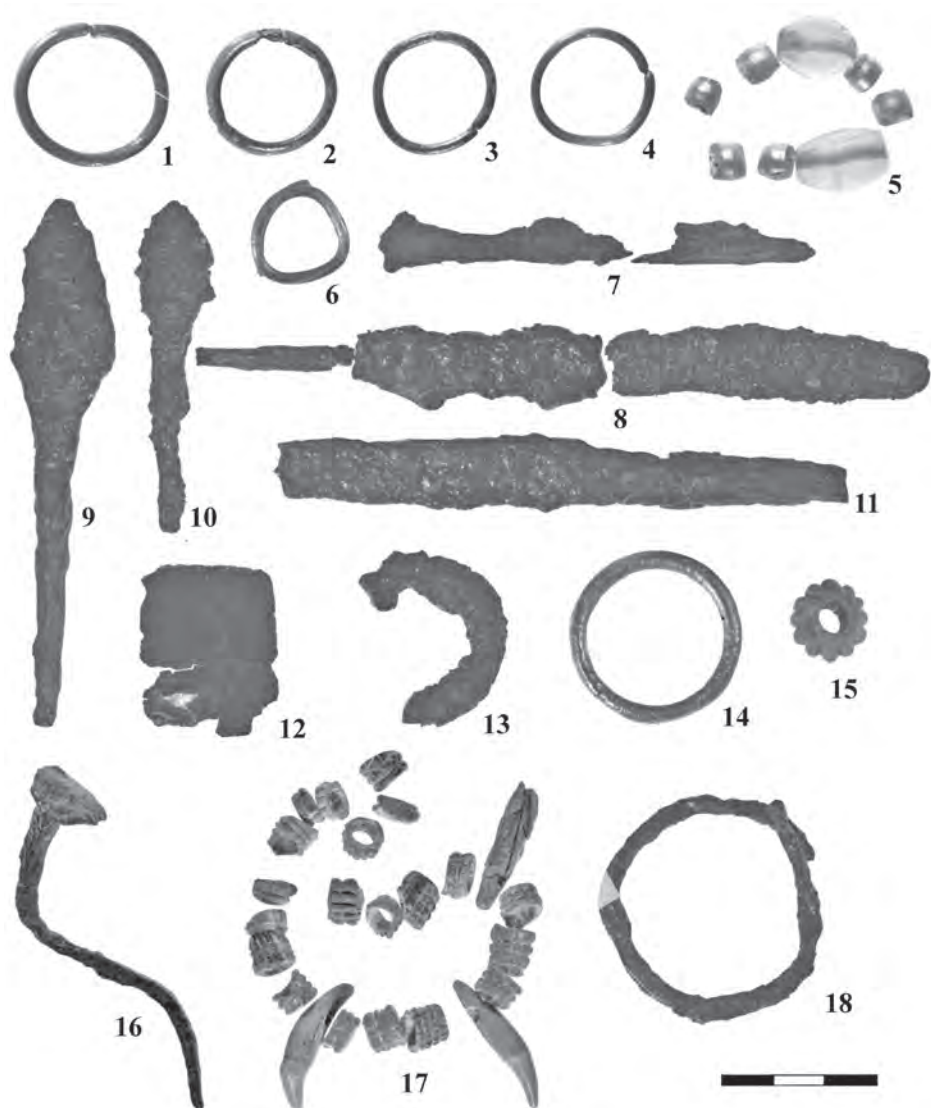

Рис. 105. Инвентарь погребений: 1-5 – п. 1 к. 25; 6 – к. 26; 7, 8, 12 – п. 2 к. 27; 9, 10 – п. 1 к. 27; 11, 13, 14 – п. 1 к. 28; 15, 18 – п. 3 к. 29 (насыпь); 17 – п. 1 к. 29

ляют утверждать, что погребенный лежал вытянуто на спине, с головой, ориентированной на запад с небольшим отклонением к югу.

Погребение принадлежало ребенку 7–9 лет. При покойном найдены: пастовая бусина с рифленой поверхностью (в области черепа), железное кольцо с заходящими концами – браслет или пржка (в области тазовых костей) диаметром 4,4 см (Рис. 105, 15,

18). Под черепом встречены мелкие обломки гончарного сосуда, орнаментированного врезной волной.

Курган 30. Расположен на северо-восточной окраине восточной группы некрополя, на расстоянии 35 м к востоку от курганов 1, 8, 19. Задернованная насыпь сильно оплыла и, судя по неровной поверхности, основательно нарушена активной деятельностью землеройных животных, что вовсе не исключает и, возможно, имевших здесь место аматорских раскопок. Структура насыпи изрядно нарушена, но в ней все же фиксируются: дерновый слой — 0,25 м, основное тело насыпи, состоящее из осветленного гумусированного грунта (глина вперемешку с черноземом) — 0,6 м, и погребенный чернозем с предматериковым суглинком (отметки 1,1-1,6 м от ноля) плавно переходящий в светло-желтый материковый лесс. Канавка от кольцевого ровика не просматривалась; не обнаружены следы ровика и в контрольных траншеях в западной, северной и южной четвертях основания насыпи.

В кургане под насыпью выявлено остатки одного захоронения на уровне погребенной дневной поверхности (Рис. 106). Оно находилось в центральной части подошвы кургана на глубине 0,55 м от современной поверхности. Следов могильной ямы не обнаружено. Скелет умершего полностью разрушен, кости разбросаны и фрагментированы. Из них определенно можно назвать черепные, ключицу, отдельные позвонки, части таза, обломок большой трубчатой кости, несколько ребер, разбросанных на площади 0,7 (по линии В-3) × 0,55 м (по оси С-Ю). Таким образом, сложно определенно говорить об ориентации, положении умершего, наличии или отсутствии следов тризны и уж, тем более, о сопровождающем инвентаре.

Курган 31. Находится в центре группы поврежденных грабителями курганов на самой опушке лиственного леса. На задернованной верхушке насыпи четко прослеживалась яма округлых в плане очертаний диаметром 2,5 м, углубленная на 0,95 м. По-видимому, она является материальным свидетельством деятельности грабителей или аматоров, занимавшихся незаконными раскопками. Яма оказалась затянутой грунтом, задернованной и заросшей многолетними сорняками.

Высота сохранившейся части насыпи составляет 1,1 м, в то время как основание в поперечнике вместе с окружающей курган канавкой достигает 9,6 м. Естественно, столь обширная грабительская яма изрядно нарушила первоначальную стратиграфию, которая вряд ли существенно отличалась по характеру и последователь-

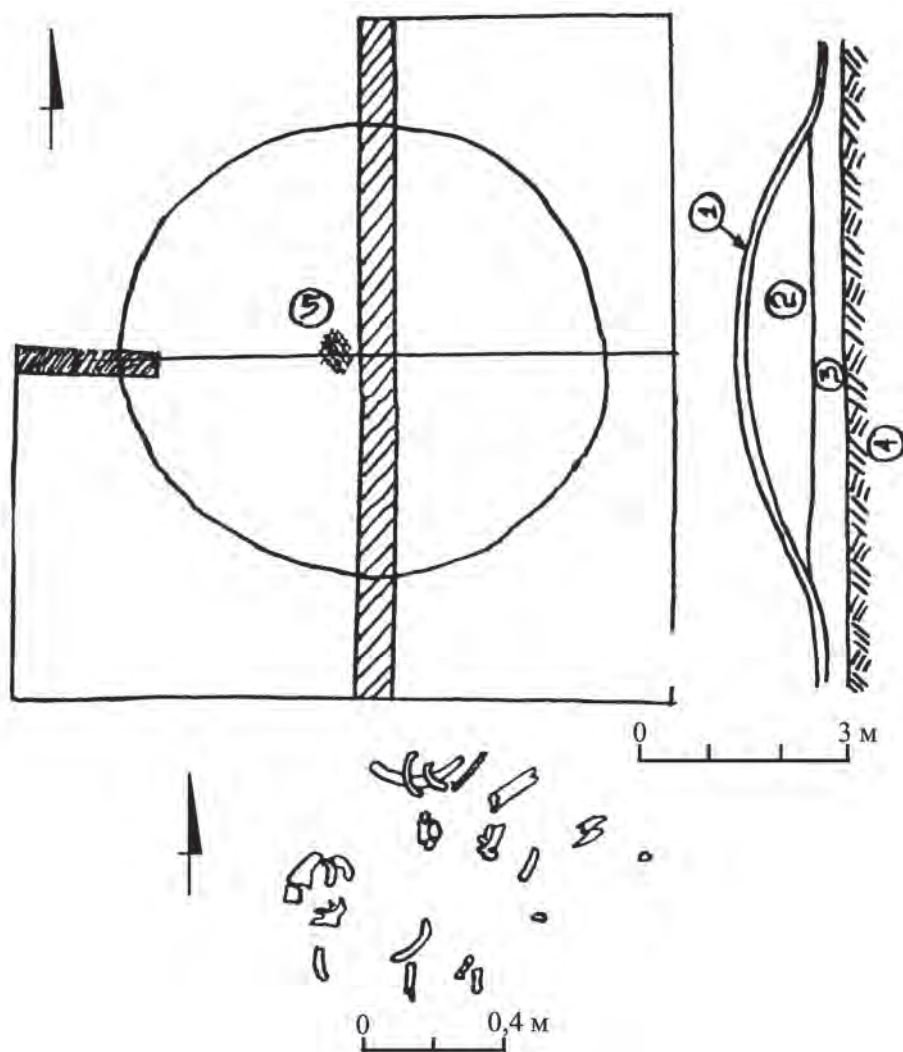

Рис. 106. Курган 30. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный чернозем с комьями бурой глины; 3 – погребенная почва; 4 – материковый лесс; 5 – разрушенное погребение

ности напластований от стратиграфии уже раскопанных курганов (Рис. 107).

Погребение 1 обнаружено в виде разрозненных фрагментированных человеческих костей непосредственно на дне грабительской ямы глубиной 0,6 м от уровня погребенного чернозема. Кости скелета разбросаны, поэтому определить ориентировку покойного и его положение оказалось невозможным. Ничего положительного

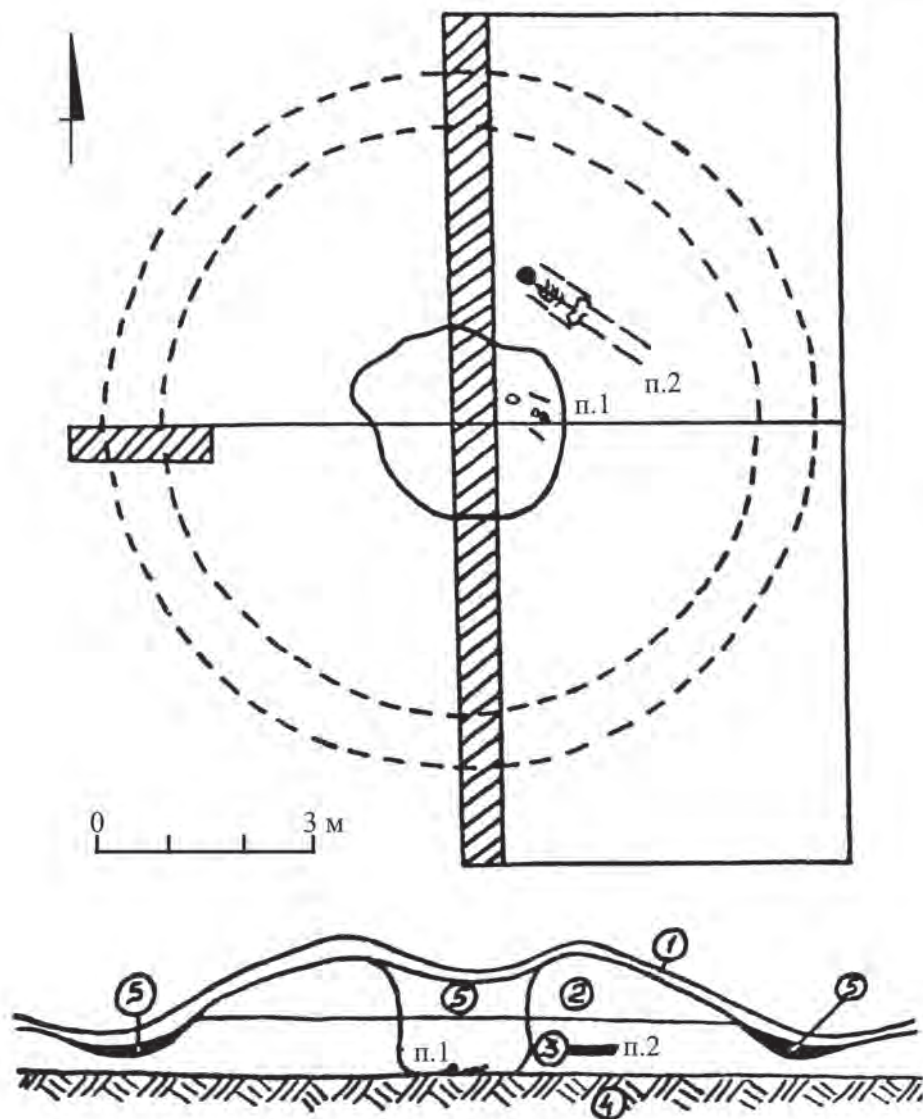

Рис. 107. Курган 31. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленная гумусированная темная глина с комьями чернозема; 3 – погребенная почва; 4 – материковый лесс; 5 – гумусированное заполнение ровика

нельзя сказать и о его возрасте, половой принадлежности, о предметах личного убора и сопровождающем инвентаре.

Погребение 2 находилось в северо-восточной четверти основания кургана, на расстоянии 2,15 м к СВ от центра. Оно было врезано в предматериковый суглинок ниже уровня дневной погребенной поверхности на глубину 0,3 м. Границ погребальной ямы

проследить не удалось. Умерший покоился в вытянутом на спине положении, ориентирован головой точно на северо-запад. Скелет относительно хорошо сохранился, за исключением костей грудной клетки, нескольких позвонков и костей таза, кистей рук и стоп. Правая рука согнута в локте так, чтобы ее кисть могла лежать в области таза. Длина сохранившегося костяка — 1,68 м.

Захоронение принадлежит мужчине зрелого возраста. При расчистке скелета предметы личного убора и сопровождающий инвентарь не обнаружены. В заполнении ровика (интенсивно черноземное с прослойками глины), особенно в его западной части, встречались мелкие обломки костей (7 фр.), принадлежность которых не поддается атрибуции.

Курган 32. Принадлежит к западной группе курганов, расположен в ее центральной части, в 2 м к югу от *кургана 31* в сильно заросшей кустарником местности. Высота кургана 1,0 м при диаметре основания 8,4 м. На задернованной поверхности вокруг него никакого углубления заметно не было. В стратиграфии насыпи представлены: дерновый слой — 0,2 м, слой бурой глины — 0,3–0,35 м, осветленный гумусированный грунт — 0,5 м, погребенный чернозем с предматериковым суглинком — 0,2 м. Контрольные траншеи в северной, западной и восточной четвертях основания насыпи следов кольцевого ровика не выявили.

Под насыпью, в центре основания, выявлено *погребение*, опущенное ниже уровня погребенной дневной поверхности на 0,75 м. Оно обнаружилось с глубины 0,9 м от поверхности насыпи, откуда и была опущена могильная яма в материковый лесс. По периметру ямы выделяется пласт бурой глины (по-видимому, выкид). При расчистке могильной ямы в гумусированном светло-буром рыхлом заполнении зафиксированы угольки, зольные вкрапления. На самом дне расчищены остатки гробовища в виде тлена от сгнивших плах, которые прослойками (толщина 3–7 см) лежали со всех сторон вокруг скелета. Умерший был уложен на спине в вытянутом положении, руки протянуты вдоль туловища, головой ориентирован на запад с отклонением к югу, лицевой частью обращен к северу. Костяк относительно хорошо сохранился, если не учитывать отсутствие кистей рук и стоп ног, а также левой части таза (Рис. 108).

Погребение принадлежало молодой (25–30 лет) женщине. В процессе расчистки скелета в области груди и под нижней челюстью обнаружены: золотостеклянные с внутренней позолотой бусины бочковидной формы (16 экз.) (Рис. 125, 4) и бисерное ожерелье (из 43 бусин) (Рис. 125, 6), под черепом — бронзовая серьга с

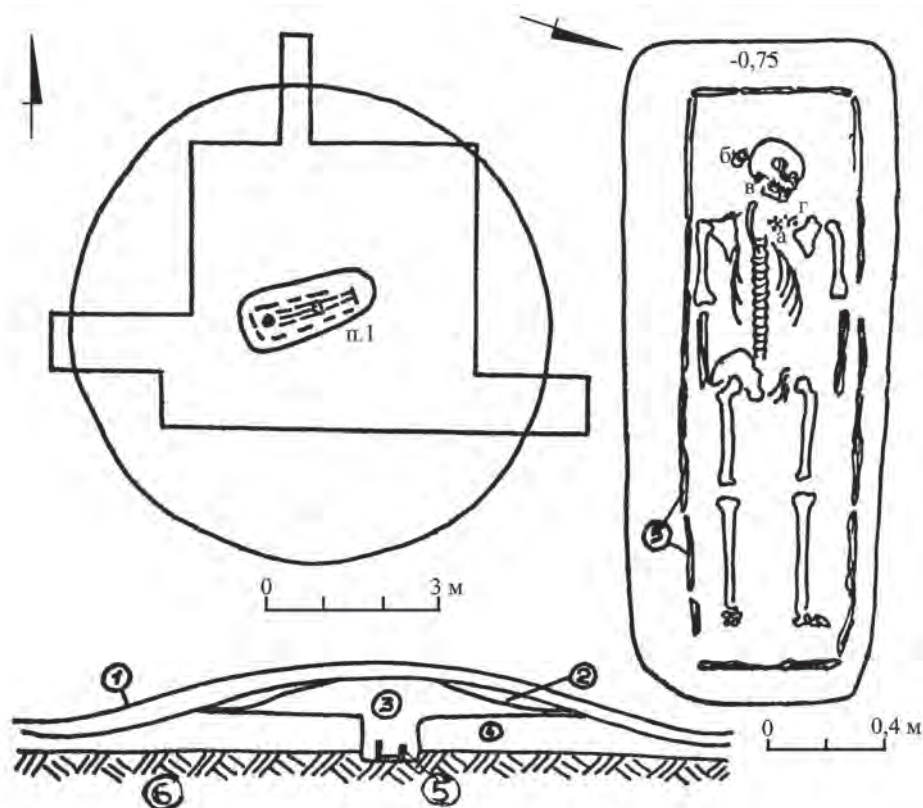

Рис. 108. Курган 32. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – бурая глина; 3 – осветленный черноземный гумус; 4 – погребенная почва; 5 – древесный тлен от гробовища; 6 – материковый лесс. План погребения: а – бусы стеклянные; б – серьга; в – височные кольца; г – бисер

нанизанной золотостеклянной бусиной, под затылочными костями – бронзовые (серебряные?) с заходящими концами височные кольца (3 экз.) и одно серебряное с плоскоспиральным S-видом загнутым концом (Рис. 129, 9-11, 26, 27).

Курган 33. Расположен к югу от вышеописанных, на расстоянии 20 метров от кургана 32. Насыпь имела правильную полусферическую форму; ее высота – 1,1 м при диаметре основания (совместно с окружающей насыпь канавкой) 11,5 м. На задернованной поверхности в наиболее высокой точке в центральной части кургана заметны следы грабительской ямы, видимо, современного происхождения, диаметром 1,55 м и глубиной до 1,5 м. После снятия насыпи, по краям контрольных траншей расчищен кольцевой ровик шириной 1,0 м, дно которого углублено на 0,5 м от современной поверхности (Рис. 109).

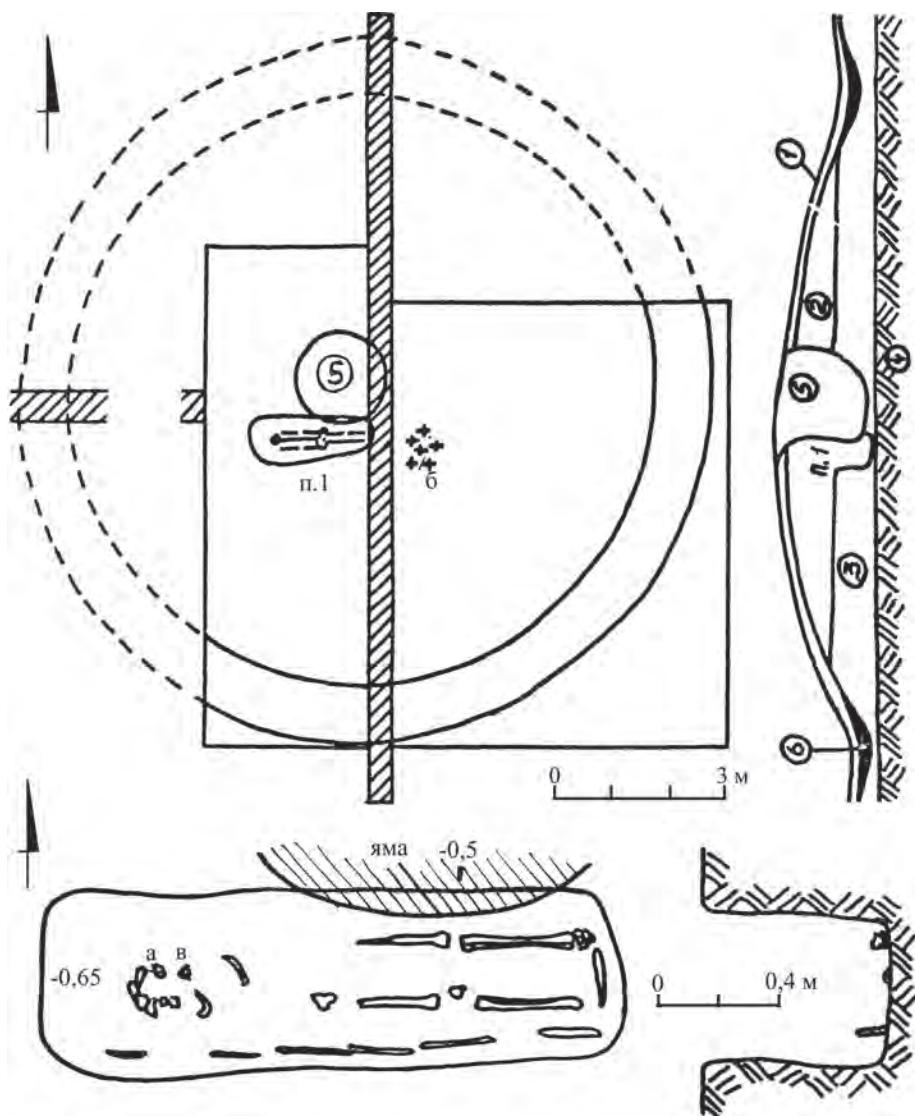

Рис. 109. Курган 33. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – осветленный гумусированный черноземный слой; 3 – погребенный чернозем; 4 – материковый лесс, 5 – грабительская яма; 6 – гумусированное заполнение ровика. План погребения: а – височное кольцо; б – обломки керамики; в – проволочные височные кольца

Стратиграфия насыпи была существенно искажена грабительской ямой, поэтому ее структура восстанавливается только по аналогии с раскопанными ранее курганами, тем более, что при этом трудно ожидать сколько-нибудь значительных различий в характере и последовательности напластований.

Рис. 110. Курган 33. Погребение (вид с юго-запада)

Погребение выявлено с глубины 0,6 м. Оно было совершено в узкой (0,6 м) и длинной (до 2,0 м) яме, частично разрушенной в своей восточной стенке грабительской ямой, упоминавшейся выше. Глубина ямы от уровня погребенной дневной поверхности до дна — 0,65 м. На самом дне были отмечены прослойки древесного тлена от гробовища, особенно вдоль правой стороны скелета. Умерший лежал в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на запад. Сохранность скелета крайне неудовлетворительная: отсутствуют кости груди, позвоночного столба и таза, обеих рук, стоп. Длина сохранившихся частей скелета — 1,6 м (Рис. 110).

Погребение принадлежало молодой (25–30 лет) женщине. В костях раздавленного черепа найдены два бронзовых височных кольца, одно из которых имело несомкнутые концы. Здесь же выявлено семилопастное височное кольцо с фестонами, изготовленное из медного сплава со следами серебрения (Рис. 127, 18).

Курган 34. Располагался на опушке леса в составе западной курганной группы, на расстоянии 5 м от *кургана 32*. Относится к числу малых курганов: высота — 0,8 м, поперечник основания насыпи — 7,5 м. Стратиграфия: дерновый слой — 0,25 м, осветленная гумусированная почва, состоящая из бурой глины вперемешку с черноземом, — 0,55 м, погребенный чернозем — 0,6 м, с уровня 1,5 м — материковый лессовидный грунт светло-желтого цвета (Рис. 111).

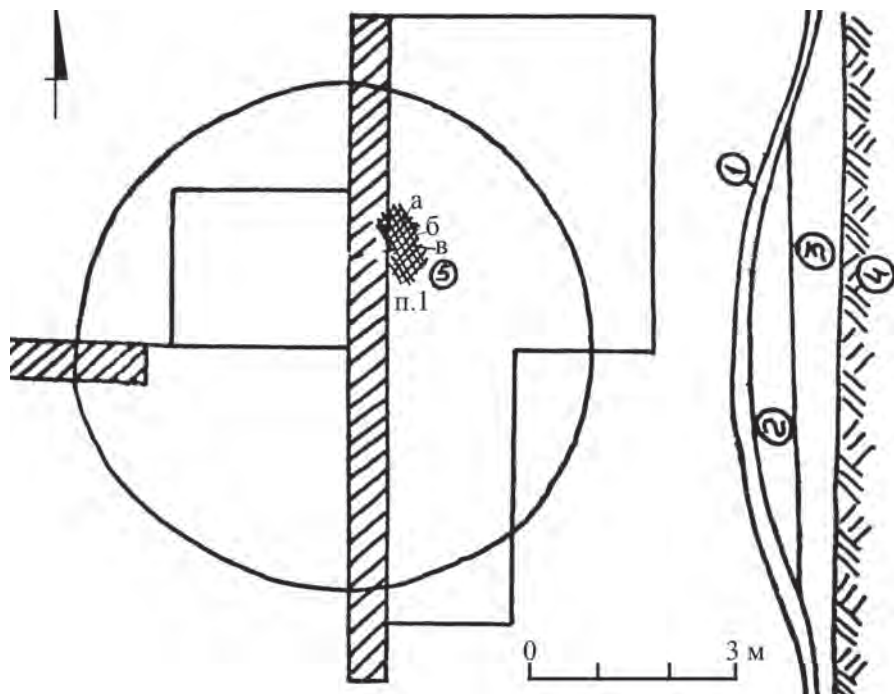

Рис. 111. Курган 34. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – бурая глина с комьями чернозема; 3 – погребенный чернозем; 4 – материковый лесс; 5 – разрушенное погребение. План погребения: а – височные кольца; б – бубенчик; в – бусы

Погребение обнаружилось в северной поле основания насыпи, на расстоянии 1,1 м к северу от центра. От скелета сохранились только кости черепа и фрагменты костей правых руки и ноги, без кистей и стоп. Поэтому об ориентировке покойника, как и о его положении на уровне погребенной дневной поверхности, судить не представляется возможным в силу полного разрушения захоронения.

Скелет принадлежал ребенку 6–7 лет неустановленной половой принадлежности. Сопровождающими умершего предметами являются: пять височных бронзовых колец с несомкнутыми концами (Рис. 129, 34–38), шесть стеклянных бусин с прокладкой позолоченной фольги и пастовая бусина (Рис. 125, 5), бронзовый бубенчик с крестовидной прорезью и рифлением поверхности в нижней части (Рис. 126, 2).

Курган 35. Находился на лесной опушке в 17 м к северо-западу от кургана 31, располагаясь несколько особняком в западной курганной группе. На поверхности насыпи видны следы протяженной по оси С–Ю ямы, сделанной грабителями в не столь давние годы

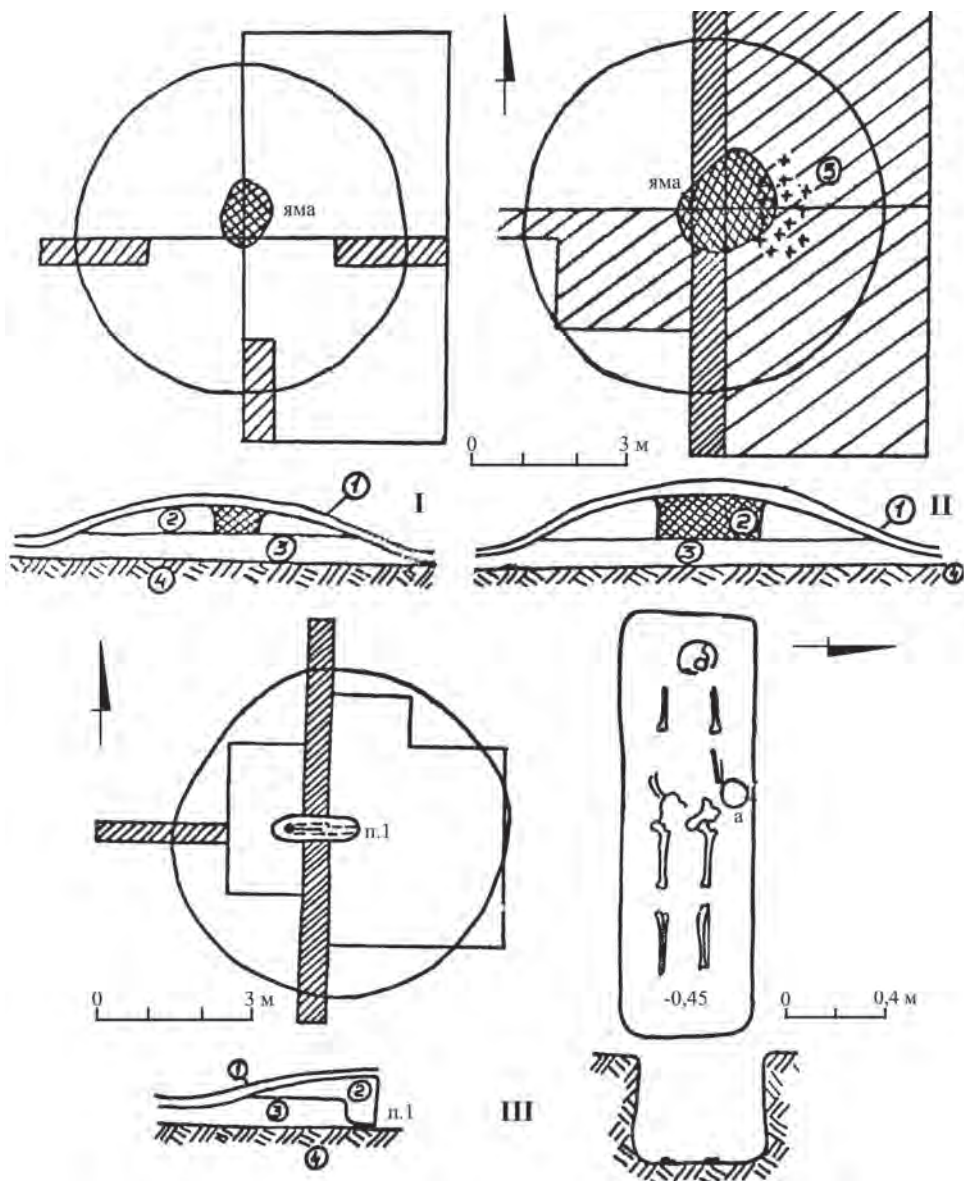

Рис. 112. Курганы 35 (I), 36 (II), 37 (III). Профили насыпей: 1 – дерновый слой; 2 – бурая глина с черноземом; 3 – погребенный чернозем; 4 – материковый лесс; 5 – обломки гончарной керамики. План погребения к. 37: а – гривна

(Рис. 112, I). Канавка не просматривается. Остатки погребения, как и сопутствующий инвентарь, не обнаружены.

Курган 36. Расположен среди сильно оплывших курганов, в 5 м к северо-востоку от *кургана 31*. На его задернованной поверхности были заметны следы самодеятельных раскопок в виде обширной (1,6 x 2,0 м) ямы неправильной формы на вершине насыпи. Курган относится к числу малых: диаметр его основания 6,5 м при высоте не более 0,8 м от уровня погребенного горизонта. Грабительская яма существенно испортила стратиграфию кургана, будучи углублена до уровня погребенной дневной поверхности (Рис. 112, II).

В ходе раскопок не удалось обнаружить ни следов самого погребенного, ни сопутствующих предметов. Однако в восточной поле кургана близ восточной стенки грабительского хода на уровне дневной поверхности выявлено скопление угля и золы размерами 2,6 x 0,9 м, содержащего значительное количество невыразительной гончарной керамики древнерусского времени. Это дает основания предполагать наличие здесь разграбленного древнерусского захоронения с последовавшей заупокойной тризной.

Курган 37. Как и *курган 35*, находился в лесу, несколько особняком от курганов западной группы, в 17 м западнее реперного для этой группы *кургана 31*. Насыпь имела правильную полусферическую форму с поперечником подошвы 6,6 м при высоте не более 0,5 м. Он может быть причислен к малым курганам. Следов канавки на задернованной поверхности, заросшей к тому же мелким кустарником, визуально не замечено; не удалось обнаружить кольцевой ровик и посредством контрольных траншей, проложенных в западной, северной и южной четвертях.

Структуру насыпи представляют дерновый слой – 0,25 м, осветленный подзолом бурый грунт (бурая глина вперемешку с черноземом) – 0,45 м, погребенный чернозем с предматериковым суглинком – 0,25 м; материковый светло-желтый лесс залегал на глубине от 0,95 до 1,05 м (Рис. 112, III).

Погребение расчищено в центральной части основания насыпи с уровня погребенной дневной поверхности. Оно осуществлено в узкой (ширина 0,5 м) и длинной (1,7 м) яме прямоугольной формы с закругленными углами. Захоронение было ориентировано строго по линии восток–запад. Сохранность костяка (умерший был мужчиной зрелого возраста) неудовлетворительная: частично сохранились черепная коробка, длинные кости рук и ног, обломки тазовых костей. Длина сохранившейся части скелета составляет 1,55 м (Рис. 113).

Рис. 113. Курган 37. Погребение (вид с востока)

Во время расчистки погребения в области таза на месте отсутствовавшей кисти левой руки выявлена гривна из гладкой медной проволоки (Рис. 129, 40).

Курган 38. Находился также в лесу, занимал крайнее западное местоположение в этой курганной группе некрополя, в 30 м к югу от кургана 30.

Насыпь задернована, правильной полусферической формы, у подножия хорошо просматривалась канавка шириной предположительно 0,5–0,7 м, обычно образующаяся при сооружении кургана. На верхушке насыпи, в ее центральной части, заметно углубление квадратных очертаний со стороной 1,5 м, опущенное в тело кургана вплоть до уровня погребенного дневного горизонта. Захоронение при этом подверглось разрушению. Во время раскопок

была снята южная половина кургана, в восточной части проложена контрольная траншея, выявившая кольцевой ровик с илистым заполнением, который имел ширину от 0,5 м до 0,9 м при глубине 0,3 м (Рис. 114, I).

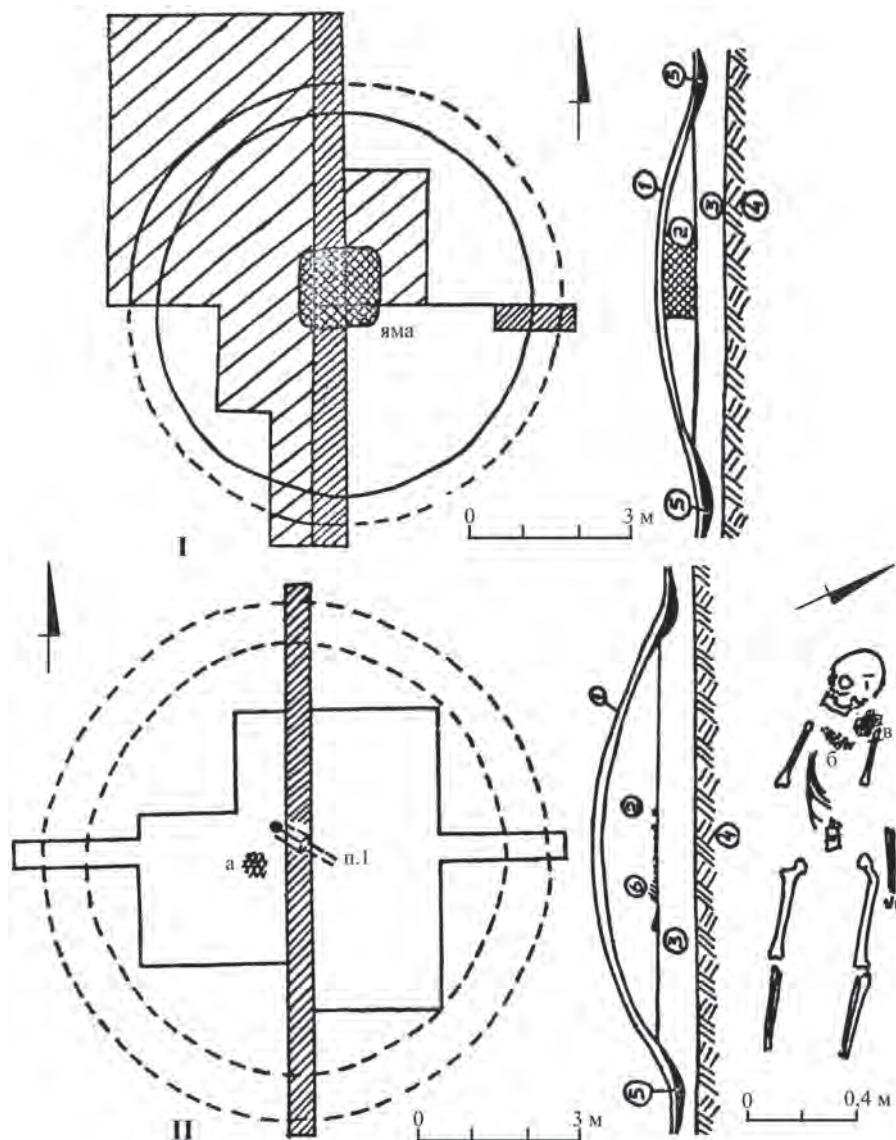

Рис. 114. Курганы 38 (I) и 39 (II). Профиль насыпей: 1 – дерновый слой; 2 – бурая глина вперемешку с черноземом; 3 – погребенная почва; 4 – материковый лесс; 5 – заполнение ровика по периметру кургана. План погребения к. 39: а – зола, обожженная глина; б – бисер; в – височные кольца

Стратиграфию насыпи, нарушенную грабительской ямой, восстановить представляется возможным лишь по аналогии с другими, уже раскопанными. Тщательная расчистка не обнаружила ни останков самого покойного, ни его личных вещей.

Курган 39. Располагался среди восточной группы курганов на расстоянии 60 м к югу от реперного кургана 1, находясь в непосредственной близости (к северу) от соседнего неповрежденного кургана, сливаясь с ним полами (последний нами не исследовался). На вершине могилы заметны следы начатых, но в силу неизвестных причин незавершенных самодеятельных раскопок. Это и побудило предпринять его научное исследование.

Курган имел правильную полусферическую форму, у его подножия легко просматривалась канавка, несмотря на задернованность и заросли кустарника. Основание кургана вместе с канавкой составило 10,6 м при высоте насыпи 1,25 м.

В ходе работ установлена стратиграфия насыпи, которую представляли дерновый слой — 0,25 м, основное тело насыпи из осветленного гумусированного грунта — 0,7 м, погребенный чернозем с предматериковым суглинком 0,25–0,3 м. По краям контрольной траншеи на северном и южном ее участках расчищен кольцевой ровик шириной до 1,0 м, углубленный в предматериковый суглинок на 0,3 м. Его заполнение составляли перемежающиеся глиняные и илистые прослойки с незначительными включениями золы и угольков в верхних горизонтах заполнения (Рис. 114, II).

Погребение обнаружилось в центральной части основания кургана на уровне погребенной поверхности с глубины 0,9 м. Умерший был уложен в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на северо-запад, лицевой частью черепа обращен к югу. Скелет сохранился частично: отсутствуют большая часть позвоночного столба, кости таза, локтевая кость правой и кисть левой руки, обе стопы, ребра левой части грудной клетки. Длина сохранившейся части скелета составляет 1,6 м.

Во время расчистки захоронения, на уровне погребенного чернозема к западу от костяка на расстоянии 1,1 м, расчищена площадка обожженной почвы округлых в плане очертаний (диаметр около 0,6 м) с пятном золы на ней. В костях разрушенного черепа умершего найдены шесть височных колец из медной проволоки, два аналогичных серебряных с заходящими концами, а в области верхней части отсутствующей грудной клетки — ожерелье из 55 бисерных бусин из желтого стекла (Рис. 125, 8). Из грабительского выкида происходят фрагментированная (3 обломка) железная

ложновитая гривна (Рис. 129, 39) и бронзовые пуговицы (13 экз.) (Рис. 125, 13).

Курган 40. Как и вышеописанный, находился в восточной курганной группе, на ее крайнем востоке, в 55 м к юго-востоку от кургана 1, близ тропки, ведущей к реке. Насыпь имела полусферическую форму. Ее высота от уровня погребенной поверхности 1,4 м, диаметр составляет 8,5 м. На вершине, так же как и на кургане 39, в разрезе заметна круглой формы заплывшая западинка диаметром около 1,5 м и глубиной не более 0,15 м. Скорее всего, она является результатом любительских раскопок. Канавка у подножия кургана визуально не просматривалась, не выявлен кольцевой ровик и в траншеях на западной, южной и северной сторонах насыпи.

Структура насыпи представлена дерновым слоем – 0,25–0,3 м, гумусированной почвой, состоящей из бурой глины и чернозема, – 0,95–1,1 м, погребенным черноземом – 0,2 м, предматериковым суглинком 0,1 м. Следы грабительского хода в профиле западной

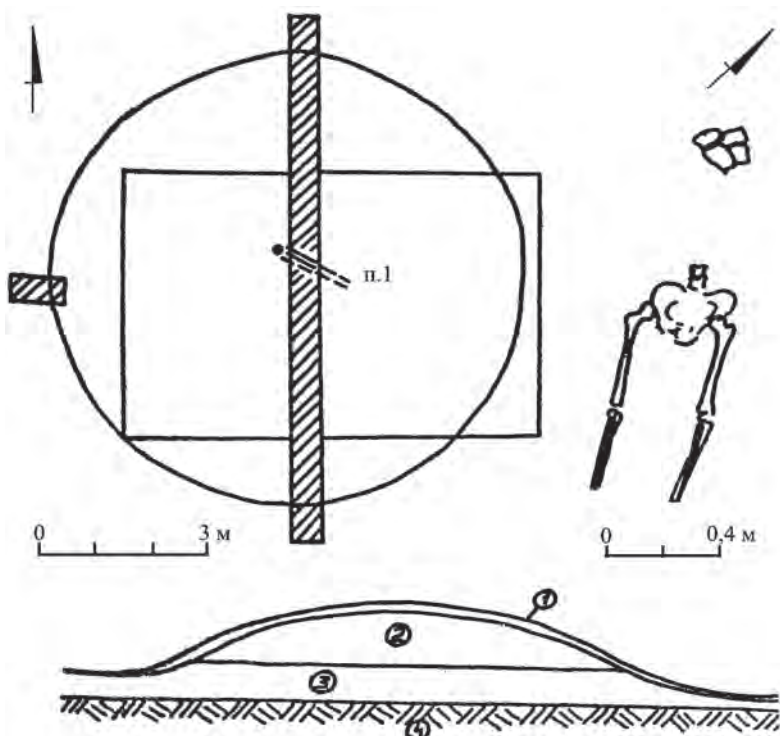

Рис. 115. Курган 40. Профиль насыпи: 1 – дерновый слой; 2 – бурая глина вперемешку с черноземом; 3 – погребенная почва; 4 – предматериковый лессовидный суглинок

бровки не прослеживались, и все же, как показали раскопки, захоронение оказалось разграбленным (Рис. 115).

Само *погребение* было осуществлено на уровне погребенной поверхности и, судя по вектору расположения сохранившихся костей (обе ноги без стоп, таз, обломки крышки черепа), умерший был ориентирован головой на северо–запад. Ни предметов личного убора, ни сопровождающих вещей, не сохранилось.

Таким образом, в ходе исследования археологического комплекса в течение трех сезонов было раскопано 40 курганов; в том числе и те из них, которые ранее были повреждены любителями или грабителями.

Каменное. О.В. Сухобоков со студентами перед началом работ на могильнике

Могильник. Расчистка погребения. А.Е. Пуздровский

П.М. Покас во время работ на могильнике

Расчистка погребения. В.Д. Дяченко

Глава III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАМЕННОГО

III.1. Домостроительство

Раскопками на городище и селище полностью исследован ряд разновременных построек различного предназначения. К раннему, роменскому, периоду жизни на поселении относятся две постройки — помещение с каменным очагом, раскопанное на городище, и жилище на прилегающем участке неукрепленной части поселения. На селище также раскрыты два жилища, гончарный горн и свыше десятка хозяйственных ям различного устройства и размеров, которые относятся к древнерусскому периоду существования поселения. Подробное описание всех этих объектов содержится в соответствующей главе.

Все жилые постройки, как роменского, так и древнерусского периодов, относятся к одному типу, а именно, полуземлянке, получившей распространение на славянских поселениях Днепровского Левобережья едва ли не со времен зарубинецкой культуры¹. В нашем случае это углубленные на 1,0–1,25 м четырехугольные в плане сооружения с отвесными стенами, площадью от 14 до 22,5 кв. м, ориентированные углами по сторонам света с незначительным отклонением. Пол обычно представлял собой утрамбованную площадку материкового лессовидного суглинка, без видимых следов специальной глиняной подмазки или песчаной подсыпки. Стены всех раскопанных жилищ имели каркасно-столбовую конструкцию, о чем свидетельствуют ямки по углам от стояков со следами дерева в заполнении. На это также указывают и остатки деревянных плах на полу вдоль стен. Расположение ямок от столбов по середине более коротких стен котлованов древнерусских *жилищ 1-2/Р.2* на селище, а также расчищенной там же роменской полуземлянки (жилище *1/Р.1*), как будто позволяет допускать существование двухскатной кровли, опирающейся нижним краем на землю за пределами углубленной части строения.

¹Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. М.-Л. 1961. № 104. С. 225; Третьяков П.Н. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне // СА. 1968. С. 61; Юренко С.П. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII – X ст. // Археологія. 1984. Вып.45. С. 34–46.

Эти общие черты в создании жилых сооружений, конечно же, не могут не говорить об устойчивых традициях домостроительства и об определенной преемственности их в северянском обществе даже в эпоху глубокого культурного перелома, сопровождавшего процесс образования древнерусского государства на протяжении, по крайней мере, первого века его существования.

По существу, все различия между роменскими и древнерусскими жилищами можно свести к разным способам конструирования стен и отопительного устройства – печи. Последние давно получили освещение в специальных работах² и настолько очевидны, что излишней представляется аргументация, суть которой сводится к тому, что обитатели роменских городищ сооружали печи в материковых останцах (собственно глиняные), а жители древнерусских поселений лепили (сбивали) их из той же глины на деревянном каркасе («глинобитные»)³.

Безусловно, нельзя согласиться со стремлением А.В. Григорьева доказать, что глинобитные печи являются привнесенной извне в роменскую среду новацией общедревнерусской культуры, а не естественным итогом эволюции традиционного отопительного устройства. Скорее всего, и попытку скоррелировать развитие роменских печей с конструкцией стен и перекрытия жилища вряд ли возможно признать достаточно убедительной, как не убеждает и предложенная названным автором реконструкция двухэтажных полуземлянок с поселения у с. Горбова, поскольку приводимые аналогии из материалов раскопок Липинского городища имеют характер произвольных истолкований⁴. Во всяком случае, нигде более на рядовых (не городского типа) городищах Днепровского Левобережья двухэтажные жилища полуземляночного типа не обнаружены, даже в таком хорошо обследованном и плотно освоенном археологами районе, каким является черниговское Подесенье. Скорее всего, по той простой причине, что при наличии на территории поселения свободного пространства для застройки, в этом не было никакой необходимости. Если исходить из опубликованных планов⁵, такой необходимости не существовало и на Горбовском поселении. Высказанные замечания заставляют с определенной осторожностью относиться к гипотезе о существовании во второй половине X в. полуземлянок с двумя жилищными ярусами. Тем более, что они зачастую отсутствуют и в стольных

²Гуссаковский Л.П. Древнерусское народное жилище VIII – XIII вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 1956; Историографию и библиографию вопроса см.: Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е 1-32. Л. 1975. С. 5–17.

³Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С. 79–81;

⁴Там же. Рис. 36. С. 90–95.

⁵Там же. Рис. 4; Рис. 27.

городах княжеств в XI — XIII вв.⁶ (если, конечно, под «двухэтажными жилищами» не усматривать избы на подклети).

В исследованной на городище роменской полуземлянке (*жилище 1*) отопительное сооружение занимало западный угол. При этом, видимо, после ремонта материковый останец был обложен камнями местного железистого рыхлого песчаника, что, вероятно, должно было обеспечить дополнительную теплоемкость. В отличие от него, в сгоревшем роменском жилище на селище (*жилище 1/Р.1*) находившаяся в северном углу котлована печь была вырезана в кубовидном материковом останце, причем каменной обкладки здесь не выявлено. Кстати, это была единственная постройка, ориентированная стенами по сторонам света, в то время как остальные сориентированы углами. В числе отличий этого жилища можно указать на наличие двухступенчатого входа, вырезанного посреди западной стенки котлована и двух приямков (в юго-западном углу и поблизости от юго-восточного угла южной стенки), о конкретном назначении которых можно только строить разные гипотезы. Аналогичные приямки были расчищены также у котлована полуземлянки (*жилище 2*) в *Раскове 2* на селище. В одном из них, близ юго-восточного угла южной стенки, нетрудно увидеть вход из двух ступенек с какой-то легкой крышей над ним, устроенной на столбах, параллельно вкопанных внутри жилища и за его пределами. Другой приямок, прокопанный по середине западной стенки, по-видимому, служил в качестве волокового оконца. Подобные конструктивные детали не являются новинкой в жилищах северо-востока Левобережной Украины, будучи обнаруженными Б.А. Шрамко в процессе исследований Донецкого городища⁷.

В обеих древнерусских полуземлянках на селище глинобитные печи занимали одинаковое положение — справа напротив входа в северо-восточном углу.

Жилище 2/Р.2 избежало пожара, чего уж никак не скажешь о хозяйственной *постройке 1* служебного назначения. Здесь сразу нужно заметить, что естественному предположению о разном времени строительства жилого и подсобного помещений противоречит идентичность керамического материала в обеих постройках. Расчищенные в полу постройки по углам ямки от столбов, разница в толщине сгоревших конструкций стен и перекрытия, а также их расположение в завале горелого дерева, дают возможность реконструировать ее в качестве углубленного в землю сооружения с двухскатной крышей,

⁶Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. С. 157–168.

⁷Шрамко Б.А. Новые детали устройства раннеславянских жилищ // СА. 1960. № 4. С. 320; Его же. Древности Северского Донца. С. 301.

плахи облицовки которого были закреплены стояками, а устроенный в западном углу вход соединял подсобное помещение с жилым. При этом я не считаю возможным рассматривать последнее как двухкамерное по причине отсутствия следов отопительного устройства в пристроенном сооружении. Но к моменту пожара *постройки 1 жилище 2* уже несомненно было заброшено.

И на городище, и на селище, в ходе раскопок обнаружено более двух десятков хозяйственных ям. При этом прослеживается определенная тенденция: большинство из них расположены в непосредственной близости от построек жилищного назначения. Это наблюдение справедливо как для роменского периода, так и для древнерусского. Исключение составляет скопление свыше полудесятка ям на западном участке городища (*Раскоп II*), где не выявлено следов жилых сооружений. Можно предполагать, что эти ямы служили общими хранилищами продуктов на случай экстраординарной ситуации. Не исключено, что они находились в легком наземном сооружении, над которым, вероятно, было установлено какое-то перекрытие; однако же, выявить даже следов от таковой конструкции, к сожалению, не удалось.

Помимо этого, в одном случае в древнерусском *жилище 1/Р.2* на селище была обнаружена хозяйственная яма в пределах предпечного углубления поблизости печи, служившая, вероятно, для хранения продуктов повседневного употребления (Рис. 36).

Все остальные ямы пространственно тяготеют к жилищам, видимо, составляя с ними единый жилищно-хозяйственный комплекс. Большинство из них в плане не отличаются разнообразием форм, представляя по верхнему срезу круг или овал, в единичных случаях – прямоугольник с закругленными углами. Примерно половина из них имели подбой по периметру дна или в одной из стенок, около четверти от всего их количества снабжены заплечиками или ступеньками, имея к тому же обожженные стенки. Некоторые из последних (не более семи) при корреляции с формой в разрезе и глубиной могут считаться зернохранилищами. Их атрибуция в качестве таковых разработана в монографии А.В. Григорьева, которая выглядит достаточно убедительной и не вызывает возражений, хотя справедливости ради надо заметить, что в основе приводимой им аргументации лежат наработки предшественников, высказывавших свои соображения по поводу хозяйственных ям⁸.

⁸Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С. 100-105;

См. также монографии А.Н. Москаленко, И.И. Ляпушкина, В.И. Довженка, Т.Н. Никольской, А.З. Винникова, О.В. Сухобокова и др.

Исследователи справедливо отмечали, что назначение всех ям очень трудно поддается определению, точно так же, как и время их бытования в рамках конкретного культурно-исторического периода функционирования поселения. Не менее затруднительно говорить о несомненно имевших место конструкциях перекрытий над ямами, удачную попытку воссоздания которых (наряду с реконструкцией жилых построек) в свое время предпринял И.И. Ляпушкин, не столько опираясь на материалы раскопок, сколько руководствуясь, главным образом, этнографическими аналогиями⁹.

В нашем случае определенный интерес представляет хозяйственное сооружение из сдвоенных *ям 10–11*, раскопанных на селище. Его параметры при не вполне обычной форме позволяют предполагать, что здесь мы имеем дело с остатками не вполне обычной хозяйственной постройки. К сожалению, при расчистке не было зафиксировано никаких конструктивных деталей, вроде ямок от столбиков перекрытия по заплечикам *ямы 10*, которые дали бы какие-то основания для возможной реконструкции. К сожалению, отсутствуют и материалы, позволяющие судить о конкретном назначении данного сооружения. Однако выявленное при разборке заполнения обилие индивидуальных находок является одним из аргументов в пользу предположения об исключительности этого комплекса среди рядовых хозяйственных сооружений, в массе своей представленных простыми ямами, назначение которых могло быть самым различным, от хранения припасов вплоть до захоронения мусора.

Указывая на определенное пространственное тяготение хозяйственных построек к жилищам, имеется в виду реальное существование единых комплексов, которые все же нельзя рассматривать как усадьбы. Об элементах усадебной застройки селища близ городища у с. Каменное на основании материалов наших раскопок говорить не приходится, хотя бы по причине недостаточной для этого вскрытой площади. В то же время, существование индивидуальных жилищно-хозяйственных комплексов здесь является несомненным.

Рассмотрение строительной деятельности обитателей поселения по материалам остатков жилых и хозяйственных помещений, позволяет констатировать, что в целом она вполне отвечала традициям и тенденциям, каковые имели место у оседлого славянского населения всей лесостепной зоны территории Киевской Руси во второй половине IX – начале XIII в.¹⁰

⁹Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74. С. 193–210.

¹⁰Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. С.157–168; Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя. С.117–166; Село Київської Русі. К. 2003. С.156–181.

III.2. Орудия труда и бытовые предметы. Оружие

Находки из культурного слоя и объектов на городище и селище, за исключением керамических изделий, в количественном отношении несравнимо уступают вещам, происходящим из раскопанных курганов, но превосходят их по номенклатуре, в соотношении примерно 3,5:1. При этом некоторые категории находок, относящиеся к предметам бытового назначения, почти поровну представлены как в материалах раскопок могильника, так и на городище и селище. Высказанное замечание, прежде всего, касается серии таких универсальных орудий, каковыми являются ножи. Они, по-видимому, вне зависимости от половой принадлежности, были едва ли не наиболее необходимой деталью костюма любого взрослого человека периода средневековья и широко распространены на памятниках синхронных археологических культур, имевших место на территории Евразии. Их формы довольно однообразны, точно так же, как весьма близки и технологические схемы их производства в рамках последней четверти I тысячелетия¹¹.

В серии из наших раскопок эта категория находок представлена 28 экземплярами, причем 14 из них выявлены при расчистке погребений в курганах. Все они изрядно сточены, плохой сохранности, сильно корродированы, так что порой форму обнаруженного предмета установить можно лишь в результате лабораторной обработки. Шесть из них фрагментированы, являясь либо частью лезвия, либо обломком черенка рукояти. По типологии, разработанной В.К. Михеевым для ножей салтовской культуры, подавляющее большинство ножей Каменного можно отнести к группе А, тип 2. Это черешковые изделия, общая длина которых составляет от 3,5–5,0 до 10,0–12,0 см, а ширина лезвия 1,5–2,5 см, при длине черенка, выделенного выступами со стороны спинки и лезвия, не более одной трети рабочей части (Рис. 116).

Помимо того, в коллекции присутствуют два экземпляра архаической формы (Рис. 116, 10, 25). Это так называемые ножи с горбатой спинкой (обушком), время бытования которых относят к раннему железному веку и которые изредка встречаются на памятниках лесостепной Украины, датированных серединой – второй половиной I тысячелетия (Пастырское, Луг II)¹². Единичные наход-

¹¹Михеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. 1973. Вип. 9. С. 90–99.

¹²Там же. Рис. 1, 1–3. С.91–92.

Рис. 116. Железные ножи: 1, 6, 7, 11, 12, 14, 19, 21, 23-28 – могильник; 3 – городище; 5, 8-10, 13, 17, 18, 20 – селище

ки ножей таких форм присутствовали на роменско-древнерусском комплексе у с. Ницаха в бассейне р. Ворсклы, а также на боршевском городище у с. Титчиха в бассейне р. Воронеж¹³.

На лезвиях некоторых ножей сохранились остатки приржавевшего дерева от ножен, но нет никаких оснований рассматривать их в качестве боевых. Они не выделяются ни особенностями изготовления, ни конструктивными деталями, ни своими параметрами из общей массы обычных, бытовых, которые могли служить и орудием труда – инструментом (например, для обработки кости и дерева, для забоя скота, первичной обработки шкуры и т. п.) и своеобразным столовым прибором.

К числу боевых или охотничьих ножей с большой осторожностью предположительно можно было бы отнести те из них, которые имеют особо толстый (3,5–5,0 мм) обушок (спинку) (Рис. 116, 6, 27, 28). Таких ножей не более трех, при этом два из них обнаружены в погребениях. К сожалению, состояние всех указанных экземпляров таково, что говорить об их назначении более определенно не представляется возможным.

В группу орудий труда, безусловно, входят обломки косы-горбуши и серпов (2), целый экземпляр тесла-мотыжки, медорезки (2), блесны (2), костяные проколки (12) и игла, глиняные (5) и пиррофиллитовые (6) пряслица. При этом характерно, что ни единого пряслица не обнаружено в инвентаре погребений, несмотря на наличие женских захоронений; все они найдены в культурном слое или объектах на городище и селище.

Обломок рабочего конца косы-горбуши имеет клиновидную форму в сечении, его длина 9,8 см при максимальной ширине в месте излома 4,8 см и толщине спинки 0,9 см; самый кончик полотна был поврежден еще в древности, на что указывают следы заточки крупнозернистым абразивом (Рис. 117, 10). Найденный обломок не дает возможности судить ни о размерах орудия, ни о его форме, ни о способе крепления к рукояти.

Столь же малоинформативны и обломки серпов, от одного из которых сохранился лишь небольшой кончик (длина 5,2 см, ширина в изломе – 1,5 см; сечение клиновидное). Длина второго экземпляра составляет 17,4 см при максимальной ширине рабочей части 4,1 см; в сечении заметно некоторое утолщение специально наклепанной спинки, толщина которой достигает 0,5 см; кончик орудия слегка

¹³Сухобоков О.В. Залізообробна справа слов'ян північно-східної Лівобережної України (за матеріалами розкопок археологічного комплексу поблизу с. Ніцаха Сумської обл.) // Археологія. 1995. №3. С.53–68; Москаленко А.Н. Городище Титчиха. С. 90–91; Рис. 25.

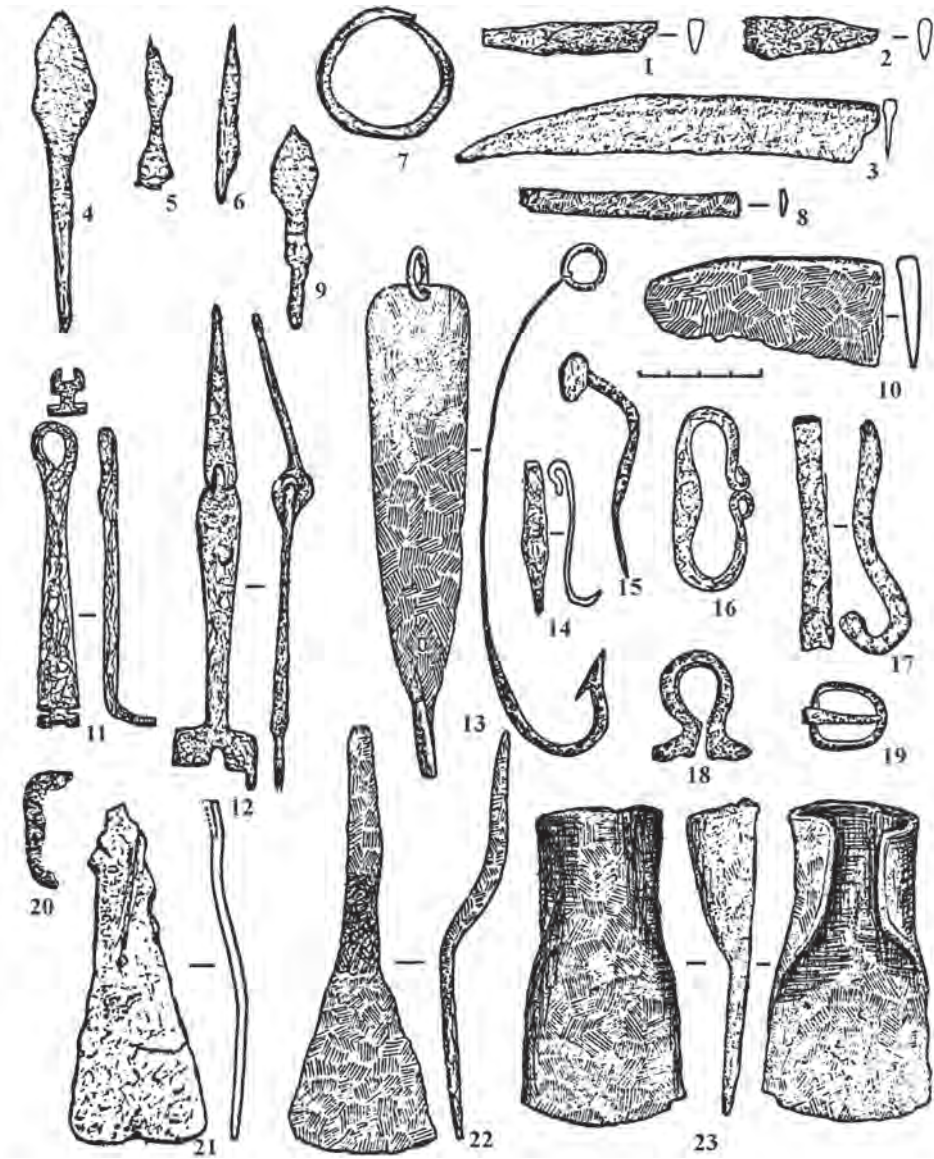

Рис. 117. Орудия труда и бытовые предметы: 1-3, 8, 10, 17, 19, 21, 23 – селіще; 4-7, 9, 14-16 – могильник; 13 – городище

сплюснен (Рис. 117, 2, 3). Такой технологический прием при изготовлении серпов был распространен у обитателей салтовских поселений в бассейне Северского Донца¹⁴. Известны такие экземпляры на горо-

¹⁴Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. Рис.25.

дище Новотроицком, в древнерусском слое Донецка¹⁵, и в общем довольно широко распространены на сельских поселениях Киевской Руси в рамках ее исторического существования¹⁶. К сожалению, найденные фрагменты серпов не позволяют хотя бы графически восстановить конструктивные схемы данных орудий и, конечно же, не дают достаточно оснований говорить о типологии и технологии их изготовления в данном конкретном случае. Думается все же, что обломки серпов из нашей коллекции вряд ли чем-то существенно отличались от аналогичных орудий уборки урожая, полученных из раскопок поселений на южнорусских землях.

Преимущественно сельскохозяйственный характер селища не вызывает сомнений, но специального исследования отпечатков зерен из материалов Каменного не производилось. Можно лишь отметить находки обугленного проса в сгоревшей древнерусской клетке вала (кв. 10А) и скопления сгоревших зерен пшеницы или ржи из *ямы 12* на городище.

С некоторой осторожностью к орудиям труда следовало бы причислить обломок не вполне определимого изделия, первоначально определенного как обоймица (Рис. 117, 20). Однако для последних вовсе не требовалась массивность, свойственная данной находке. Не исключено, что речь идет об уплощенной части обуха проушного топора. В пользу этого говорят параметры обломка, который по длине имеет 4,2 см при максимальной толщине от 0,4 см по середине плоскости и до 0,65 см у верхнего изгиба. Согласно разработанной Б.А. Колчиным хронологии предметов материальной культуры Новгорода Великого, такие схемы топоров находились в быту с середины X в. до конца XII в., будучи распространены повсеместно в пределах территории Киевской Руси¹⁷.

Иных орудий труда, связанных с сельскохозяйственным производством, на исследованной нами площади поселения не было выявлено, что в какой-то степени компенсируется находками, обычно относимыми к инструментарию сельских промыслов и деревообработки. Последнюю представляет тесло-мотыжка из *жилища 2/Р.2* — своеобразное универсальное орудие, которое могли использовать при рытье могил, котлованов жилищ, ям хозяйственного назначения, и с не меньшим успехом для выдалбливания корыт и других емкостей из дерева, занимавших значительное место в быту сель-

¹⁵Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Рис. LXXXVIII; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Рис. 137.

¹⁶Село Київської Русі. Рис. 26.

¹⁷Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М. 1982. С. 164.

ского населения. Найденный экземпляр откован из прямоугольной железной пластины, толщиной до 0,3 см (в нерабочей части), общей длиной 10,8 см, при длине втулки 5,6 см с зазором между ее створками 1,7 см и ширине заточенного лезвия 5,7 см (Рис. 117, 23) Сохранность орудия хорошая, незначительно коррозирована в некоторых местах лишь рабочая часть и внутренняя поверхность створок. Аналогичные орудия известны на славянских и салтовских памятниках Левобережной лесостепи, а также и на поселениях древнерусского времени¹⁸.

Имеющиеся в коллекции два экземпляра медорезок (Рис. 117, 21, 22) представляют такой высокодоходный промысел, каким на Руси издревле было бортничество. При общей конструктивной схеме, они разнятся между собой способом крепления рукояти: один из них имел накладную ручку (Рис. 117, 21), в то время, как рукоятка другого насаживалась на продолговатый прямоугольный в сечении черешок, изготовленный из единой железной пластины заодно с рабочей частью изделия (Рис. 117, 22). Отличались они и своими параметрами: при почти одинаковой ширине (4,5 и 4,6 см) и толщине (0,45 см) лезвия, черешок последней был толще (0,65 см), более резко изогнут и снабжен заостренным концом. Длина относительно более плоского экземпляра (Рис. 117, 20, 22) достигала 11,2 см, в то время как второго, черешкового – 14,0 см. Нужно заметить, что схема этого инструмента, практически не изменилась вплоть до нашего времени, разве что увеличились размеры рукояти, как это отмечают уже для конца древнерусского периода¹⁹.

В качестве орудий рыболовецкого промысла, о наличии которого говорят находки позвонков от хребта, костей и скопления чешуи крупной рыбы в хозяйственных ямах и других объектах, в нашей коллекции имеется две блесны. Весьма примечательно, что одна из них (Рис. 117, 14) найдена в роменской миске, использованной в качестве урны для захоронения по обряду трупосожжения (*курган 10*), совместно с прахом и вещами личного убора покойного; не менее примечателен и факт отсутствия на этом изделии следов действия огня. Вторая блесна (Рис. 117, 13) обнаружена в культурном слое на городище.

¹⁸Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Рис. 32, 7-9; Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры «Сухогомольшанский могильник VIII-X вв.» // Хазарский Альманах. Т. 5. Киев-Харьков. 2006. Рис. 19, 6; Рис. 41, 10; Рис. 65, 9; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Рис. 120; Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Рис. LXXXIX; Село Київської Русі. Рис. 34.

¹⁹Село Київської Русі. С. 94; Рис. 28.

Первый экземпляр представляет собой железную плоскую тонкую (0,2 см) пластинку с ушком, образованым загнутой S-образной петлей, и слабоизогнутым узким безбородчатым крючком на противоположном конце. Середина пластинки расклепана таким образом, чтобы придать ей ромбовидную форму. Общая длина блесны – 5,2 см, максимальная ширина – 0,8 см; размеры ушка – 1,1 × 0,5 см, просвет – не более 0,3 см. Близкие аналогии из железа или цветных металлов обычно относят к подвескам. Небольшие размеры и некоторая небрежность в изготовлении деталей самого изделия, что проявляется, в частности, в несомкнутости образующей ушко петли, исключающей надежное привязывание лески, позволяют предположить его особое, в данном случае – ритуальное, назначение, когда тот или иной предмет делался специально в качестве сопровождающего покойника инвентаря. Вероятно, блесна и не предназначалась для рыбной ловли в реальном мире, представляя собой символ подлинной рыболовной снасти. Именно на это указывает место ее нахождения, свидетельствуя вместе с тем и об излюбленном занятии умершего²⁰.

Не в пример вышеописанному изделию, которое может быть признано как орудие рыбной ловли весьма условно, размеры, форма и изготовление второго экземпляра несомненно указывают на специфическую снасть, предназначенную именно для лова крупной хищной рыбы (Рис. 117, 13). Орудие отковано из продолговатой, клиновидной по форме, железной пластины, рабочий конец которой оттянут и согнут в крючок с заостренной бородкой; верхняя часть оформлена в виде прямоугольника с закругленными краями. Посредине верхнего края проделано круглое отверстие, в которое продето колечко (диаметр 1,1 см) из железной проволоки (сечение 0,15 см). Другое четырехугольное отверстие пробито на расстоянии 4,4 см от изгиба крючка, размерами 0,15 × 0,4 см, назначение которого не вполне понятно. Общая длина блесны – 18,5 см, максимальная ширина верхней части – 3,5 см, длина крючка 4,1 см при толщине в сечении 1,8 мм и длине бородки 1,8 см. Толщина

²⁰Автору этих строк довелось в 1967 г. во время раскопок черняховского могильника в с. Успенка Бурьинского р-на Сумской обл. (руководитель экспедиции Е.В. Махно) наблюдать нечто подобное на похоронах местного уроженца, бывшего партизана и несменного председателя колхоза, некогда, безусловно, крещеного и, конечно же, члена КПСС, любителя охоты, игры на баяне и крепкого застолья. После отпевания по православному обряду в специально прокопанный подбой в могилу были помещены ружье-двухстволка, баян и пара бутылок водки, а в гроб – банкноты и монеты. Привожу сей факт, как свидетельство поразительной неискоренимости пережитков язычества, несмотря на тысячелетние усилия Церкви по духовному окормлению паствы, равно как и на сомнительные успехи светского просвещения и партийного образования.

самой пластины не превышает 0,1 см; постепенное утолщение рабочей части начинается примерно с одной четверти общей длины, заканчиваясь крючком. На ее поверхности заметны следы обоюстороннего лужения.

Эта блесна, представляя собой совершенное орудие лова, по существу не отличающееся от современных в конструктивном отношении и приемах изготовления, относится к типу отвесно погружающихся снастей, на которые обычно брали судака, сома, щуку и другие крупные разновидности ихтиофауны. Полных аналогий данному экземпляру в материалах раскопок славянских и древнерусских памятников на Левобережной Украине мне не известно. С некоторой натяжкой в качестве не вполне близкой аналогии можно было бы указать на экспонированную в коллекции Харьковского исторического музея биметаллическую блесну, происходящую с роменско-древнерусского Хорошевского городища (бассейн Северского Донца)²¹. Впрочем, отличия в деталях формы, размерах и, главным образом, в совершенстве и тщательности изготовления нашей блесны, не допускают и мысли о тождестве сравниваемых изделий.

Поскольку речь зашла о рыболовецком промысле, никак нельзя обойти другие находки, имеющие к нему отношение. Таковы два грузила для сетей или невода, изготовленные из сравнительно хорошо промешанной и лишенной видимых примесей глины, с подлощенной поверхностью и, к тому же, имеющие отличный обжиг. Различаются они размерами и модификациями формы. Так, один из экземпляров (длина 5,9 см, толщина 2,9 см) не совсем правильной формы, скорее напоминает увеличенный желудь (Рис. 118, 15), в то время как второй (длина 3 см при диаметре 2,8 см) – катушковидный (Рис. 118, 16). Аналогии грузилам для широко распространенного в эпоху средневековья сетевого рыбного промысла достаточно хорошо представлены в материалах археологических раскопок. Ближайшие к ним по форме, параметрам и в пространственно-хронологическом отношении, найдены при раскопках боршевско-древнерусского поселения Титчиха²².

Несомненно, с этим способом добывания рыбы связаны и такие костяные орудия, как изготовленные из трубчатых костей животных острия, существенной деталью которых является специально оформленная головка. Обычно те из них, которые имели за-

²¹Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Рис. 28, 9.

²²Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Рис. 18.

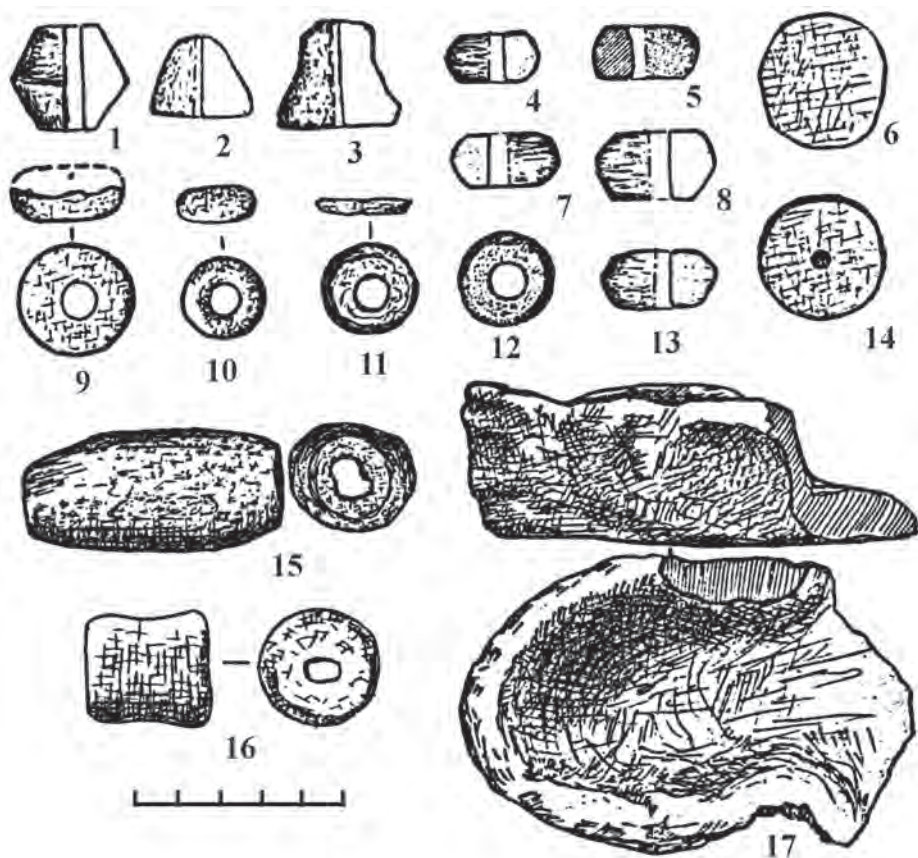

Рис. 118. Пирофиллитовые пряслица (4, 5, 9-13), изделия из глины (1-3, 15, 16, 17) и стенок сосудов (6, 14)

остренный круглый в сечении рабочий конец, использовались для вязания и ремонта сетей (Рис. 119, 1–4), а орудия с уплощенно-заточенным концом – для плетения изделий из лыка (лапти, короба, туеса и прочие емкости) (Рис. 119, 9). Такие орудия повсеместны на синхронных памятниках в масштабах Евразии и без особых усовершенствований просуществовали в крестьянском хозяйстве вплоть до конца XIX в. Самые близкие аналогии вышеописанным экземплярам имеются на упомянутом городище Титчиха²³.

Довольно многочисленную группу находок, относящихся к домашним промыслам, в данном случае – к прядению и ткачеству, представляют пряслица и грузики. Последние преимущественно изготовлены из хорошо промешанной и обожженной глины; как

²³Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Рис. 22.

правило, имеют биконическую или коническую форму и, в отличие от глиняных пряслиц, очень узкий (1,5–2 мм) канал (Рис. 118, 2, 3).

Последние в нашей коллекции в подавляющем большинстве относятся к типу уплощенно-биконических с закругленным бочком при диаметре максимального расширения от 2,0 до 2,9 см и диаметре сквозного канала от 0,6 до 1,2 см. Их можно разделить на три группы по основным параметрам, первую из которых составляют изделия с диаметром 2,0–2,3 см и сечением канала от 0,6 до 1,0 см; вторая представлена поделками с диаметром 2,6 см, канал которых имеет в диаметре 1,0 см; в третью группу включены пряслица с максимальным диаметром 2,8–2,9 см и сечением канала от 0,8 до 1,2 см. Вместе с тем, разница по высоте во всех трех группах незначительна, не превышает 0,3 см.

По материалу изготовления пряслица четко делятся на две группы, наиболее многочисленную из которых представляют изделия из овручского пиррофиллита (шифера) красного, розового и серого цвета (Рис. 118, 4, 5, 7–13). В нашей коллекции преобладают изделия розового пиррофиллита.

Вторая группа менее репрезентативна и состоит из керамических поделок. Четыре из них сделаны из стенок сосудов; все они имеют округлую форму диаметром 3 см с толщиной от 0,3 до 0,5 см и сечением канала 0,3–0,6 см (Рис. 118, 6, 14). Подобные изделия имели место в роменской культуре как на ее волынцевском этапе, так и на финальной стадии, а также на памятниках салтовского типа²⁴. Известны они и в материалах синхронных памятников Днепровского бассейна на всем протяжении реки²⁵.

Иные формы глиняных пряслиц представлены образцами округленно-конической и равнобиконической, со срезанными вершинами, формы (Рис. 118, 1, 2). Такие предметы обычны для славянских памятников второй половины I тысячелетия. Они занимали значительное место в быту и хозяйстве населения вплоть до появления во второй половине X века шиферных пряслиц, происходящих из центра массового производства пиррофиллитовой ин-

²⁴Смиленко А.Т., Юренко С.П. Восточные славяне в VIII–IX вв. // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К. 1990. С.295; Сухобоков О.В. Славянские древности последней четверти Днепровского Левобережья (волынцевская и роменская культура) // Археология Украинской ССР. Т.3. К. 1986. С.199; Березовец Д.Т., Пархоменко О.В. Салтовская культура // Археология Украинской ССР. Т.3. К. 1986. С.223.

²⁵Козловський А.О. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. К. 1992. С.141; Рис. 58.

дустрии в Овруче и получивших широчайшее распространение на землях Восточной Европы в последующее время²⁶.

Безусловно, пряслица служили грузиками для фиксации вертикального положения веретена при сучении нитки из кудели. Но, во всяком случае, пиррофиллитовыми пряслицами особо дорожили, о чем свидетельствуют надписи с именами владельцев, а также некоторые сакральные знаки, процарапанные на них²⁷.

В археологической литературе высказывались мысли о датирующем значении пиррофиллитовых пряслиц, основываясь на величине диаметра сквозного канала. В свое время эти мысли были некритично восприняты и автором этих строк²⁸. Теперь, после новейших разработок вопроса о шиферных пряслицах, показывающих ошибочность хронологической схемы Р.Л. Розенфельдта²⁹, по-видимому, следует отказаться от таких попыток: ничем иным, кроме как индикатором общедревнерусской культуры они служить не могут, а их датирующие возможности весьма сомнительны и ограничены рамками конца X – первой трети XIII вв.³⁰

Группа бытовых предметов, происходящих из раскопок разных частей комплекса, также немногочисленна. Сюда относятся детали упряжи, костяная застежка для верхней одежды (Рис. 119, 20), пряжка (Рис. 117, 19), астрагалы с просверленными отверстиями, ушко от деревянного ведра (Рис. 117, 18), ключи от навесных цилиндрических замков, выточенные из стенок гончарных сосудов овально-прямоугольные жетоны (шашки) для какой-то игры, железный массивный крюк неопределенного назначения (Рис. 117, 17), калачевидное кресало с язычком и пр.

Кресало обнаружено в урне с кремацией (курган 10). Его максимальная длина составляет 6,2 см, ширина в более расширенной части 2,4 см, а в менее широкой – 2,15 см; утолщение рабочей части по середине изделия составляет 1,1 см; концы загнуты таким образом, что образуют петли (0,85 и 1,0 см соответственно), плотно прижатые друг к другу (Рис. 117, 16). Кресала именно такого типа

²⁶Село Київської Русі. С. 131–137.

²⁷Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М. 1948. С. 196–200; Борзяк О.О., Герасимчук О.В. Веретено та пряслиця у слов'янській міфологічній традиції // Народна творчість та етнографія. 1990. № 1. С. 30–36.

²⁸Брайчевський М.Ю. Про датування шиферних пряслиць // Археологія. 1950. Т.IV. С. 91–98; Розенфельдт Р.Л. О производстве и датировке пряслиц // СА. 1964. № 4. С. 220–224; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. С. 120.

²⁹Павленко С.В. Пірофілітові прясла з Переяслава Руського та його околиць // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2001. Вип. 12. С. 37–59; Петрашенко В.А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). К. 2005. С. 106–109.

³⁰Село Київської Русі. С. 147.

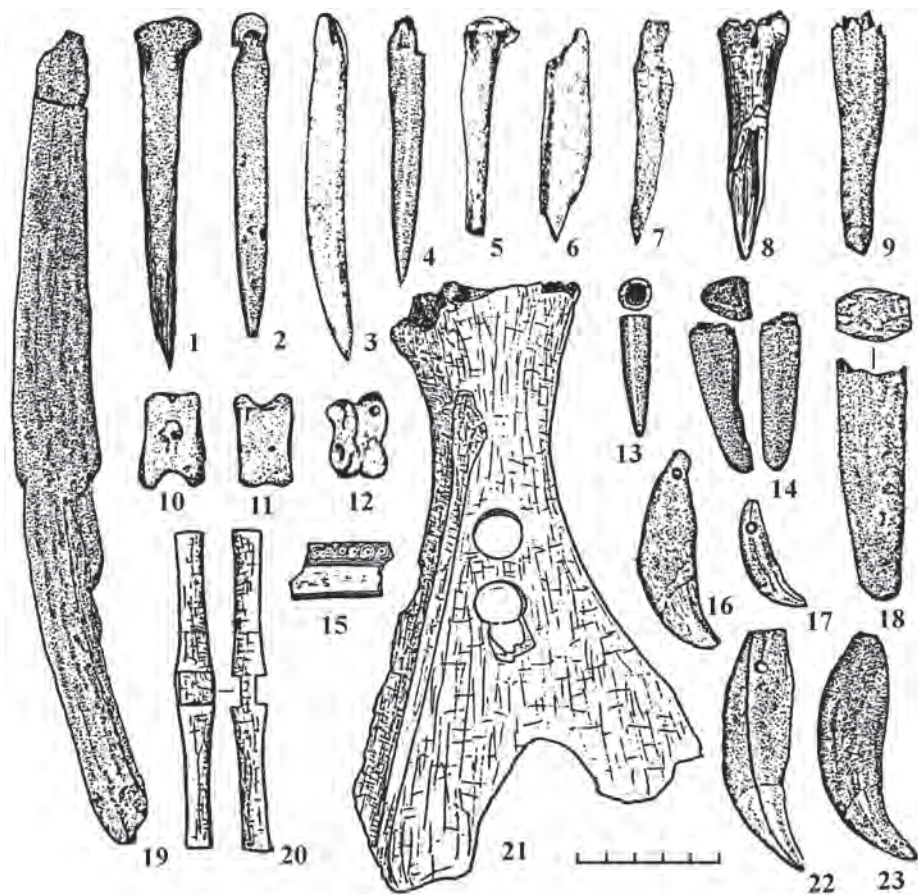

Рис. 119. Изделия из кости и рога: 1, 2, 4, 10-12, 22 – городище; 3, 5-9, 13-16, 18, 19-21, 23 – селище

имели ограниченный период бытования, определяемый VIII–XI вв.; при этом к X в. происходит изменение схемы: загнутые концы все более отдаляются от утолщенной середины (язычка), пока к концу XI в. не сменяются рамочно-прямоугольными (овальными по Б.А. Колчину)³¹. Что же до нашего экземпляра, то как на наиболее близкую ему аналогию можно указать кресало из раскопок И.И. Ляпушкина на Опошнянском поселении; аналогичные изделия более поздней схемы известны на роменско-древнерусском

³¹ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. 1959. С. 101.

комплексе у с. Ницаха, Донецком городище, боршевском городище у с. Титчиха³².

Определенный интерес в качестве датирующих предметов представляют ключи, найденные во время раскопок на поселении. Один из них состоит из собственно ключа и железной ручки для подвешивания, соединенных посредством колечка через соответствующие отверстия (общая длина 16,5 см). Его рабочая часть в виде выделенной квадратной пластины с крестообразной прорезью обломана (Рис. 117, 12), что не мешает утверждать его принадлежность замку типа «А». Появление этих наиболее древних замков относят к IX–X вв., а к концу XII века они выходят из употребления³³. Ближайшую аналогию схеме этого ключа удалось обнаружить в материалах раскопок Старой Рязани, хотя, конечно же, они имели достаточно широкое распространение на землях Южной Руси³⁴.

Второй ключ предназначался для замка типа «В» и относился к числу изделий варианта 1. Его размеры: по длине 10,5 см, максимальная ширина к изгибу рабочей плоскости 0,8 см, таковы же и размеры петли, образованной при изготовлении на противоположном нерабочем конце (Рис. 117, 11). Замки этого типа появились во второй половине XII в. и имели продолжительное бытование, выходя из употребления лишь в первой половине XV в.³⁵ Значительная коллекция ключей этой схемы известна по раскопкам в правобережном Поднепровье (с. Григоровка); отмечены такие находки на территории от Старой Рязани до древнерусских поселений Буковины³⁶.

Вооружение в нашей коллекции артефактов из раскопок представлено двумя экземплярами наконечников стрел из *погребения 1 в кургане 27* (Рис. 117, 4, 9). Они относятся к отделу черешковых, наиболее распространенных на территории Руси, составляя не менее 99 % всех находок. Один из них (Рис. 117, 4) имеет в длину 10,8 см при максимальной ширине пера 2,4 см, плоский, без упора. По классификации А.Ф. Медведева представляет типы 43, 47,

³²Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. С.268–304; Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя. Рис. 17, 27; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Рис. 141, 9; Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Рис. 53.

³³Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. 1953. № 32. С. 152–162; Его же. Хронология новгородских древностей. М. 1982. С.160.

³⁴Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М. 1974. С. 50; Рис. 30, 1; Ср.: Петрашенко В.А. Древнерусское село. Рис. 42.

³⁵Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. С. 160; Рис. 3.

³⁶Петрашенко В.А. Древнерусское село. Рис. 42, 6; Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани. Рис. 30, 7–8; Возний І.П. Чорнівська феодальна укріплена садиба XII–XIII ст. Чернівці. 1998. Рис. 28, 1; С. 88, Табл. 18.

бытование которых приходится на IX – первую половину XIII в. преимущественно в северных регионах Киевской Руси, однако имеющих место и в материалах раскопок поселений древнерусского периода на южнорусских землях³⁷. Второй наконечник при почти аналогичной схеме (Рис. 117, 9) имеет несколько меньшие размеры: общая длина 6,7 см, длина пера 3,1 см при максимальной ширине 1,8 см; перо уплощенное, с упором. Данный экземпляр также происходит из названного выше погребения и по типологии А.Ф. Медведева принадлежит к изделиям типа 33, существование которых определяется рамками XII – первой половины XIII в. Наконечники такой конструктивной схемы получили широкое распространение на финальном этапе истории Киевской Руси и встречаются повсеместно³⁸.

К числу предметов, имеющих отношение к вооружению и снаряжению, видимо, относится довольно неплохой сохранности пряжка (Рис. 117, 19), выкованная из железа. Она овально-прямоугольной формы размерами 2,6 × 2,4 см; язычок закреплен на спинке, где его петля расширяется до 0,5 см, в то время как кончик сужается до 0,2 см. Рамка в сечении имеет форму полуовала, ширина основания которого не превышает 0,3 см. Наиболее близкие аналогии известны в материалах раскопок Григоровки в Каневском Приднепровье, поселения Лесковое на Черниговщине, а также на памятниках Буковины. Датирующие возможности таких пряжек ограничены общей хронологией их бытования в пределах IX–XIII вв.³⁹

Из других предметов быта изредка встречались кованые гвозди с большой шляпкой, обломки дужек от ведер (Рис. 117, 18), небольшие (3,0 × 4,0 см) прямоугольной, квадратной и неопределенной формы кусочки медной фольги.

Ни в одном из курганов, где обнаруживались остатки гробовищ, не было обнаружено гвоздей. Это может говорить об особой ценности кузнечных изделий с одной стороны, и об умении обитателей поселения при необходимости столярных или плотницких

³⁷Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М. 1985. С.315; 348; Табл. 136; Петрашенко В.А. Древнерусское село. Табл. 45, 10–12; Возний І.П. Чорнівська феодальна укріплена садиба XII–XIII ст. Рис.69; Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. Рис. 48, 1, 5, 7.

³⁸Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение. Табл. 139, 5; Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. Рис. 48, 13, 18.

³⁹Петрашенко В.А. Древнерусское село. Рис. 44, 5; Село Київської Русі. Рис. 42, 30; Возний І.П. Чорнівська феодальна укріплена садиба XII – XIII ст. Рис. 41.

работ обходиться возможностями исключительно используемого материала — дерева — с другой.

Вне всяких сомнений, большинство изделий из металла изготавливались здесь же на поселении, на что косвенно указывают находки металлургических шлаков и криц, а также крупная керамическая льячка (Рис. 118, 17). К сожалению, в свое время изделия из черного металла, найденные при раскопках у с. Каменное, не были подвергнуты металлографическому анализу с целью выяснения технологических схем. Все же думается, что есть определенные основания говорить о достаточно развитом кузнечном ремесле у обитателей поселения. В пользу этого мнения позволительно, на мой взгляд, будет привлечь результаты металлографического исследования значительной серии предметов из черного металла, происходящих из раскопок синхронного археологического комплекса VIII–XIII вв. вблизи с. Ницаха, находящегося в бассейне верхней Ворсклы⁴⁰.

Полученные металлографические анализы определенно говорят о том, что кузнечная технология у обитателей этого поселения как в роменский, так и в древнерусский период, оставалась практически неизменной, а применяемые технологические схемы и их количественное распространение единообразны. Только к концу существования древнерусского поселения наблюдается увеличение удельного веса цельносталльных изделий и их размеров.

Здесь мы имеем дело с вариантом древнерусского сельского кузнечного ремесла, развивавшегося на основе местных технологических традиций роменского периода, чему в немалой степени способствовала удаленность этого региона от крупных ремесленных центров. В силу последнего обстоятельства образцы высоко-технологической продукции профессиональных ремесленников проникают на отдаленную периферию лишь sporadически. Местные кузнецы-универсалы, не обладавшие квалификацией узко-специализированных ремесленников городских центров, в меру своих сил и умений удовлетворяли основные потребности местных обитателей в железных и стальных орудиях труда и быта. При этом условия их работы и способы реализации продукции практически пребывали на уровне, свойственном этапу общинного ремесла, реминисценции которого этнографы отмечали и для послереформенной России в конце XIX века. Исторически это не является чем-то

⁴⁰Сухобоков О.В. Залізообробна справа слов'ян південно-східної Лівобережної України (за матеріалами розкопок археологічного комплексу поблизу с. Ніцаха Сумської обл.) // Археологія. 1995. № 3. С.53–68.

исключительным. Так, например, у народов Кавказа, кузнечные изделия которых имеют много общего с древнерусскими, вплоть до бытования в IX–XII вв. близких технологических схем⁴¹, в кузнечном ремесле до начала XX века сохранялись значительные пережитки общинного этапа⁴².

Говоря об этой группе находок в целом, приходится отметить их немногочисленность и неудовлетворительную (в большинстве случаев) сохранность. Тем не менее, они способствуют сложению, пусть и не полного, но достаточного, представления о занятиях и уровне развития основных, как производящих, так и присваивающих отраслей хозяйственной деятельности местного населения.

III.3. Керамический комплекс. Гончарное ремесло

Обломки глиняной посуды составляют наиболее многочисленную категорию находок, которую, основываясь исключительно на технологии ее производства, можно грубо разделить на две группы: лепную и гончарную. Обе группы представлены как на поселении, так и на могильнике, в материалах раскопок которых она предстает в разных соотношениях. Причем гончарная керамика имеет явное преобладание на селище; ее гораздо меньше на городище, а при раскопках могильника она, как, впрочем, и лепная, встречалась в 13 из 40 исследованных курганов.

Обломки исключительно роменских лепных сосудов выявлены в четырех курганах; при этом в двух погребениях, сопровождавшихся лепными мисками (в том числе и в *кургане 10* с урновым трупосожжением), в насыпях были найдены сильно измельченные обломки гончарных горшков, контекст местонахождения которых позволяет рассматривать их в качестве остатков тризны. Такое же назначение имели и скопления обломков преимущественно гончарной посуды в других курганах — на уровне погребенной поверхности в непосредственной близости от захоронения, поверх него в насыпях или же в полах насыпей. К сожалению, крайняя фрагментированность сосудов не дает возможности полноценного использования свойственных гончарной керамике хронологических возможностей для установления конкретной датировки отдельного кургана или их группы.

⁴¹Бгажба О.Х. О металлургии и металлообработке в средневековой Абхазии // Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967. С.217–219.

⁴²Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С.150–154.

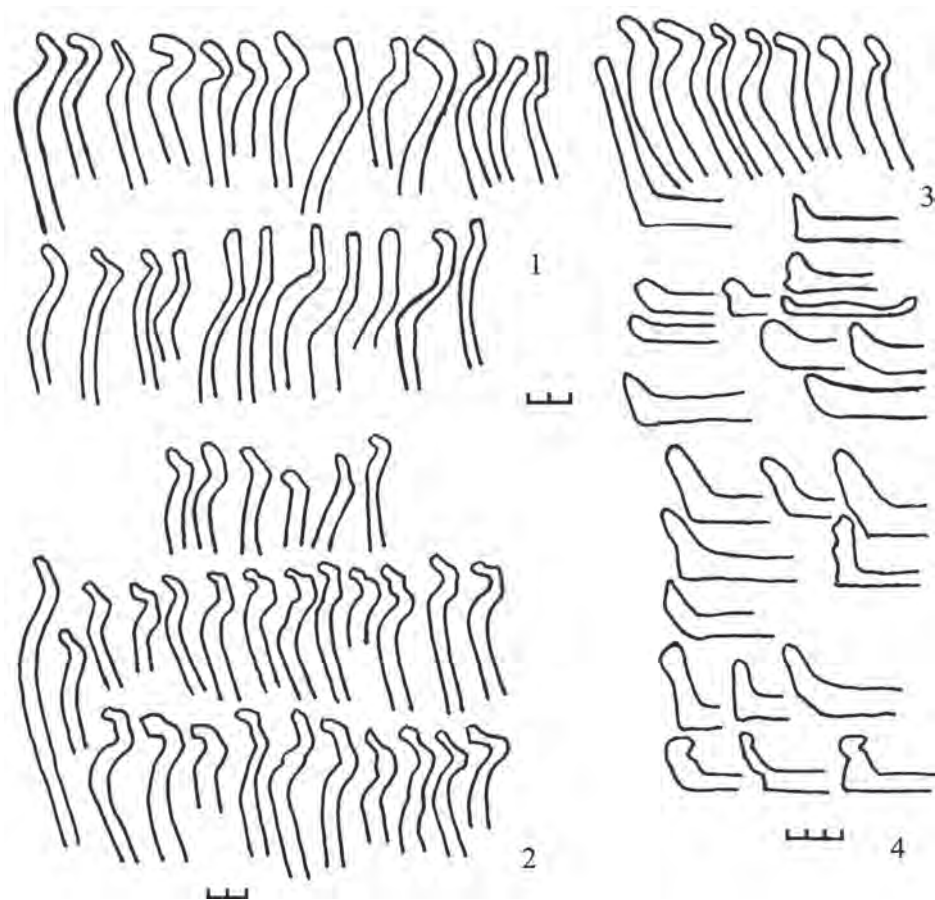

Рис. 120. Профили лепной посуды: 1 – горшки роменской культуры; 2 – горшки позднероменского этапа; 3-4 – роменские миски и сковородки

В этом плане несколько лучше обстоит дело с объектами поселенческой структуры, несмотря на довольно частые случаи совместного нахождения керамики лепной и гончарной технологии в одних и тех же жилых и хозяйственных постройках. Казалось бы, такое положение должно восприниматься как вполне естественное, если имеешь дело не с монокультурным в археологическом отношении памятником. Кроме того, следует иметь в виду, что многолетнее археологическое изучение славянско-древнерусских поселений (городских и сельских) засвидетельствовало факт сосуществования лепной и гончарной технологий в течение некоторого временного отрезка их культурно-социального развития на

стыке исторических периодов: предгосударственного и раннего древнерусского⁴³.

На это указывают случаи совместного местонахождения в закрытых комплексах лепной роменской и гончарной древнерусской посуды, как это, например, в свое время отметил еще Н.Е. Макаренко, расчищая одну из печей на городище Монастырище⁴⁴. Более того, специалисты неоднократно подмечали, что некоторые экземпляры лепных роменских горшков несут на себе следы моделирования их верхней части в подражание образцам гончарной посуды. Отмечается и обратное явление, когда произведенные на гончарном круге горшки украшаются в традициях роменской орнаментики в сочетании с элементами древнерусского декорирования⁴⁵. В этих фактах можно усматривать определенную тенденцию, если угодно – стадию, к переходу от домашнего изготовления посуды к ремесленному производству гончарных сосудов, ориентированному на спрос местного потребителя с учетом его вкусов, восходящих к роменской традиции.

Кроме чисто производственно-технологической стороны, эти явления могут быть интерпретированы в качестве своеобразного отражения динамики культурно-исторического процесса, будучи одновременно и показателем постепенного вхождения племенной (северянской) роменской культуры в общедревнерусскую государственную.

Признавая факт почти 100-летнего сосуществования роменской и древнерусской традиций керамического производства на городищах Днепровского Левобережья, А.В. Григорьев приходит к выводу, что они «практически не оказали никакого влияния друг на друга». Парадоксальность такого умозаключения состоит в том, что оно здесь же иллюстрируется случаями взаимозаимствований (Гор-

⁴³Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М. 1948; Его же. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур: Древняя Русь. М. 1953. С. 105; Его же. Раскопки в Любече 1957 г. // КСИИМК. 1960. Вып.79. С.27–34; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. С.75–80, 85; Его же. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя. С. 50, 68–69; Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье VIII – начало XI века. Воронеж, 1995. Рис. 28; Смиленко А.Т., Юренко С.П. Восточные славяне в VIII–IX вв. // Славяне Юго-Восточной Европы. К. 1990. С. 279–290; Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. К. 1992. С. 90–91, Рис.2-8; Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. Рис. 51. и др.

⁴⁴Макаренко М.О. Городище Монастырище // Науковий збірник історичної секції УАН. К. 1925. Т. XIX. (отдельный оттиск). С. 14; Его же. Орнаментация керамичних виробів в культурі городищ роменського типу // Niederlufv sbornik. Praha. 1925. S. 338.

⁴⁵Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Рис. 47–48; Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. Рис. 50.

бово, Ромны – Соборный Майдан, Полтава – Красная Площадь, Новгород-Северский и пр.), как текстуально, так и графически⁴⁶.

Количество таких случаев можно было бы увеличить вдвое-втрое за счет находок на поселениях в разных, зачастую далеко отстоящих друг от друга районах северянской племенной территории⁴⁷. Так, в раскопках на ряде городищ и селищ курского Посеймья и в самом Курске В.В. Енуковым выделены объекты, фиксирующие, по выражению автора, «синтез двух традиций: собственно роменской и привнесенной извне киеворусской»⁴⁸. Оставим на совести автора этого высказывания «привнесенную извне» традицию без указания на ее носителей, тем более, что несколькими страницами выше и ниже он говорит о роменских горшках, изготовленных с применением круга в X–XI вв., проговариваясь о возможности их существования в XII и XIII вв.⁴⁹

Приведенное, вне всяких сомнений, говорит о наличии вполне выразительной тенденции, а не об отдельных сюжетах спорадического порядка. А вот признание такой тенденции ну никак не укладывается в схему исповедуемой А.В. Григорьевым исторической концепции о смене северянского населения в середине XI века невесть откуда пришлым! Ради видимой концептуальной стройности изложения автору приходится называть роменские горшки V типа (IV тип по И.И. Ляпушкину), форма которых изначально бытовала у северян на волынцевском этапе и вплоть до финальной стадии их культуры (как минимум три сотни лет!) «псевдоволынцевскими»⁵⁰, пренебрегать, отрицая очевидное, поразительным сходством основных форм лепных, раннекруговых и «импортных» горшков⁵¹ на северянских поселениях, отказывать северянам в «сколь угодно устойчивой традиции кузнечного ремесла», договариваясь до того, что и обычные бытовые ножи завозились к ним из производственных центров салтовской культуры⁵². И, вместе с тем, им же предпринимаются попытки отыскать следы государственного устройства столь экономически недоразвитого (как получается по А.В. Григорьеву!) северянского общества в X веке⁵³. Что-то плохо

⁴⁶Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С. 155–158; Рис. 50.

⁴⁷Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Рис. 48, С. 79–80.

⁴⁸Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005. С. 290, 284–286; Рис. 56–58.

⁴⁹Там же. С. 304.

⁵⁰Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С. 154.

⁵¹Там же. Рис. 51.

⁵²Там же. С. 146.

⁵³Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государства на территории позднероменской культуры в X в. // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Суми-Ромни, 1990.

вяжется одно с другим, да и в своих построениях автор грешит не только недостаточным пониманием основ и причин культурно-исторического развития, но и отсутствием знания законов формальной логики.

Что касается рассматриваемого археологического комплекса у с. Каменное, то сочетание двух традиций в керамическом производстве наиболее хорошо наблюдается и на городище, где и при раскопках оборонительных сооружений, и при исследовании жилищ и хозяйственных ям, наряду с преимущественно лепной присутствует гончарная керамика. Аналогичная ситуация наблюдалась и в культурном слое раскопов на селище, при этом ни в одном из них не было выявлено «чистых» (в культурном отношении) объектов: лепная роменская керамика и гончарная посуда древнерусских образцов имеет место в разных пропорциях, устанавливая которые приходится в каждом случае индивидуально.

Весьма показательным в этом плане оказался гончарный горн на селище, возле топочной камеры которого обнаружено скопление ошлакованных фрагментов керамики лепной и гончарной технологии. В слое вокруг горна встречались гончарные фрагменты сосудов «курганного» типа, но в заполнении самой камеры – XII в. Объяснить такое сочетание, а особенно присутствие лепной керамики откровенно сложно. Однако место, где она была обнаружена, и ее изготовление из того же состава глиняного замеса со значительной примесью органики, из которого лепилась часть найденных в заполнении обломков лепных горшков, в то время как другую часть составляли фрагментированные тонкостенные сосуды, изготовленные на круге из хорошо промешанного теста, в котором шамот отсутствовал, а отошающей примесью служил речной песок, – все решительно указывает, по крайней мере, на то, что ошлакованные фрагменты обжигались в одной камере в одно и то же время. При этом «лепные» фрагменты обнаруживают признаки, условно говоря, переходной технологии, будучи частично правленными на круге, а при формовке верхней части сосудов заметно подражание венчикам горшков общедревнерусского облика.

Рассмотрение особенностей керамического комплекса требует нескольких предварительных замечаний общего порядка. В данной монографии вряд ли необходимо приводить полную характеристику группы лепной роменской посуды: она неоднократно классифицировалась и типологизировалась в работах И.И. Ляпушкина, автора этих строк и других специалистов по раннеславянской

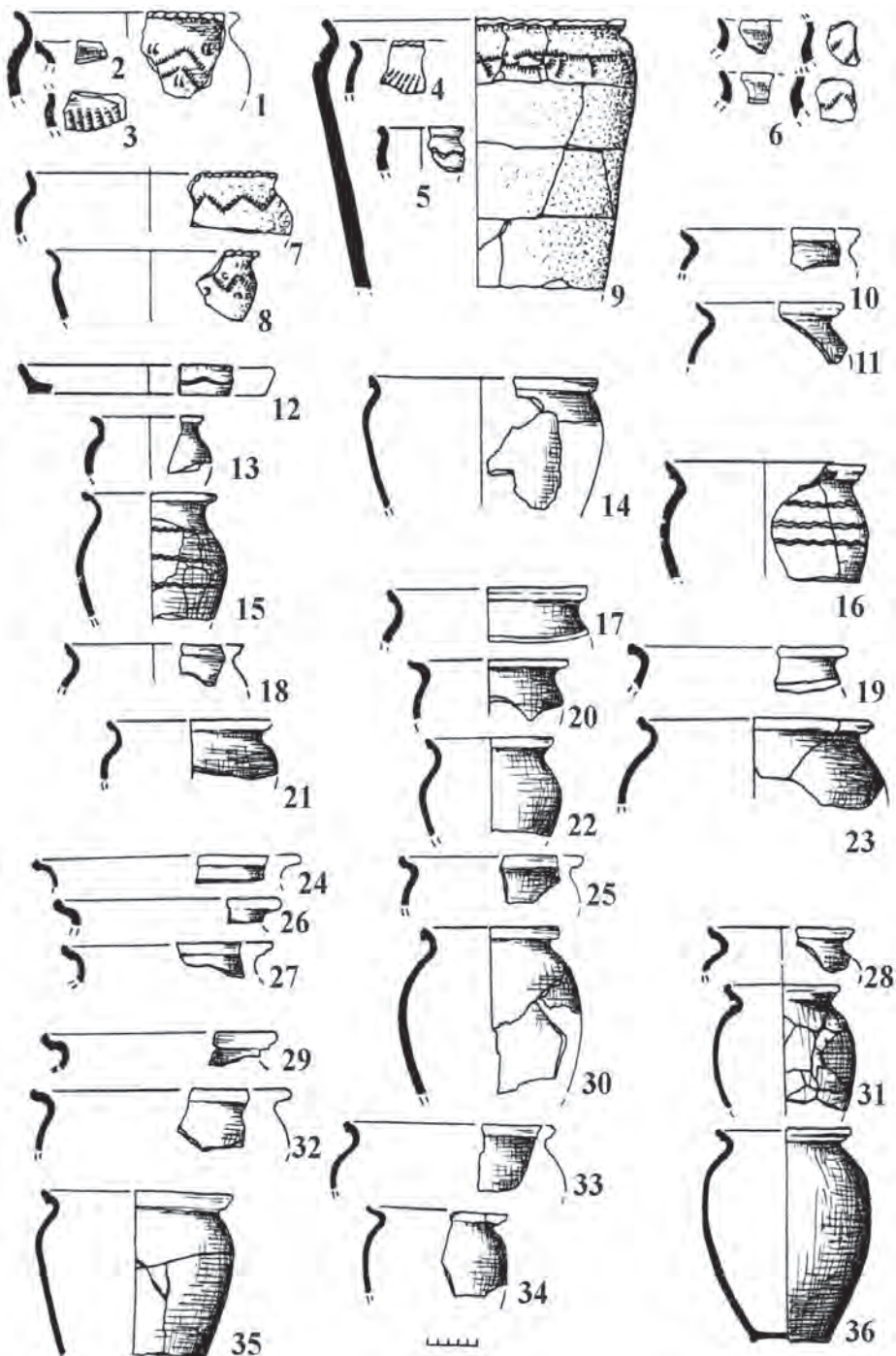

Рис. 121. Графическая реконструкция роменской — 1-9, и древнерусской посуды (XI - первая треть XIII в.) посуды — 10, 11, 13-36

проблематике⁵⁴. Добавить к уже сказанному, по существу, нечего, поскольку с той поры источниковая база не претерпела настолько значительного расширения, чтобы предоставить в распоряжение исследователя достаточное количество качественного материала для сколько-нибудь основательной ревизии установившихся классификации и типологии керамики волынцевско-роменской культуры в целом, как, впрочем, и керамического комплекса памятников боршевской культуры. Такие попытки, тем не менее, время от времени предпринимаются (А.З. Винников, А.Г. Дьяченко)⁵⁵, однако все они не свободны от недостатков, часто методического характера, что и обусловило довольно серьезные критические возражения в археологической литературе⁵⁶.

Ничего парадоксального в факте более чем столетнего сосуществования роменской лепной и гончарной древнерусской керамики нет. А.В. Григорьев верно подметил, что последняя преимущественно использовалась в качестве столовой посуды, что было зафиксировано в жилищах Горбовского поселения в виде обособленных зон концентрации лепной и круговой посуды⁵⁷. И пусть ни на городище, ни на селище у с. Каменное таких зон выявить не удалось, а их реальное существование сомнений не вызывает. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что ни в одной из печей останцового типа не было обнаружено обломков древнерусских горшков: их заполнение состояло из фрагментированных толстостенных (1,0–1,5 см, дно — до 2,0 см и более) лепных горшков, изготовленных из шамотированного с большим содержанием органики глиняного замеса.

Это наводит на мысль о том, что, по-видимому, лепные горшки имели преимущество перед гончарными при приготовлении пищи. Действительно, приготовление основного блюда — каши из крупы, полученной из злаковых культур (просо, овес, ячмень, полба и пр.) требовало особой теплоемкости, чего не могла обеспечить ни печь, вырезанная из останца или в подбое стенки, ни, тем более, печь-каменка. Это технологическое условие призваны были удовлетворить лепные роменские горшки со значительной примесью шамота

⁵⁴Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. С. 32–46; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. С.75–85, Его же. Дніпровське лісостепове Лівобережжя. С. 42–45; Смиленко А.Т., Юренко С.П. Восточные славяне в VIII – IX вв: керамика // Славяне Юго-Восточной Европы. К. 1990. С. 279–290; Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII – IX ст. і др.

⁵⁵Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. С.72–86; Дьяченко А.Г. Источниковедческий анализ древней керамики с применением методов математической статистики. Белгород, 1988. С. 12–24.

⁵⁶Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С. 147–149.

⁵⁷Там же. С. 157.

и толченого камня, после обжига приобретающие дополнительную пористость стенок и дна (благодаря образовавшимся после выгорания органики микропустотам, заполненным воздухом), и тем самым обеспечивая необходимую для упревания каши теплоемкость и теплоизоляцию.

Свойства обожженных изделий из глины со значительным содержанием органических веществ в замесе (навоз, солома, тонкие прутья, листья и т. п.), придающих пониженную теплопроводность, по-видимому, были известны славянскому населению Восточной Европы издавна. Что же касается населения рассматриваемого региона, то можно привести находки обломков высокобортных противней (иногда называемых жаровнями), в ряде случаев монтированных на верхней части вырезанной из останца печи, в изломах которых можно видеть пустоты и отпечатки сгоревших растений. Такие конструкции часто встречались при раскопках жилищ на волынцевских и роменских поселениях левобережного Поднепровья. Не слишком смелым будет предположение, что эти противни служили для выпечки кислого хлеба, технология изготовления которого требовала соблюдения теплового режима с удержанием тепла относительно продолжительный отрезок времени. Незакрепленный на печи стационарно противень мог служить и в качестве жаровни, хотя, думается, для этой цели куда практичнее было бы использовать обычный лепной кухонный горшок, который, не в пример громоздкому противню, был куда более транспортабелен, да и занимал меньше места, что в весьма ограниченном пространстве жилой полужемлянки также имело немаловажное значение.

В отличие от роменских глиняных печей, иногда называемых «глинобитными» (что неверно номинально и по существу), древнерусские купольные печи лепились на деревянном, а чаще плетневом каркасе, который обмазывался глиной в смеси с навозом и соломой⁵⁸. В процессе хозяйственной эксплуатации каркас и органические примеси выгорали, так что толстые (10–15 см) стенки отопительного устройства становились пористыми и, следовательно, обладали лучшими теплоизоляционными свойствами по сравнению с печами предшествующего времени. Кроме того, они

⁵⁸На поселениях волынцевско-роменской культуры печи вырезались в материковом останце прямоугольной формы одновременно с рытьем углубленной части жилища и, следовательно, были именно глиняными. Древнерусские же печи были глинобитными в том смысле как это приводится в словарях В.И. Даля: «сбитый из земли, глины, иногда с примесью соломы» (Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1978. Т. 1. С. 355) и С.И. Ожегова: «сделанный из смеси глины с соломой или другими материалами» (Словарь русского языка. М. 1982. С. 119).

оказались более удобными в пользовании и более вместительными (горшки можно было помещать и в топочную камеру, и на отверстие в своде). Это обстоятельство способствовало как распространению в пределах всей территории Руси печей каркасной конструкции и тонкостенной гончарной керамики, так и выходу из употребления толстостенных лепных сосудов. И все же, традиции домашнего изготовления лепной керамики были довольно устойчивыми в среде северян, сохраняясь параллельно с уже ремесленным производством на протяжении всего XI в. и, возможно, в очень уж удаленных от производственных центров местностях, даже в XII в., как это было в Курском Посеймье.

Отсутствие общепризнанной классификации и типологии гончарной посуды древнерусского облика, как известно, снижает хронологические возможности последней, зачастую предлагая датировки в пределах столетия, что, конечно же, не может удовлетворить исследователей. Тем не менее, за последние десятилетия специалисты в целом определились относительно общего направления изменения хронологических признаков в развитии древнерусского керамического комплекса, каковыми прежде всего, являются характер орнаментации и ее техника, а также приемы моделирования венчика. Последний в разное время на протяжении исторического существования Руси оформлялся мастером-гончаром применительно к существующей моде, которая, несмотря на наличие естественных дериватов, обусловленных индивидуальными навыками и вкусами производителя, была достаточно стабильной. А это открывает возможность расчленения всего керамического комплекса древнерусской культуры на дробные хронологические периоды.

Наиболее ранние формы гончарных горшков имели срезанные наискось венчики с плоским или чуть утолщенным нижним краем на внешней стороне (Рис. 122, *Л*); их корпус покрывался небрежными врезными волнистыми линиями, дополняемыми в нижней трети горизонтальным рифлением. Иногда сплошное, но столь же неряшливое, горизонтальное рифление покрывало все тулово горшка, что было свойственно керамике салтовской культуры⁵⁹. На правобережном Поднепровье раннегончарная посуда с преимущественно врезным горизонтальным рифлением корпуса небрежно выполненной волной и острым косым срезом умеренно отогнутого венчика появляется на памятниках типа Луки-Райковецкой на фи-

⁵⁹Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М.-Л. 1959. С. 212-272; Ее же. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. С. 103-134; Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. С. 82-86.

нальном этапе, т.е. с рубежа IX–X вв., проникая и на роменские поселения Днепровского Левобережья (на городище Новотроицком она составляет не более 7 % графически частично реконструируемых форм)⁶⁰.

Аналогии таким горшкам среди керамики Каменного не выявлены, однако имеется небольшое количество форм с относительно высоким вертикально поставленным прямым венчиком (тип IV по И.И. Ляпушкину, тип II по В.А. Петрашенко), которые на Новотроицком представлены совместно с описанными выше. Существенно, что горшок именно такого типа сопровождал погребение в *кургане 9* (Рис. 72). Как справедливо отмечает В.А. Петрашенко, эти формы восходят к волынцевскому гончарному прототипу⁶¹; а в лепном исполнении продолжают существовать и позднее, на роменском этапе северянской культуры. У А.В. Григорьева данный тип сосудов получил не совсем корректное название «псевдоволынцевских»⁶², которое содержит в самом себе некоторый негативный оттенок, более уместный для действительно подражающих волынцевским раннекруговых роменских сосудов с вертикальным венчиком и врезным линейным (а не пролощенным) декором, хорошо представленных на Новотроицком городище⁶³.

Описанные сосуды сменяются в X в. горшками так называемого курганного типа, венчики которых моделируются «отворотом» на внешней стороне, получившим название «манжет». Это утолщение иногда подчеркивается каннелюром, причем верхний срез всегда бывает острым и часто более тонким, чем его нижняя часть (Тип 2-А, 6-А по И.Г. Сарачеву)⁶⁴. Появляясь в первой половине X в. (тип 2-А), формы с манжетовидным профилированием венчика существуют на протяжении всего XI в. (моделирование типа 6-А), выходя из употребления до середины XII в.⁶⁵ В керамическом комплексе Каменного такие формы представлены в основном обломками из культурного слоя (Рис. 122, I, II).

В дальнейшем происходит утолщение манжета по всей его ширине и уже к началу XII в. верхняя часть венчика загибается к сере-

⁶⁰Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Рис. 20, 1-3, 5; Рис. 21, 2; Рис. 25, 7, 9; Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII – IX ст. Табл. 5 (типы IV, VII).

⁶¹Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII – IX ст. С.89.

⁶²Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С.154.

⁶³Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Рис. 22, 3-5; 25, 8.

⁶⁴Сарачев И.Г. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья // в кн.: Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начала XI века по археологическим данным. Тула. 2000. Приложение 1. С. 227; Рис. 62.

⁶⁵Сарачев И.Г. Указ.соч. С. 234; Рис. 63.

Рис. 122. Профили древнерусских гончарных горшков: I – X – начало XI в.; II – конец X – XI вв.; III – конец XI – первой трети XIII в

дине, а внешний край манжета закругляется, на протяжении этого столетия трансформируясь в валик, выделенный по горизонтальному срезу ложбинкой. При этом отклонение венчика в горизонтальной плоскости становится все более резким, а шейка укорачивается⁶⁶. Именно последние составляют преобладающее большинство

⁶⁶Кучера М.П. Керамика // Археология Украинской ССР. К. 1986. Т. 3. С. 448–450; Рис. 106.

керамических находок как в культурном слое, так и в расчищенных объектах на селище древнерусского комплекса у с. Каменное (Рис. 50–53). Согласно разработанной И.Г. Сарачевым типологии, в нашей коллекции хорошо представлены горшки с венчиками типов 11–12, 14–14-А, 16-18⁶⁷ (Рис. 122, III), появление которых относится к первой половине – середине XII века.

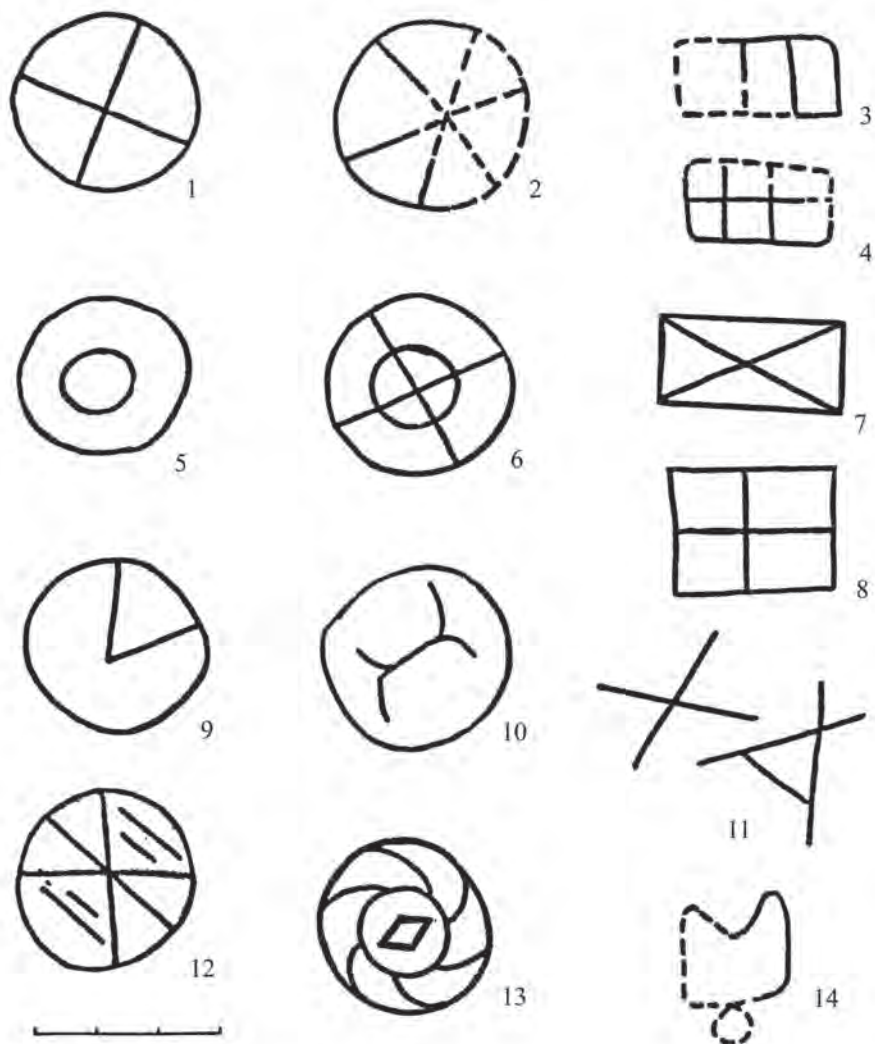

Рис. 123. Образцы гончарных клейм

⁶⁷Сарачев И.Г. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья. С. 235.

Одновременно с изменениями в профилировке венчика, с течением времени происходят и определенные изменения в орнаментации сосудов. Так, если раннегончарная посуда была украшена небрежно продавленным волнистым или линейным орнаментом сплошную по всему корпусу, то у горшков «курганного» типа горизонтально-параллельные линии уже наносились лишь на верхнюю треть. В целом процесс шел в направлении все большего сокращения орнаментированной зоны поверхности и к XII веку декор ограничивался нанесением 3–5 волнистых или горизонтальных линий, часто в их сочетании; иногда монотонность орнаментации разнообразилась за счет наколов гребенчатого штампа, семячковидных вдавлений, оттисков ногтя и т. п.

В керамическом материале представлено 15 модификаций клейм на доньшках горшков. Как известно, появление клейм фиксируют уже на доньшках горшков «курганного типа». Большинство из наших экземпляров представлены геометрическими фигурами (Рис. 123, 1–8) в виде одинарного круга, дополняемого крестом внутри, двойного круга с крестом; иногда двойной круг усложнялся ромбом по центру и линиями наподобие «сегнерова колеса», отходящих от внутреннего круга (Рис. 123, 1, 2, 5, 6, 9, 10, 12, 13). Остальные имеют прямоугольные очертания, перечеркнутые линиями параллельно сторонам или по диагонали (Рис. 123, 3, 4, 7, 8). Два клейма изображены в виде букв «X» и «A», но определенный интерес представляет фигура (Рис. 123, 14), напоминающая тамгу Святослава на резной костяной пластинке из Саркела – Белой Вежи⁶⁸.

Для гончарной керамики конца XI – первой трети XIII вв. характерны специально подготовленный состав глиняного замеса, мелкие примеси из просеянного песка, тонкие стенки в изломе оранжевого цвета, иногда покрытые слоем белого ангоба, сложная профилировка венчика. К этому следует добавить и то немаловажное обстоятельство, что они были подвергнуты профессиональному обжигу в специальных гончарных двухъярусных печах, в которых предусматривалось разделение обжигательной и топочной камер посредством поддерживаемой смонтированным в последней «козлом» горизонтальной площадки с отверстиями продухов. Именно такого типа гончарная печь была расчищена неподалеку от жилища 1/Р.1 на территории селища, о чем речь шла выше.

Ближайшей аналогией нашему горну является гончарная печь, обнаруженная на селище между двумя городищами у с. Ницаха во

⁶⁸Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. 1982. С. 379.

время раскопок 1988 г. Ценность находки состоит в том, что рядом с двухъярусным горном, в котором под (черень) обжигательной камеры с шестью продухами, диаметром по 15 см, удерживался опорным столбом, была также расчищена печь, состоящая из двух разделенных камер, но иной конструкции, а именно без «козла» — рассекателя воздуха в топочной камере. Поступление горячего воздуха обеспечивалось девятью продухами (диаметр от 13 до 15 см), расположенными по кругу в черене⁶⁹. Подобные этому горны мы находим на поселениях салтовской культуры; они распространены на Северном Кавказе, на территории Болгарии, Югославии и др.⁷⁰ Наличие двух печей в непосредственной близости друг от друга и различия в их конструкции позволяют предполагать здесь относительно продолжительное существование, по крайней мере, мастерской по производству гончарной посуды для обитателей округа в XI–XIII вв.

Наконец, следует вспомнить и пять гончарных печей, обнаруженных при раскопках древнерусского Донца еще А.С. Федоровским и частично вновь опубликованных в книге Б.А. Шрамко. К этому необходимо также добавить и обжигательную печь, исследованную Б.А. Шрамко в роменских слоях того же городища⁷¹.

Таким образом, в пределах рассматриваемого региона имелось достаточно производственных мощностей, чтобы удовлетворить потребность населения в высококачественной гончарной посуде, не «импортируя» ее издалека, тем более что возможности транспортировки гончарной керамики были весьма и весьма ограниченными. Небезынтересно заметить, что в коллективной монографии, посвященной древнерусскому селу, главным образом, Среднего Поднепровья, приводятся материалы исследований 13 гончарных печей (среди них: одна — во Львовской области, девять — на поселении у с. Автуничи на северо-западе Черниговщины, три — на Каневщине)⁷². Если учесть, что в Автуничах мы имеем дело со специализированным центром, ориентированным на массовое производство гончарной керамики, да еще при этом принять во внимание различные в географически-экономическом отношении и

⁶⁹Сухобоков О.В. и др. Отчет о стационарных полевых исследованиях раннеславянского городища волынцевской культуры у с. Битица и роменско-древнерусского комплекса памятников у с. Ницаха Сумской обл. // Научный архив ИА НАНУ. 1988/32.

⁷⁰Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. С.83.

⁷¹Федоровский О.С. Археологічні розкопки в околицях Харкова // Хроніка археології та мистецтва. Ч.1. К. 1930; См.: Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. С. 341–342; Раннеславянское поселение VIII–X вв. на Донецком городище // МИА. 1970. № 176.

⁷²Село Київської Русі. С. 118.

несравнимые по масштабам территории регионы – Среднее Поднепровье и северо-восток Левобережной Украины, то картина становится еще более впечатляющей, а количественные соотношения выявленных гончарных печей конца XI – начала XIII вв., напротив, допустимо сопоставимыми.

Во всяком случае, есть основания утверждать, что уже во второй половине XI в. ремесленное гончарное производство распространяется, может быть, и с неравной интенсивностью в пределах всей территории Киевской Руси, а не было сосредоточено исключительно в городах и поселенческих структурах городского типа, которые, как известно, являлись культурно-генерирующими центрами и в этом отношении. Последнее удалось проследить А.В. Григорьеву по материалам раскопок в Среднем Подесенье, а вот его попытку придать локальному факту значение универсального явления для всего Днепровского Левобережья признать удачной вряд ли возможно, на что мне уже приходилось обращать внимание⁷³.

Вместе с тем, нисколько не отрицая факт появления на северянской территории определенного контингента нового (не северянского) населения в результате внутривосточной деятельности Владимира и его потомков, считаю, что не следует преувеличивать его масштабов. Ведь переселению подверглись преимущественно представители родовой и племенной аристократии, т. е., довольно ограниченное количество, принудительно используемое, главным образом, для укрепления старых роменских и заселения вновь построенных крепостей на восточных границах державы.

Естественно, что «мужи лучшие» переселялись «со чади и домочадцы», т. е. с обслуживающей челядью, в составе которой могли находиться и профессиональные гончары-ремесленники. Это никак не могло привести к коренной смене населения, но получило отражение в некоторых чертах материальной культуры, в частности, в распространении высококачественной гончарной посуды. Сложилась ситуация, которая на начальном этапе характеризуется сосуществованием местной (роменской) и привнесенной древнерусской традиции, что сказалось на двух линиях получения керамики: и домашнего производства, и ремесленного. Если первая из них удовлетворяла текущие повседневные потребности, и едва ли не каждая домохозяйка владела унаследованными от предыдущих поколений приемами лепки толстостенных горшков для пригото-

⁷³Григорьев А.В. О соотношении роменской и древнерусской керамики. С. 169–172; Ср.: Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя. С.70–71.

ления пищи, то вторая ориентировалась на производство изделий для сбыта, и та же домохозяйка заказывала мастеру высококачественные тонкостенные горшки, используемые ею в качестве столовой посуды.

В меру распространения у северян еще одной новации – купольно-каркасной глинобитной печи, отпадает необходимость в изготовлении традиционных роменских горшков, и в домашнем обиходе получают преимущество сосуды, производимые профессионалом-мастером, может быть, и живущим на том же поселении (как это было на селище у с. Каменное) и руководствовавшимся в своей работе образцами общерусской моды. Однако в первой половине XI в., а, возможно, местами даже и во второй половине столетия, обе линии керамического производства все еще сосуществуют. Этот факт надо рассматривать как своеобразный культурный синкретизм в материальной сфере, точно так же, как в погребальной обрядности прослеживается сочетание мировоззренческих новаций христианства с традиционными верованиями, что естественно расценивать как синкретизм в духовной сфере.

III.4. Украшения

В коллекции находок, полученных в ходе раскопок комплекса у с. Каменное, значительное место занимает группа предметов личного убора, состоящая из различного рода украшений.

Большинство из них происходит из раскопок курганного могильника. Сразу же следует оговорить, что дифференциация украшений, которые, главным образом, представлены разнообразными бусами, по принадлежности на какие-то подгруппы по половому или возрастному признаку, представляется чрезвычайно затруднительной, поскольку они, согласно антропологическому определению костяков, в качестве сопровождающих предметов присутствуют и в мужских, и в женских, и в детских захоронениях. В этом плане исключение составляют височные кольца и серьги, выявленные преимущественно в женских погребениях и, вероятно, некоторых детских⁷⁴. С другой стороны, железный нож в захоронениях представлен вне какой-либо связи с поло-возрастной принадлежностью погребенного. Это же относится и к находкам обломков лепной и

⁷⁴Определение антропологами ряда погребений с бусами и височными кольцами как «мужских», скорее всего, следует списать на счет некоторой условности морфологического метода.

гончарной посуды, выявленных в разных соотношениях при погребениях и в насыпях 16 из 40 раскопанных курганов.

Встретились определенные трудности и в связи с поло-возрастной атрибуцией погребенных, поскольку в силу плохого состояния останков удалось определить немногим более половины скелетов (28 из 49). Кроме того, большинство из атрибутированных костяков (26) имеют следы ритуального (?) нарушения анатомического порядка, преимущественно в области костей таза и грудной клетки (как известно, именно здесь зачастую находят украшения рук, поясную гарнитуру, ожерелья, застежки и пр.), а в пяти курганах захоронения полностью разрушены современными «искателями», вплоть до уничтожения и самих останков, не говоря уж о сопровождавшем умершего инвентаре.

В Каменном, как и в большинстве известных по раскопкам древнерусских могильников⁷⁵, наиболее массовой категорией являются украшения, среди которых в количественном отношении преобладают бусы. Это наблюдение в полной мере относится и к могильникам салтовской культуры⁷⁶, материалы которых здесь в дальнейшем привлекаются по необходимости, в поисках аналогий и диахронно-компаративистских построений, поскольку синхронные салтовским могильные древности восточнославянских племен Днепровского Левобережья предгосударственного периода, в силу специфики господствовавшего в ту пору обряда трупосожжения, в этом отношении недостаточно информативны.

В нашей коллекции бус (всего 230 шт.) 224 обнаружены при расчистке погребений. По материалу, из которого они изготовлены, всю коллекцию можно разделить на две большие группы: каменные и стеклянные.

Первую группу представляют хрустальные (по две шаровидных и бипирамидальных) и сердоликовые (21 экз.), которые при этом отличаются большим разнообразием форм (цилиндрических — 2 экз., призматических — 8, четырехгранных — 2, плоскобиконических — 8, бипирамидальных — 1) (Рис. 74, 5; 105, 5; 124, 7, 8; 125, 7, 20–22).

В Восточной Европе шаровидные хрустальные и сердоликовые бусы появляются с VIII в.⁷⁷ В культурных слоях Новгорода Великого, согласно наблюдениям Б.А. Колчина, они появляются не ранее

⁷⁵Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв (по данным погребальных памятников). К. 1987. Табл. 4–7.

⁷⁶Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М. 1989. С. 15–121.

⁷⁷Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3. 1961. С. 220–221.

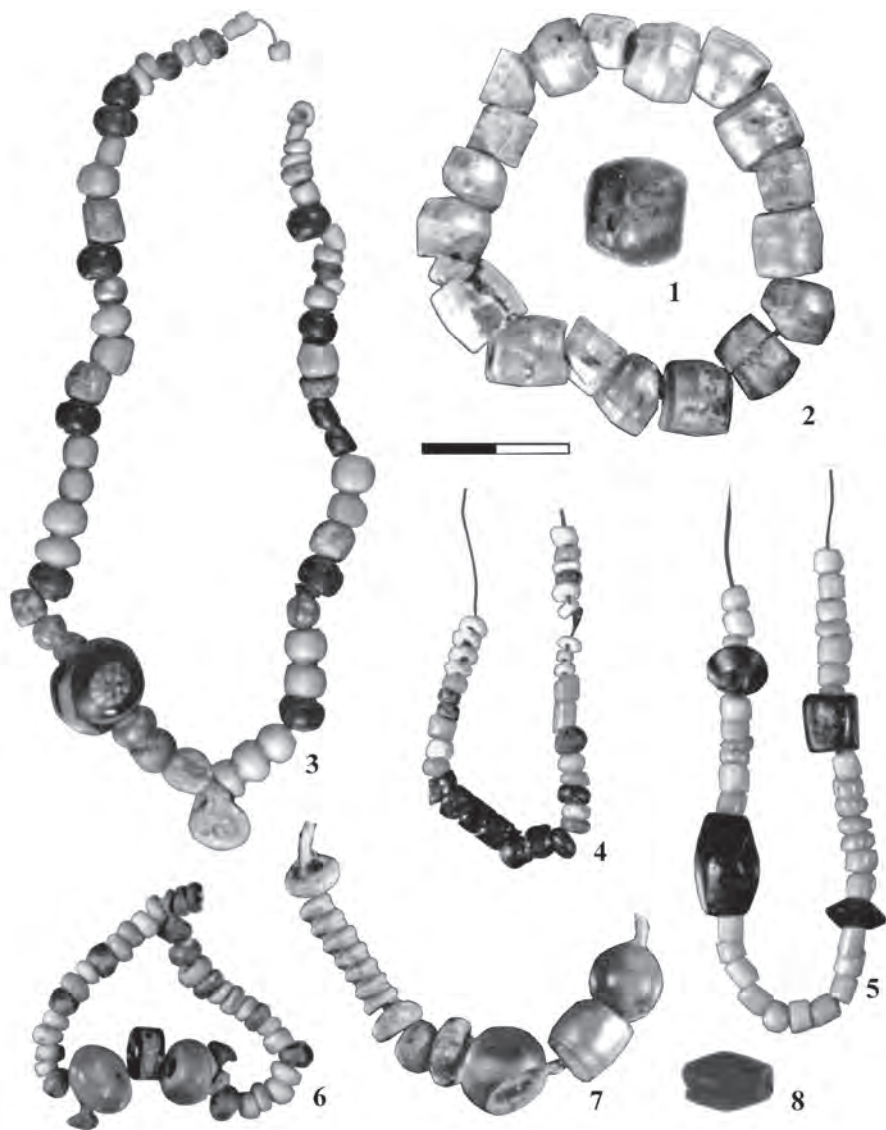

Рис. 124. Ожерелья из бус: 1 – п. 1 к. 3; 2 – к. 12;
3 – п. 2 к. 2; 4 – п. 1 к. 2; 5 – к. 9; 6 – п. 2 к. 8

середины X в., при этом на его вторую половину приходится большая часть таких находок; гораздо в меньшем количестве они встречаются в слоях первой половины XI в.⁷⁸ Такие бусы крайне редки на древнерусских памятниках Среднего Поднепровья, но в значитель-

⁷⁸Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. С. 170.

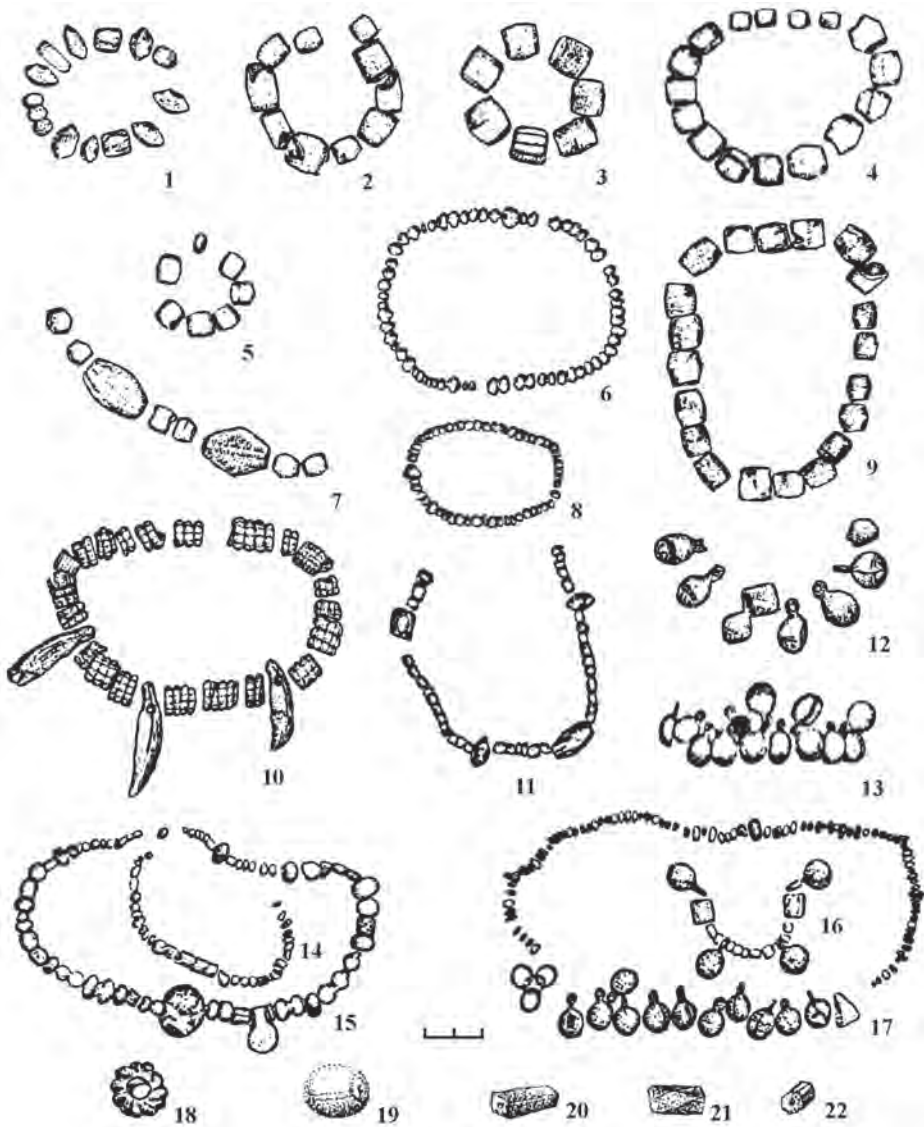

Рис. 125. Бусы: 1 – к. 1 п. 20; 2 – к. 17; 3 – к. 18; 4, 6 – к. 32; 5 – к. 34; 7 – п. 1 к. 25; 8, 13 – к. 39; 9 – к. 21; 10 – п. 1 к. 29; 11 – п. 1 к. 9; 12, 19 – п. 1 к. 20; 14 – п. 1 к. 2; 15 – п. 2 к. 2; 16, 17 – п. 2 к. 13; 18 – п. 3 к. 29; 20 – к. 10; 21 – п. 2 к. 13; 22 – п. 2 к. 8

ном количестве присутствуют в аланских катакомбных могильниках в районе соприкосновения салтовского и роменского ареалов⁷⁹.

Сердоликовых бус призматических форм в нашей коллекции немного – *п. 2 кургана 8, курган 10, п. 2 кургана 13* (Рис. 125, 20–23). В

⁷⁹Плетнева С.А. На хазарско-славянском пограничье. Табл. 6; С. 120–121.

качестве единичных находок представлены мозаичные (Рис. 124, 3) и пастовые синего цвета продольно-ребристые (Рис. 125, 3, 18) бусы, аналогии которым известны в материалах салтовских погребений. Имеются они и в слоях Новгорода, где датируются в рамках XII – начала XIII в.⁸⁰

Однако, подавляющую часть этой категории украшений представляют одноцветные стеклянные одинарные и многочастные (75 шт.), бочковидные золотостеклянные или с металлической прокладкой из серебряной и золоченой фольги (142 шт.), а также бисерные, преимущественно желтого цвета бусы. Последние обнаружены в четырех курганах (*погребения 1-2 кургана 2; курганы 11, 32 и 39*); их хронологию определяют в рамках X – начала XII вв.⁸¹

Стеклянные одинарные бусы по качеству стеклянной массы могут быть разделены на непрозрачные и прозрачные, хотя Б.А. Колчин считает возможным выделять еще и полупрозрачные. В данном случае такой необходимости нет. Многочастные бусы по форме можно разделить на гладкие и реберчатые («ягодовидные»). По количеству частей они распределились таким образом: по семь – 1 экз., по две – 30, по три – 3, по пять – 1. Добавим к этому 24 экз. одинарных круглых и 22 экз. одинарных реберчатых. По цвету в большинстве своем они изготовлены из непрозрачного темно-синего, зеленого, желтого, голубовато-серого стекла, и имеют широкие хронологические рамки бытования, будучи представлены как в салтовских могильных древностях и на памятниках волынцевского этапа волынцевско-роменской культуры, так и в материалах более поздних древнерусских поселений и могильников Среднего Поднепровья, а также в слоях Новгорода⁸².

Размеры бус колеблются в пределах 0,4–0,7 см, хотя в массе преобладают экземпляры диаметром 0,5–0,6 см; большинство многочастных относятся к дольчатым, причем дольки не всегда достаточно четко выделены, а зачастую едва намечены.

Среди одинарных одноцветных бусин можно выделить три группы: цилиндрические, реберчатые, зонные; все они изготовлены из

⁸⁰Плетнева С.А. На хазарско-славянском пограничье. — Рис. 65, 42; 63, 8; Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. Рис. 6.

⁸¹Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Рис. 25, 11, 35–36; 38, 9; 70, 27; Шапова Ю.Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. М. 1956. С.173.

⁸²Плетнева С.А. От кочевий к городам. Табл. 3; Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. Клад орудий труда и украшений с Битицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь. К. 1989; Петрашенко В.А. Древнерусское село. С. 100–102; Рис. 51; Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. С. 168; Рис. 6.

стеклянной непрозрачной массы синего цвета, имеют следы неровного среза, образывавшего угол по отношению к длинной оси.

Многочастные гладкие бусины изготовлены на желтой и зеленоватой основе с синими, голубыми и красными полосками; есть единичные экземпляры, основа которых имеет серую или светло-коричневатую окраску.

Говоря о бусах вышеописанных групп, следует упомянуть, что специалисты по древнерусскому стеклоделию отмечают их определенное сходство с аналогичными украшениями салтовской культуры. Их бытование на памятниках эпохи Киевской Руси, судя по всему, не выходит за пределы XII в.⁸³

Бочковидные с металлической золоченой или серебряной прокладкой бусы выявлены в погребениях 9 курганов (*п.2 кургана 2, п. 2 кургана 8, п. 2 кургана 9, курганах 10, 17-19, 21, п. 1 кургана 25, курганах 32 и 34*). Все они изготовлены из прозрачного стекла на непрозрачной основе; прокладка по ширине всегда меньше ширины самой бусины и примерно равна ее высоте; диаметр бусин в большинстве не превышает 0,5 см. Аналогичные бусы известны в салтовских могильниках, в небольшом количестве присутствуют на памятниках Среднего Поднепровья. В Новгороде Великом они появляются во второй половине X века, хотя наибольшее количество новгородских находок бус приходится на XI в., а к концу XII в., как считает Б.А. Колчин, выходят из употребления. Близкого мнения придерживается и М.В. Фехнер, которая отмечает деградацию этих изделий уже в конце X века, протекавшую до начала XIII в., что она усматривает во все более ухудшающемся качестве стекла и последующей замене металлической прокладки желтой или белой краской⁸⁴. В пределах рассматриваемого региона единичные находки таких бус встречены в древнерусском горизонте культурного слоя Донецкого городища, где они выявлены совместно со всеми вышеописанными изделиями этого рода⁸⁵.

Заканчивая рассмотрение этой категории украшений, следует обратить внимание на то, что на памятниках волжских булгар в бассейне Среднего Поволжья (Биляр, Измерь, Семеновское селище и др.) исследователи наблюдают весьма сходную картину распространения и номенклатуры бус, происходящих из тех же самых

⁸³Школьников Н.А. Стекланные украшения конца I-го тыс. на территории Поднепровья // СА. 1978. №1. С.97–104; Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М. 1972. С. 87–88.

⁸⁴Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. Рис. 6; С.168; Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. Труды ГИМ. 1959. Вып.33. С. 161.

⁸⁵Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Рис. 146.

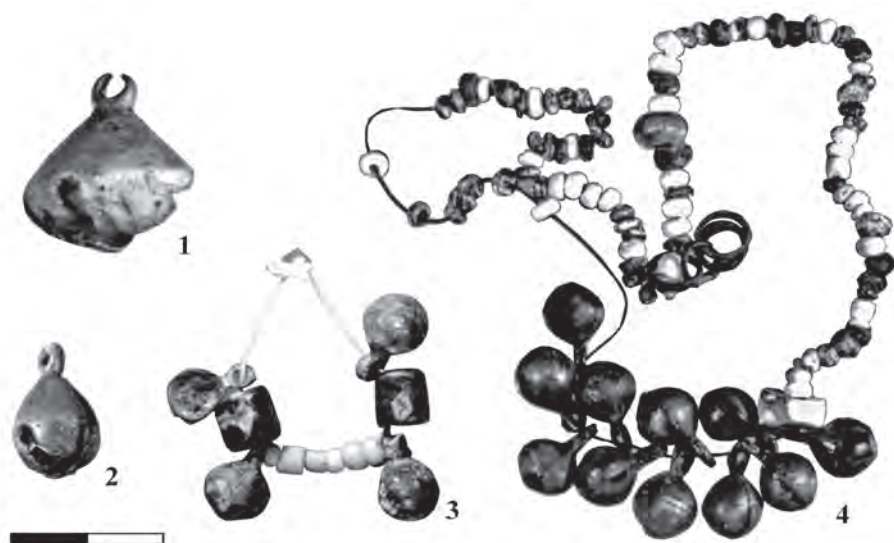

Рис. 126. Ожерелья с бубенчиками: 1 – к. 1; 2 – к. 34; 3, 4 – к. 9

ближневосточных центров их производства⁸⁶, точно также как и отмеченные выше процессы деградации производства.

В составе некоторых ожерелий из погребений под насыпями (*п. 2 кургана 2, п. 1 кургана 9, кургана 10, п. 1 кургана 20, кургана 39*) были обнаружены бронзовые пуговицы, общим количеством 45 (37) шт. Эти изделия по всей видимости были спаяны оловянным припоем из двух штампованных или литых половинок, с петелькой для подвешивания, проволоочной или отлитой вместе с частями пуговицы. Некоторые из них (14 экз.) украшены рельефным пояском из двух выпуклых линий по середине пустотелого корпуса, от которого опускались вертикальные выпуклые линии сплошного рифления нижней части (Рис. 125, 3, 4; 125, 12, 13, 16, 17).

В ожерельях они чередовались со стеклянными с золоченой прокладкой бусами или большими четырехгранными сердоликовыми бусинами, как в *кургане 10* (Рис. 74, 5). Другие пуговицы никакого декора на каких-либо частях поверхности не имели и обычно находились в составе ожерелий из многочастных гладких и полосатых бус, разделенных стеклянными золочеными и пастовыми (Рис. 126, 3). Подобное ожерелье обнаружено в *погребении 1 кургана 20* (Рис. 95, 8–11, 16–20).

⁸⁶Валиулина С.И. Стекланные бусы как источник по международным связям волжских болгар в VIII – нач. XIII вв. // Славяне, финно-угры, скандинавы и волжские булгары. СПб. 2000. С. 51–64.

Гладкие пуговицы без рифления могли и сами по себе составлять ожерелье, которое, будучи дополненным связкой из четырех серебряных колечек (диаметр 0,75 см), служило нашейным шумящим украшением. Именно такое обнаружилось при раскопках *погребения 1 кургана 9* (Рис. 126, 4), где оно находилось в костях верхней части грудины. Понятно, что в этом случае мы имеем дело именно с ожерельем, а не, как это полагала М.В. Седова, с пуговицами «для застегивания ворота рубах как мужских, так и женских»⁸⁷. Впрочем, случаи находок немногочисленных экземпляров таких изделий в области шейных позвонков, как будто бы допускают их использование и в качестве деталей костюма. Последнее особенно хорошо фиксируется в салтовских могильниках, в которых они рассматриваются специалистами исключительно как предметы одежды⁸⁸, и где ни в едином случае не отмечено находок ожерелий из пуговиц. Не известны такие находки на памятниках волжских и дунайских болгар, равно как и среди сибирских и среднеазиатских древностей XI–XIV вв.⁸⁹, да и большинству древнерусского населения Среднего Поднепровья и шире – южнорусских земель, такое использование их несвойственно⁹⁰.

Еще одну большую группу украшений составляют височные кольца (58 шт.), значительная часть которых дошла до нас в фрагментированном виде (18 экз.). Сравнительно хорошо сохранившиеся кольца относятся к числу простых, изготовленных из серебряной или бронзовой проволоки толщиной 1,5–2,5 мм. Их диаметр обычно составляет 2,0–2,5 см, в редких случаях превышает 3,5 см; концы либо сомкнуты (24 экз.), либо заходят друг за друга (12 шт.); круглая форма не всегда выдержана (Рис. 129, 3–16, 18, 19, 22–25, 28–38). Несколько экземпляров с несомкнутыми концами (Рис. 76, 2; 87, 1) не меняют общей картины, но нужно заметить, что именно такие височные кольца были найдены в составе клада на раннероменском Новотроицком городище (кв. У3)⁹¹, гибель которого

⁸⁷Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X – XV вв.). М. 1981. С. 155; Рис. 61, 3–7.

⁸⁸Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Рис. 24, 23; Рис. 38, 12, 13; Рис. 61, 30; Рис.70, 32, 33; Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Рис. 56; Ее же. Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж. 2006. Рис. 82, 24; Ее же. Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим. 1999. Рис. 24.

⁸⁹См.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981. Рис. 26; 37; 53; 62; 72; 82–84; 94.

⁹⁰По-видимому, это настолько очевидно, что А.П. Моця не считал возможным выделить пуговицы в качестве одной из категорий датирующих находок. См.: Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX – XIII вв. К. 1990.

⁹¹Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Табл. ХС1; С. 26.

датируется в пределах конца IX в. Аналогичные изделия, наряду с кольцами с сомкнутыми и заходящими концами, известны и по раскопаным Д.Я. Самоквасовым курганам близ известного Гочевского городища с материалами роменской и древнерусской культуры в верховьях р. Псел.⁹² Присущи височные кольца таких схем и славянскому населению Среднего Поднепровья, обычно отождествляемому с полянами и древлянами⁹³. Такого рода простые украшения могли изготавливаться на исследуемом поселении, на что, в частности, указывает найденный в культурном слое городища кусок гладкой бронзовой проволоки, сечением 0,2 см, длина которой 14,5 см, а один из концов сужен до острия иглы, в то время как на другом имеется след от рубящего орудия (Рис. 20, 5).

Среди проволочных височных колец выделяются своей массивностью некоторые более крупные экземпляры (Рис. 129, 3, 4). Все они, как правило, изготовлены из толстой проволоки (3,5–4,0 мм), имеют более выдержанную круглую форму и сомкнутые (паянные оловянистым припоем – ?) концы.

Однако наиболее интересными представляются находки в курганах 18, 33 височных колец, идентифицирующих племенную специфику личного убора. Речь, в первую очередь, идет о находке «северянских» спиральных височных колец в кургане 18 (три целых и одно фрагментированное), изготовленных из серебряной проволоки толщиной до 2,5 мм (Рис. 90, 1–4; 127, 12–15). Не меньший интерес вызывает и бронзовое посеребренное височное кольцо «радимичского» или «деснянского» типа с семью лучами, оформленными в виде лилеевидных фестонов каждый (Рис. 127, 18), найденное в погребении кургана 33. Данная находка наиболее полную аналогию имеет в упоминавшемся выше Гочевском курганном могильнике (по классификации Е.А. Шинакова – тип V, который, согласно его мнению, имеет корни в роменской культуре, хотя получает распространение с XI в. не только на собственно северянской территории, но и за ее пределами к северо-западу и северо-востоку)⁹⁴. Они в дальнейшем часто встречаются в пограничных районах племенных территорий северян и радимичей (брянское Подесенье и белорусское Посожье), становясь деталью личного убора преимущественно последних. Почти идентичное нашему эк-

⁹²Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М. 1915. Табл. XIV–XIX, XX–XXV.

⁹³Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. М. 1982. Табл. XXVII.

⁹⁴Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 2. С. 110–127; Его же. Население верхнего течения реки Псел в XI – XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1982. № 2. С. 93.

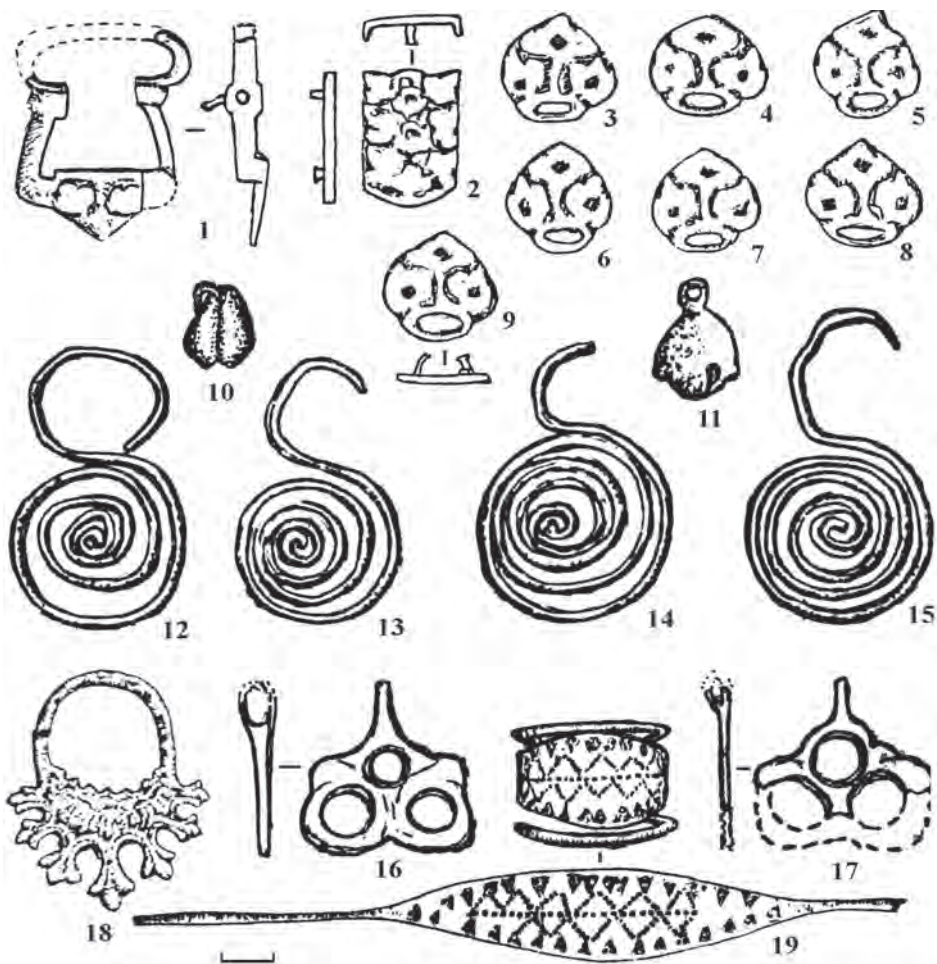

Рис. 127. Украшения из погребений: 1, 4, 7 – к. 14; 2 – к. 1; 3 – п. 1 к. 2; 5, 6, 8 – к. 5; 9 – п. 2 к. 13; 10, 12-15 – к. 18; 11 – к. 34; 16, 17 – п. 2 к. 2; 18 – к. 33; 19 – п. 2 к. 9. Материал: 1-9, 12-15 – серебро; 10 – раковина каури; 11, 16-19 – бронза

земляру височное кольцо именно такой схемы происходит из раскопок курганного могильника на Гомельщине⁹⁵. Примечательно, что обломок бронзового семилучевого височного кольца по схеме почти полностью аналогичного нашему экземпляру, обнаружен в древнерусских горизонтах Саркела – Белой Вежи (третий период по С.А. Плетневой), хронология которых определяется второй по-

⁹⁵Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С.151–157; Табл. XLV; XLVI, 11; Соловьева Г.Ф. Славянские курганы близ села Новый Кривск // КСИА. Вып.125. М. 1971. С. 65–68; Рис. 19, 2.

ловиной XI – началом XII вв.⁹⁶ Территориально ближайшие к Каменному находки происходят из Ницахи⁹⁷ и Лухтовского городища (Фото 27).

Возможно, роль подвесок к серьгам исполняли более массивные по сравнению с обычными проволочными височные кольца с уплощенным S-образно загнутым концом (Рис. 129, 27), обнаруженные в *курганах 17 и 32*. Аналогии таким изделиям известны как на древнерусских памятниках Среднего Поднепровья⁹⁸, так и практически во всех областях восточнославянского расселения⁹⁹.

На фоне проволочных височных колец, к сожалению, с большим трудом поддаются атрибуции серьги, часто изготовленные из той же бронзовой или серебряной проволоки и, к тому же, мало отличающиеся от первых и по формам. Определение также осложняется тем, что по мере разложения тела умершего в рыхлом грунте височные кольца сползают вниз, где при расчистке вполне могут быть истолкованы как украшения для ушей. Тем не менее, очевидно, именно серьги были обнаружены в нескольких курганах: *п. 2 кургана 3; курганы 10, 11, 16–18, п. 1 кургана 20, курган 32*.

Среди них выделяются два экземпляра с нанизанными бусинами (*п. 1 кургана 5 и курган 32*).

В первом случае это короткая бусина цилиндрической формы из непрозрачной стеклянной массы светлозеленого («бутылочного») цвета (Рис. 56, 8); в другом – бочковидная бусина, изготовленная из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой из золоченой фольги на светлосерой основе, со специально выделенными прозрачными краями (Рис. 129, 26). У обеих находок проволока согнута в форме капли, острием вверх; при этом один из соединяющихся концов преднамеренно заострен. При всей простоте схемы украшения, известной в различных регионах и культурах, точных аналогий данным экземплярам найти не удалось. Можно выделить находку из раскопок курганов близ Леплявы в Среднем Поднепровье, но в этом случае нанизанная на серьгу бусина имеет плоскую форму, а еще на одной похожей находке нанизано три бусины: две плоских и одна стеклянная многочастная¹⁰⁰. Еще одно схематически близкое украшение такого рода присутствует в

⁹⁶Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Табл. 82, 11.

⁹⁷Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя. Рис. 17, 43.

⁹⁸Село Київської Русі. Рис. 45:2, 46.

⁹⁹Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Табл. XXVII, 22, 25–26; XXX, 1; XXXI, 11, 40, 42; XL, 7.

¹⁰⁰Там же. Табл. XXVII, 24, 27.

древностях псковских кривичей, но и в этом случае справедливы замечания, высказанные по поводу приводимых выше аналогий¹⁰¹.

Зато более чем достаточно аналогий в составе разнокультурных и разновременных могильных древностей народов Евразии имеет небольшая раковина «каури» на петельке из медной проволоки, обнаруженная в кургане 18 (Рис. 90, 7). Обычно такие раковины интерпретируются как амулеты, что, по-видимому, может быть справедливым для более крупных экземпляров, однако миниатюрные размеры нашей находки (1,7 × 1,1 см) позволяют трактовать ее и в качестве украшения – подвески к ожерелью, что вовсе не исключает и двойного назначения данного артефакта, учитывая, что найден он в области подола платья¹⁰². Аналогичные находки были сделаны С.А. Плетневой при раскопках Дмитриевского катакомбного могильника салтовской культуры (катакомбы 107, 155, 173), время которых определяется концом IX – первым десятилетием X века¹⁰³. В кавказском аланском могильнике Мошчевая Балка, где хорошо сохраняется органика, раковины каури отмечены как в ожерельях, так и в специальной сумочке с амулетами, а целая серия амулетов из мелких костей оказалась нашитой изнутри на одежду¹⁰⁴.

В пределах рассматриваемого региона следует упомянуть курганный могильник у с. Броварки Полтавской губернии, в 1902 г. раскапывавшийся В.В. Хвойкой. Под насыпью одного из них было раскрыто женское погребение древнерусского времени со специфическими северянскими височными кольцами и налобным венчиком, украшенным тремя раковинами каури¹⁰⁵. Примечательно, что раковины каури в значительном количестве обнаружены и в могильниках более позднего времени. Так, например, при исследовании бескурганых погребений близ с. Новохарьковка в пойме р. Ольховатка (Правобережное Подонье) обнаружены несколько погребений с раковинами, датированные XIV в.¹⁰⁶

Вероятно, также не местного, а, скорее, северного происхождения и две ажурные серебряные подвески, выявленные в п. 2 кургана 2 в составе ожерелья (Рис. 58; 127, 16, 17), хотя полных аналогий им среди финно-угорских могильных древностей обнаружить не

¹⁰¹Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Табл. LI, 2, 8.

¹⁰²Если, конечно, последнее не результат деятельности землеройных животных.

¹⁰³Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Табл. 20; 21; С. 283.

¹⁰⁴Jerusalimskaja A.A. Die Gräber der Moščevaja Balka: Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. München, 1996. Abb. 21; 22; 25; 46.

¹⁰⁵Хвойко В.В. Раскопки могильника при с. Броварки Гадячского у. Полтавской губ. // Древности: Труды МАО. М. 1904. Т. XX. Вып. 2. С. 40–48.

¹⁰⁶Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж. 2002. С. 30–31, 35, 39, 53 и др.

удалось. При некоторой толике воображения нечто близкое можно усмотреть в деталях одежды и украшениях балтийских племен, однако при определенном сходстве схемы, в отличие от наших пластинчатых, их подвески изготовлены из бронзовой или серебряной проволоки¹⁰⁷. Более близкими можно признать аналогичные подвески из погребений в курганных могильниках на племенной территории радимичей, раскапывавшихся П.М. Еременко в Новозыбковском и Суражском уездах Брянской губернии в 90-х гг. XIX в., хронология которых по материалу определяется в рамках XI–XII вв. Существенным отличием является то обстоятельство, что радимичские подвески изготовлены из профилированной (ромбической в сечении) и орнаментированной насечкой довольно толстой проволоки¹⁰⁸.

В коллекции из Каменного бубенчики (Рис. 37, 4; 126, 1, 2) представлены четырьмя экземплярами, один из которых, изрядно поврежденный, происходит из культурного слоя городища, в то время как остальные – из подкурганных погребений (*курганы 1, 10, 34*). Все они имеют грушевидную форму, прорезь в виде креста с каплевидным оформлением ее концов, зачастую достигающих середины корпуса. Наиболее широкая часть, приходящаяся на середину изделия в двух случаях украшена рельефным пояском, от которого в нижней части отходят рельефные лучи (*курганы 1 и 34*). От них отличается своей резко уплощенной нижней частью и отсутствием какого-либо орнамента бубенчик более крупных размеров (2,6 × 2,3 см), обнаруженный в урне с прахом сожженного на стороне в кургане 10 (Рис. 37, 4). Этот экземпляр находит точную аналогию в одном из погребений X–XI вв. на могильнике у поселения Григоровка на Каневщине¹⁰⁹.

Изделия такого рода были довольно распространены на всей территории Киевской Руси, равно как и среди археологически разнотипных древностей народов Евразии; в слоях Новгорода такие формы бубенчиков имеют крестовидную прорезь и датируются с середины X до начала XII века¹¹⁰, сменяясь в XII–XIV вв. шаровидными со щелевидной прорезью. Почти полную аналогию на-

¹⁰⁷Седов В.В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М. 1987. С.354–365, 411–419; Табл. СXXXVII, 28; CVI, 2, 9.

¹⁰⁸Его же. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 151–157; Табл. XLVI, 13; Соловьева Г.Ф. Славянские курганы близ села Новый Кривск // КСИА. Вып.125. М. 1971. Рис. 19, 12.

¹⁰⁹Петрашенко В.А. Древнерусское село. Рис. 49, 2.

¹¹⁰См.: Село Київської Русі. Рис. 42; 45; Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Табл. 4–9; Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М. 1981. Рис. 26–27; 33; 37; 62; 72; 83–84; Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. Рис. 8.

шему экземпляру из кургана 10 представляет находка из раскопок поселения у с. Минино на берегах Кубенского озера, материалы которых укладываются в рамки конца X – начала XII в.¹¹¹ Широко представлены бубенчики и в материалах памятников салтовской культуры, хронология которой лежит в пределах второй половины VIII – середины X века. Правда, для салтовских бубенчиков более характерны шаровидная форма и щелевидная прорезь, а при наличии крестообразной (крайне редко) ее концы не имели каплевидного оформления¹¹².

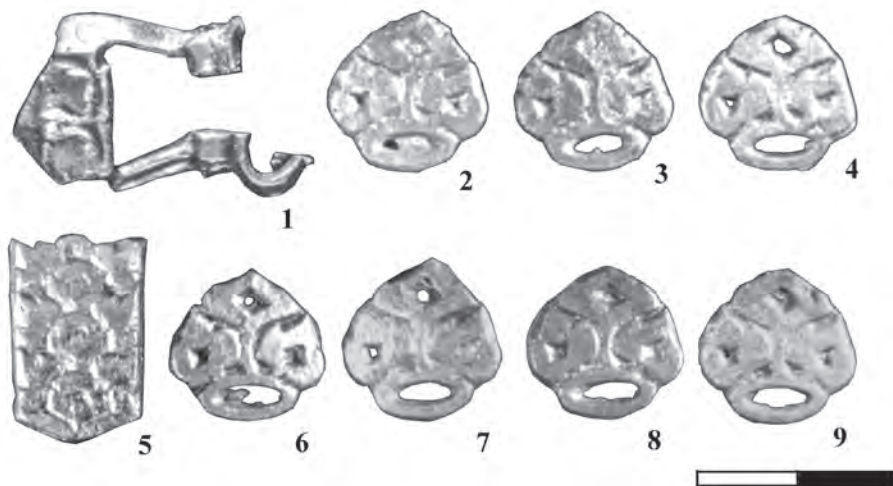

Рис. 128. Серебряные украшения салтовского пояса: 1, 8, 9 – к. 14; 2 – п. 1 к. 2; 3, 4, 6 – к. 5; 5 – к. 1; 7 – п. 2 к. 13

Небольшая, но весьма значимая группа предметов салтовского круга обнаружена и в курганном могильнике у с. Каменное (Рис. 128). Эти вещи – фрагментированная поясная серебряная пряжка и две поясные бляшки (*курган 14*), поясной наконечник из кургана 1 и еще пять бляшек из погребений, совершенных по еще не вполне христианскому обряду трупоположения (*п. 1 кургана 2; курган 5, п. 2 кургана 13*), поначалу вызвали недоумение своим оче-

¹¹¹Макаров Н.А., Захаров С.Д. Археологическое изучение севернорусской деревни: первые итоги раскопок поселения Минино на Кубенском озере // Славяне, финно-угры, скандинавы и волжские булгары. СПб. 2000. С. 154; Рис. 3, 22, 25.

¹¹²Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. С. 221; Рис. 24; Ее же. На славяно-хазарском пограничье. Рис. 57, 1–4; Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Рис. 15, 44; Рис. 24, 34; Рис. 47, 20; 70, 27.

видным анахронизмом. Все названные вещи бытовали в costume населения салтовской культуры¹¹³.

Исследователи славянских памятников Днепровского Левобережья предгосударственного периода отмечали в материальной культуре населения раннего этапа вольтинцевско-роменской культуры присутствие некоторых салтовских элементов, что, в частности, относится и к украшениям, и к деталям одежды¹¹⁴. Это было довольно обычным явлением для синхронных и географически близких, пусть и различных в этническом отношении, массивов. К тому же, их пребывание на близких уровнях социально-экономического развития весьма способствовало спорадической диффузии культурных приобретений. Благоприятствовала этому и военно-политическая ситуация на степных пространствах прикаспийско-причерноморского бассейна, которая объективно характеризовалась доминированием Хазарского каганата в VIII–IX вв.

Во второй половине IX в. происходит изменение внешнеполитической ситуации на границах каганата, причем важную роль сыграло образование древнерусского государства с центром в Киеве и военная активность русских князей; уже в начале X в. отмечается упадок салтовской культуры. Ее гибель с одной стороны и культурная нивеляция населения в масштабах Киевской Руси – с другой, приводит к исчезновению салтовских импортов. Говоря об этом, А.В. Григорьев склонен считать, что такая картина имела место уже в IX в., а в первой половине X века салтовские вещи встречаются на роменских памятниках рассматриваемого региона в единичных случаях¹¹⁵. С этим утверждением, особенно в его второй части, трудно не согласиться: действительно, с первого десятилетия X в. Хазарская держава вступает в финальный период своей истории. Первая же часть сентенции нуждается в определенной корректировке.

На самом деле, на протяжении всего IX века экономическое положение Хазарского каганата было достаточно прочным, а его политическое доминирование на юге Восточной Европы еще не могли существенным образом поколебать ни давление новых волн кочевников на восточные границы (угры, гузы, печенеги), ни эпизодические разбойничьи набеги Руси на южные и западные (Прикаспий, Северный Кав-

¹¹³Плетнева С.А. От кочевий к городам. Рис. 44, 10, 25, 52.

¹¹⁴Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Рис. 15, 17; Его же. Днепровское лесостепное Левобережье. С. 268–304; Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках вольтинцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1987. С. 77–85.

¹¹⁵Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С. 124.

каз, Поволжье) рубежи. И, конечно же, в это время государственная культура каганата, созданная населявшими его народами, продолжала оказывать ощутимое влияние на сопредельные племена, в том числе и на близлежащее славянское население бассейна р. Дон и Днепровского лесостепного Левобережья, не исключая и обитателей Среднего Поднепровья, куда продолжали поступать салтовские вещи. Примечателен в этом плане факт находки на Каневщине поясной пряжки с изображением мужских лиц, выполненных рельефом на всех четырех углах рамки, наряду с антропоморфной бляшкой от поясной гарнитуры, которая имеет аналогии в поздней группе катакомб Дмитриевского могильника, а также погребениях по обряду трупосожжения из раскопок могильника у с. Сухая Гомольша¹¹⁶.

В X веке, особенно после поражения Хазарии от мечей дружинников Святослава Игоревича, импорт салтовских украшений в Среднее Поднепровье резко сокращается, но в изрядно усеченном виде все еще сохраняется в среде финно-угорского населения бассейна верховий Оки и в ареале боршевских памятников, в качестве единичных предметов проникая время от времени и на роменские поселения в бассейне Северского Донца¹¹⁷.

Словом, к моменту появления городища у с. Каменное, казалось бы, вряд ли возможно говорить о сколько-нибудь существенных салтовских влияниях в быту и одежде его роменско-древнерусских основателей. И все же, в четырех погребениях некоторые элементы салтовской культуры были выявлены, что требует какого-то логичного объяснения. Посему имеет смысл обратиться к самим вещам.

Прежде всего, за исключением костяка в *кургане 13*, все остальные погребения с вещами салтовской культуры производят впечатление умышленно разрушенных, что, главным образом, относится к костям в области грудины и живота. Поэтому установить первоначальное положение на скелете салтовских вещей можно только предположительно. Все же в этом можно увидеть определенную закономерность, которая заключается в том, что, кроме погребения в *кургане 1*, где салтовский наконечник находился под костями разрушенного таза, во всех других случаях они находились в левой части тела погребенного (*курган 5* — три бляшки слева в области ре-

¹¹⁶Петрашенко В.А. Древнерусское село. Рис. 11, 3, 4; См. также: Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Рис.87, кат. 118; Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Рис. 47, 6; 69, 40.

¹¹⁷Изюмова С.А. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М. 1989. С. 211; Москаленко А.Н. Славяне на Дону. Воронеж. 1981. С. 138, 139; Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. Рис. 20, 17-21, 27-28, 32, 34; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. С. 120.

бер; *курган 13* – бляшка слева в области таза; *курган 14* – фрагменты пряжки ниже таза; ближе к левой бедренной кости – две бляшки).

Обращает на себя внимание и относительная бедность инвентаря погребений в названных курганах, что вряд ли возможно объяснять только преднамеренным разрушением скелетов. Представляется довольно существенным и то, что почти во всех погребениях с салтовскими вещами, исключая *курган 13*, присутствуют зола и угольки, а в *кургане 1* под кострищем на уровне погребения – обломки лепной роменской посуды. Справедливости ради, следует заметить, что зола и угольки в том или ином количестве присутствуют в насыпях еще девяти курганов, а фрагменты лепной керамики сопровождают еще четыре погребения. Однако, сочетание аскетически скудного инвентаря с названными признаками заставляет думать об особом положении этих погребений относительно большинства захоронений, при том, что все они (кроме *кургана 10*) содержат трупоположения в вытянутом на спине положении и с западной ориентацией умершего.

Помимо этого, на некоторых из бляшек отсутствует парность штифтов с обратной стороны, так что (если они были обломаны при эксплуатации) они не могли обеспечить надежного крепления. Это допускает возможность их использования не по прямому назначению, а – предположим – в качестве подвесок, которые могли служить не столько украшением, но и, что вероятнее, в виде амулетов-оберегов. Но это только предположения, отнюдь не исключающие и иных толкований.

Среди группы украшений в нашей коллекции присутствует серия проволочных перстней. Как правило все они крайне плохой сохранности и при расчистке часто оказываются фрагментированными. Тем не менее удалось собрать девять перстней. Практически они ничем существенно не отличаются от проволочных височных колец с несомкнутыми концами, будучи изготовленными из такой же медной или серебряной проволоки. Исключение составляет «усатый» перстень из *п. 2 кургана 9* (Рис. 72; 127, 19). Одна из ранних находок перстней такого типа в рассматриваемом регионе происходит из материалов раскопок городища Новотроицкое; ранние аналогии имеются на памятниках Великой Моравии¹¹⁸. На нашей территории они отличаются техникой нанесения орнамента («волчий зуб») и входят в состав украшений славян боршевской культуры (Архангельское го-

¹¹⁸Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Табл. XCII, 9; Chropovski B. Slovanske pohrebisko v Nitre na Lupke // SA. 1962. T. X-I. Tabl. XIII, 2.

родище на р. Воронеж), а в древнерусское время иногда встречаются в курганах Гочева (*курган 32*) и Кветуни (*курган 54*)¹¹⁹. Близкой по схеме самого изделия и деталям орнаментации является находка перстня из раскопок курганного могильника у с. Городное в междуречье Ворсклы и Северского Донца (*курган 47*)¹²⁰. Обычно их хронология определяется от IX в.¹²¹, не выходя за пределы XII в.

Наручные украшения в коллекции находок из раскопок у с. Каменное представлены медными проволочными (2) и стеклянными (1) браслетами. При этом примечательно, что все они фрагментированы и найдены в культурном слое городища и селища (Рис. 20, 2, 3; 47, 2). Найденные на городище два браслета скручены из трех жил медной проволоки (1,2 мм в сечении) с петлевидным оформлением концов.

Аналогии им известны в материалах раскопок на всей территории ареала древнерусских памятников, где они имели бытование с региональными модификациями в оформлении концов и количестве скрученных жил. Они распространены на поселениях и в могильных древностях дреговичей и радимичей на территории современной Беларуси, в земле вятичей¹²²; в гораздо меньшем количестве они присутствуют в регионе Среднего Поднепровья¹²³, практически отсутствуя в ареале боршевской культуры¹²⁴, как и среди древнерусских памятников Поднестровья, население которых, по-видимому, отдавало предпочтение пластинчатым браслетам¹²⁵. В пределах рассматриваемого региона находки проволочных витых браслетов обнаружены в Ницахе (Фото 18, *латунный фрагмент*), Лухтовке, на Донецком городище, в материалах раскопок Д.Я. Самоквасова курганов Гочевского могильника, а также в древнерусском слое Белой Вежи¹²⁶. Хронология таких браслетов в целом определяется рамками второй половины XI – XIII веков¹²⁷.

Стеклянные браслеты были значительно более широко распространены на территории восточнославянских земель, вошедших в

¹¹⁹Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. Рис. 20, 14; Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX – XIII вв. Табл. 7.

¹²⁰Моруженко А.А., Косиков В.А. Курганы у с. Городное // СА. № 1. 1977. С.281–289.

¹²¹Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. Рис. 44; С. 136.

¹²²Очерки по археологии Белоруссии. Минск. 1972. Рис. 11; 12; Никольская Т.Н. Земля вятичей. М. 1981. Рис. 39, 17; Рис. 85, 2, 7.

¹²³Село Київської Русі. Рис. 42, 38, 39; Рис. 46, 51; Петрашенко В.А. Древнерусское село. Рис. 48, 5.

¹²⁴Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. Рис. 20.

¹²⁵Возний І.П. Чорнівська феодальна укріплена садиба XII–XIII ст. Фото 82.

¹²⁶Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Рис. 143, 1; Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Рис. 82, 4, 6–8.

¹²⁷Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. Рис. 8.

состав Киевской Руси, но в нашей коллекции они представлены всего одним обломком из синего стекла (Рис. 47, 2). Большинство исследователей считают местом их производства Киев, мастерские которого обеспечивали своей продукцией в XII – середине XIII вв. огромную территорию древнерусского государства¹²⁸.

В нашей коллекции имеется группа предметов, которые служили не столько украшениями, сколько несли определенную социально значимую нагрузку. Это обломок бронзовой лировидной пряжки, найденной в культурном слое на городище (Рис. 20, 4) и четыре гривны, выявленные в курганах 10, 16, 37 и 39 (Рис. 129, 20, 21, 39, 40).

Лировидные пряжки являются частью поясной гарнитуры, мода на которую, по мнению М.В. Седовой, на Русь пришла с Востока, «возможно, через Хазарский каганат», а в культурных слоях Новгорода Великого они появляются не ранее первой четверти XI в.; их существование продолжается до 90-х гг. XII в.¹²⁹ Такие пряжки были распространены среди племен и народностей территории евразийского континента настолько, что только перечисление и описание аналогий могло бы стать предметом отдельного исследования¹³⁰. Поэтому имеет смысл указать лишь на наиболее хронологически и территориально близкие аналогии.

Наш экземпляр относится к группе изделий, характерной деталью которых является овальная рамка с островыпуклым продольным ребром, прерываемым «лилиевидным» приемником язычка; рамка крепления ремня обломана. Изделие отлито из качественной бронзы, на поверхности заметен слой благородной патины. Близкие схемы есть на памятниках Среднего Поднепровья¹³¹, в земле вятичей¹³², а также в древнерусских слоях Саркела – Белой Вежи¹³³. В пределах рассматриваемой территории наиболее близкими ока-

¹²⁸Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М. 1972. С.103–175; Никольская Т.Н. Земля вятичей. С. 237; Лысенко П.Ф. Берестье. Минск, 1985. С. 41; Равдина Т.В. Стекланные браслеты Серенска // КСИА. Вып. 155. М. 1978. С. 76.

¹²⁹Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). М. 1981. С.144.

¹³⁰См.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М. 1981. Рис. 15, 55; Рис. 55, 6; Рис. 26, 27; Рис. 37, 109, 128; Рис. 52, 65; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М. 1987. Табл. LXXVII, 23; Очерки по археологии Белоруссии. Рис. 12; Рис. 54, 18; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. 1966. С. 44; Рис. 7, Б-1 и т.д.

¹³¹Село Київської Русі. Рис. 45, 52; Петрашенко В.А. Древнерусское село. Рис. 49, 4-б.

¹³²Никольская Т.Н. Земля вятичей. Рис. 100, 1, 2; Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона. Рис. 30, 1, 2; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Табл. XXX, 30; Табл. LX, 9, 11, 14.

¹³³Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Рис. 82, 26, 28, 31.

зываются находки из Жовнинского могильника, а также из курганного некрополя у с. Гочево¹³⁴.

Другой важной серией особых находок в нашей коллекции являются гривны, которые, как полагают некоторые исследователи, представляют собой довольно немногочисленную категорию погребального инвентаря, лишь в единичных случаях встречаясь на поселениях. Так, например, Т.Н. Никольская считает, что гривна являлась довольно значимым и престижным элементом личного убора, как бы знаковым свидетельством отнюдь не рядового прижизненного имущественного положения¹³⁵, опираясь при этом на разработки Г.Ф. Корзухиной и М.В. Фехнер, определявших появление шейных украшений этого рода в пределах восточнославянских земель не позднее IX в.¹³⁶

Приведенные выше соображения специалистов дают основания утверждать, что эта категория украшений имела существенное социально значимое содержание. Мода на ношение гривен, распространившаяся в конце X – начале XI вв. и в среде сельского населения «глубинки» древнерусских земель, постепенно угасая, прекращается в конце XII – начале XIII вв.¹³⁷

По количеству найденных в погребениях гривен наш могильник сопоставим разве что с могильниками финно-угров и балтов, где такие вещи являются чуть ли не рядовым инвентарем. Это обстоятельство дает основания некоторым археологам связывать появление таких украшений у славян Днепровского Левобережья именно с северо-западными территориями Восточной Европы, вместе с тем не отрицая и культурных влияний населения бассейна Дуная. В последнем случае обычно принято ссылаться на присутствие гривен в составе Харьевского клада¹³⁸, датированного первой половиной VIII в. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что среди финно-угорского населения Волго-Окского междуречья прототипы гривен восходят к VI в., если не ранее¹³⁹.

В той или иной мере, с различными локальными модификациями в их изготовлении, эти престижные украшения на переломе обще-

¹³⁴Моця О.П. Населення південно-руських земель IX – XIII ст. Рис. 19; 24.

¹³⁵Никольская Т.Н. Земля вятичей. С. 115.

¹³⁶Корзухина Г.Ф. Русские клады IX – XIII вв. М.-Л. 1954. С. 62, 63; Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X – XII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М. 1967. С.55–74.

¹³⁷Фехнер М.В. Шейные гривны. С. 564; Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. С.22–23.

¹³⁸Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. С.122–123, 125, 133–137.

¹³⁹Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М. 1987. С.81–92; 97–107; Табл. XXXIII; XLV.

ственного развития от первобытно-общинного строя к классовому, присутствуют в среде практически всех восточнославянских племен¹⁴⁰.

На территории древнерусского Среднего Поднепровья гривны относятся к числу редких находок, а в рассматриваемом регионе — междуречье Сулы и Северского Донца, специально исследовавший погребальные памятники южнорусских земель А.П. Моця учел всего шесть экземпляров (Зеленый Гай, Журавное, Горналь, Рождественское — по 1 экз., Гочево — 2 экз.)¹⁴¹. Если верить приводимым им сводкам, количество таких находок в могильнике у с. Каменное (раскопано 40 курганов) в пропорциональном отношении далеко позади оставляет известный Гочевский курганный могильник (исследовано 648 курганов из более чем 3600)¹⁴². Видимо, находясь в плену своей ошибочной концепции о выселении северян с территории своего обитания в первой трети XI в., А.В. Григорьев не считает возможным относить шейные гривны указанных типов к набору северянских племенных украшений¹⁴³. Это не может не вызывать недоумения, учитывая присутствие железной гривны в характерном роменском трупосожжении *кургана 10*.

Железным гривнам (Рис. 129, 20, 39), по мнению специалистов, принадлежит хронологическое первенство: их связывают с импортами скандинавского происхождения и датируют IX–X вв.; в Новгороде экземпляр из крученой четырехгранной в сечении железной проволоки обнаружен в слое второй половины X в.¹⁴⁴

Наши находки (*из курганов 10 и 39*) аналогичны находке из Новгорода Великого, дополняя представление о железных гривнах некоторыми деталями, на новгородском экземпляре отсутствующими. Обе наши гривны изготовлены из железной проволоки, сечением 0,45–0,5 см, ложновитые таким образом, что первоначальную форму сохраняют концы (на 8,0 и 8,3 см у гривны из *кургана 10* и на 3,0 и 5,0 см у гривны из *кургана 39*). Оба экземпляра близки по параметрам: размеры гривны из трупосожжения в *кургане 10* составляют 13,6 × 15,8 см, а диаметр шейного украшения из трупоположения в *кургане 39* — 15,1 см при сечении квадратного стержня 0,35–0,4 см. Обе гривны фрагментированы, что не позволяет полностью восстановить способ сцепления концов, но на обоих сохранились остатки

¹⁴⁰Седов В.В. Восточные славяне в VIII–XIII вв. С. 90–196.

¹⁴¹Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Табл. 7.

¹⁴²Там же. С.130.

¹⁴³Григорьев А.В. Северская земля в VIII – нач. XI века. Рис. 44.

¹⁴⁴Фехнер М.В. Шейные гривны. С. 62, 63; Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово. М. 1991. С. 175–178; Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. С. 23.

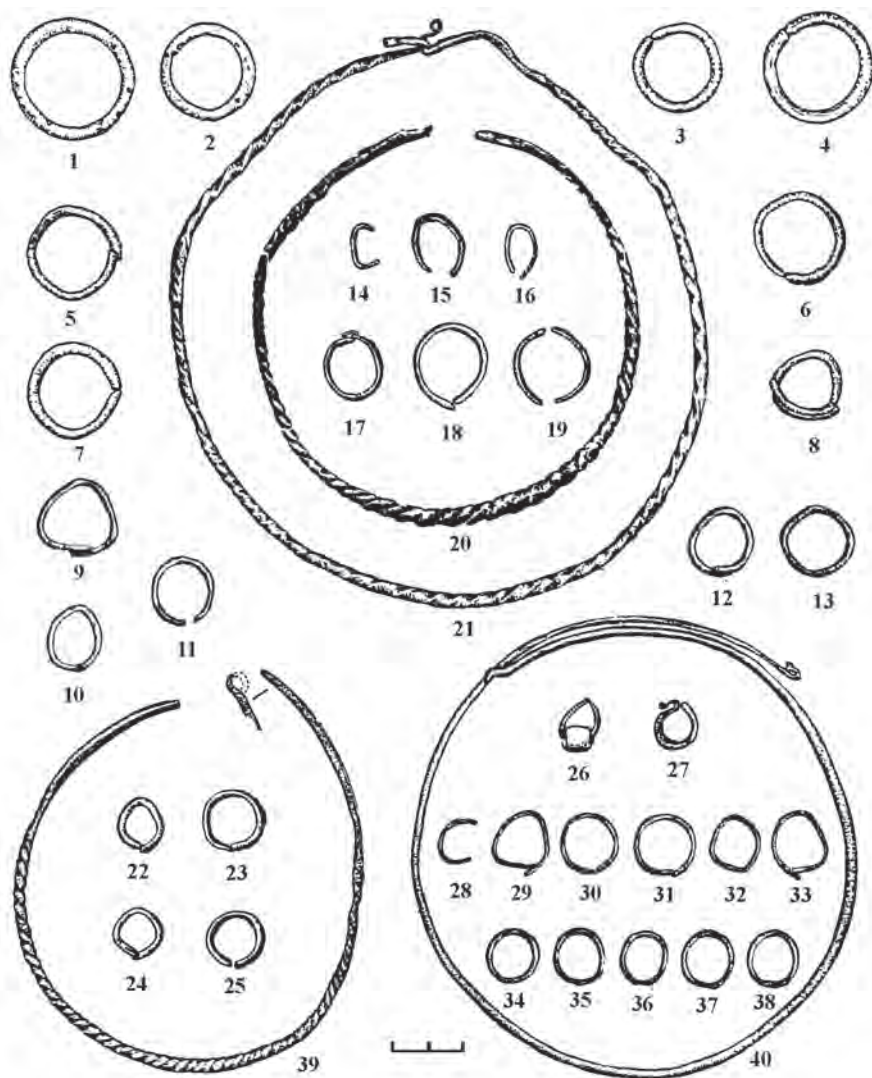

Рис. 129. Украшения: кольцевые пряжки (1, 2), височные кольца и серьги (3-19, 22-38), гривны (20, 21, 39, 40): 1 – п. 1 к. 28; 2-4, 5-7 – п. 1 к. 25; 9-11, 26, 27 – к. 32; 12, 13 – п.1 к. 33; 14-16, 21 – к. 16; 17-19, 22-25 – п. 1 к. 20; 20 – к. 10; 28-33, 39 – к. 39; 34-38 – к. 34; 40 – к. 37. Материал: 3, 4, 6, 8, 9-13, 22-25, 27 – серебро; 20, 39 – железо; остальные – бронза, медь

крючков в виде специально согнутой петли. На это, в частности, может указывать и то, что в обоих случаях отмечается сужение сечения именно этой части гривны, на которой технологически предусмотрено сохранение исходной четырехгранной формы проволоки (витой крючок создавал бы трудности при сцеплении концов). По-

видимому, именно такая схема замка существовала на экземпляре гривны из древнерусского слоя Саркела — Белой Вежи, хотя в целом она изготовлена совершенно в иной технологии (вдвое скрученный бронзовый дрот, образующий петлю на одном из концов)¹⁴⁵.

Полных аналогий гривен с такой схемой замка среди древностей восточнославянских племен отыскать не удалось: есть некоторые экземпляры с относительными чертами сходства в материалах раскопок могильников смоленско-полоцких кривичей и кривичей полоцких¹⁴⁶, но это сходство легко назвать весьма и весьма натянутым. Зато в могильных древностях финно-угорских племен, населявших бассейн Оки и, как известно, довольно рано включенных в состав Киевской Руси, говорить о таком сходстве шейных украшений более правомерно, хотя, впрочем, и не без оговорок. Таковы, например, образцы из курганов у с. Кошибеево и Кузьминки в Рязанско-Окском регионе¹⁴⁷, в инвентаре погребений марийцев XII–XIII вв. (Починковский могильник), а также в материалах погребальных памятников удмуртских племен, оставивших полемскую и чепецкую культуры¹⁴⁸.

Помимо того, что несмотря на сходство схемы сцепления концов гривны, последние аналогии слишком удалены от рассматриваемого региона в территориальном отношении, все они, как правило, изготовлены из цветных металлов (бронза, билон, серебро). Более существенно, что приведенные в качестве аналогий образцы изготовлены с применением разных технологий производства шейных украшений: здесь часто применяется не скручивание исходного прутка, а навивание на круглую в сечении гладкую основу тонкой проволоки меньшего сечения.

Два других экземпляра (*курганы 16 и 37*), относятся к числу изделий из сплава цветных металлов, они имеют гораздо лучшую сохранность. Первый из них сделан из ложновитого биллонового прута, четырехгранного в сечении ($0,4 \times 0,4$ см), но скрученного таким образом, что окончания сохранили исходное сечение дрота, а сами концы на 4,0 и 2,5 см расплющены и загнуты в противоположные стороны соответственно на 1,0 и 1,5 см (Рис. 129, 2I). Ее размеры составляют $14,4 \times 15,2$ см.

Вторая гривна (*курган 37*), в отличие от вышеописанной, сохранила форму правильного круга, изготовлена из круглого в сечении бронзового гладкого дрота ($0,25\text{--}0,3$ см); концы заходят друг за друга

¹⁴⁵Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Рис. 82, 25.

¹⁴⁶Седов В.В. Восточные славяне в VIII–XIII вв. Табл. I, 2; LI, 26.

¹⁴⁷Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М. 1987. Табл. XXXIX, 7.

¹⁴⁸Там же. С.107–115; 130–135; С.135–144; Табл. LIII, 3; Табл. LX, 10; Табл. LXII, 20.

на 11,5 см. (Рис. 129, 40). При этом один из концов заужен и завернут S-видной петелькой в горизонтальной плоскости, в то время как второй, видимо, был снабжен крючком (сам кончик обломан), назначением которого было охватывать первый (с петлей). Подобные экземпляры имеют гораздо большее распространение среди восточнославянских могильных древностей. Гривны из гладкого прутка с заходящими концами известны у волян, дреговичей, северян¹⁴⁹, однако схему замка, аналогичную нашей находке с некоторым допущением можно отыскать лишь на гривнах из курганов смоленско-полоцких кривичей и из погребений в могильниках региона Волго-Клязьминского междуречья¹⁵⁰. Для полноты картины следует указать, что и в могильниках финского (чудь, меря, мурома) населения, обитавшего к северо-западу от племенной территории северян, имеются частично гладкие, частично ложновитые гривны с заходящими концами и относительно близкой схемой сцепления концов в замок¹⁵¹. Однако все это сравнительно далекие аналогии, а наиболее близкой приходится признать, несмотря на некоторые отличия деталей, гривну из кургана 37 огромного некрополя близ с. Гочево в верховьях Псла¹⁵².

Хронологически украшения могильника охватывают период второй половины X – XII в. (детальнее см.: *Приложение 3*).

¹⁴⁹Седов В.В. Восточные славяне в VIII–XIII вв. Табл. XXVI, 4; XXIX, 3; XXXVIII, 6.

¹⁵⁰Там же. Табл. L, 2; LIX, 13.

¹⁵¹Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые памятники чуди заволочской // СА. №4. 1984. С. 197–216; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М. 1987. С.64–65; 67–81; Табл. XXIII, 11; XXX, 17.

¹⁵²Седов В.В. Восточные славяне в VIII–XIII вв. С. 133–140; Табл. XXXVI, 2.

Глава IV

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩИНЫ ПОСЕЛЕНИЯ У с. КАМЕННОЕ

IV.1. Духовная культура

Реконструкция духовной культуры древних сообществ справедливо считается одной из труднейших задач исторической науки. Это в особенности усложняется отсутствием письменных документов, которые были бы в состоянии донести до нас какие-то сведения, поведавать о верованиях и обычаях отдаленных во времени предшествующих поколений. Да и при наличии последних требуется немало усилий, чтобы, очистив их от «пены злободневности», воссоздать подлинную картину духовной жизни наших предков, по возможности, отражающей реалии соответствующей эпохи. И только археология имеет в своем распоряжении источники, позволяющие делать это, опираясь на материальные, вещественные свидетельства. Больше всего таких свидетельств и артефактов археолог получает при раскопках могильников.

IV.1.1. Погребальный обряд

Все погребения могильника у с. Каменное, исключая *курган 10*, содержащий захоронение в урне по обряду трупосожжения на стороне, являются ингумациями, совершенными по близкому к христианскому обряду: в вытянутом на спине положении, ориентированы головой на запад, с обращенной на восток лицевой частью черепа.

Сразу же оговорюсь, что «христианский обряд» в данном случае понятие весьма условное, хотя в некоторых деталях и отвечает общеизвестному канону христианских погребений. Между тем, как подмечено специалистами, западная ориентация погребенных, обычно практиковавшаяся не только у восточнославянских племен, но и у многих народов Евразии, восходит к эпохе раннего железного века и совсем не связана с распространением христианства¹. Точно так же большинство археологов не считает возможным говорить о каком бы то ни было влиянии христианской религии

¹Тереножкин А. И. Киммерийцы. К. 1976. С. 102; Моця А.П. Погребальные памятники южно-русских земель. С. 28.

на смену обряда кремации обрядом погребения в земле, усматривая причины этого явления, главным образом, в факторах социально-экономического порядка, которые, в меру своего развития, привели к определенным трансформациям в сфере идеологических представлений у восточных славян задолго до принятия акта веры Владимиром Святославичем.

Именно они и получили свое материальное отражение в распространении ингумаций на уровне горизонта или в насыпи². Последующая эволюция привела к появлению подкурганых могильных ям будь-то на погребенной поверхности или ниже ее, в материковом грунте, что, по мнению специально разрабатывавшего эту тему А.П. Моци, непосредственно связано с верой Христовой, «по канонам которой умершего до начала страшного суда необходимо укладывать именно под землю, а не на ее поверхность»³.

Все эти модификации погребальной обрядности, за исключением погребения по обряду трупосожжения на горизонте под курганной насыпью, имеют место в исследовавшемся нами могильнике у с. Каменное. Это заслуживает более внимательного рассмотрения, хотя бы уже потому, что является доказательством относительно долговременного существования поселения. И действительно, изменения в обряде погребения происходят не одномоментно, а на протяжении физической жизни нескольких, по крайней мере, двух–трех поколений, т. е. от 50–60 до 80–90 лет⁴.

Учитывая географическую отдаленность рассматриваемого региона от Киева, где и политические и социокультурные (идеологические) процессы происходили гораздо интенсивнее, чем на периферии, также требовалось какое-то время, чтобы новации были усвоены и стали обычаем «в глубинке» даже в случае их внедрения посредством аппарата принуждения, чего, конечно же, в то время не могло быть. По крайней мере, мы не располагаем такими известиями относительно населения рассматриваемого региона. Таким образом, думаю, справедливо будет по временной шкале оценивать этот период изменений не менее, чем в сотню лет.

²Седов В. В. Распространение христианства в Древней Руси (по археологическим материалам) // Введение Христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. Тезисы. М. 1987. С. 41; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М. 1987. С.111–112; Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. С. 83–85.

³Там же. С.85.

⁴Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. С. 163; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 1970. № 163. С. 115.

И у нашего современника не должно вызывать удивления, что в то время, когда в Киеве и Чернигове возводились величественные храмы во славу Христа, а князей и знать хоронили с отпеванием и чтением христианских молитв, где-то в верховьях Псла и Ворсклы, не говоря уж о былинных муромских лесах, все также горели «очистительные» костры у северянских и радимичских погребений, а родичи устраивали на могиле прощальные пиры в их память.

Обратимся, однако, к нашему могильнику. Единственный курган с трупосожжением по обряду полностью отвечает летописному свидетельству о погребальных обычаях северян. Здесь действительно люди «живаху въ лѣсѣ» и «аще кто оумраше», то «мртвеца сожжаху» на стороне «посемь собравше кости вложаху въ судину малу и поставаху на столпѣ на путѣх»⁵.

Именно такая картина и открылась в момент раскопок одного из таких «столпов на путѣх» — *кургана 10*, когда на вершине сферической насыпи, непосредственно под слоем дерна, была расчищена лепная корчагообразная миска, украшенная типичным роменским орнаментом в виде зигзага из оттисков веревочного штампа, которая содержала кальцинированные кости праха умершего вместе с углями погребального костра, сопровождаемые бочковидными золотостеклянными и сердоликовыми бусами, фрагментированной железной гривной и другими вещами (Рис. 74). Дальнейшая разборка насыпи позволила выявить и обломки преднамеренно разбитого гончарного горшка, разбросанные как на уровне погребения, так и в самой насыпи («творяху трызно надъ нимѣ»). Не исключено, что и гривна была приведена в негодность умышленно, следуя ритуалу. Найденные в урне сопровождающие вещи — железное калачевидное кресало с язычком, бочковидные стеклянные с прокладкой из золотой фольги и призматические сердоликовые бусы совместно с грушевидным с крестообразной прорезью бубенчиком и железной ложновитой гривной — в таком сочетании могли иметь место только во второй половине X в. Фрагменты тонкостенного гончарного горшка из остатков тризны дают возможность уточнить эту датировку, также позволяя предположительно отнести данное захоронение ко второй половине, если не к концу этого столетия.

Говоря о могильнике, трудно избежать сухой статистики, которая, между тем, дает основания для весьма существенных заключений относительно обитателей близлежащего поселения и об их верованиях в частности. Так, можно утверждать, что в подавляю-

⁵ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М. 1962. С. 14.

щем большинстве подкурганных захоронений представлен еще вполне полуязыческий обряд, хотя и не без определенных новаций. Раскопанные насыпи, включая сюда и разграбленные современными любителями курганы 30, 31, 34–36, 38 и 40 (в курганах 34–36 и 38 останков не обнаружено) содержали 49 скелетов, из которых на уровне погребенного горизонта были расположены 20 и в верхней половине насыпи – 10 захоронений.

Погребения этой, назовем условно, «языческой» группы в количественном отношении значительно уступают погребениям в ямах, вырытых в погребенной почве (10), как и шесть остальных, совершенных в ямах, опущенных ниже нижнего уровня погребенного чернозема и врезанных в материковый грунт на 0,2–0,6 м. В этой группе более всего обнаружено остатков гробовищ (9); к ней же следует зачислить погребения с гробовищами в ямах в предматериковом суглинке кургана 3. Считается, что появление подкурганных ямных погребений вызвано влиянием христианской религии⁶, с чем трудно не согласиться.

Вместе с тем, примечательно, что, независимо от того, были ли погребения совершены на горизонте, в насыпи или в яме, 32 из 49-ти погребений обнаруживают преднамеренное (?) нарушение анатомического порядка скелета, чего не избежали и ямные погребения в гробовищах (5). Как правило, разрушению подвергалась верхняя часть туловища, нередко тазовые кости, но чаще всего в скелетах отсутствовали кости левой стороны грудной клетки. Характерно, что при этом во многих случаях *in situ* оставались нагрудно-шейные украшения, иногда сохраняя свое первоначальное положение, несмотря на ритуальные (?) повреждения костяка.

Аналогий такой детали обряда в восточнославянских курганных и грунтовых некрополях отыскать не удалось, тем более ничего сколько-нибудь похожего не могло быть в христианских могилах по определению. Однако можно вспомнить, что подобный обряд в свое время отмечал Д.Т. Березовец при исследовании Нетайловского ямного могильника на Северском Донце, оставленного носителями салтовской культуры, где умершие имели такие же разрушения верхней половины скелета⁷. При этом, другие детали, прослеженные в процессе раскопок могильника (восточная ориентировка погребенных, конские костяки, вооружение и т. п.), в наших раскопках соответствий не находят. Помимо этих, весьма существенных несовпадений, значительный

⁶ПСРЛ. Т. 1. С. 90, 108.

⁷Березовец Д.Т. Салтівська культура // Археологія Української РСР. Т. III. К. 1975. С. 427–429.

хронологический разрыв между салтовской и древнерусской культурами не позволяет принять эту, пусть и отдаленную, аналогию. И все же вопрос этот крайне интересен и, на мой взгляд, требует серьезных размышлений, тем более, что в материалах раскопок славянских и древнерусских могильников мы ответа не находим.

В двух случаях (*курганы 1 и 6*) над погребенным прослеживались остатки кострищ значительных размеров (до 3,0 м в диаметре), хотя угольки и зола присутствовали и в насыпи, но, главным образом, на уровне захоронения в 10 курганах, при этом в 4-х из них — совместно с обломками керамики. Как известно, битая и разбросанная керамика являлась определенным требованием ритуального действия в той же мере, что и зола, и угольки⁸. Кроме названных отголосков языческого способа погребения, в девяти случаях зафиксированы факты посыпания тела умершего горящим углем, который при сгорании становился золой; посыпалась опять же верхняя половина тела, чаще всего левая часть грудной клетки. Интересно, что следы посыпания покойника горящим углем отмечены и в гробовищах (*курганы 8, 15, 22*), а в *кургане 25* умерший покоился на подсыпке из остывшего и, в силу этого, сохранившего древесную структуру угля.

Считаю, что здесь речь идет не о пережитках старого обряда трупосожжения, как это полагает А.П. Моця⁹, а налицо выступают следы активного магического действия с целью обезвреживания погребенного, который, надо полагать, при жизни не отличался благонаравием и не снискал любви родственников, что и потребовало дополнительных мер для его более надежного упокоения, в данном случае, посредством очищения огнем. Смеею предположить, что и нарушение анатомического порядка в скелетах умерших, зафиксированное в значительном количестве захоронений, точно так же могло иметь целью обезвреживание (по причине естественной боязни живых мести мертвецов), как и описанный выше способ.

Как уже отмечалось, большинство подкурганых погребений были одиночными, но под насыпями 10-ти курганов было расчищено по два костяка (*курганы 2, 3, 8–9, 13, 20, 25, 27–28 и 31*), а в *кургане 29* выявлены остатки трех погребений. Примечательно, что в трех курганах с двойными захоронениями обнаружены следы гробовищ (*пн. 1–2 кургана 3; п. 1 кургана 8, пн. 1–2 к. 20*). Судя по тому, что остан-

⁸Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 112; Недошвина Н.Г. Погребальный обряд вятичей XI – XIII вв. Автореф. дисс...канд. ист. наук. М. 1974. С. 12; Ее же. О религиозных представлениях вятичей XI – XIII вв. // Средневековая Русь. М. 1976. С. 49–52; Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. С.70.

⁹Моця О.П. Населення південно-руських земель IX – XIII ст. К. 1993. С. 36.

ки трех умерших в *кургане 29* расположены не на одном уровне (два в ямах ниже уровня дневной поверхности, одно — чуть углубленное — Рис. 104), нет оснований считать их совершенными одновременно.

При этом, совсем не обязательно объяснять «наличие в одной славянской могиле трех и более умерших...влиянием кочевников»¹⁰, как это полагает в своем исследовании южнорусских погребальных древностей IX–XIII вв. А.П. Моця. Это могло быть и в случае одновременной смерти в результате инфекционного заболевания отдельной семьи или ее одномоментной гибели по какой-то иной причине, которыми реально изобиловала повседневная жизнь обитателей рассматриваемого региона. Высказанное предположение о семейном характере таких захоронений тем более возможно, что антропологический анализ погребений *кургана 29* определил их как останки детей 6–8 лет и скелет взрослой особи.

Погребения в *курганах 3 и 27* могут быть признаны одновременными, поскольку в каждом из них они находились практически на одном уровне относительно друг друга; оба на глубине 1,5 м в первом из них и на уровнях 1,1 м и 1,2 м в *кургане 27*. К тому же в обоих случаях погребения расчищены в центральной части основания кургана, где обычно размещались одиночные могилы. Что же касается остальных курганов с двойным погребением, то в этих случаях можно говорить о подзахоронениях. На это указывает то обстоятельство, что впускное погребение, как правило, смещено от центра, занятого основным, будь то по горизонтали или по глубине расположения костяка. При этом, какой-то закономерности в смещении впускного погребения относительно основного не обнаруживается: оно могло располагаться к северу, северо-западу, востоку, югу, выше или ниже местоположения первого.

Вместе с тем, ни в одном из таких курганов не прослежено случая нарушения могилы или самого костяка основного погребения при подзахоронении, что позволяет допускать существование каких-то надмогильных знаков-знамений, в виде, например, деревянных столбиков на верху могильной насыпи, следов которых обнаружить по вполне понятным причинам, не удалось.

IV.1.2. Верования

Говоря о верованиях обитателей поселения у с. Каменное, прежде всего необходимо указать на амулеты-обереги из мелких костей

¹⁰Моця А.П. Население Среднего Поднепровья. С. 124.

(*курган 1*) и клыков хищных животных (Рис. 56, 6, 7; 69, 7; 105, 17), найденные в процессе исследования как погребений (*погребение 1 кургана 2, погребение 2 кургана 8, погребение 2 кургана 29*), так и на поселении (Рис. 119, 16, 17, 22, 23; 130). Такие предметы чаще всего располагались либо в костях грудной клетки, либо ниже нее, в области живота. Некоторые из них, как, например, раковинка каури (Рис. 90, 7), не обязательно входили в состав ожерелья (*курган 27*), а могли быть пришиты к долу платья.

Рис. 130. Амулеты из кости из раскопок городища и могильника

Подобная практика была широко распространена у многих народов Евразии. Так, например, обереги-амулеты известны в хазарском слое Саркела — Белой Вежи, у волжских болгар и в катакомбах Дмитриевского могильника, в грунтовых погребениях трупосожжений могильника у с. Сухая Гомольша¹¹, на городищах и в могильниках славян боршевской культуры (Титчиха, Животинное)¹², на

¹¹Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Рис. 83, 10–11; Ее же. Кочевники южно-русских степей в эпоху средневековья. Рис. 18; 41; Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Рис. 47, 37.

¹²Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. Рис. 24, 4–6, 20–21, 23–28.

древнерусских памятниках в земле вятичей (Лебедка)¹³. А.П. Моця отмечает их присутствие в погребениях восточных славян (курган-ных и грунтовых) в пределах всей древнерусской территории, хотя и акцентирует свое внимание на берегах не столько естественного (животного) происхождения, сколько, если можно так выразиться, изделий «ручной работы», вроде лунниц, солярных бляшек, топо-риков Перуна-Тора, шумящих подвесок, бубенчиков и т.п.¹⁴

Вероятно, один из таких «солярных» амулетов обнаружен в качестве подъемного материала на селище Каменное (Рис. 131). Амулет представлял собой изделие круглой формы в виде монеты с припаянным ушком (диаметр 2,1 см, толщина 0,15 см). На лицевой стороне нанесен врезной орнамент в виде кружка по центру с расходящимися лучами. Полной аналогии данной привеске отыскать в материалах древнерусских могильников не удалось¹⁵.

Безусловно, роль оберегов-амулетов могли выполнять и рас-смотренные выше в качестве украшений серебряные бляшки сал-товского происхождения, бубенчики, «пуговички» и ажурные под-вески (Рис. 126–128). Естественно, что перечисленные шумящие украшения могли помимо эстетической нести и другую нагрузку. Вместе с тем, в погребальном обряде магическую роль амулетов могли выполнять и предметы сугубо бытового обихода, каковыми были, к примеру, ножи¹⁶. Согласно мнению С.А. Плетневой, ока-зываясь в погребении, любая вещь приобретает некий магический смысл, становится оберегом-амулетом¹⁷. Местоположение ножей в районе шейно-грудного отдела позвоночника не должно вызывать недоумения: в дальнейшем выполнявший такую же роль оберега христианский нательный крестик часто привешивался к ожерелью, и лишь в костюме более позднего времени (в погребениях) стал за-нимать особое место, отдельно от шейных и нагрудных украшений.

Хотя, к сожалению, ни в одном из исследованных погребений нашего могильника не было найдено предметов христианской сим-волики, определенное влияние христианского канона в погребаль-ном обряде представляется очевидным и сомнений не вызывает. Все приведенные выше факты и наблюдения позволяют говорить

¹³Никольская Т.Н. Земля вятичей. Рис. 11, 20, 24.

¹⁴Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. С. 47–50.

¹⁵В полевой описи подвеска интерпретирована как «поздняя» — возможно, «дукач» — Прим. ред.

¹⁶Зеленин Д.К. Магическая функция примитивных орудий // Известия АН СССР. Отд. общ. наук. 7 серия. 1931. С. 713–754; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 119; Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. С.36.

¹⁷Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 174.

Рис. 131. Бронзовая подвеска, найденная на селище

о синкретизме духовной культуры обитателей поселения. В связи с этим уместно привести мнение А.П. Моци: «обряд трупоположения на уровне древнего горизонта или в курганной насыпи (в основе языческий) вполне уживается с обрядом трупоположения в подкурганной яме ...появившийся под воздействием христианской религии»¹⁸. Присоединяясь к приведенному высказыванию, считаю его возможным в целом отнести к характеристике раскапывавшегося могильника.

При общей характеристике могильника у с. Каменное нами уже отмечалось, что ни в одном из 49 исследованных подкурганых погребений не удалось найти предметов, связанных с исповеданием христианства; не было таких находок и на селище. Тем не менее, они обнаружены при раскопках линии оборонительных сооружений на городище. Речь идет о кресте-реликварии, фрагменте нательного креста и двух крупных нательных бронзовых иконках, в самом общем виде уже публиковавшихся¹⁹.

Крест-энколпион обнаружен под дерновым слоем (глубина от современной поверхности 0,2 м) в кв. 3В в слое расплывшегося вала над зольным пятном от горелых клетей, образовавшемся в результате гибели в огне городища и разрушения оборонительной стены. Севернее, в соседнем квадрате 3Б, на глубине 0,8 м в насыпи обнаружена прямоугольная бронзовая нательная иконка, а западнее, в квадрате 4В на глубине 0,6 м – вторая бронзовая иконка с аркообразным верхом. Фрагмент литого бронзового креста найден под дерном на глубине 0,25 м в кв. 3Е в слое расплывшегося вала над каменной вымосткой с внутренней его стороны.

Концентрация находок на относительно небольшом участке вала несомненно не связана с кладом или другим способом сокрытия этих, видимо, очень ценных для владельцев предметов. Скорее

¹⁸Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. С. 108.

¹⁹Первая публикация см.: Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. К. 1984. С. 162; Сухобоков О., Юренко С. Предметы христианского культа з розкопок роменсько-давньоруських пам'яток поблизу с. Кам'яне Сумської області // Християнські старожитності Лівобережної України. Полтава, 1999. С. 51–56.

всего, христианские реликвии были призваны охранять защитников укреплений в момент гибели городища.

Крест-энколпион (Рис. 21, 2; 132, 1) отлит в двухстворчатой литой форме и имеет следующие размеры: в длину 8,3 см и в ширину 5,2 см. Все четыре конца завершаются овальными выступами – клеймами, с выступами – «слезками» у их оснований, снабженными рельефными рамками, в которых заключены погрудные изображения святых. В средокрестии помещено распятие, окаймленное выпукло-рельефной рамкой. Голова Христа склонена к левому плечу, ноги слегка согнуты в коленях. Над нимбом распятого и в клеймах с изображениями предстоящих: Богородицы и Иоанна Богослова, святителей Николая и Григория выпуклым рельефом выступают зеркальные подписи и буквы зеркальной надписи: «ХРЕСТ НАМЪ ПОХВАЛА» и «ХРЕСТ НАМЪ 8 (ТЕШЕНИЕ)». На второй стороне изображение Богородицы Оранты с изображениями святых Козьмы, Демьяна, Петра и Василия в медальонах и зеркальной надписью: «СТАА БЦЕ ПОМАГАИ».

Такие кресты – вместилища частиц мощей, обычно носили поверх одежды или хранили рядом с иконами. Экземпляр из Каменного отнесен А.А. Песковой к одному из самых распространенных на Руси типу VII.1.1²⁰. По мнению Б.А. Рыбакова, кресты-мощевники с надписью «Святая Богородица помогай» датируются третьим десятилетием XIII в.²¹ Время бытования их типа в настоящее время возможно датировать концом XII – первой половиной XIII в.²²

Фрагмент литого из бронзового сплава креста с массивным ушком для подвешивания (Рис. 21, 1; 132, 2) также создан на базе энколпиона, очевидно, путем оттиска створок последнего, о чем свидетельствует двусторонняя композиция с медальонами и нечеткость изображения. Такие кресты-тельники имели распространение на Руси в XII в.²³, вероятно, и позже – в первой половине XIII в.

Одна из найденных бронзовых иконок имеет прямоугольную форму и массивное прямоугольное ушко (Рис. 22, 2; 132, 2; фото 18). Отлита в односторонней форме; размеры – 5,4 × 4,5 см при толщине до 0,3 см. На лицевой стороне изображена сцена Крещения в рельефном обрамлении, повторяющем контуры самой иконки. В

²⁰Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб, 2003. С. 193–194, 198.

²¹Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М. 1948. С. 527–531; Его же. Русские датирующие надписи XI–XIV вв. // САИ. Вып. Е-1-44. М. 1964. С. 39; Табл. XXXIII, 3–4.

²²Корзухина Г.Ф. О памятниках так называемого «Корсунского дела» на Руси // ВВ. 1958. Т. XIV. С. 133; Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. С. 194.

²³Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. С. 50; Рис. 16, 6.

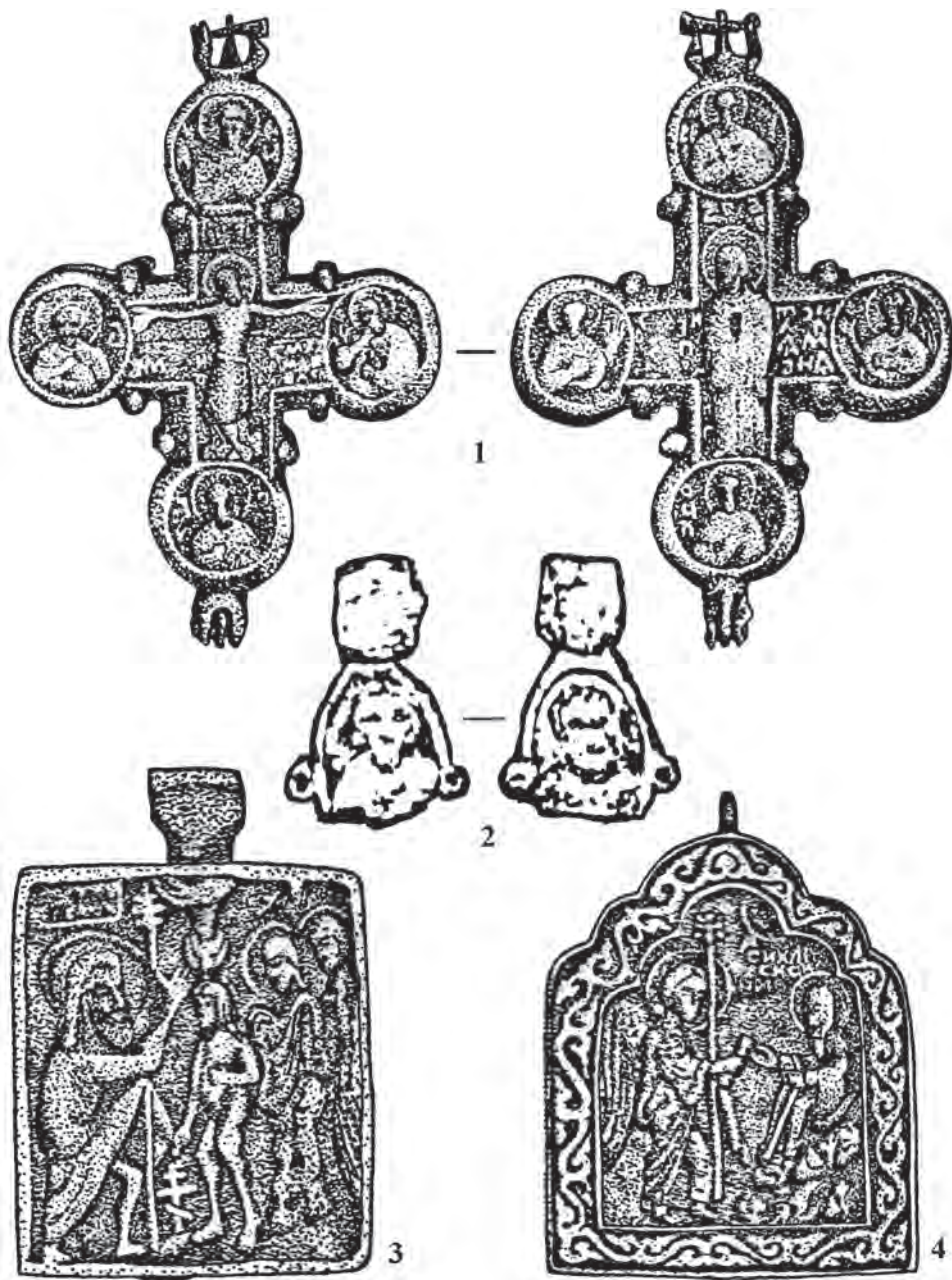

Рис. 132. Предметы христианского культа из раскопок городища: 1 – крест-энколпион; 2 – фрагмент креста; 3, 4 – нательные иконки

левом верхнем углу помещен прямоугольный рельефный картуш с не поддающейся прочтению двухстрочной надписью. Слева изображена фигура длиннородого Иоанна Крестителя в ниспадающем одеянии — гиматии, нижний конец которого перекинут через левую руку, с процветшим посохом в левой руке, в то время как правая поднята в благословляющем жесте над нагим младенцем. Справа от последнего помещены фигуры двух восприемников также в длинных одеяниях. Между Крестителем и младенцем расположен традиционно православный восьмиконечный крест с «гогофой» в основании; над головой младенца — символ сошествия Духа Святого. Близкие аналогии иконке известны в Новгороде из слоя XIV в.²⁴, но все фигуры в нашем случае имеют одинарный, а не двойной, выпуклый рельефный нимб над головой; выполнены в грубом, варварском стиле. Именно это и придает им известную экспрессивность.

Иконки с подобным сюжетом имели довольно широкое распространение в различных землях Древней Руси; их близкие аналогии присутствуют в собраниях В.Н. Ханенко и Б.И. Ханенко, графа А.А. Бобринского, в коллекции Киевского исторического музея, однако их пока не обнаружено в слоях Новгорода древнерусского периода, где имеются более мелкие реплики с иными сюжетами²⁵. Вместе с тем, следует указать на иконки-энколпии, датируемые XIV–XV вв. с аналогичным сюжетом, но и с рядом существенных отличий. Отличия эти вызывают дискуссию о происхождении апокрифических сюжетов, которыми столь богата мелкая пластика и иконография Византии. Вместе с тем, они отнюдь не противоречат предположению о происхождении самих изделий из южнорусских земель, где мастера художественного литья заимствовали этот сюжет из византийских образцов, например, с накладок на переплетах богослужебных книг²⁶. Это позволяет утверждать, что производство таких иконок, скорее всего, было налажено в Киеве в XI–XII вв.

Вторая нательная иконка (Рис. 22, 1; 132, 4; фото 18) также отлита из оловянистой бронзы в односторонней форме. Ее контуры более усложнены за счет оформления верхней части в виде арки; такая схема имеет место среди находок в культурных слоях Новго-

²⁴Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века. М. 1996. С. 369.

²⁵Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности русские: кресты и образки. К. 1899; Вып. 1; К. 1900, Вып. 2.; Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. С. 62–65; Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня // САИ. М. 1983. Вып. Е 1–60. С. 32, 62, 99, 102–103, 112.

²⁶Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. С. 370.

рода Великого, которые датируются 70–80-ми годами XII в.²⁷ Верх нашего экземпляра, однако, оформлен завершением в виде трех соединенных арок с полуарками по сторонам и петлевидным ушком, припаянным перпендикулярно относительно плоскости самой иконки. Ее размеры по длинной оси 5,8 см, по короткой – 4,6 см при толщине до 0,4 см.

На лицевой стороне размещена четко выполненная сцена, изображающая целителя св. мученика Сисиния с предстоящим ему архангелом Сихаилом, о чем повествует рельефная надпись над рельефно же обозначенным одинарным нимбом сидящего целителя. Архангел с таким же нимбом вокруг головы держит в левой руке посох с крестом, а правой протягивает свиток сидящему Сисинию, который принимает его обеими руками. Сцена помещена в рельефную рамку с выполненным рельефом растительным орнаментом – «выюнком», которая повторяет форму самой иконки. Обращает на себя внимание тщательность проработки деталей одеяния персонажей и крыльев архангела, заметна попытка индивидуализации изображенных фигур. Исполнение сцены носит вполне художественный характер, резко выделяясь на фоне остальных изделий такого рода, стиль которых уместно назвать «варварским».

Не может не вызывать интереса и сам сюжет, являющийся апокрифическим: по народной традиции св. Сисиний – один из «сорока мучеников севастиийских», исцелял от лихорадки-трясовицы, но, как отмечал еще И.П. Калинин, «в церковном свидетельстве о Сисинии нет никакого намека на дар благодати прогонять от людей трясавиц». Другие исследователи считают, что этот апокриф пришел на Русь из Болгарии вместе с богослужебной литературой, где был заимствован из византийской иконописи и агиографии, получив там свое распространение из ересей, занесенных из стран Ближнего Востока²⁸. Кроме того, согласно Священному Писанию, в небесной иерархии называются пять архангелов (Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Салафаил), а книга пророка Ездры к ним присовокупляет еще Иегудиила, Варахиила и Иеремиила²⁹, но нет имени Сихаил в воинстве Божию. Тем не менее, традиционное народное сознание сумело переосмыслить церковную легенду, мифо-

²⁷Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. С. 62; Рис. 206, 5–6; Рис.21.

²⁸Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М. 1990. С. 103; Познанский Н.Ф. Сисиниева легенда-оберег и сродные ей амулеты и заговоры // Живая старина. 1912. Вып. 1; Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003.

²⁹Архимандрит Никифор. Иллюстрированная полная популярная Библийская энциклопедия. М. 1891. С. 62–63.

логизировало ее, дополнив вымышленным архангелом и наделив мученика Сисиния особым даром исцеления, персонально для него агиографией непредусмотренным. Данный факт, думается, может служить наглядной иллюстрацией к оценке традиционной народной культуры, которая «...с ее чувственным, полуязыческим мировосприятием владела колоссальным творческим потенциалом, позволяющим ей существенно трансформировать и переосмысливать элементы христианства»³⁰.

Если крест-складень и вышеописанная иконка с сюжетом Крещения имеют множество аналогий в материалах древнерусских памятников XII–XIII вв.³¹, то отыскать какие-то параллели другой находке с сюжетом «Явление архангела Сихаила святому Сисинию» среди синхронных древностей Киевской Руси автору этих строк не удалось. Единственной, может быть, и натянутой аналогией может служить трехглавое киотовидное оформление верхней части миниатюры с сюжетом Рождество Христово из «Трирского Псалтыря», датированного 1078–1087 гг. Отличие состоит в том, что в названном раритете три главы имеют острое завершение в виде трехугольников, а не центральной арки с удвоенными полуарками по обеим сторонам от нее³². Близкие по сюжету и оформлению аналогии нашему экземпляру имеются в составе коллекций художественного металла Новгорода XIV–XV вв., где есть несколько иконок-энколпиев с «пятилопастным завершением»³³. Попутно замечу, что увидеть «лопасти» в не слишком выделяющейся из прямоугольного основания центральной арке с двойными полуарками можно лишь при очень развитом воображении. Само определение «пятилопастное завершение» не представляется адекватным и приемлемым.

Наиболее близкой аналогией оказалась нательная иконка с этим сюжетом в собрании мелкой каменной пластики памятников Северо-Восточной Руси XV в., среди изделий которой имеется почти тождественный по форме, сюжету и стилевому исполнению каменный экземпляр, точно датированный 1415 годом³⁴. Однако же, наши раскопки археологического комплекса у с. Каменное не обнаружили никаких материалов, хронология которых определялась бы временем позднее середины XIII в., как и любых следов поздних

³⁰Моця О., Ричка В. Київська Русь: від язичництва до християнства. К. 1996. С. 135.

³¹Корзухина Г.Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. Т. XIV. 1950. С. 233–234; Каргер М.К. Древний Киев. М.-Л. 1958. Т. 1. С. 386–387; 482–486.

³²Степовик Д. Історія української ікони X – XX століть. К. 1996. С.163.

³³Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. С. 369, 375; кат. № 96.

³⁴Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI вв. М. 1968. Рис. 39.

перекопов на валу, что исключает принадлежность иконки к пост-древнерусскому периоду.

Рассматривая систему верований обитателей древнерусского поселения у с. Каменное в целом, нельзя не видеть в особенностях погребального обряда факта сосуществования на протяжении довольно длительного отрезка времени (не менее столетия) и отдельных традиционных языческих обычаев и новаций, привнесенных христианством.

Такой дуализм верований называть «двоеверием», по моему убеждению, было бы методологически ошибочным и неверным по существу. Действительно, мировоззрение славянского населения XI–XII вв., занимавшего отдаленную от культурных центров «украину» между Сулой и Северским Донцом определялось не исповеданием двух параллельных вер, а их органическим слиянием. Думается, здесь справедливо сослаться на мнение одного из выдающихся историков – специалистов по древнерусской проблематике Б.Д. Грекова, который был склонен рассматривать идеологию древнерусского общества в домонгольский период как «синкретическую веру, ставшую следствием преобразования христианства в русской народной среде, иначе говоря – его обрусения»³⁵.

Близкую оценку дает Н.Ф. Котляр, который также полагает, что «правильнее будет говорить не о двоеверии, а о религиозном синкретизме, сочетании разновременных – языческих и христианских представлений, верований и культов в сознании насильственно крещенного люда»³⁶. И с этим, как старался доказать автор этих строк на материалах раскопок археологического комплекса у с. Каменное и полученных в процессе исследований наблюдений, нельзя не согласиться.

IV.2. Система социальных отношений

Определение социально-хозяйственного статуса исследованного археологического комплекса, точно также как и любой древней поселенческой структуры сельского типа, представляется невозможным в отрыве от синхронных политической и социальной истории южнорусских земель в X–XIII вв., основные события которых по отношению к региону Сульско-Донецкого междуречья будут рассмотрены ниже (Глава V).

³⁵Греков Б.Д. Избранные труды. М. 1959. Т. 2. С. 316.

³⁶Котляр М.Ф. Русь язичницька. К. 1995. С. 270.

Начальный период существования поселения у с. Каменное следует относить ко второй половине X – первой четверти XI века, хотя освоение отрогов крутых берегов Псла и других левых притоков Днепра северяне, как известно, начали гораздо ранее, еще со второй половины VIII в. (Битица 1). В IX в. аналогичное местоположение занимают Опошнянское и Новотроицкое городища.

В качестве поселения роменской культуры наше городище существует до середины XI в., когда оно, по-видимому, пало жертвой внутрдинастического политического противостояния наследников Владимира Святославича или же кочевнического набега. В дальнейшем (вторая половина XI – XII вв.) жизнь на поселении и городище возобновляют потомки все тех же северян, но с присутствием иноплеменных выходцев, в результате внутренних трансмутаций под существенным воздействием внешнеполитических факторов (активность киевских великих князей, угроза набегов степняков), оказавшихся в рамках синкретической культуры второй половины XI – XII вв., представляющей собой мозаику из элементов традиций племенной и новаций общедревнерусской (материальной и духовной) культуры.

Перестройка городища этого древнерусского поселения в XII в., вероятнее всего, явилась результатом междоусобной борьбы черниговских Давыдовичей с новгород-северскими Ольговичами в 40–60-х годах XII века. Впрочем, при этом вовсе не исключается, что его гибель в огне была следствием ответной акции половецких ханов Гзы и Кончака, в конце лета 1185 года своим набегом отреагировавших на злополучный поход в «земли незнами», в Степь Половецкую Игоря Святославича, ставшего сюзереном населения рассматриваемого региона к середине 70-х гг. XII в. Финал существования поселения относится уже к катастрофическим событиям первой половины XIII в.

Таким образом, археологический комплекс у с. Каменное в микрорегиональном масштабе отражает сложные процессы трансформации славянского общества от родо-племенной стадии до стадии удельно-феодальной системы X–XIII вв.

Реконструкция социальных отношений восточнославянского общества конца I – начала II тысячелетия н. э. справедливо признается одной из важнейших проблем древнерусской истории. Материалы археологического изучения поселений в совокупности с отрывочными сведениями письменных источников, прежде всего относящихся к законодательской деятельности социума, в данном случае – великокняжеской администрации, позволяют гово-

речь об общих тенденциях становления социальной организации сельского населения эпохи существования Киевской Руси. Однако социальное содержание отдельно взятого поселения и его административно-хозяйственный статус все же приходится определять на основании конкретных материалов его раскопок и сделанных при этом наблюдений.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что развитие земледелия, выразившееся в переходе к двухпольной и трехпольной системам, в конце I тысячелетия сопровождалось распадом семейных общин и образованием объединений хозяйственно самостоятельных индивидуальных семей по принципу соседства³⁷. Уже на роменском этапе волынцевско-роменской культуры (конец X – XI вв.) северянские городища являются поселенческими структурами территориальных (соседских) общин, члены которых связаны между собой не столько кровно-родственными, семейными, сколько экономическими отношениями. В основе последних, как известно, лежала коллективная собственность на землю, при том, что ее обработка осуществлялась силами индивидуальной семьи, которая при этом становилась и собственником получаемой продукции.

В меру дальнейшего развития, при переходе к индивидуальному ведению хозяйства и частному землепользованию, община посредством регулярных переделов и закрепления за входившими в ее состав домовладениями участков пахотной земли (парцелл) на определенный срок, осуществляла свое право коллективного собственника³⁸. В связи с этим здесь уместным будет привести наблюдение Ф.Энгельса, который при рассмотрении аграрной истории германцев пришел к заключению, что «...находившиеся до того в общем пользовании пашни и луга стали подвергаться разделу... между возникавшими теперь отдельными домашними хозяйствами сначала на время, позднее — раз и навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общине. Для России (в данном случае, восточного славянства — *О. С.*) такой ход развития представляется исторически вполне доказанным»³⁹.

Эти процессы, имевшие место на территории Киевской Руси, вполне сопоставимы с явлениями социально-экономического раз-

³⁷Рыбаков Б.А. Предпосылки образования древнерусского государства // Очерки истории СССР. III–IX вв. М. 1958. С. 842.

³⁸Довженок В.Й. Землеробство Древньої Русі. К. 1961. С. 194.

³⁹Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 3. М. 1966. С. 336.

вития занятого в аграрной сфере средневекового населения Западной и Центральной Европы, что доказано трудами отечественных исследователей истории сельского хозяйства, а в последнее время завоевывает признание и западных специалистов⁴⁰.

В свете сказанного есть основания утверждать, что поселение у с. Каменное было основано небольшой группой индивидуальных семей, по-видимому, связанных между собой семейно-брачными отношениями второго порядка. Первоначально под поселение из 3–5 домовладений была занята площадка мысового останца, на котором были возведены какие-то укрепления в виде двухрядного тына на подсыпке из грунта, вынутого из рва, прокопанного в месте естественной ложбины, отделяющей мыс от остальной части плато. Позднее постройки появились и на прилегающем к городищу неукрепленном, но находящемся под защитой последнего, участке местности. Можно допустить, что в основе этой группы была большая семья, в силу обстоятельств вынужденная переселиться с территории обжитого роменцами Посулья или, скорее, с верховий Северского Донца на дотоле никем не занятые земли по берегам Псла.

Видимо, одному из основателей этого уже в момент переселения неоднородного коллектива и принадлежит трупосожжение в *кургане 10*, входящем в число наиболее «богатых» по погребальному инвентарю курганов (*курганы 2, 8–11, 17, 18, 20, 32, 34, 37*). При этом существенно, что погребение праха сожженного на стороне совершено в лепной роменской миске по северянскому обряду, а в сопровождающем инвентаре присутствовала железная гривна, что само по себе указывает на высокий социальный статус покойного⁴¹. Не исключено, что могильник содержит не одно такое погребение: нами раскопано 40 курганов из 144, т.е. немногим более одной трети от общего количества.

Еще один экземпляр железной ложновитой гривны происходит из нарушенного погребения на горизонте в *кургане 39*, хронологию которого вероятнее всего определять в пределах конца X – первой половины XI в., так как, согласно исследованию М.В. Седовой, в Новгородской земле железные гривны выходят из употребления к середине XI в. В погребении *кургана 39* уже можно усматривать отчетливое христианское влияние. Последнее, как это показали наши раскопки, имело место в подавляющем большинстве вскрытых захоронений, что может говорить о восприятии христианских

⁴⁰Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. 1992. С. 58–61; Rural settlements in Medieval Europe. Papers of the Medieval Europe. Brugge. 1997. Vol. 6.

⁴¹Фехнер М.В. Шейные гривны. С. 55–74; Никольская Т.Н. Земля вятичей. С. 115.

канонов населением сельской «глубинки» — с одной стороны, и об относительно более позднем времени большинства подкурганых погребений — с другой.

Наиболее поздними, вероятнее всего, следует считать погребения в гробовищах, помещенные в ямы, опущенные в материковый грунт ниже нижнего горизонта погребенной поверхности. Таковы, например, *п. 1 кургана 8, в курганах 17, 20 (п. 2), 22 (п. 2), 32* и др. Кстати замечу, что именно эти погребения оказались более «бедными» по номенклатуре сопровождающего инвентаря. Из этого ряда выделяется *курган 3*, где исследованы два погребения в гробовищах, совершенные ниже уровня погребенного горизонта, но все еще выше материкового грунта. Одно из них сопровождалось нижней частью гончарного горшка справа от изголовья гроба, при крайней скудности инвентаря (на два погребения один железный нож, проволочная серьга и круглая медная поясная бляшка). Судя по всему, погребения совершены одновременно в западной поле, будучи несколько смещены от центра насыпи. Это позволяет предполагать, что курган был насыпан спустя некоторое время после захоронения.

Кроме того, выделяется группа курганов, содержащих, помимо основного погребения, преимущественно расположенного в центральной части насыпи, впускные подзахоронения. Последние, как правило, смещены от центральной оси насыпи, вне зависимости от того, было ли оно совершено в яме, на горизонте или на уровне материка в погребенном черноземе (*курганы 2, 8, 9, 13, 20, 25, 27–29, 31*). Вполне допустимо, что в данном случае речь может идти о погребении людей, связанных между собой семейно-брачными или кровнородственными отношениями.

С известной осторожностью можно предполагать проявление таких же отношений и в группе могил, сопровождающий инвентарь которых содержит, наряду с другими, отдельные вещи салтовской культуры (*курганы 1, 2, 5, 13, 14*), что даже не исключает их иноплеменное происхождение. Любопытно и то обстоятельство, что все салтовские вещи обнаружены при расчистке левой стороны верхней части костяков.

Стоит обратить внимание и на ажурные серебряные подвески из *п. 2 кургана 2* (Рис. 56, 13, 15), близкие аналогии которым обнаруживаются в могильных древностях радимичей или в мерянских погребениях рязанского течения р. Оки. Во всяком случае, в северянском племенном наборе украшений такие подвески отсутству-

ют, что и позволяет допускать предположение об иноплеменной принадлежности погребенного.

Можно высказать сколь угодно много умозрительных предположений о причинах, в силу которых несвойственные северянам элементы поясной гарнитуры и украшений попали в инвентарь погребений курганного могильника у с. Каменное, но все они в той или иной степени обречены страдать гипотетичностью и недостатком убедительной аргументации. Однако, при всем этом, не сомненным останется одно заключение, согласно которому в лице обитателей прилегающего к некрополю поселения, оставивших эти могилы, мы имеем дело с прототипом территориальной общины, северянской в своей племенной основе, но с определенными иноплеменными инклюзиями в ее составе.

К сожалению, в нашем распоряжении нет достаточных данных, чтобы судить об отношениях этого компонента с северянским большинством членов общины. Но, по-видимому, существо этих отношений определялось самим характером начальных соседских общин, являющихся еще только переходной ступенью от родовой к соседской общине, но основанных уже на частной собственности⁴².

Появление и институализация отношений частной собственности, как известно, вели к расслоению общины, выделению относительно более зажиточных семей, представители которых обретали и более высокий социальный статус. На последнее указывают материалы раскопок могильника, среди которых выделяются несколько курганов с погребениями, содержащими более богатый набор украшений (*курганы 2, 8–11, 17, 18, 20, 32, 39*) по сравнению с остальными, в которых весь сопровождающий инвентарь ограничивался одним–двумя проволочными перстнеобразными височными кольцами, несколькими бусинами и ножом, а то и без него. Кроме того, имеются курганы, где при покойном вовсе не было найдено каких-либо сопровождающих предметов (*курганы 6, 7, 21, 22, 24–28*). Справедливости ради следует отметить, что определять безинвентарные захоронения в качестве особо бедных приходится с известной осторожностью ввиду явной христианской принадлежности погребенных, при которой в принципе не допускалось сопровождающего инвентаря. Однако, в насыпях некоторых без-

⁴²Село Київської Русі. С. 192; Моця А.П. Проблема перехода восточных славян к классовому обществу в исторической литературе // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. К. 1984. С. 230–247. См. также: Довженко В.И. Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М. 1969. С. 30–39; Фроянов И.Я. Семья и вервь в Киевской Руси // СЭ. 1972. № 3. С. 90–97.

инвентарных курганов, равно как и при расчистке таких погребенных, обнаруживаются угольки, зола, измельченная керамика, что может указывать на пережитки языческих ритуалов (*курганы 1, 3, 6, 23, 29* — п. 2) и, соответственно, определять их хронологию более ранним временем, чем названных выше.

Обращают на себя особое внимание и те из курганов, погребения в которых сопровождалась гривнами (*курганы 10, 16, 37, 39*). Как полагали Г.Ф. Корзухина, М.В. Фехнер и другие исследователи, «наличие гривны в погребении само по себе говорит об известной состоятельности...»⁴³. При этом трупосожжение в *кургане 10*, как и нарушенное трупоположение в *кургане 39*, действительно могут быть отнесены к числу «богатых», хотя бы по номенклатуре сопровождающих предметов. В то же время, сопровождаемое ложновитой бронзовой гривной захоронение в *кургане 16*, исходя из скудного инвентаря, не приходится считать состоятельным. В другом случае, от нарушенного уже в наше время *кургана 37* сохранилась только гривна из гладкой бронзовой проволоки, что не дает возможности для конкретного суждения о сопровождающем инвентаре, а, значит, и об имущественном статусе погребенного.

Материалы могильника дают основания утверждать наличие несомненных процессов имущественной и, видимо, социальной дифференциации обитателей поселения. В пользу высказанного предположения косвенным образом могут свидетельствовать также материалы и наблюдения, сделанные в ходе исследований городища и селища.

Немаловажное значение имеет площадь, занятая поселением, поскольку установлено, что большинство (около 70 %) древнерусских селищ на северо-западных и северо-восточных землях Руси состояло из 3–6 дворов⁴⁴, а занимаемая ими площадь, по мнению различных исследователей, в среднем обычно определяется в пределах от 0,5–0,8 до 1,5–2 га.⁴⁵ Согласно выкладкам А.В. Кузы, на 1,5 га площади могло располагаться 5–7 дворов, в которых проживало от 25 до 45 человек. По его мнению, в виду того, что «социальная организация сельского населения и способы хозяйствования в эпоху расцвета Древней Руси были схожими во всех его областях», такие размеры поселений указывают на «оптимальную численность насе-

⁴³Никольская Т.В. Земля вятичей. С. 115.

⁴⁴Фехнер М.В.К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. 1959. Вып. 33. С. 3–15.

⁴⁵Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. М. 1996. С. 99; Кучера М.П. Селища // Археологія Української РСР. К. 1975. Т. 3. С. 300; Ср.: Беляева С.А. Селища // Археология Украинской ССР. К. 1986. Т.3. С. 399.

ления, способную прокормиться земледельческим трудом на окружающих землях»⁴⁶.

Вполне разделяя данное положение, все же нельзя не оговорить того обстоятельства, что при общем направлении тенденций «социальной организации и способов хозяйствования», вряд ли правомерно настаивать на их сходстве на скудных почвах северо-восточной Руси и на богатых черноземом южнорусских землях, хотя бы в силу известных исторически (и географически) детерминированных причин неравномерного социально-экономического развития украинской Лесостепи и Среднего Поднепровья, как и южнорусских княжений в целом, с одной стороны, относительно лесных и заболоченных территорий Северо-Востока — с другой⁴⁷.

Тем не менее, расчеты А.В. Кузы и М.В. Фехнер с определенными коррективами могут служить основой для выяснения ряда вопросов социологического и демографического характера. Так, например, исходя из весьма ограниченных размеров площадки нашего городища (0,26 га), на нем в начальный период существования одновременно могло размещаться не более 2–3 дворов, под которыми в данном случае надо понимать отдельные жилые помещения с прилегающими вспомогательными строениями в виде амбаров, овинов, погребов и т. п. сооружений хозяйственного назначения. Эти жилые сооружения возводились одновременно с оборонительной линией, своими тыльными частями вписываясь в насыпь вала, в то время как центр городища был свободен от застройки, при том, что значительное место отводилось резервуару для хранения воды. Вне всяких сомнений, жилищно-хозяйственные комплексы на городище принадлежали представителям общинной верхушки.

Неукрепленная часть поселения изначально располагала значительно большей площадью для освоения, и есть основания полагать, что ее застройка осуществлялась одновременно (или через незначительный отрезок времени, но в пределах жизни одного и того же поколения) со строительством укреплений на городище. По весьма приблизительным расчетам, одновременно на нем могло существовать 3–5 крестьянских дворов, что позволяет суммарно определять количество обитателей поселения в целом (городище и селище) от 25 до 40–45 человек, что не противоречит усредненным показателям для всей территории древнерусского государства. Конечно же, на территории южнорусских земель этот показатель дол-

⁴⁶Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. С. 99–100.

⁴⁷Давня Історія України. К. 2000. Т.3. С. 377–453.

жен был быть гораздо выше ввиду естественно большей плотности населения. Что же касается рассматриваемого региона, то уже в период, непосредственно предшествующий образованию древнерусского государства, этот показатель был достаточно высоким. Так, например, на раннероменском городище Новотроицком, расположенном выше Каменного по р. Псел, раскопано около 50 полуземлянок, что позволяет предполагать число одновременно существовавших жилищ в пределах от 20 до 25, а численность одновременно проживавших обитателей от 100–120 до 150–175 человек⁴⁸.

В дальнейшем селище близ с. Каменное имело возможность расширяться лишь к Западу и Северу, поскольку северо-восточная и восточная часть плато оказались заняты разраставшимся могильником, на котором было погребено не менее 4–6 поколений обитателей раскопанного поселения. При этом погибшие в огне жилища начального этапа не восстанавливались на прежнем месте и были заброшены, о чем, в частности, говорит сооружение гончарной печи неподалеку от погибшей в огне роменской полуземлянки: обычная бытовая предосторожность требовала размещения такого небезопасного в пожарном отношении производства в стороне от существующих построек.

Вполне допустимо, что на финальном этапе существования поселения, в конце XII – начале XIII века на городище находилась усадьба («двор») феодала, его резиденция совместно со вспомогательными службами. К этому же времени поселение в целом преобразовалось из общинного поселения свободных смердов во владельческое, что стало возможным лишь после стабилизации границ между Черниговской и Переяславской землями-княжествами к 70-м годам XII в., укрепление которых сопровождалось развитием вотчинного землевладения за счет земель ранее свободных общинников. По-видимому, именно такому владельцу вотчины могли принадлежать предметы христианского культа из раскопок вала, в котором нельзя не видеть представителя феодальной верхушки.

Разумеется, установить его переяславского или же черниговского сюзерена ныне не представляется возможным. Впрочем, скорее всего, если принять во внимание местоположение Каменного, собственник городища пребывал в отношениях с князьями черниговской земли, скорее путивльскими, чем курскими, ввиду того, что эти, выделившиеся из Новгород-Северского княжения волости, начинают играть активную внутривотчинную роль в меру

⁴⁸Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. С. 51, 188, 210.

его упадка в последней трети XII в., а также и по причине территориальной близости к землям рассматриваемого региона (Рис. 136).

Нельзя исключать и того, что феодальная усадьба на городище в с. Каменное находилась в каких-то подвластных (податных) отношениях с одной из волостей (уделов), пребывавших в начальном состоянии образования (выделения). В бассейне р. Псел центрами таковых могли быть Зеленый Гай, Тополи, а в верховьях Ворсклы – комплекс у с. Ницаха, а также Журавное или Полтава (в среднем течении реки). Формирование новых волостей находилось в русле процесса дальнейшей феодализации восточнославянского общества, и, следовательно, последующего дробления княжений на все более мелкие единицы. Процесс этот, однако, был прерван катастрофой татаро-монгольского нашествия, последствия которого население Левобережной Украины, в том числе и рассматриваемого региона, разделило вместе со всеми обитателями южнорусских земель.

Каменное. Лагерь экспедиции. Слева направо: В.В. Приймак, О.В. Иченская (Пархоменко), С.П. Юренко, О. В. Сухобоков

Каменное. Лагерь экспедиции. Слева: П.М. Покас и О.В. Иченская (Пархоменко)

Глава V

«ЗЕМЛЯ НЕЗНАЕМА» – ЮГО-ВОСТОК ЛЕСОСТЕПНОГО ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В X–XIII вв.

Археологические обследования левобережного Приднепровья и бассейна р. Северского Донца конца 50-х–60-х гг. XX в. в связи с сооружением Каневского, Кременчугского и Печенежского водохранилищ, а также по маршруту и в зоне строительства канала Днепр–Донбасс (начало 70-х гг. XX в.), выявили следы древнерусских поселений открытого характера в приднепровском междуречье Псла и Ворсклы (около 30), в бассейнах Северского Донца (15) и Орели (7). Значительная группа поселений с древнерусскими материалами по результатам разведок и небольших раскопок известна в Надпорожье и в Южном Поднепровье¹ (Рис. 1; 135).

Последнее обстоятельство является крайне важным в этнокультурном, цивилизационном и социально-экономическом аспектах поскольку позволяет ставить и разрабатывать вопросы относительно механизма сосуществования восточнославянского оседлого, преимущественно земледельческого населения, с разноэтничными кочевыми, главным образом, скотоводческими племенами южнорусских, точнее, в современной географической номенклатуре – украинских, степей. Неукрепленный характер этих древнерусских поселений как-будто изначально исключает возможность конфликтных и, напротив того, предполагает наличие мирных отношений оседлого славянского населения с кочевыми тюркоязычными соседями, что противоречит летописным сообщениям о разрушительных набегах степняков на города и веси Киевской Руси. В данном случае, речь может идти о неоднозначном отношении кочевников к славянам-земледельцам, волею исторических судеб оказавшихся вне пределов восточнославянского государства, с одной стороны, и их сородичам, обитавшим в приграничном районе к западу и северу от р. Сулы, стратегически определившейся в качестве государ-

¹Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II – XIII ст.). К. 1975. С. 161–177; Рис. 57; Козловський А.О. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX – XIV ст. К. 1990. С. 123; Табл. XVII.

ственного кордона державы Рюриковичей – с другой. В связи с этим обстоятельством возникает ряд вопросов относительно пределов славянского расселения к востоку от Сулы, административного статуса населения этого северо-восточного региона Днепровского Левобережья, его этнического облика, характера занятий, различных сторон материальной и духовной культуры и пр. Выяснение этих вопросов имеет существенное значение и для наметки возможных путей решения проблем истории формирования территории древнерусского государства, точно так же, как и для выделения этнических слагаемых древнерусской народности Левобережной Украины в эпоху Киевской Руси.

Определяя ареал древнерусского населения в рассматриваемом регионе, не приходится говорить о государственной границе Руси XI в. где-то в бассейне реки Северский Донец или в верховьях и среднем течении р. Воронеж², поскольку, еще с конца X в. роль таковой была закреплена за Посульским укрепленным районом, само формирование которого принято связывать с деятельностью Владимира Святославича. Да и позднее, с образованием Переяславльского княжества в середине XI в., именно оборонительная линия по берегам р. Сулы также обозначала границы государства в целом³, в то время как территория к востоку от нее являлась скорее номинальным, чем фактическим владением левобережноднепровских княжеств (а, значит, и Киевского государства), чьи властные функции здесь были, говоря по существу, весьма и весьма условны⁴. Если следовать букве летописных сообщений, то и ранее, до середины IX века, именно р. Сула ограничивала юго-восточный предел расселения одного из наиболее значительных предгосударственных восточнославянских образований – «племени» Сѣверь (Рис. 133). В данном случае письменный источник не согласуется с археологическими данными о племенной территории северян, определяемой в настоящее время по ареалу распространения памятников волынцевско-роменской культуры, представлявших этот племенной союз на

²Как это, к примеру, делается в трудах акад. Б.А. Рыбакова – см.: Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев. М. 1969. С. 191 (карта); Его же. Киевская Русь и русские княжества. М. 1982. С. 291 (карта), где произвольно обозначена «восточная граница Руси на полпути между Булгаром и Киевом». Карта и трактовка восточной границы Киевской Руси были некритично воспроизведены в: Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев: пути, связи, судьбы. К. 1997. Рис. 37.

³Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996; Его же. Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск. 1998; Моця О.П. Південна «Руська земля». К. 2007. С. 61–72.

⁴Коринный Н.Н. Переяславская земля (X – первая половина XIII в.). К. 1992. С. 57–58.

хронологически разных стадиях догосударственного развития и ставших со временем этнической базой позднейших феодальных княжений Левобережной Украины.

Действительно, археологическое изучение Днепровского Левобережья к востоку от Сулы, и на Псле, и на Ворскле, и по берегам Северского Донца (само название которого является достаточно красноречивым указанием на имя его насельников), выявило на

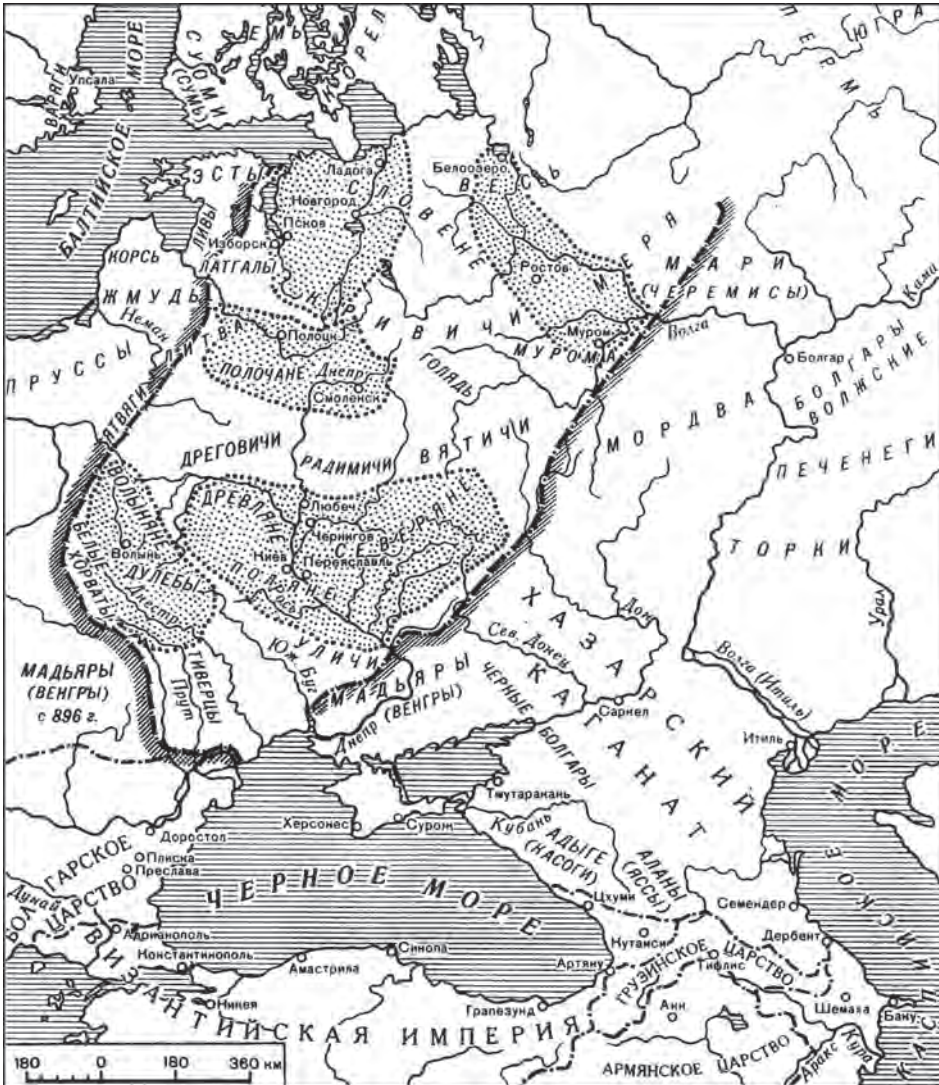

Рис. 133. Этнополитическая ситуация в Восточной Европе последней четверти I тысячелетия н. э. (по П.П. Толочко)

берегах левых притоков Днепра (в том числе и в поречье Сулы) цепочку укрепленных поселений-городищ роменского этапа волынцевско-роменской культуры (Рис. 134), которая является своего рода археологическим эквивалентом северянского союза племен в предгосударственный период. Исходя из летописного определения племенной территории северян («а друзии сѣдоша по Дѣсне, и по Семи, и по Сулѣ, и нарѣкошася Сѣверь...») с одной стороны, а также располагая фактом существования северянских поселений на западе исторической Слобожанщины – с другой, как-будто представляется возможным говорить о колонизации восточного региона Левобережной Украины в XI–XIII вв.⁵ Ее очевидные успехи могли осуществиться лишь в условиях достаточно сильного государства, хотя, за исключением известных эпизодов деятельности Владимира Святославича и Владимира Мономаха, вряд ли речь может идти о целенаправленных внешнеполитических акциях центральной власти Киевской державы наследников Рюрика в этом плане, поскольку она, главным образом, сводилась к функциям организации обороны восточных границ от набегов кочевников.

Точно так же нет оснований говорить и о колонизационных усилиях правящей верхушки Чернигово-Северского или Переяславльского княжеств (с середины XI в.), постоянно соперничавших между собой за Посеймье; их противостояние в борьбе за земли к востоку от Сулы чуть ли не на столетие определило внутривосточную обстановку в данном регионе. Это обстоятельство на фоне острой внутридинастической борьбы, естественно, не способствовало ни образованию, ни деятельности сколько-нибудь стабильных судебно-административных структур на уже обжитых землях, не говоря уж об организации ими освоения новых. Таким образом, есть определенные основания утверждать, что в таких условиях колонизация земель к востоку от Сулы стала возможной в результате прежде всего самодетельной, преимущественно – хозяйственной, активности земледельческого населения северянского племенного союза, нежели осознанной политики правящей верхушки древнерусского государства с центром в Киеве.

Население Днепровского Левобережья, будучи преимущественно северянским⁶, расширяя в процессе расселения пределы своей племенной территории, неизбежно должно было инкорпо-

⁵Кучера М.П. Переяславльское княжество // Древнерусские княжества X – XIII вв. М. 1975. С. 124; Коринный Н.Н. Переяславская земля. С. 75-79.

⁶Согласно экстравагантному предположению Н.Н. Коринного, «полянско-уличским» – См.: Коринный Н.Н. Переяславская земля. С. 20-40.

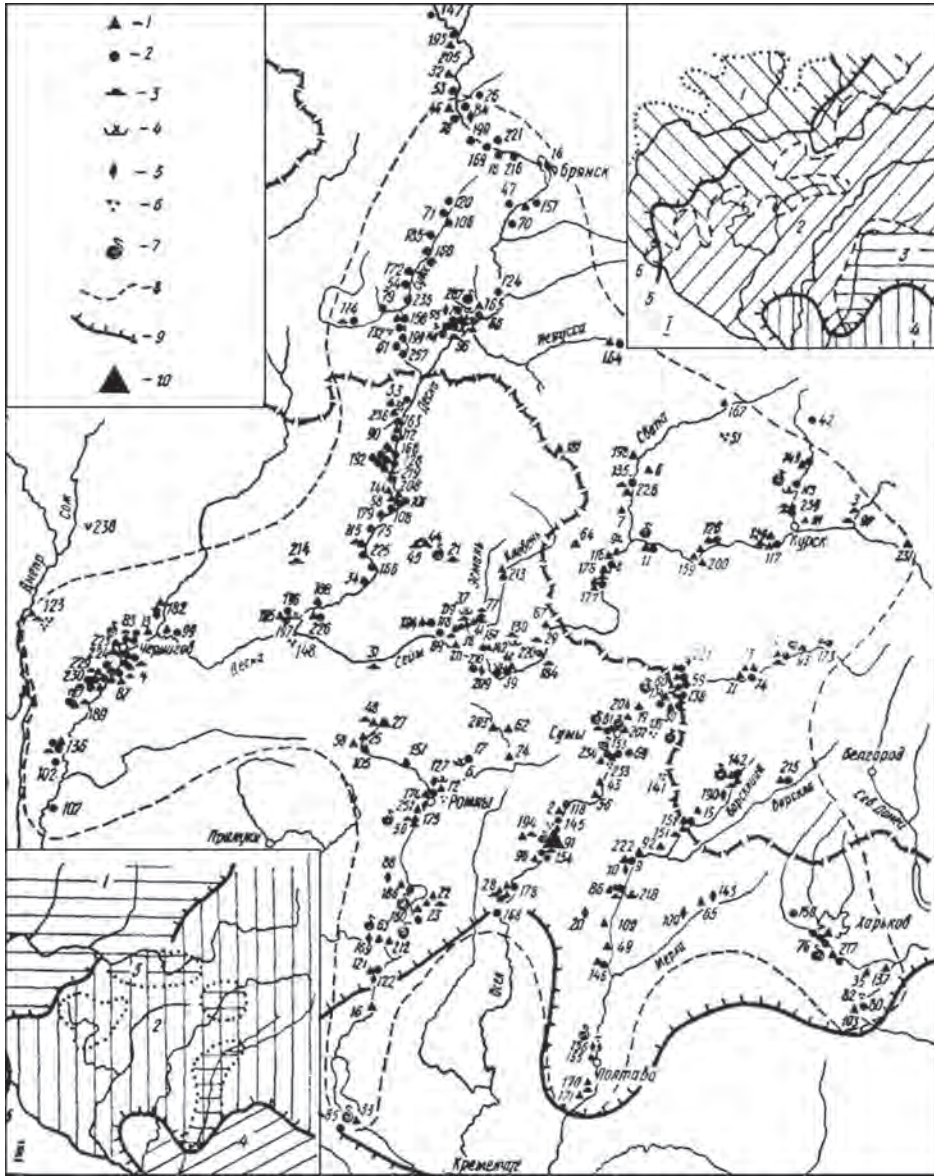

Рис. 134. Памятники Днепрового Левобережья второй половины I тысячелетия н. э. : 1 – городище; 2 – селище; 3 – курганный могильник; 4 – грунтовой могильник; 5 – вещевой клад; 6 – монетный клад; 7 – спиральные височные кольца; 8 – границы роменской культуры; 9 – граница лесостепи; 10 – комплекс у с. Каменное

ризовать и какие-то иноэтничные и иноплеменные образования, и к рассматриваемому времени уже не являлось монолитно однородным в племенном отношении, о чем свидетельствуют находки элементов ассортимента украшений, характерных для личного

убора представителей других племен, в том числе и неславянских этнических образований, равно как и наблюдаемые при раскопках древнерусских могильников специфические детали погребальной обрядности, присущие вышеназванным контингентам.

Не пытаясь в данной работе касаться дискуссионных вопросов культурно-генетической преемственности, как и решать проблемы этнической и племенной атрибуции населения разных конкретных районов Левобережной Украины в рассматриваемое время (о чем мне уже приходилось высказываться на страницах научных изданий), все же считаю необходимым указать на признаваемую большинством специалистов (В.В. Мавродин, И.И. Ляпушкин, Д.Т. Березовец, П.Н. Третьяков, М.И. Артамонов, В.В. Седов и др.) бесспорно славянскую принадлежность роменских памятников, археологически репрезентующих летописных северян⁷. Как ныне установлено, памятники роменской культуры, являющиеся дальнейшим развитием древностей волынцевского типа, морфологически существенно отличаются от предшествовавших им волынцевских своим расположением на мысах коренных правых берегов левых притоков Днепра, захватывая и земли по верхнему течению Северского Донца. В бассейне последнего, как и по течениям Ворсклы, Псла, Сулы, Сейма и Десны, роменские укрепленные поселения занимают, главным образом, зоны распространения подзолистых грунтов, что может указывать на выбор северянами для своего обитания областей с преимущественно лесным ландшафтом, с присущими им структурными особенностями почвы. Это, вероятно, было обусловлено имевшимися возможностями земледелия.

Помимо отличий в топографии и характере поселений, роменский этап северянской культуры отличается от волынцевского и в погребальной обрядности: для волынцевцев были свойственны бескурганные погребения остатков кремации в урнах, которые у роменцев сменяются урновыми захоронениями сожженных на стороне в верхней части курганной насыпи. При этом, необходимо учитывать, что смена бескурганных могильников курганными является общим для всех восточных славян явлением, по-видимому, таким образом отражая определенный перелом в культурном и социальном развитии общества во второй половине I тысячелетия н. э.⁸

⁷Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII – XIII ст. К. 1992. См. там же и историографию вопроса. Сухобоков О.В. До походження та інтерпретації пам'яток волынцевського етапу культури літописних сіверян // Археологія. 1999. № 2. С. 25-39.

⁸Брайчевський М.Ю. Походження Русі. К. 1968. С. 104-106.

Есть некоторые отличия и в керамике: приемы орнаментации в виде оттисков «веревочного» (гребенчатого) штампа по срезу венчика, спорадически встречающиеся на сосудах волынцевского керамического комплекса, получают развитие и усложнение, наряду с большим разнообразием орнаментальных мотивов и в ассортименте посуды роменского этапа. К тому же, на его финальной стадии появляется посуда гончарной (круговой) технологии, являющаяся своеобразным индикатором интеграции локальной племенной (северянской) волынцевско-роменской культуры в общую древнерусскую.

Вместе с тем, указанные отличия вовсе не противоречат выводу о генетическом родстве и некоторых чертах типологического сходства памятников волынцевского типа и роменской культуры, которые выступают довольно отчетливо. Это проявляется как в общности занятий и материальной культуры, так и в известном единстве погребального обряда (сожжение на стороне, погребальные урны, инвентарь и пр.). Обе группы памятников справедливо рассматривать в качестве единой волынцевско-роменской культуры, представленной соответственно двумя этапами развития восточнославянского племенного образования с «оною страны» (левого берега) Днепра, известного летописцу под именем «Сѣверь».

Смена открытых поселений волынцевского этапа роменскими городищами в какой-то части находит свое объяснение в обострении военно-политической ситуации в степях Восточной Европы, вызванной нестабильной ситуацией в IX в. внутри Хазарского каганата, еще к середине VIII в. распространившего свою власть на восточнославянские земли⁹. Согласно летописным свидетельствам, хазарам платили дань племена вятичей, северян, радимичей; в данных отношениях с ними находились какое-то время и поляне, земли которых географически располагались на более значительном удалении от западных границ каганата¹⁰.

Однако, летописец ничего не сообщает о том, каким образом осуществилось покорение славян каганатом; мало существенного можно извлечь из «Повести временных лет» и для определения степени зависимости от хазар, точно так же, как и для выяснения нижней даты установления хазарского господства; напрасно искать в письменных источниках и сообщений, повествующих о временных рамках пребывания каждого из восточнославянских племенных со-

⁹Артамонов М.И. История хазар. Л. 1962. С. 171; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. Л. 1975. С. 136; Новосельцев А. П. Хазария в системе международных отношений VII–IX вв. // ВИ. 1987. № 2. С. 21, 24, 31-32.

¹⁰ПВЛ. М.-Л. 1950. Ч. 1-2. Стб. 16-17, 18, 20, 46, 47.

юзов под хазарским владычеством. Не намного информативнее и археологические материалы, которые способствовали бы атрибуции физического присутствия хазар в виде артефактов присущей им материальной культуры на землях их славянских данников. Изучение нумизматических материалов предоставляет определенные основания для разработки вышеназванных вопросов: согласно мнению авторитетных специалистов, границы хазарского владычества и его продолжительность определяются областью распространения куфического дирхема¹¹, и именно на земли славян «хазарской группы» (по терминологии В.А. Пархоменко) приходится наибольшее количество находок кладов и отдельных монет, датированных VIII – началом последней четверти X века.

Территориально наиболее близкими к владениям каганата оказались вятичи верховьев и среднего течения Дона и р. Воронеж, заселение которых осуществлялось из бассейна р. Оки не ранее IX в., уже в условиях доминирования Хазарского каганата в степях Восточной Европы. Эти колонисты, по-видимому, первыми из вятичей стали его данниками. В самом деле, трудно представить, что занимавший огромные пространства от Среднего Дона до верховьев Волги, покрытые девственным лесом, изобилующие полноводными реками и болотами, основной племенной массив вятичей был покорен хазарами, став объектом эксплуатации на довольно длительный период времени. В летописном сообщении вероятнее усматривать лишь некоторую часть вятичского племенного союза, каковыми и были славяне боршевской культуры. В настоящее время в этом регионе насчитывают около 80 пунктов с боршевскими материалами, на восемнадцати из которых производились стационарные раскопки¹². На основании результатов последних, исследователи отмечают определенную «консервативность» культуры боршевцев, что, конечно же, нельзя не связывать с их существованием в инородном окружении под хазарским владычеством¹³.

К сожалению, все сообщения летописи, в той или иной степени связанные с племенным союзом «Вятичь», вряд ли относятся к обитателям междуречья Дона и Воронежа, оказавшихся на самом переднем, юго-восточном, крае славянской колониза-

¹¹Кропоткин В. В. Топография кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М. 1978. С. 111-118; Фомин А. В. Источниковедение кладов куфических монет IX–X вв. (по материалам Восточной Европы). Дисс... канд. ист. наук. М. 1982. (рукопись).

¹²Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – нач. XI в.). Воронеж. 1995. С. 8.

¹³Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж. 1965; Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. С. 151-153.

ции восточноевропейской равнины и, тем самым, в отрыве от крупного этнографического образования, в котором нет оснований не видеть славянское население Волго-Окского бассейна, т. е. вятичей «Повести временных лет». Рассмотрение этого региона лежит за рамками темы данного исследования. И, тем не менее, ниже придется обратиться к славянским памятникам междуречья Северского Донца и Дона с Воронежем в связи с выяснением властно-правового положения обитателей окраинных районов Киевской Руси.

Северянские (роменские) городища на Днепровском Левобережье занимают значительную территорию (по подсчетам различных исследователей, от 100 до 140 тыс. км кв.) — от среднего течения Десны на севере и до Северского Донца на юге, образуя своеобразные гнезда поселений (от 3–5 до 7–12-ти) на отрогах правых берегов рек, в то время как суходольные районы междуречий оставались незаселенными. М.П. Кучера, целенаправленно на протяжении многих лет занимавшийся изучением оборонительных сооружений и укрепленных поселений восточного славянства на территории Украины в целом, особенности роменской поселенческой традиции усматривал в выборе для городища местности с наибольшей естественной защищенностью. В качестве таковых наиболее приемлемыми были мысовые выступы и останцы прибрежных участков плато, имеющие, к тому же, дополнительные препятствия вроде естественно образовавшейся западины, отделяющей мыс-останец от плато, и значительную крутизну склонов. Искусственные укрепления, в виде вала с деревянной стеной на наиболее высоком участке останца и рва перед ним, выкопанного в этой естественной ложбине, дополнялись эскарпами по периферии останцовой площадки, склоны которой подрезались на высоту от 3-х до 7–10 м; в ряде случаев над эскарпами прослеживаются валобразные возвышения продолговатой формы по краям, допускающие наличие здесь в древности каких-то деревянных конструкций¹⁴.

Иногда близ городища располагалась неукрепленная часть поселения, часто занимающая площадку смежного, имеющего не меньшую естественную защищенность, мыса, что, по существу, составляло определенное единство с искусственно укрепленной. Впрочем, наличие сопровождающих роменские городища откры-

¹⁴Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VIII – XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. К. 1999. С. 56-59

тых селищ вовсе не является обязательным. В отдельных случаях городище, находящееся в окружении посада и нескольких неукрепленных поселков может служить признаком реального (Горналь, Донец)¹⁵ или потенциального (Гочево, Ницаха)¹⁶ поселения городского типа. Возможно, таковым же был и ныне почти полностью разрушенный комплекс из городищ и обширного селища близ хутора Зеленый Гай (Сумская обл.), огромный курганный могильник которого позволяет предполагать здесь существование крупной поселенческой структуры на торговом пути из Волжской Булгарии на Русь¹⁷.

М.П. Кучера насчитывал на левобережном Поднепровье свыше 90 роменских городищ. Не все они одновременны (три городища прекратили свое существование в конце IX в; не менее 40 оставлены своими обитателями на рубеже X–XI вв., причем более половины из последних были реконструированы и вновь заселены в конце XI–XII в.). Не все они равноценны по величине (около 50 % городищ имеют площадь до одного гектара, площадь около 25 % городищ составляет от 1,5 до 5 га). При этом возникновение больших городищ (35 %) исследователь считал возможным датировать VIII – IX–X вв.¹⁸

Большинство отечественных и зарубежных специалистов согласны с такой хронологией, однако высказывают различные точки зрения относительно причин существования столь значительного процента «больших» городищ. Так, Е. Домбровска объясняет это явление формированием территориально-политической структуры на финальной стадии доклассового общества¹⁹, в то время как другие склонны усматривать в них своего рода управляющие сельской округой центры²⁰, третьи вообще не видят положительного решения этого вопроса²¹.

Думается все же, что причины такой диспропорции на Левобережье лежат в сфере геоморфологии, особенностях ландшафтного рельефа. При этом весьма существенным представляется также и то обстоятельство, что, как правило, эти городища располагаются на площадках укрепленных поселений раннего же-

¹⁵Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М. 1981; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. С. 300-315; 330-360.

¹⁶Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя. С. 152-166.

¹⁷Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. С. 110-118.

¹⁸Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VIII – XIII ст. С. 114, 168.

¹⁹Dabrowska E. Wielkie grody dorzecza górnej Wisły. Wrocław-Warszawa. 1973. S. 115.

²⁰Solle M. Hradisko jako doklad pokrocile spolecenske organisace v dobe hradistni // Památky archeologické. 1961. T. 52. № 2. S. 522-531.

²¹Stepanek M. Opevnena sídlišta 8 – 12 století ve střední Evropě. Praha, 1965. S. 199.

лезного века, отличавшихся своими значительными размерами, на которых не всегда с достаточной степенью уверенности удается установить границы распространения культурных отложений с собственно славянскими материалами. Таким, например, является городище Заречное-2 (бывшее Петровское) на Ворскле, где под роменское поселение была занята лишь стрелка мыса, в то время как две остальные его части отделялись от славянского и друг от друга двумя линиями оборонительных сооружений эпохи раннего железного века, а в культурном слое практически отсутствует роменская керамика.

Аналогичная ситуация обнаруживается и на Битицком городище, выделяющемся своей топографией (высокий мыс коренного берега р. Псел), размерами (площадь 6,5 га, а с прилегающей неукрепленной частью – до 11 га) и характером (наличие укреплений) из числа поселений волынцевского этапа волынцевско-роменской культуры, расположенном близ с. Битица Сумского района и области. На его укрепленной площадке в качестве субстратных выступают культурные остатки посуды лесостепного варианта скифской культурно-исторической общности, наряду с керамикой зарубинецкого типа и сарматского круга²², между тем как артефакты славянской культуры рассматриваемого периода фиксируются лишь на определенных участках. Такую культурно-стратиграфическую ситуацию на этом городище отмечал в свое время И.И. Ляпушкин, производивший в начале 1950-х гг. небольшие раскопки (вскрытая площадь составила 144 кв. м)²³.

Битицкое городище – одно из немногочисленных (не более полудесятка) самых ранних славянских городищ на территории Восточной Европы и единственное на Левобережной Украине, которое, по моему убеждению, будучи полиэтническим по составу его обитателей, может быть интерпретировано как поселение эвентуально городского типа. Вместе с тем, данное городище с достаточными основаниями допустимо рассматривать как факт прямого материального выражения хазарской экспансии в пределы славянской ойкумены во второй четверти VIII в. Это находит полное подтверждение в специфике материалов его раскопок, производившихся силами Левобережной славяно-русской экспедиции

²²Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. М. 1959. Т. XXIX-XXX. С. 58-83., Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя. С. 125-130.

²³Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа. С. 58-60.

Института археологии Национальной академии наук Украины в 1985–1993 гг.²⁴

В одной из своих публикаций относительно формирования государственной территории Киевской Руси на Днепровском Левобережье в конце первого тысячелетия н. э., Б.А. Рыбаков пришел к весьма оригинальному заключению, согласно которому роменские укрепленные поселения «...являются не особой археологической культурой, а формой приспособления древнерусского степного крестьянства к суровым условиям жизни в угрожаемой зоне»²⁵.

Утверждение это сколь неожиданно, столь и небесспорно по существу в его первой части: в свое время сам автор этого высказывания, как известно, уделил немало внимания изучению роменских памятников, рассматривая их именно в качестве археологического эквивалента северянского племенного союза. И действительно, памятники эти обладают всем необходимым набором устойчивых признаков, составляющих археологическую культуру²⁶, располагая к тому же и специфическими чертами, выделяющими их из круга других восточнославянских археологических культур. В данном случае речь идет о керамическом комплексе и его орнаментации, близкие аналогии которым имеются лишь на памятниках славянских обитателей Подонья (боршевский тип), что позволило И.И. Ляпушкину терминологически объединить их с роменскими в единую археологическую культуру²⁷. Такое объединение в 40-е годы XX в., когда, по существу, только-только начиналась научная разработка обеих групп древностей и, исходя из реалий того времени, может быть, и было оправданным, но оказалось не вполне корректным в чисто научном отношении, что уже в середине 1960-х гг. заставило специалистов отказаться от него по мере дальнейшего углубленного изучения обеих групп памятников²⁸.

²⁴См.: Отчеты за соотвествующие годы в Научном архиве ИА НАН Украины.

²⁵Рыбаков Б.А. Государственная оборонительная система Киевской Руси // Становление раннефеодалных славянских государств. К. 1972., С. 17.

²⁶Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л. 1971. С. 16–32; Брюсов А.Я. Археологические культуры и этнические общности // СА. 1956. Т. XXVII; Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 3–10.

²⁷Ляпушкин И.И. О датировке роменско-боршевской культуры // СА. 1947. Т. IX. С. 121–136; Его же. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей // Вестник ЛГУ. 1956. № 20. С. 45–60; Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.-Л. 1953. С. 251–260. Его же. Об истоках роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. 1969. № 4. С. 18–30.

²⁸Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж. 1965. С. 152–162; Сухобоков О.В. Население Днепровского Левобережья во второй половине I-го тыс. н. э. Автореф. дис... канд. ист. наук. К. 1972; Его же. Славяне Днепровского Левобережья. К. 1975; Винников А.З. Славяне верхнего и среднего Подонья VIII–X вв. (по керамическому материалу). Автореф. дис... канд. ист. наук.

Против второй части приведенного высказывания вряд ли возможно возражать, поскольку здесь с присущей трудам академика Б.А. Рыбакова лапидарностью охарактеризована ситуация на Днепровском лесостепном Левобережье в последней трети первого и первой трети второго тысячелетий. И действительно, наличие своеобразных «гнезд» северянских городищ, вытянувшихся цепочками («вервь» – ?) вдоль левых притоков Днепра, по правым берегам Десны и Сейма, Сулы и Псла, Ворсклы и Северского Донца на территории площадью примерно от 110 до 140 тысяч кв. км²⁹, позволяет говорить об объективно имевших место нескольких линиях обороны.

Обратив внимание на естественно-стихийным образом сложившуюся стратегически-оборонительную ситуацию на левобережном Поднепровье, известный курский краевед и литератор Ю.А. Липкинг счел возможным видеть в ней последствия целенаправленной деятельности северянской общности по организации защиты от хазар и прочих степняков³⁰.

Сама по себе идея, конечно же, не лишена привлекательности и очень уж льстит впитанному с молоком матери исконному славянскому патриотизму, однако вряд ли ее можно принять даже в качестве рабочей гипотезы, поскольку, как справедливо считал М.П. Кучера, не могло быть и речи о планомерном строительстве крепостных линий на столь обширном пространстве в условиях племенной организации общества³¹. Скорее всего, в этом можно видеть результат самодеятельного вольного расселения северян на Днепровском Левобережье с учетом условий, создаваемых постоянно действующим фактором внешней опасности. Это и привело к тому, что к концу VIII – началу IX вв. здесь из роменских городищ объективно сложился своеобразный, выражаясь языком современных военных реляций, «укрепрайон», имевший немаловажное оборонительное значение не только лишь для локального племенного образования, каковым являлись северяне на роменском этапе их

М. 1974. С. 25-26; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. 1982. С. 133-140; Его же. Славяне в древности. М. 1994. С. 315. К сожалению, рецидивы устаревшей трактовки и не менее устаревшей терминологической номинации обеих групп памятников встречаются и поныне – см.: Давня історія України Т. 3. К. 2000. С. 85.

²⁹Н.Н. Коринный преуменьшает территорию племенного союза северян до 100 тыс. кв. км – См.: Коринный Н.Н. Переяславская земля. Сноска 40 к главе VI на С. 299. Основания для этого в его аргументации отыскать затруднительно.

³⁰Липкинг Ю.А. Про призначення роменських городищ // Матеріали II Подільської історико-краєзнавчої конф. Львів, 1968. С. 133-134; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. С.150-154.

³¹Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VIII – XIII ст. С. 114.

культурно-исторического развития, но и для среднеднепровского славянства в целом, уже вступившего в стадию формирования древнерусского государственного образования и его же древнерусской культуры.

Жизненно важное значение этого региона для формировавшегося в это время древнерусского государства хорошо поняли и первые русские князья. Уже в конце IX в. они не замедлили включить его в состав своих владений, избавив северян и их сородичей — посеймских радимичей — от хазарской дани, о чем на страницах летописи прямо говорится под 884 годом: «...Иде [Оле҃гъ] на Сѣверане, и победи Сѣвераны, и възложи на нь дань легку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противень, а вам не чему»³². Обращает на себя внимание, что буквально годом позже, в 885 г., Олегом присоединены и радимичи (посожские), причем, исключительно дипломатическим путем («Посла къ Радимичемъ...»). Это логически вытекает из того, что в процитированном выше отрывке речь идет о военных мерах принуждения левобережного славянства («...иде Оле҃гъ на Сѣверане...»), и, естественно, делает их освобождение от даннических отношений с хазарами не таким уж беспроblemным. Да и взимание с северян дани в пользу киевского князя само по себе достаточно красноречиво.

Наложение дани в эпоху средневековья было не столько нормой внеэкономического принуждения, сколько актом политического признания установившихся отношений в бинарной оппозиции «господства — подчинения». Но, по-видимому, все же не следует преувеличивать степень политической зависимости северян от киевских Рюриковичей в конце IX — середине X в. (на это указывает наложение дани, как нарочито подчеркнуто летописцем, в ее «легкой» форме), несмотря на то, что какая-то часть левобережного славянства оказалась в составе их державы. Видимо, в ней следует видеть обитателей лишь западных районов их племенной территории, между тем как северяне восточных земель совместно с вятичами Подонья, вероятно, оставались под влиянием хазар, а, может быть, и под их властью, до конца 70-х гг. X в. Материальным свидетельством этого являются случаи массовых находок в материалах раскопок роменских и боршевских городищ и могильников восточной монеты чекана 30-70-х годов X века.

³²ПСРЛ. Л. М. 1962. Т. 1. Стб. 24.

В связи с этим некоторые исследователи даже высказывают гипотезу о зарождении у северян собственной государственности, экономическими и политическими предпосылками которой были с одной стороны появление особой денежно-весовой системы³³ в виде своего штампового надчекана на куфическом диргеме или его варварской имитации (явление достаточно часто встречающееся на салтовских памятниках и, видимо, более свойственное алано-болгарским носителям салтовской культуры), обрезка монеты в кружок (опять-таки, в тех районах славянского обитания, которые были сопредельны салтовскому ареалу), а с другой – кризис державы Рюриковичей в середине 40-х годов X века (само существование которой нуждается в серьезных доказательствах)³⁴.

Мысль сама по себе сколь заманчива, столь и малоосновательна, поскольку не имеет надежной опоры ни в археологических материалах, ни в письменных источниках, ни, что тем более существенно, в недостаточно адекватном уровне развития северянского общества, которое, находясь под воздействием двух внешних (по отношению к северянам) политических факторов, каковыми на протяжении всей их истории выступали Хазарский каганат с одной стороны и держава Рюриковичей – с другой, вряд ли могло иметь такую возможность. Да и располагая шансом на создание своей государственной структуры, чего, по понятным причинам, не допустили бы ни варяжско-русская верхушка Киева, ни хазарский каган, не сумело бы им воспользоваться по причине отсутствия достаточно оформленной над- или общеплеменной структуры, способной организовать сопротивление варяжской дружине киевских князей, а также предупреждение или отражение внезапных набегов опасных соседей со стороны Степи.

Между тем, военная и внешнеполитическая активность Олега была своевременной ввиду того обстоятельства, что в конце IX в. ослабленный Хазарский каганат, не сумевший изжить кризис и в первой половине X в., переселяет в Северное Причерноморье часть побежденных печенегов (получивших в источниках название «хазарские печенеги»), которым передает военно-политическое доминирование в причерноморских степях. А в 965 г. под давлением гyzов оставшаяся повожская часть печенегов переходит в Причерно-

³³Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале IX в. С.192.

³⁴Шинаков Е.А., Григорьев В.А. О возможности существования государственности на территории позднеарменской культуры в X в. // Вивчення історії та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Суми-Ромни, 1990; Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005. С. 200-216.

морье, воссоединяясь с соплеменниками. И без того неустойчивое положение каганата было усугублено гибельным вторжением киевского князя Святослава в пределы «степной империи», что позволило новым волнам кочевников, не встречая особых препятствий вторгаться на подконтрольные каганату территории, дестабилизируя внутривосточную и экономическую жизнь ослабевшего хазарского государства. А это, в свою очередь, позволило степнякам вплотную приблизиться к юго-восточным окраинам восточнославянского расселения.

Справедливости ради следует упомянуть, что печенеги на восточных границах Руси появились еще в начале X века (915 г.), однако в течение нескольких десятилетий придерживались мирных отношений со славянами, иногда выступая в качестве союзников в акциях военного характера. Тем не менее, давление на них с востока новой волны тюрков — гузов (торков) не только воссоединило печенежские племена, но и позволило им перейти от мирных отношений со славянами к военным, к вторжению в славянские земли. Появление небезопасного соседства с кочевниками, сам образ жизни и особенности скотоводческого хозяйства которых требовали больших пространств для воспроизводства, не могло не вызвать некоторого оттока населения из отдаленных районов во внутренние, и, возможно, недолговременных перерывов жизнедеятельности на ряде роменских поселений по Северскому Донцу, Ворскле, в верховьях Псла и Сейма. Однако особенно печенежская угроза обострилась во второй половине X в., когда, говоря словами летописца, борьба с набегами кочевников «бѣ беспереступна». Воспользовавшись отсутствием Святослава, в 969 г. печенежская орда осадила Киев, где нашли убежище семья великого князя и его мать Ольга. Только дезинформация не располагавшего необходимыми силами воеводы Претича с «оноѣ страны» (т. е., с левого берега Днепра), а также возвратный марш основной русской рати из Подунавья к Киеву после вынужденно заключенного перемирия с Византией, спасли княжескую семью и горожан от рабства и позора. Святослав же вновь возвратился к своим авантюрам на Балканах, а вскоре (972 г.) великий завоеватель, вследствие активизации византийской дипломатии, принял смерть «от печенѣгъ» на днепровских порогах. И, как в настоящее время общепризнано, не без ее козней.

Обострение внешнеполитической ситуации требовало принятия срочных мер, одной из которых было окончательное присоединение северян (восточных), что стало возможным в результате похода на вятичей в 981/982 г. нового киевского князя Владимира,

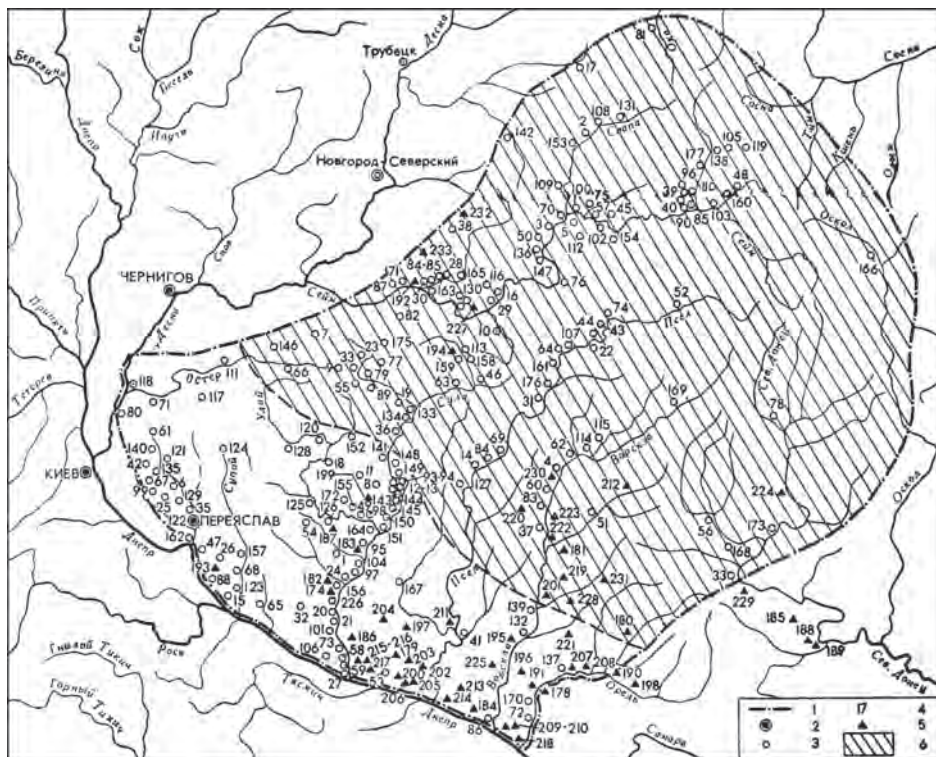

Рис. 135. Древнерусские памятники Переяславльської землі XI – першої половини XIII в. (по Н.Н. Коринному): 1 – границі Переяславльської землі; 2 – центри князств; 3 – городища; 4 – указатель пам'яток; 5 – селища; 6 – Северська землі, впродовж входивши в склад Переяславльського князства

унаследовавшего державу Святослава. В конце 980-х гг., покончив со своими братьями, претендовавшими на великокняжеский стол и осуществив акт принятия христианства, Владимир предпринимает огромную работу по укреплению рубежей своей державы «... И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубешеву, и по Суль, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшиѣ от Словенѣ и от Кривичѣ, и от Чюди, и от Ватичѣ, и от сих насели грады, бѣ бо рать от Печенѣгъ, и бѣ воюа с ними и одолаа имѣ»³⁵.

Из приведенного летописного отрывка следует, что: 1) наиболее уязвимым направлением печенежских набегов были земли по левому берегу Днепра; 2) в начале правления Владимира (конец X – начало XI вв.) бассейны Трубежа и Сулы ограничивали пределы его державы на востоке; 3) укрепление юго-восточной границы понималось великими князьями (в данном отрывке, Владимиром

³⁵ПСРЛ. Л.-М. 1962. Т. 1. Стб. 121.

Святославичем) как дело общегосударственной важности. При этом здесь можно видеть не только меры по организации укрепления обороноспособности Киевской Руси, но и задачи внутривнутриполитического реформирования государства, преследовавшие, помимо чисто военно-стратегических, и иные цели, а именно, ликвидацию остатков старой племенной организации путем переселения «мужей лучших», в которых трудно не видеть представителей племенной и родовой аристократии, из внутренних и окольных славянских (и не только) племенных территорий на пограничные земли древнерусского государства.

Наиболее уязвимыми в стратегическом отношении были два района, одним из которых являлся степной коридор, образованный долиной Сейма и верховьями Сулы и р. Ромен, ведущий в Подесенье и к Чернигову, и который было необходимо перекрыть Змиевыми валами на сухоходольных участках междуречья, опирающимися на городища по берегам рек Ромена, Терна и Сулы³⁶. К тому же времени, по-видимому, относится и сооружение аналогичных земляных сооружений вдоль правого берега Десны, которые совместно с укрепленными поселениями должны были бы контролировать броды на участке от современного с. Блистова (древнерусский Блестовит) до с. Макошин на Черниговщине³⁷. Другим, не менее опасным районом, являлось междуречье Днепра – Трубежа – Альты, для обеспечения обороны которого было построено три линии земляных укреплений (те же самые «змиевы» валы).

Нетрудно видеть, что в процессе фортификационного строительства на северном участке юго-восточной границы Владимиром в какой-то степени были использованы северянские городища, усиленные линиями Змиевых валов и крепостей на сухоходольных участках, где в догосударственный период вообще отсутствовали какие-либо северянские укрепления.

В связи с деятельностью Владимира Святославича по укреплению восточных границ своей державы, не лишним будет упомянуть свидетельство епископа Бруно Кверфуртского, который на пути к печенегам в двух днях конного перехода от Киева имел возможность видеть прочную стену, протянувшуюся на большое пространство³⁸. Здесь, вероятно, следует признать справедливость соображений Н.Н. Коринного, который локализует увиденные в 1008 г. католическим миссионером укрепления в междуречье Трубежа и

³⁶Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. К. 1987. С. 57; Рис. 27.

³⁷Попко А.А. Древний вал на р. Десне в Черниговской обл. // НА ИА НАНУ. Ф. 12, № 604.

³⁸Памятники истории Киевского государства в IX – XII вв. Л. 1936. С. 76.

Супоя, а не на правом берегу Днепра в районе Триполья, как были склонны считать некоторые исследователи³⁹. Сооружение опорных пунктов обороны на ранее не освоенных земледельцами-северянами местах и использование некоторых роменских городищ, которые со временем лишь в единичных случаях развились до уровня полноценных средневековых городов древнерусского времени (Зартый, Глинск, Кснятин, Ромен, Горошин, Лубьно и др.), а также насаждение новой общегосударственной администрации, привело к тому, что большинство северянских племенных центров утратили свои властные и военно-административные функции. Это усугублялось наличием постоянного фактора внешней опасности, в свою очередь, приводившего к временному запустению близлежащей округи этих городищ. Их население в добровольном или в принудительном порядке переселялось к местам расположения новых крепостей, обслуживание гарнизонов которых требовало людских ресурсов, точно так же как и освоение новых земель нуждалось в более интенсивном использовании окружающего пространства при наличии усовершенствованных орудий труда и техники земледелия.

Именно такая ситуация отслеживается на городище Монастырище на рубеже X – XI вв., обитатели которого были вынуждены оставить старое поселение в пойме р. Ромен при ее впадении в р. Сулу, переселившись под защиту стен вновь построенной на ее крутом берегу крепости Ромен, уже во второй половине X века располагавшей достаточно сильным гарнизоном, подчиненным представителю великокняжеской власти⁴⁰.

Прекращение жизни на крупных городищах – предполагаемых племенных центрах, историки вполне справедливо связывают с моментом включения земель того или иного племенного союза в состав государственной территории. Это явление имеет универсальный характер и проявилось как в Польше, где *wielkie grody* прекращают свое существование⁴¹ с образованием державы Пястов в конце X в., так и в Чехии, где созданное в X в. чешское государство

³⁹Коринный Н.Н. Переяславская земля. С. 51-52. Ср.: Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. С. 9-12.

⁴⁰Комар А.В., Сухобоков О.В. Городище Монастырище и древнерусский Ромен. С. 159-173.

⁴¹Dabrowska E. Wielkie grody dorzecza gornej Wisly. S. 128; Kazmierczyk J. Z badan nad grodami i miastami wczesnego sredniowiecza na Slasku. // AP. 1966. T. 10. Z. 2. S. 668; Zaki A. Skarb zelazny z Zawady Lackoronskiej i problem chronologii grodisk malopolskich // AAC. 1961. T. 3 Z. 1-2. S. 219-243; Hilczerowna Z. Le developpement des formes de colonization au course de la periode s'etendant du VI – XI siecle sur la base recherché dans la Grand Pologne du Sud-Ouest // 1-e MKA. 1968. T. 4. P. 91-96.

лишь выборочно использовало большие великоморавские городища, в то время, как подавляющая часть их пребывала в запустении⁴².

Аналогичная картина наблюдается и на территории средневековой Венгрии, на которой большинство словацких городищ с момента образования мадьярского государства в конце X в. теряют свое значение, за исключением единичных, впоследствии ставших городами (Братислава, Земплин)⁴³. Близкая к вышеописанной ситуация имела место и на территории современной Беларуси⁴⁴.

Административная реформа Владимира, в том числе и переселение представителей племенной аристократии к восточным границам, безусловно, отвечало задачам государственной безопасности, а назначение выходцев из среды мигрантов — «мужей лучших» в качестве посадников во главе отрядов профессиональных воинов-дружинников, вело в конечном итоге к возникновению новых административных структурных единиц — погостов (более распространенных в областях северной Руси) и волостей, институализации органов нового общегосударственного административно-судебного устройства и податного управления, способствовавших, помимо прочего, также и утверждению христианства и искоренению остатков язычества.

Археологически факт переселенческой политики Владимира фиксируется в материалах раскопок древнерусских поселений и могильников юго-восточной окраины Киевской Руси. Смешанный в этническом и племенном отношении состав населения характерен для памятников посульского оборонительного узла. В частности, из могильников близ города-гавани Воишь и города Желны происходят височные кольца кривичей, радимичей, вятичей, северян, предметы финно-угорского личного убора (летописная «чюдь»), наряду с вещами балтского происхождения (приокская «голядь» древнерусских письменных источников)⁴⁵.

К сказанному следует добавить, что, несмотря на внешне общехристианский характер погребального обряда, ряд захоронений обнаруживает некоторые детали (посыпание скелетов углем и золой,

⁴²Stana C. Grossmarische Burgwalle nach dem Untergang Grossmatires // 1-e MKA. 1970. Т. 3. S. 196-201.

⁴³Habovstiak A. Archeologicky vyskum stredovekego obdobia na Slovensku // SA. 1971. Т. 19. Z. 2. S. 603-615.

⁴⁴Загорюльский Э.М. Археология Белоруссии. Минск. 1965; Штыхов Г.В., Лысенко П.Ф. Древнейшие города Белоруссии. Минск. 1966; Штыхов Г.В. Города Белоруссии по летописям и раскопкам (IX – XIII вв.). Минск. 1975.

⁴⁵Довженок В.Й., Юра Р.О., Гончаров В.К. Древньоруське місто Воишь. Л. 1966. С. 64, 103; Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX – XIII вв. по данным погребальных памятников. Автореф. дис...канд. ист. наук. К. 1980; Моця А.П. Південна «Руська земля». С. 103-105, 149, 153, 160.

остатки тризн в насыпях или кольцевых ровиках, урновые захоронения остатков кремации на стороне, погребения в ямах совместно с костяками коней), не только довольно весомых реминисценций языческих верований, но и позволяет говорить о присутствии иноэтнического компонента в составе населения. Последнее представляется тем более верным для территории, лежащей далеко к востоку от посульской оборонительной линии, где краниологические серии обнаруживают признаки метисации погребенных (Городное)⁴⁶.

К сожалению, могильные древности Левобережного Поднепровья нельзя признать полноценным источником для выделения конкретных племенных контингентов на рассматриваемой территории, а только лишь для атрибуции их отдельных представителей, в силу того обстоятельства, что первые столетия II тысячелетия характеризуются процессом конфессионально-культурной и ритуальной нивелировки, обусловленной христианизацией восточного славянства⁴⁷. Черты синкретизма в духовной культуре, более всего прослеживаемые в погребальной обрядности при раскопках северянских могильников (труположение и кремация умерших), по видимому, следует связывать с имевшим место взаимопроникновением элементов языческого и христианского мировоззрений, что обусловило достаточно длительный период их сосуществования.

Согласно гипотезе Б.А. Тимощука и И.П. Русановой, об отнесенном торжестве и повсеместном распространении христианства можно говорить лишь ко времени монгольского нашествия, если не позже. Утверждению христианства способствовали монгольское завоевание и толерантная политика владык Золотой Орды по отношению к православной церкви, и именно в условиях золотоордынского ига на территории бывшей Киевской Руси слово «смерды», обозначающее свободных земледельцев-общинников, сменяется термином «крестьяне» (то есть, христиане) по отношению к сельским обитателям подвластных земель, следовательно подавляющему большинству населения⁴⁸. Появление термина «крестьяне» историки относят к концу XIV в., обычно при этом ссылаясь на монастырские уставные грамоты Северо-Восточной Руси, где этот термин упомянут впервые под 1391 годом⁴⁹. По мнению

⁴⁶Моруженко А.А., Косиков В.А. Курганы у с. Городное // СА. 1977. № 1. С. 287.

⁴⁷Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX – XIII вв. К. 1990. С. 109-110.

⁴⁸Русанова И.П., Тимощук Б.А. Религиозное «двоеверие» на Руси в XI-XIII вв. (по материалам городищ-святилищ) // Культура славян и Русь. М. 1998.

⁴⁹Уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю, 1391 г. // Акты Археографической экспедиции. Т. 1. СПб. 1836. № 11; См. также: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М. 1947. С. 197.

П.И. Лященко «...с этих пор название «крестьяне» становится унифицированным в феодальных отношениях термином для обозначения сельского закрепощаемого населения»⁵⁰. Перенесение конфессионального термина на демографически преобладающую социально-экономическую страту, занятую в сфере сельскохозяйственного производства, для Северо-Восточной Руси, включающей на окраинах значительное число «инородцев», помимо прочего, является также и свидетельством полной христианизации собственно древнерусского общества, что произошло к началу XV в., хотя пережитки языческих верований имеют место и донныне.

Однако в рассматриваемое время языческие верования были довольно устойчивы не только в нижних слоях населения древнерусского государства, но и среди представителей господствующей верхушки, связанной с инкорпорированными Русью другими этносами. В качестве иллюстрации высказанного положения уместно привести известное по раскопкам И. Хойновского в начале 90-х гг. XIX в. подкурганное захоронение европеоида в Поросье у с. Таганчи, которое содержало останки погребенного по кочевническому языческому обряду (в сопровождении коня). При нем были найдены остатки узды и седла, сабля, копье, щит и булава (не употреблявшееся кочевниками оружие), кольчуга, шлем, серебряные накладки и серебряная же чаша, а в костях грудины — медальон с изображением Христа. Анализирувавшая данное захоронение С.А. Плетнева утверждает, что погребение относится к XI–XII вв. и содержит останки представителя княжеского рода (Ростислава Рюриковича — ?), какое-то время возглавлявшего войско черноклобуцкого союза⁵¹.

В приведенном сюжете для нас важна не принадлежность останков умершего конкретной исторической персоне, а совместное присутствие выразительных черт язычества и христианства в инвентаре и погребальном обряде захоронения, несомненно — представителя высшей правящей знати Руси (хотя и «своих поганых»), мировоззрение которой, по-видимому, в данном конкретном случае вполне отвечает традиционному пониманию понятия «двоеверие»⁵².

Еще до официального принятия христианства и его утверждения, в Восточной Европе сожжение покойников сменяется трупо-

⁵⁰Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. С. 187.

⁵¹Плетнева С.А. Половцы, С. 88-89; Ср.: Ее же. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М.-Л. 1958. С. 185-186, где данное погребение интерпретируется иначе: («мог быть только бродником»).

⁵²О значении термина в Древней Руси см.: Хамайко Н. Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина // Ruthenica. 2007. Вип. 6. С. 86-114.

положением, а в меру распространения веры Христовой в массах, ямные курганные погребения — грунтовыми и безынвентарными, что якобы свидетельствует об успехах христианского вероисповедания. Однако, некоторые специалисты склонны усматривать начало изменений в погребальной обрядности, как некое имманентное явление, имевшее место задолго до акта крещения Руси, что и не дает оснований связывать его с последним напрямую⁵³. Наличие захоронений исключительно с труположением по христианскому обряду и с северянскими плоскоспиральными височными кольцами и ленточными налобными венчиками в сопровождающем инвентаре погребений в бассейнах Псла, Ворсклы, Северского Донца (Броварки, Глинск, Зеленый Гай, Мирополье, Журавное, Ницаха, Городное и др.) является еще одним весомым аргументом в пользу христианизации северянской общности на территории к востоку от Сулы. На это указывал еще Д.Я. Самоквасов, основываясь на материалах значительного количества раскопанных им левобережноднепровских курганов, в то время как П.В. Голубовский и Д.И. Багaley придерживаясь аналогичного мнения о преимущественно северянской колонизации, руководствовались, главным образом, сообщениями письменных источников и соображениями общеисторического порядка⁵⁴.

При этом наиболее выдвинутыми в «земли незнаемы», исходя из результатов археологических раскопок, оказались обитатели северянских городищ с материалами роменского этапа волынцевско-роменской культуры в районе современного Харькова, в городскую черту которого входит роменское городище Карачевка, предшествовавшее летописному древнерусскому городу Донец на р. Уды. Раскопки последнего неоднократно предпринимались специалистами еще с начала XX века и получили наиболее полное описание в книгах Б.А. Шрамко, специально посвященных древностям Северского Донца и Харькова⁵⁵.

Не исключено, что роменские (северянские) отложения культурного слоя могут присутствовать и в материалах летописных «половецких» городов Сугров, Балин, Шарукань, известных в связи

⁵³Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX – XIII вв. К. 1987. С. 126-127.

⁵⁴Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М. 1908; Голубовский П.В. История Северской земли до половины XIV ст. К. 1881; Багaley Д.И. История Северской земли до половины XIV ст. К. 1882.

⁵⁵Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков. 1962. С.292-315, 331-360; Там же см. и библиографию с историографическим очерком исследований; Шрамко Б.А., Скирда В.В. Рождение Харькова. Харьков, 2004. С. 57-87.

с походами русских князей 1111 и 1116 гг.⁵⁶, коль скоро они будут идентифицированы в названных донецких городищах и подвергнуты стационарным археологическим исследованиям. Высказанное предположение подкрепляется фактом наличия роменских слоев на некоторых из придонских городищ, ранее безусловно зачисленных в число поселений салтовской культуры. Таково, например, Мохначанское городище, новейшие раскопки которого, проведенные харьковским археологом В.В. Колодой, дающие, по его мнению, обнадеживающие материалы, говорящие об определенном периоде роменско-салтовского сосуществования («симбиозе» — по выражению автора) в указанном регионе⁵⁷.

Говоря о юго-восточной окраине древнерусской территории, нельзя не упомянуть и те немногочисленные поселения с материалами XII–XIV вв. к северо-востоку, в бассейнах рек Оскол, Б.Сосна, Воронеж⁵⁸, что также может говорить о стабильных тенденциях славянской колонизации. Еще ранее в VIII–X вв. земли этого региона были заняты населением боршевской культуры, племенная атрибуция которого в свое время вызывала существенные разногласия⁵⁹. Ныне, после масштабных археологических исследований, проведенных воронежскими специалистами, можно утверждать, что население верхнего Подонья сформировалось на основе славянских переселенцев из бассейна Оки (вятичи) при значительном участии угро-финского и алано-болгарского компонентов, а также sporadически проникавших сюда северян (по-видимому, на волынцевском этапе) из близлежащих районов Левобережной Украины и славян из Среднего Поднепровья. Вне всяких сомнений, именно эта относительно небольшая группировка вятичского племенного союза — донские вятичи — и оказалась под властью Хазарского каганата. Говорить же о «северянской колонизации» Подонья в более раннее время, до IX века, не представляется возможным, хотя бы потому, что из древностей волынцевско-роменской культуры нико-

⁵⁶ПВЛ. 1950. С. 191, 201. Попытка С.А. Плетневой отождествить их с названными городищами в современных населенных пунктах Змиев, Гайдары и Чутуев покамест не находит подтверждения в археологических материалах. См.: Плетнева С. А. Половцы. М. 1990. С. 61.

⁵⁷Колода В.В. Работы на Мохначанском городище // АБУ 1999-2000 гг. К. 2001; Ср.: Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. Рис. 1, С. 110; Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. М. 1967. № 142. С. 28-30, 192.

⁵⁸Цыбин М.В. Юго-восточная граница Руси накануне монгольского нашествия // Евразийская Степь и Лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж. 2000. С. 130-137.

⁵⁹Историографию вопроса и его современное состояние см.: Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж. 1965. С. 7-14; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. 1982. С. 140-142; Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. С. 3-10.

им образом нельзя вывести типологически близкие им боршевские памятники.

К концу X в. боршевские городища, точно также как и салтово-маяцкие поселения в области Верхнего Подонья, прекращают свое существование. В связи с этим высказывалось мнение, что виной тому были вызвавшие падение Хазарии походы Святослава Игоревича, попутно разгромившего вятические и болгаро-аланские поселения⁶⁰. Видимо, это не совсем так. Причины запустения донских поселений правильнее связывать с военной активностью печенегов, после разгрома Святославом каганата получивших возможность беспрепятственного господства в причерноморско-приазовских степях. Именно этим обстоятельством объясняет летописец строительство юго-восточной оборонительной системы Руси при Владимире Святославиче.

С середины XI в. в степи устанавливается относительное затишье, что позволило славянам возобновить процесс освоения земель Донского бассейна. При этом, опорными пунктами Руси стали города Белая Вежа (хазарский Саркел) на Дону и Тмутаракань (Таматарха) на Боспоре, попавшие в сферу влияния Руси в 60-х годах X в. и со времен Мстислава Храброго – первого черниговского суверена из рода Рюриковичей, политически связанные с Черниговско-Северской землей. С этими городами-факториями русской державы в степных просторах Северного Причерноморья близкочуждавшие племена торков и печенегов установили, по-видимому, мирные отношения на правах федератов, если не вассалитета. Показательным в этом отношении является факт оставления русским населением Белой Вежи после двухдневного сражения, в котором половцы разгромили печенегов, и город потерял дружественное окружение из «своих поганых»⁶¹. А без такового существование русского города в половецком море становилось весьма проблематичным. К концу XII в. славяно-русское население было вытеснено и из Тмутаракани, а Приазовье с Подоньем, как и весь юго-восток современной территории Левобережной Украины, оказались в полной власти половецких военно-политических группировок. Это потребовало новых усилий по укреплению государственной (отнюдь не совпадающей с этнической!) границы в бассейне Сулы, а также и активных действий для ликвидации или ослабления половецкой угрозы, что и было успешно осуществлено Владимиром Мономахом.

⁶⁰Брайчевський М.Ю. Походження Русі. С. 176.

⁶¹Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. С. 219-220; Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62. 1958. С. 83-84.

Конечно же, какая-то часть оседлого славянского населения, оставаясь на обжитых местах своего обитания, приспособилась к новым условиям половецкого доминирования, на что указывает наличие селищ с древнерусскими материалами в бассейне рек Дон и Воронеж, а тем более — на берегах более западных рек, входящих в днепровскую гидросистему.

При этом исследователи отмечают некоторую примитивизацию быта их жителей и заметное снижение уровня культуры, что нашло свое материальное выражение в отсутствии стеклянных браслетов, амфорной керамики, появлении саманных построек, подкурган-ных погребений с инвентарем и т. п. Эти черты позволяют, к тому же, говорить об этнически смешанном населении Подонья, тем не менее, в известной степени массово христианизированном, и в котором некоторые исследователи склонны видеть бродников⁶². По-видимому, именно этих «русских» имел в виду Г. Рубрук, на пути в ханскую ставку 1253–1255 гг. проезжая через их поселение, жители которого исполняли перевозную повинность на переправе через реку. Весьма существенно, что он называет перевозчиков «русскими», отличая от прочих «сарацин» именно по конфессиональному признаку⁶³. Впрочем, другие специалисты склонны видеть в них реликтовое ираноязычное население Донского бассейна, известное летописцу под именем «ясов», которых иногда отождествляют с «бродниками»⁶⁴. Это вполне исторически вероятно, однако, по моему мнению, было бы неверным исключать из состава бродников славянский (древнерусский) этнический компонент. В документах XV–XVII вв. земли их обитания в междуречье Воронежа и Дона назывались «Рязанской Украиной», на основании чего некоторые историки были склонны включать их в состав Рязанского княжества в период домонгольской Руси⁶⁵.

Между тем, ареал бродников охватывает более обширную территорию, которая включает вообще всю степную зону Северного и Западного Причерноморья, а не только лишь вышеуказанный регион.

⁶²Плетнева С.А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИИМК. 1964. Вып. 99. С. 26, 31-32; Ее же. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. 1975. С. 280; Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа. С. 84.

⁶³Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957. С. 109-110.

⁶⁴Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). К. 1997; Его же. Аланы – асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). К. 2004; Ср.: Котляр М.Ф. Кто такі бродники? // УІЖ. 1969. № 5. С. 95-101.

⁶⁵Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 170.

Относить последний к области юрисдикции какого бы то ни было княжества все же представляется исторически неоправданным.

В этой связи более убедительной, на мой взгляд, является сложившаяся еще в конце XIX в. и по сию пору признаваемая специалистами точка зрения, согласно которой население Донского бассейна с 20-х годов XII века было в политическом и административном отношении независимым от власти какого бы то ни было русского княжества, будучи фактически «ничьей» территорией, а ее население выработало оригинальную форму внутренней самоорганизации общества, в которой гипотетически допустимо усматривать прототип позднейшего казачества⁶⁶.

Такая административно-правовая ситуация, сложившаяся в конце XII–XIV вв. на самых крайних восточных землях славяно-русского расселения, а именно в верхнем Подонье, рассмотрение которого уже в силу чисто географических причин выходит за рамки темы данного исследования, позволяет допускать аналогичное положение и для юго-восточного региона Левобережной Украины в XII–XIII вв. Вопрос этот, представляется весьма важным для выяснения судеб славянского анклава, находившегося в отрыве от древнерусских земель, точно так же, как и сам механизм его выживания, способности сохранения своего привычного оседлого образа жизни и рода занятий, своих культурных традиций и ценностей в инородном окружении.

И все же, материалы для разработки и освещения упоминавшихся выше вопросов, видимо, следует искать преимущественно в сфере приложения археологической науки, которая дает возможность судить об ареале славянского расселения, основных занятиях, характере поселенческих структур, погребальных обычаях и других сторонах материальной и духовной культуры определенного этнического образования в рассматриваемое время, что не всегда можно извлечь из письменных источников. Ныне в распоряжении исторической науки имеется значительное количество археологических данных для того, чтобы попытаться воссоздать реальную и, по-возможности, во всем ее разнообразии, относительно полную картину жизни оседлого земледельческого населения северо-восточного региона Левобережной Украины.

Так, в самом конце 1990-х годов масштабные раскопки были предприняты в г. Полтаве, где группой местных археологов на территории форштадта некогда бывшего здесь полкового ме-

⁶⁶Плетнева С.А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. С.32.

стечка XVII–XVIII вв. на площади около 1,5 га было расчищено свыше двадцати жилых и более сотни хозяйственных сооружений с материалами финальной стадии роменского этапа волынцевско-роменской культуры (конец X – XI вв.), залежавшими под культурными напластованиями XII–XIII вв. и времен позднего средневековья, вплоть до мусора XIX–XX вв.⁶⁷ В результате были получены новые материалы для реконструкции картины жизни славянско-древнерусского поселения в весьма удаленном от государственной границы Руси районе, восстанавливаемой по культурным остаткам второй половины X века. Впрочем, это довольно свежий пример.

А между тем, еще в самом начале 1940-х гг. И.И. Ляпушкиным было начато, а в 1950-х гг. продолжено исследование ранне-роменского городища близ с. Опошня на р. Ворскла, в середине 1970-х гг. завершено работами Левобережной славяно-русской экспедиции Института археологии АН УССР⁶⁸. Названное городище принадлежит к числу довольно редких памятников поселенческой структуры, содержащих в своих отложениях исключительно материалы одной, в данном случае – роменской, культуры на ее ранней стадии. Еще одним в такой же мере, если можно так сказать применительно к явлениям общественного устройства, монокультурным поселением северян IX в. является Новотроицкое на р. Псел, у с. Пристайлово Лебединского района Сумской области полностью раскопанное И.И. Ляпушкиным в середине 1950-х годов⁶⁹. Эти поселения, суммарно датируемые в рамках IX в., позволяют судить о хозяйственной деятельности и общественной организации северян за пределами очерченной летописцем племенной территории.

Указанные исследования способствовали сложению относительно более определенного представления о материальной культуре северянского населения предгосударственного перио-

⁶⁷Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Левченко Д.І., Мироненко К.М., Приймак В.В. Розкопки в Полтаві // АБУ 1997 – 1998 рр. К. 1998. С. 147-149; Кулатова І.М., Мироненко К.М., Приймак В.В., Супруненко О.Б. Житлово-господарські комплекси X – XIV ст. з розкопок посаду літописної Лтави X – XIV ст. // АЛЛУ. Полтава, 1999. Ч. 1. С. 47-68; Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Приймак В.В. Пізньюромєнські комплекси посаду літописної Лтави (розкопки 1997-1998 рр.) // АЛЛУ. Полтава, 2001. № 1. С. 52-76.

⁶⁸Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. С. 268--304; Сухобоков О.В., Иченская О.В., Юренко С.П. Новые исследования раннеславянского поселения близ Опошни // АО 1975 г. М. 1976. С. 395; Сухобоков О., Юренко С. Керамический комплекс Опошньанского городища // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава, 1990; Сухобоков О., Юренко С. Опошньанское городище (по материалам археологических исследований 1975 г.). Полтава, 1995.

⁶⁹Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. // МИА. М.-Л. 1958. № 74.

да, обитавшего в бассейнах левых притоков Днепра вне локализуемого «Повестью временных лет» ареала их обитания. Наряду с этим, некоторые вопросы, связанные с освоением славянами восточных регионов Днепровского Левобережья, и с их судьбами во время существования единого древнерусского государства (до середины XI в.), во многом все еще остаются недостаточно разработанными. Так, например, не выработано общепринятой точки зрения по вопросу о соотношении территориально-административной структуры Руси периода феодальной раздробленности и племенными догосударственными объединениями. Вывод Б.А. Рыбакова о распаде Руси XII в. по швам племенных границ⁷⁰ встретил возражения А.К. Зайцева, обоснованные рассмотрением истории формирования Черниговской земли. По мнению названного исследователя, границы сформировавшихся княжеств имеют мало общего с рубежами племенных территорий⁷¹. Аналогичную точку зрения, основываясь на анализе истории образования территории Киевской земли, отстаивает В.М. Рычка⁷². По-видимому, соображения А.К. Зайцева и В.М. Рычки в полной мере могут быть применимы и к истории формирования территории Переяславщины⁷³.

Действительно, во время существования Руси в качестве единой политической системы (X – середина XI в.) не был завершен начавшийся с ее образованием процесс стирания границ бывших племенных союзов. До того момента естественное развитие последних протекало путем объединения в более крупные межплеменные структуры – земли, послужившие слагаемыми этнической и территориальной базы только что образовавшегося государства по имени «Русская земля» (Рис. 133). Они же в дальнейшем стали и основой выделившихся в середине XI в. феодальных княжеств, каковыми оказались Черниговское и Переяславльское (Рис. 136), границы которых на территории собственно Среднего Поднепровья не были сколько-нибудь обозначенными в междукняжеских договорных отношениях. И уже, хотя бы поэтому, не были стабильными, а напротив, были весьма неустойчивыми, тем более – на северо-востоке Днепровского Левобережья, что в немалой степени способство-

⁷⁰Рыбаков Б.А. Спорные вопросы образования Киевской Руси // ВИ. 1960. № 9. С. 24; Его же. Киевская Русь и русские княжества. С. 474-476.

⁷¹Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X – XIII вв. М. 1975. С. 72.

⁷²Рычка В.М. Формирование территории Киевской земли (IX – первая треть XII в.). К. 1988. С. 47.

⁷³Коринный Н.Н. Переяславская земля. С. 36-38, 41-60; Кучера М.П. Переяславльское княжество. С. 118-126.

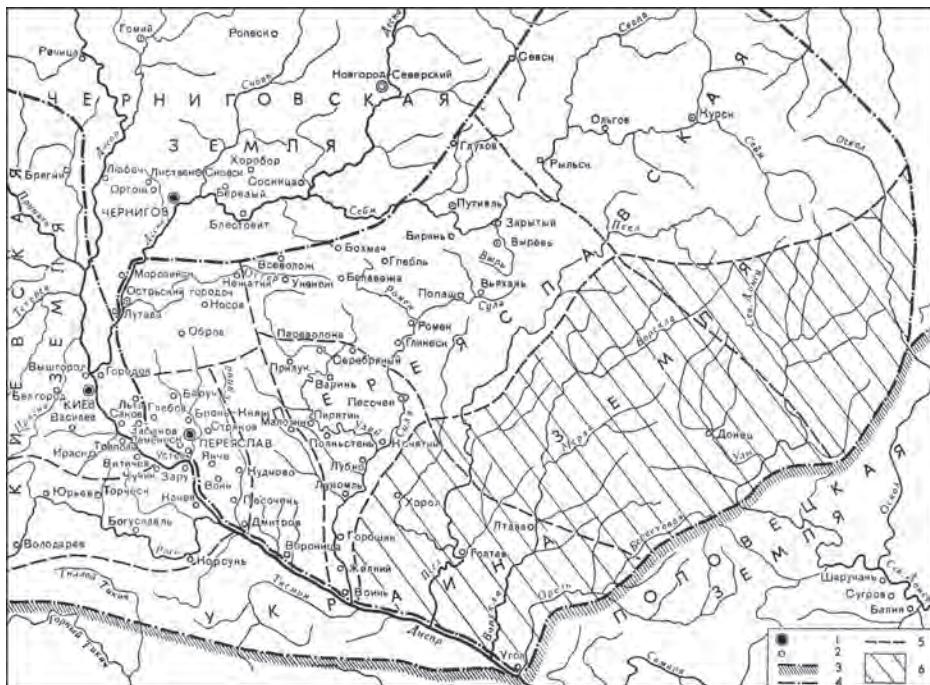

Рис. 136. Административно-территориальное устройство Переяславльской земли в XI – первой половине XII в. (по Н.Н. Коринному): 1 – центры земель-княжений; 2 – летописные грады; 3 – границы Киевской Руси; 4 – границы Переяславльской земли; 5 – границы волостей; 6 – буферные территории между Русью и Половецкой землей

вало хронической междоусобице, время от времени развивавшейся в открытые военные противоборства.

В особенности же эта ситуация обострилась в период феодальной раздробленности (XII–XIII вв.) с характерной для него административной и правовой нестабильностью в пределах всей Киевской Руси. В указанном регионе, в непосредственной территориальной близости к «Степи Половецкой», положение это усугублялось дамокловым мечом фактора внешней опасности со стороны кочевников, часто принимавших сторону того или иного князя в перипетиях междоусобной борьбы, да и не упускавших случая по собственному почину «Русь воѣвати»⁷⁴. Думается, что наиболее адекватную оценку этого периода отечественной исто-

⁷⁴Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. К. 1884; Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. С. 151–226; Ее же. Половецкая земля. С. 260–300; Ее же. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. С. 103–170; Толочко П.П. Київська Русь. К. 1996. С. 105–155; Его же. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К. 1999. С. 108–158.

рии дал выдающийся исследователь вопросов славяно-древнерусской проблематики М.Ю. Брайчевский в одной из своих последних монографий: «самые жестокие половецкие вторжения, самые активные и страшные последствиями, не сравнимы с теми неизмеримыми страданиями и несчастьями, которые причиняла народу внутренняя, межусобная борьба. Да и наезды степняков были возможны только как эпизоды этой внутренней борьбы»⁷⁵.

Следует, однако, заметить, что самое острое кочевнических набегов, будь-то печенегов, торков или половцев, преимущественно было обращено на Киев или же на города левобережноднепровских княжеств, но, конечно же, определенный урон претерпевало и население, обитавшее по маршруту набегов, и, в особенности, жители пограничных районов, каковыми были Посулье и Посеймье. Об этом красноречиво говорят летописные свидетельства, повествующие о событиях русско-половецких отношений в период со второй половины XI в. и до 90-х годов XII в. Эти сообщения столь часто использовались авторами исторических трудов, начиная с В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова, приобретая тем самым если уж не азбучный, то вполне хрестоматийный характер. Посему позволю себе здесь уклониться от излишнего повторения многократно использованных эпизодов «Повести временных лет», привлекая свидетельства летописных источников исключительно в меру необходимости.

Земледельческое население за пределами посульского оборонительного укрепленного района научилось не только выживать в условиях постоянной внешней опасности, равно как и эксплуатации со стороны представителей великокняжеской администрации, а также землевладельческой знати удельных княжеств в середине XI – первых десятилетиях XIII вв., но и производить достаточное количество прибавочного продукта, необходимого для различных поборов и своему вотчиннику, и княжеским посадникам. Об этом говорит наличие городищ и открытых поселений с культурными отложениями указанного времени не только вдоль основных левых притоков Днепра к востоку от Сулы, но и по берегам впадавших в них речушек. В некоторых случаях поблизости от них располагались огромные могильники, насчитывавшие от нескольких десятков и до нескольких сотен, а то и тысяч погребений. Таковы, например,

⁷⁵Брайчевський М.Ю. Автор «Слова о полку Ігоревім» та культура Київської Русі. К. 2005. С.428.

археологический комплекс у с. Журавное на Ворскле, в котором агломерация из трех городищ и обширного неукрепленного поселения находится в свите из 1250 курганов; Ницахский комплекс (два городища, посад с прилегающим селищем и могильник из более чем 500-ми ныне распаханными насыпями) на ее притоке Ворсклице; Зеленогайский комплекс (два, ныне почти полностью уничтоженные, городища вместе с невыявленными, но, несомненно, имевшими место посадом и селищем соответствующей площади), который по уточненным данным содержит около 2450 (каждый год хищнически раскапываемых) курганных насыпей, наряду с не поддающимся учету количеством захоронений грунтового могильника (бассейн р. Псел)⁷⁶.

Сами по себе приведенные факты несомненно говорят об устойчивой длительной оседлости обитателей бассейнов названных рек. Существование столь долговременных населенных пунктов земледельческого славянского (= русского) населения в условиях непосредственного соседства с чуждыми по обычаям, языку и способу жизни иноэтничными народами, стало возможным лишь при наличии обоюдосторонне выработанного и взаимовыгодного механизма сосуществования.

Последний при административной нестабильности в данном регионе мог основываться, прежде всего, на экономических взаимоотношениях, что в условиях слабого развития феодальных институтов вовсе не исключало и внеэкономического отчуждения прибавочного продукта. Существо экономических взаимоотношений заключалось в жизненной необходимости кочевников в продуктах земледелия и ремесла, точно так же как и оседлые земледельцы со своей стороны испытывали нужду в специфической продукции скотоводческого хозяйства и товарах посреднической торговли, находившейся в руках племенной верхушки кочевников. Этот механизм сосуществования, для уяснения форм и деталей которого мы можем только строить те или иные умозрительные конструкции, оказался, однако, весьма действенным и универсальным будь-то для предгосударственного периода или же для древнерусского времени.

⁷⁶Кучера М.П., Сухобоков О.В. Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону Інституту Археології АН УРСР за 1971 р. // НА ІА НАНУ. № 1971/17а; Моця А.П., Орлов Р.С., Покас П.М. Отчет о работе Днепровской древнерусской экспедиции в с. Журавное в 1986 г. // НА ІА НАНУ. № 1986/30; Кучера М.П., Сухобоков О.В., Беяева С.А. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. К. 1984. С. 164-167; Сухобоков О.В., Моця О.П. Давньоруські пам'ятки біля хут. Зелений Гай Сумської обл. // Археологія. 1987. Вип. 58. С. 83-94; Ср.: Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. С. 255, 256, 337-338.

Помимо того, он являлся и достаточно эффективным, поскольку, несмотря на эпизодические обострения конфликтных ситуаций во взаимоотношениях Руси со Степью, выражавшихся в фактах спорадических набегов кочевников и последующего прекращения жизнедеятельности на отдельных поселениях (вовсе не обязательно по причинам военного порядка), имеющиеся археологические данные все же не дают оснований говорить о сколько-нибудь продолжительных временных перерывах оседлости в регионе. Вряд ли возможно вплоть до монгольского нашествия в конце 30-х гг. XIII в. также говорить о запустении рассматриваемой территории в силу названных причин. Нет также никаких археологических данных, позволяющих вопреки фактам утверждать гипотезу о полной смене местного северянского населения с его роменской культурой неким иноплеменным, в середине XI в. привнесшим общедревнерусскую культуру, как это считает возможным А.В. Григорьев⁷⁷.

С таким тезисом трудно согласиться, и взгляды этого небезуспешно разрабатывающего северянскую проблематику автора в свое время уже встретили критические возражения с нашей стороны⁷⁸. Тем не менее, будучи высказаны в качестве научной гипотезы, они заслуживают внимания и были конкретнее рассмотрены выше.

С другой стороны, в непродолжительные периоды относительно мирных взаимоотношений Руси со степняками, господствующая верхушка того или иного левобережного княжества стремилась распространить свою власть и на засульские земли. Это, конечно же, встречало аналогичные устремления противной стороны, что неизбежно вело к обострению междоусобицы. Основным же содержанием ее была, прежде всего, борьба за великокняжеский стол в Киеве, а не установление удельно-княжеской юрисдикции посредством насаждения своей администрации на землях спорного региона, хотя и это, конечно же, имело место. Все это не могло не сказываться на жизни рядовой земледельческой общины, чьи поселения и нивы страдали от военной активности единокровных князей вряд ли в меньшей мере, чем от набегов чужеземцев. И все же,

⁷⁷Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века. С. 222; Его же. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. К. 1988. С.65–74; Его же. О соотношении роменской и древнерусской керамики // Чернигов и его округа в IX–XIV вв. Чернигов, 1990. С. 169-172; Его же. О роменской и древнерусской керамики на левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернигов, 1993. С. 76-82 и др.

⁷⁸Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя. С. 70-74; Его же. Деякі спірні питання історії населення Дніпровського Лівобережжя другої половини I-го тис. н. е. // Старожитності Русі-України. К. 1994. С. 206-208.

мы не располагаем археологическими материалами, говорящими о значительных отливах населения засульской «заграницы».

Говоря о межплеменных отношениях, сложившихся на Левобережной Украине в результате переселенческой политики, в свое время проводимой Владимиром Святославичем в X в., Мстиславом Храбрым и Ярославом Мудрым в первой половине XI в., Владимиром Мономахом в начале XII в., небезынтересно будет привести здесь мнение М.Ю. Брайчевского, полагавшего, что «...в повседневной жизни племенная принадлежность того или иного лица, даже того или иного массива населения, вообще не бралась во внимание. Часто большее значение имело вероисповедание, но и к нему особо не присматривались»⁷⁹.

С таким суждением трудно согласиться, поскольку оно, возможно, и справедливое в условиях более развитого феодального общества, да еще и при дворе великого князя, а также в многоэтничной среде стольного города, вряд ли может быть приложимо к реалиям X–XI вв., тем более к «глубинке» феодальных княжеств. В таком случае, чем объяснить стремление к племенной самоидентификации, особенности, выразившейся в появлении специфических наборов украшений, в частности, височных колец особых типов, характерных для кривичей и ильменских словен, кривичей и вятичей, радимичей и северян, волынян и пр. Да и представители верховной знати не так уж индифферентно относились к своим подданным. Чего стоит высказывание Мстислава после Лиственской битвы 1024 года: «Кто сему не радъ, се лежит Сѣверянинъ, а се Варягъ, а своя дружина цѣла...»⁸⁰. В нем как раз основной акцент делается именно на этно-социальный аспект.

В связи с этим целесообразно обратиться к некоторым наблюдениям Е.А. Шинакова, взявшего на себя труд вновь проанализировать материалы исследовавшегося еще Д.Я. Самоквасовым на рубеже XIX–XX вв. Гочевского могильника. Полученные исследователем результаты показали, что в XII в. в погребениях возрастает количество комплексов с местной (северянской) этнографической окраской: 52 % против 38 % во второй половине XI в.⁸¹ Видимо, в данном случае позволительно говорить с одной стороны о росте удельного веса именно местного населения, и об утрате потомками переселенных Владимиром на восточные земли

⁷⁹Брайчевський М.Ю. Автор «Слова о полку Ігоревім» та культура Київської Русі. С. 420

⁸⁰ПСРЛ. 1962. Т. 2. Стб. 136.

⁸¹Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в к. X – первой половине XIII вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 1981. С. 8–9.

своей державы «мужей лучших» элементов племенной специфики и их ассимиляции в северянской среде — с другой. Во всяком случае, нет оснований говорить о возвращении «на круги своя», в пределы своих племенных территорий какой-то части переселенцев, как это считает Н.Н. Коринный⁸², хотя и начисто отрицать саму возможность такой миграции в определенных случаях было бы исторически неверным. Здесь небезынтересно отметить, что в своей монографии несколькими страницами далее автор также высказывается скорее в пользу интеграционных процессов, нежели миграционных⁸³.

Массовой миграции с левобережноднепровского северо-востока в немалой степени препятствовали и факторы внутреннего порядка, происходящие из социально-экономического развития Руси, одним из важнейших среди которых справедливо считают рост вотчинного боярского землевладения⁸⁴. Его истоки некоторые специалисты склонны усматривать еще в славянском обществе предгосударственного периода, а юридическое оформление, т. е. собственно институализация происходит вряд ли ранее второй половины XII века. Это получило отражение в статьях «Русской Правды», в ее Пространной редакции, время появления которой припадает на время наибольшего развития процесса феодальной раздробленности, когда, по словам летописца, «раздърася вся земля Русьская»⁸⁵.

Говоря о Руси этого времени, считаю уместным привести высказывание Б.А. Рыбакова, согласно которому Русь XI—XII вв. была «совокупностью нескольких тысяч мелких и крупных вотчин: княжеских, боярских, монастырских, «молодшей дружины». Все они жили самостоятельной, экономически независимой друг от друга жизнью, представляя собой микроскопические государства, мало сцепленные друг с другом и в известной мере свободные от контроля государства»⁸⁶.

Если считать это суждение справедливым для территории Киевской Руси в целом, то тем более оно верно по отношению к ее юго-восточному региону, засульскому закордонью, где — в силу вышеизложенных причин внутреннего и внешнего порядка — го-

⁸²Коринный Н.Н. Переяславская земля. С. 137.

⁸³Там же. С. 141.

⁸⁴Котляр Н.Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. К. 1989; Его же. Як і чому настала удільна роздробленість на Русі (XI – XII ст.). К. 1998. С. 36.

⁸⁵Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М. Л. 1950. С. 23, 208.

⁸⁶Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М. 1982. С. 428.

сударственный контроль был еще в большей степени эфемерным, чем в центральных землях, да и само присутствие государственных органов как таковых здесь вообще представляется довольно проблематичным.

С другой стороны, вряд ли возможно предполагать и существование в этом регионе сколько-нибудь крупного вотчинного землевладения, кроме, конечно же, княжеского. И действительно, такие знатоки отечественного летописания как В.Т. Пашуто и Н.Ф. Котляр не находят в письменных источниках свидетельств о боярском или дружинном вотчинном землевладении в X–XI вв. на территории древнерусской державы⁸⁷. Как считает последний из названных исследователей, складывавшаяся система индивидуального владения землей на протяжении второй половины XI – XII вв. привела к выделению земельной аристократии, частично происходившей из числа представителей дружинной верхушки и какой-то части еще сохранивших свое влияние племенных старейшин, превратившихся в бояр⁸⁸. И в самом деле, сколько-нибудь систематические упоминания в письменных источниках бояр и их собственности, наряду с обслуживающей свитой, относятся к 40-м годам XII в., и только в последней трети этого столетия появляется дифференциация правящей верхушки («моужи храборьствующи» и «бояре думающие» при дворе удельного Новгород-северского князя)⁸⁹. Между тем, исследуя причины феодальной раздробленности, Б.А. Рыбаков полагал возможным говорить о существовании более 3000 «вотчинных владений всех рангов» уже в IX–X вв., из которых около 250 принадлежало «светлым князьям» и «княжью всякому»⁹⁰. Нарисованная уважаемым академиком картина скорее отвечает реалиям середины – второй половины XII в., чем предшествующим IX–XI вв., когда «все ранги» феодальной иерархии вряд ли имели место, поскольку еще пребывали в рамках, пусть и динамичного, процесса зарождения и становления, в то время как приобретение ими значительного положения в древнерусском обществе произошло много позже⁹¹.

⁸⁷Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965. С. 52; Котляр М.Ф. Як і чому настала удільна роздробленість на Русі. С.33-34.

⁸⁸Его же. Феномен княжого двору на Русі // УІЖ. 2006. № 4. С. 55.

⁸⁹Его же. Як і чому настала удільна роздробленість на Русі. С.38. См. : Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // ПСРЛ. М. 1962. Т. 2. Стб. 645.

⁹⁰Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С. 472-473.

⁹¹Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. К. 2005. С. 70.

Признавая достоверность хронологии и периодизации процесса кристаллизации феодальной элиты Киевской Руси, как это видится Н.Ф. Котляру, и, в какой-то мере, разделяя вместе с ним критику хронологии и динамики развития феодализма на Руси, а также и тех гипотетических расчетов, которые были предложены академиком Б.А. Рыбаковым, нельзя не отметить того обстоятельства, что и сам Н.Ф. Котляр в своих разработках преимущественно опирается на летописные свидетельства о событиях, происходивших в Новгороде, Владимиро-Суздальской, Галицкой и Волынской землях, в то время как известия об аналогичных эпизодах в летописях Киевского, Переяславльского и Чернигово-Северского княжеств привлекаются эпизодически⁹². А ведь каждая из этих земель при известной общности исторического развития имела свою специфику в возникновении и становлении феодального класса, а, значит, и свои особенности в появлении и степени распространенности вотчинного землевладения. Уже в силу этого представляется не вполне методически оправданным механически экстраполировать явления, свойственные, к примеру, Новгородской или Галицкой земле, с их чрезвычайно высоким удельным весом боярства в социально-экономической сфере, что привело к противостоянию с княжеской властью и перипетиям предельно острой внутривнутриполитической борьбы, на среднеднепровские княжества. Как известно со страниц летописи, в этих последних, некогда составлявших основную территорию собственно «Русской земли», такие коллизии, хотя и имели место быть, лишь в единичных случаях достигали такого накала, но все же редко выливались в столь острые эпизоды политической борьбы, как это случалось в Галиче и Новгороде.

Объяснить такую ситуацию можно лишь фактом относительно меньшего удельного веса крупного боярского вотчинного землевладения с одной стороны, и, видимо, большей степенью экономической (и политической) зависимости боярской верхушки этих княжеств, будь-то в земле Черниговской или Переяславльской, от воли киевского великого князя и его администрации (в данном случае, двора) — с другой. И действительно, как показал А.П. Толочко, предпринявший всесторонний анализ происхождения и статуса княжеской власти на Руси, только великий князь обладал правом раздачи земли и лишь с середины XII в. тенденция к приобретению таких прерогатив мало-помалу стала проявляться у князей отдельных земель, первоначально получавших их в качестве держаний.

⁹²Котляр М.Ф. Як і чому настала удільна роздробленість на Русі. С. 25-48.

При этом, смена великого князя в Киеве, непременно вызывала и новый передел держаний-волостей или, в благоприятном для держателя случае, подтверждения на владение от нового обладателя стольного княжества⁹³.

Весьма существенно, что, по мнению А.П. Толочко, до второй половины XIII века бояре, располагавшие безусловными земельными владениями, в механизме княжеского наделения землей не принимали участия, поскольку в среднеднепровских княжествах они исполняли определенные служебные функции придворной иерархии, а не вассальной⁹⁴. Поэтому и в самом стольном граде верхушка боярской аристократии, персонифицированной в лице старшей дружины, более старалась сотрудничать с очередным владельцем великокняжеского стола (в чем предпочтение отдавалось преимущественно потомкам Мономаха), нежели противостоять ему. Во всяком случае, несмотря на то, что летописец различает придворную элиту, называя «старых», «лучших», «великих», «нарочитых» бояр, ниже которых на придворной иерархической лестнице стоят «детские», в Среднем Поднепровье не зафиксировано представителей крупного землевладения, возглавлявших боярство отдельных земель, каковыми выступают Вячеслав Толстый на Волыни или Судислав, Доброслав и Володислав на Галичине⁹⁵.

Высказанные соображения заставляют придти к выводу о том, что степень дифференциации землевладельческой феодальной аристократии в советской историографии несколько преувеличена, и развитие крупного боярского вотчинного землевладения в среднеднепровских княжествах в целом не было столь значительным⁹⁶, что в особенности относится к Переяславщине. На территории последней эти явления были сопряжены с определенными затруднениями как внутривосточного (Переяславль входил в домениальные владения великого князя и до середины XII в. княжение в нем было необходимым этапом на пути к овладению киевским столом), так и внешнего характера (перманентная угроза со стороны Степи, конечно же, не благоприятствовала частному (вотчинному) землевладению представителей старшей дружины). По-видимому, здесь к середине XII в. складывается система мелкого поместного землевладения на условиях обязательного несения службы, что во все не исключает и бенефициальных пожалований земли, становя-

⁹³Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. К. 1992. С. 175-177.

⁹⁴Там же. С. 178.

⁹⁵Крип'якевич І. Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 71-72.

⁹⁶См.: Толочко П.П. Київська Русь. С. 157-158.

щихся вотчинами через какое-то время. В данном случае, приходится признать справедливость мнения тех историков права, которые считают, что «...эти вотчины были крайне немногочисленными, своего рода островками в море крестьянских общин»⁹⁷.

Видимо, такая ситуация в междуречье Сулы и Северского Донца существовала вплоть до 60-х годов XII в., когда указанная территория, пусть и номинально, попеременно пребывала или в составе Переяславльского, или Черниговского княжеств, а к 70-м годам XII в. земли по линии Ромен—Хорол—Лтава, т. е. по верхним течениям Сулы, Псла, Ворсклы и, возможно, Северского Донца вошли в качестве слагаемых частей в Путивльскую волость Новгород-Северского княжества, окончательно обособившегося от Черниговской земли к середине XII в. (Рис. 136), хотя начало процесса выделения относится к рубежу XI—XII вв.⁹⁸ Оформление этой волости в самостоятельную структуру⁹⁹ с правами удела началось в ходе междоусобной борьбы второй половины 40-50-х годов, а завершилось в период между 60-ми и 80-ми годами XII в. Как известно, именно на 70-80-е годы XII в. приходится пик военно-политической активности Игоря Святославича, заинтересованного в укреплении своей власти в границах новоприобретенных владений, а также и повышении своего авторитета в злободневных междукняжеских отношениях того времени. Вполне вероятно, и злополучный поход на половцев 1185 г. за Сулу, в «земли незнами», находясь в русле его удельной политики, также преследовал эти цели, о чем проговаривается летописец в Повести временных лет¹⁰⁰, и на что недвусмысленно указывает автор «Слова...», говоря о дружинниках Игоря, которые ищут «себе чти (чести), а князю — славы»¹⁰¹.

Земли Сульско-Донецкого междуречья, расположенные южнее, по средним и нижним течениям названных рек, совместно с прилегающей непосредственно к Днепру прибрежной частью Левобережья оставались в сфере влияния Переяславльских князей, в конце XII — XIII вв. вассально все более зависимых от Ростово-Суз-

⁹⁷Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М. 1985. С. 40.

⁹⁸Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С. 498. Ср.: Его же «Слово о полку Игореве» и его современники. М. 1971. С. 128.

⁹⁹Вопреки мнению некоторых специалистов (И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко) я вполне солидарен с наблюдением А.П. Толочко, что «на Руси домонгольской эпохи не было четко очерченных территориально- административных единиц под названием «волость» – Толочко А.П. Князь в Древней Руси. С. 153.

¹⁰⁰Повесть временных лет (по Ипатьевскому списку) // ПСРЛ. М. 1962. Т. II. Стб. 568, 633.

¹⁰¹Яценко Б. «Слово о полку Игоревім» та його доба. К. 2000. С. 55; Ср.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. С. 275-277, 279.

дальского великого князя и потому все более тяготевших к Северо-Восточной Руси¹⁰². Эти слабоосвоенные оседлым земледельческим населением районы в ландшафтно-географическом отношении представляли собой широкий, скорее степной, чем лесостепной, коридор в низовьях Орели и Самары выведивший в степную зону, по которому пролегли торговые пути к морскому побережью с его городами (Тмутаракань, Сурож, Корчев, Корсунь). Естественно, что контроль над этими путями приносил значительные доходы, в чем, конечно же, не могли не быть заинтересованными феодальные верхи и городская купеческая элита как среднеднепровских, так и верхневолжских княжеств. Со своей стороны и племенная верхушка половецких группировок не могла не претендовать на свою часть доходов, контролируя проход торговых караванов по территории, занятой их кочевьями. Вместе с тем, по этому коридору чаще всего кочевники получали доступ в центральные земли древнерусского государства; по нему же проходили маршруты ответных походов русских войск, организуемых и зачастую возглавляемых киевским великим князем¹⁰³.

К концу XII ст. в значительной степени ослабевает накал русско-половецкого противоборства и обстановка в степях стабилизировалась: донецко-донские и лукоморско-приднепровские половцы более стали предпочитать обогащение за счет собственного скотоводческого хозяйства и контроля над Соляным и Залозным торговыми путями, нежели грабить приграничные земли русских княжеств; со своей стороны, занятые хитросплетениями междоусобной внутривосточной борьбы русские князья уже не имели возможности, как это было ранее, предпринимать попыток «искусити Дону Великого», оставив втуне мысли о возвращении Белой Вежи, а уж тем более и вовсе недоступной (и не только из-за расстояния) Тмутаракани¹⁰⁴.

Первые десятилетия XIII столетия в русско-половецких отношениях, по мнению С.А. Плетневой, вообще характеризуются установлением относительного спокойствия и равновесия¹⁰⁵, ко-

¹⁰²Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М. 1984. С. 76-79.

¹⁰³Кудряшов К.В. Половецкая степь. М. 1948. С. 103-111; Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. С. 152-169; Котляр М.Ф. Военное мистецтво Давньої Русі. К. 2005. С. 253; Голубовский П.В. История Северной земли до половины XIV ст. К. 1881. С. 7; Ляскоронский В.Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время. СПб. 1907. С. 124-125.

¹⁰⁴Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006. С. 258-264.

¹⁰⁵Ее же. Половцы. М. 1990. С. 168.

торые вскоре были нарушены появлением в предкавказских степях первых отрядов монгольских орд Чингисхана, возглавляемых его полководцами Джебе и Субедеем (в начале 20-х годов XIII в.). Это была лишь разведывательная операция, предварявшая монгольское завоевание, завершившаяся, однако, полным разгромом объединенных половецко-русских войск в битве на р. Калке в 1223 г.

Наиболее драматические события для кочевников южнорусских степей и оседлых русских земледельцев – обитателей лесостепных пространств Восточной Европы, как известно, связаны с третьей волной монгольского нашествия (1236–1240 гг.). В его результате оставшиеся в причерноморско-приазовских степях половцы навсегда утратили свое военно-политическое значение в качестве самостоятельной геополитической структуры, но сохранили этническую идентичность, и к середине XIV в., смогли, ассимилировав завоевателей, совместно с ними трансформироваться в новое этнополитическое образование – татар¹⁰⁶.

По мере дальнейшего углубления процессов феодальной раздробленности, в начале XIII в. приходит в упадок Новгород-Северское княжество, и, напротив, набирают силу удельные Путивльское и Курское княжения, с переменным успехом притязавшие на лесостепное междуречье Сулы и Северского Донца. В конце концов победа оказалась за Путивлем, князьям которого на протяжении XIII–XIV вв. удалось прибрать к рукам некогда бывшие северянскими земли от Сейма до верхнего течения Самары и понизовьев Оскола.¹⁰⁷ Более того, путивльские князья, видимо, не без поддержки золотоордынских ханов, почти на столетие (1272–1363 гг.) завладели киевским «золотым столом»¹⁰⁸. Интересующая нас территория, вероятно, после похода одного из отрядов Менгу на северские земли и отряда Куремсы на Переяславльщину (1239 г.)¹⁰⁹, какое-то время пребывала под непосредственным управлением баскаков, а позднее была включена в «тмю Сарайевого сына Ягоддая», уже в условиях литовского господства в украинских землях составив вотчину его потомков вплоть до 90-х годов XV в.¹¹⁰

¹⁰⁶Там же. С. 175–188.

¹⁰⁷Клепатский П.Г. Очерки истории Киевской земли. Одесса, 1912. Т. 1. С. 287–296.

¹⁰⁸Русина О.В. До питання про кийівських князів татарської доби // Записки НТШ. Львів, 1993. Т. 225. С. 194–203.

¹⁰⁹Вполне допустимо, что это было одно и то же подразделение.

¹¹⁰Черняков И. Путивль на перепутьях истории Украины и России. К. 2005. С. 43; Русина О. Україна під татарами та Литвою // Україна крізь віки. К. 1998. Т. 6. С. 63–64.

Таким образом, население южнорусских среднеднепровских княжеств на несколько веков оказалось под чужеземным владычеством. Естественно, что его судьбы не избежали и древнерусские обитатели рассматриваемого региона Левобережной Украины, с 60-х годов XIV века оказавшиеся в составе Великого княжества Литовского.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так, все же, что такое «земли незнаемы» в древнерусском эпическом произведении «Слово о полку Игореве»: поэтическая гипербола, или действительно *terrae incognitae* в буквальном понимании? Однозначного ответа у меня, к сожалению, нет, как нет и общеприемлемого решения многих вопросов и всех удовлетворяющего истолкования имевших место в древности событий — такова уж специфика исторической науки, которая имеет слишком много неизвестных, чтобы с математической точностью предлагать решение стоящих перед ней задач.

С одной стороны, как показали археологические исследования, на землях, лежащих к востоку от пограничного Посулья, оседло проживало такое же земледельческое славянское население, с конца IX в. связанное с державой Рюриковичей податными отношениями и подвластное киевским князьям политически¹, с такой же материальной культурой, так же насильственно обращенное в новую веру, и к концу XII в. (времени, в котором действуют герои «Слова о полку Игореве») так же исповедовавшее христианство, как и обитатели Киевской, Черниговской, Переяславльской и иных южно-русских земель. И об этом, сродном по образу жизни и мировосприятию, населении не могли не знать в стольном Киеве, а уж, тем более, при княжеских дворах в близлежащих Переяславле или Чернигове. Что же касается последнего, то здесь нет нужды лишней раз говорить о брачно-родственных связях черниговской линии Рюриковичей с племенной верхушкой «Поля Половецкого», что само по себе предполагает намного лучшую осведомленность как о земле Половецкой, так и о Сульско-Донецком междуречье.

С другой стороны, эти земли, не вполне корректно именуемые Н.Н. Коринным «буферными»², автору загадочной фразы «Слова» представлялись неизвестной территорией, чего, конечно же, быть не могло. Такое незнание было бы оправдано лишь в том случае, если бы автор был выходцем из географически отдаленных от театра военных действий Буковины или Галичины и столь же далеким от реалий жизни в условиях половецко-русского противостояния. Это, однако же, опровергается контекстом самого эпоса, в котором автор предстает весьма осведомленным человеком и в хитросплетене-

¹Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. 1991. С. 51.

²Коринный Н.Н. Переяславская земля. С. 58.

ниях междоусобной борьбы разных линий династии Рюриковичей, и в отношениях с половцами.

Может, дело в особом статусе «земли неизвестной»? Действительно, лежащие к востоку и северо-востоку от Сулы земли в бассейнах Псла, Ворсклы и верховьев Северского Донца, включающие в себя и историческое Посеймье³, с момента съезда князей в Любече 1097 г. и до середины 70-х годов XII в. были предметом острого политического и военного соперничества между переяславскими и черниговскими князьями, пик которого пришелся на 40-е годы XII в. Границы более-менее стабилизировались к началу 70–80-х гг. XII вв., когда значительная часть спорных территорий перешла к новгород-северскому князю в качестве его Путивльской и Курской волостей, получивших статус удельных княжеств.

Говоря о последних, я разделяю точку зрения А.П. Толочко, считающего, что на Руси домонгольского времени «не было четко очерченных административно-территориальных единиц под названием „волость“»⁴. Однако, согласно установившемуся мнению, уже в древнерусское время границы волостей будто бы четко оговаривались в межкняжеских договорных отношениях и уже на этом основании могут рассматриваться в качестве отдельных территориальных структур⁵. Думается, такие различные истолкования летописного термина происходят из двойственности его содержания, когда под этим словом одни понимают «держание» в системе феодальных иммунитетов А.П. Толочко), а другие – определенную структурную единицу в системе территориального устройства (И.Я. Фроянов).

Отвлекаясь от географического или юридического смысла термина, приходится признать, что на протяжении почти полутора столетия данный регион – междуречье Сулы и Северского Донца – вплоть до выделения названных удельных княжеств («волостей») был практически ничейной землей с самоуправлявшимся населением, пребывавшем в относительно мирных отношениях с соседними кочевыми племенами степного Поднепровья. Таким образом, во время описанных в «Слове» событий, вновь приобретенные территории еще не вполне были освоены администрацией

³Думается, что В.В. Енуков несколько преувеличивает политическую самостоятельность и торгово-экономическую значимость Посеймья и неоправданно расширяет его территорию к югу, включая в его пределы такие памятники как Битица, Зеленый Гай, Шпилевку и др. См.: Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Карта.

⁴Толочко А.П. Князь в Древней Руси. С. 153.

⁵Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города – государства на Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: город и государство. Л. 1986. С. 196–311; Рычка В.М. Формирование территории Киевской земли (IX – первая треть XII в.). К. 1988. С. 177–188.

Новгород-Северского княжества, как и земли по средним течением и низовьям Псла и Ворсклы — посадниками переяславльскими, и именно в этом смысле были «землями неизвестными».

Приведенные соображения по истолкованию не вполне адекватного действительному положению вещей выражения автора древнерусского эпоса, конечно, вовсе не исключают и применения приема чисто поэтической гиперболизации деяний главного героя «Слова», так сказать, *ad honores* Игоря Святославича, князя новгород-северского в качестве землепроходца.

Находящийся в среднем течении Псла археологический комплекс у с. Каменное, по-видимому, оставлен древнерусским населением, в силу территориальной близости, входившим в состав одной из формирующихся волостей Переяславльской земли.

На его примере можно видеть динамику развития южнорусской поселенческой структуры — «села», понимаемого в качестве «исконного термина для обозначения сельского поселения как крестьянского, так и господского; причем крестьянское сельское поселение старше (стадиально и хронологически — *О. С.*) сельского поселения феодала»⁶. Именно это обстоятельство в полной мере, как вытекает из всего, изложенного выше, находит подтверждение в конкретных материалах археологических раскопок данного комплекса (городище, селище, курганный могильник), первоначально возникшего и определенное время существовавшего как вольное поселение свободных смердов-общинников, а на финальном этапе, в конце XII века трансформировавшегося в частновладельческую вотчину не слишком крупного феодала.

Полученные материалы позволяют утверждать, что обитатели этого поселения по племенной принадлежности относились к северянам, однако в их среде отмечается и присутствие выходцев из других племенных образований как славянского, так и, возможно, иноэтничного происхождения, что дает основания говорить о территориальном (соседском), а не родовом, характере общины. Развитие материальной культуры населения рассматриваемого региона, если исходить из результатов раскопок, несколько отставало от уровня центральных территорий Киевской Руси, а его культура в целом на протяжении XI в. носила синкретический ха-

⁶Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовые отношения в русском государстве XII–XVII вв. М.-Л., 1960. С. 413, 417; Кочин Г.Е. Сельское хозяйство в период образования Русского централизованного государства. М.-Л. 1965. С. 107.

ракти, представляя собой сочетание элементов роменской культуры с древнерусской. Такой же синкретизм характерен и для духовной культуры данного населения.

В свете сказанного, конечно же, не может не вызывать возражений, скажу больше – резкого неприятия, настойчиво утверждаемая А.В. Григорьевым мысль о том, что исчезновение роменской культуры на левобережном Поднепровье, сопровождавшееся «гибелью в огне ее городищ и их обитателей», производивших оригинальную керамику лепной технологии и выработавших присущий только им набор украшений, с одной стороны, и массовое распространение в регионе древнерусской гончарной посуды – с другой, вызвано непременно сменой населения в первой половине XI века⁷.

Такая гипотеза методологически неприемлема, хотя бы по той причине, что можно назвать не один десяток археологических культур и не одну цивилизацию, прекращение существования которых никоим образом не связано с гибелью ее носителей, а ведь именно на этом и настаивает названный автор с усердием, достойным лучшего приложения, говоря о физическом вытеснении северян к северу и северо-востоку от очерченной летописцем и археологически подтвержденной области их обитания⁸. Следуя логике плодovitого, но уж очень увлекающегося, исследователя, приходится признать, что времена княжений Мстислава Храброго – Ярослава Мудрого были для северян Левобережной Украины столь же губительными, как и Батыево нашествие для населения южнорусских земель в целом. А вот летописец такой катастрофы вообще не заметил. Это представляется странным, поскольку отношениям первых киевских князей из династии Рюриковичей с соседними славянскими племенами в летописи уделяется достаточно внимания, и из поля зрения летописца не ускользали даже, казалось бы, не столь уж значительные эпизоды, связанные с расширением их державной территории.

Так, например, под 984 годом в летописи находим сообщение: «...сърѣте и на рѣцѣ Пищанѣ и победи Радимичѣ Вольчии Хвост...»⁹, в котором речь идет о походе воеводы киевского князя Владимира по имени Волчий Хвост на одно из малых племен, входивших, по мнению Б.А. Рыбакова¹⁰, в племенной союз по-союзских радимичей. В летописной статье под 1080 годом читаем:

⁷Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века. С. 47, 80–81; Рис. 36; С. 117, Рис. 50.

⁸Там же. С. 221–222.

⁹Лаврентьевская летопись. Стб. 83–84.

¹⁰Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М. 1982. С. 264.

«...Заратишася Торци Переяславстии на Русь. Всеволодь же посла на на сна своего Володимера...»¹¹. Вне всяких сомнений, в этом сообщении повествуется о восстании осажденных на землю в районе посольского укрепрайона «своих поганых», т. е. тех торков, которые на правах федератов несли службу по охране восточных границ древнерусского государства на Днепровском Левобережье. Другая группа торков на тех же условиях была, как известно, размещена в Поросье, на столь же опасном направлении набегов кочевников.

Можно привести много летописных сообщений подобного характера, но при этом в любом случае приходим к однозначному заключению, что все акции великих князей киевских, имевшие военный характер, будь то в пределах Киевской Руси или же вне ее, на протяжении, по крайней мере, второй половины X века, добросовестно и с присущей богобоязненному свидетелю тщательностью фиксировались летописцами. Поэтому на страницах летописи не могло не найти отражения такое событие, как исчезновение целого союза племен, каким были северяне, будто бы физически изгнанные, если принять такую версию, из пределов своей племенной территории. Но в дошедших до нас письменных источниках заведомо напрасное дело искать хотя бы малейший намек на это.

Не содержится в летописях также и никаких упоминаний об инициированной великокняжеской властью или князьями Переяславской либо Черниговской земель массовой миграции значительных иноплеменных контингентов на исконно северянскую территорию в XI–XII веках, как это было в свое время осуществлено Владимиром Святославичем в конце X века, и получило отражение на страницах летописи. По моему разумению, летописец не отметил ни якобы имевшего место в первой половине XI в. выселения северян со своей, так сказать, «исторической родины», ни массового заселения опустевшей территории Днепровского Левобережья выходцами из других восточнославянских земель в последующее время, по той простой причине, что такие факты ему не были известны, ибо их вообще и не было в истории Киевской Руси X – начала XIII вв. Вне всяких сомнений, мы имеем дело с чисто спекулятивной, не имеющей достаточного подтверждения ни в фактическом материале, ни в письменных документах, гипотезой с модными ныне взглядами на историю населения Днепровского Левобережья, которые в развернутом виде содержатся в неоднократно цитировавшейся книге А. В. Григорьева.

¹¹Лаврентьевская летопись. Стб. 204.

Наиболее ярко противоречат высказанной гипотезе результаты палеоантропологического анализа могильных древностей рассматриваемого региона (Гочево, Журавное, Зеленый Гай и др.). Артефакты этих могильников были привлечены в качестве аналогий и для выяснения хронологии курганов у с. Каменное. Здесь имеет смысл обратиться к антропологической характеристике обитателей данного поселения, основанной на анализе краниологических материалов сопутствующего могильника, который в свое время был предпринят сотрудниками экспедиции антропологами В.Д. Дяченко и П.М. Покасом.

Мужская и женская серии черепов Каменного дают одинаковую антропологическую картину, лишь черепной указатель и скуловой диаметр имеют относительно большие величины; причем особенно наглядно эта разница выступает при переводе средних величин женской серии в мужскую по разработанной Г.Ф. Дебецом методике. При сравнении мужской краниологической серии нашего могильника с другими синхронными краниологическими сериями восточнославянских погребений отчетливо заметна ее близость к сводной серии мужских черепов потомков северян, составленной В.П. Алексеевым. Они характеризуются долихокраным черепным указателем, относительно высоким и узким лицом и соответственно повышенным лицевым указателем, что отчетливо проявляется на нашей серии черепов.

Сравнение же с краниологической серией более ранних (VIII–IX вв.) салтовских грунтовых погребений показало существенные отличия первых и от аланской серии из катакомбного могильника у того же Верхнего Салтова, и от восточнославянских черепов из синхронных погребений по всем краниологическим признакам, за исключением разве что назомаллярного и зигомаксилярного углов, отражающих степень уплощения лица, по которым серия из Каменного все же близка аланской Верхнесалтовской (см.: *Приложение 1*)¹².

Таким образом, данные краниологического изучения погребальных памятников Днепровского Левобережья не показывают существенных изменений антропологического состава его населения на протяжении первого тысячелетия н. э. и в X – начале XIII века остававшегося все теми же северянами, какими были и заселявшие ту же территорию их предки, упомянутые летописцем в этнографическом очерке «Повести временных лет».

¹²Дяченко В.Д., Покас П.М., Сухобоков О.В. Древнерусское население Левобережной Украины. Табл. 4; Сегеда С. Етногенетичні процеси на території Русі-України за даними антропології // УІЖ. 2001. № 3. С. 73.

Анализ полученных в результате раскопок материалов дает основания говорить об определенном периоде культурного синкретизма северянского общества в XI в., характерной чертой которого было диалектическое сосуществование племенной и общедревнерусской культур, но без острого противоборства, ведущего к физическому исчезновению носителей роменской культуры. При этом историческая обреченность традиций племенной культуры по мере развития феодальных отношений и культурная нивеляция в рамках государственного организма, усугубленная насильственной христианизацией подвластного населения, вряд ли могут подвергаться сомнению.

Как известно, во второй половине XII – начале XIII вв. южно-русские земли Посеймья попадают в орбиту влияния Владимиро-Суздальской Руси, но Батыево вторжение прервало естественное течение исторического процесса. С 60-х годов XIV века территория Левобережной Украины была включена в состав Великого княжества Литовско–Русского и с этого момента история ее населения представляет тему другого исследования, основным источником которого служат уже преимущественно письменные документы. Ведь целенаправленных археологических раскопок памятников позднего средневековья здесь не предпринималось. А они, в свою очередь, также могли бы послужить предметом уже иного, и не менее интересного исследования.

Приложение 1

Дяченко В.Д., Покас П.М.

Антропологические материалы из могильника у с. Каменное¹

Доступный для анализа костный палеонтопологический материал из могильника у с. Каменное сохранился лишь в 35 погребениях. Из них определены 17 мужских, 10 женских, 6 детских. Три не поддаются определению из-за фрагментарности костных обломков.

Все обнаруженные в изучаемом могильнике черепа и длинные трубчатые кости реставрированы и исследованы. Измерения проведены только на черепахах и костях взрослых. Ниже приведены некоторые данные о костных остатках, найденных человека в погребениях.

Курган 2, погребение 1. Сохранилась левая половина черепа, включая и левую часть лица без нижней челюсти. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста. На это указывает выраженный мышечный рельеф, выступающие надбровные дуги (2 балла), развитый сосцевидный отросток (3 балла), низкие орбиты (33 мм), значительная массивность костей свода. Отмечены следы облитерации сагиттального шва снаружи.

Череп долихокраний, форма свода близка к эллипсоидной (табл.1).

Курган 2, погребение 2. Обнаружены фрагменты правых теменной и височной костей, часть затылочной кости и нижняя челюсть с разрушенными отростками. Череп принадлежал мужчине старческого возраста. Мышечный рельеф развит хорошо. Отмечена некоторая старческая атрофия костей свода и нижней челюсти. Стертость коронок зубов соответствует 4 баллам.

Курган 3, погребение 1. Хорошо сохранившийся череп, но без нижней челюсти. В левой нижнетеменной и нижнелобной областях имеется небольшое (очевидно, посмертное) повреждение кости.

¹По материалам статьи: Дяченко В.Д., Покас П.М., Сухобоков О.В. Древнерусское население Левобережной Украины (по материалам могильника у с. Каменное) // Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины. Киев. 1984. С. 4-26.

Обращаем внимание специалистов на тот факт, что нумерация костяков в статье не всегда совпадает с полевой информацией об исследованных курганах (см.: Главу II) – вероятно, на каком-то из этапов произошла досадная путаница шифров антропологического материала, вследствие чего были потеряны и шифры для двух измеренных и представленных в Табл. 1 костяков. Также важно отметить, что имеется ряд несовпадений антропологических определений пола погребенных с набором сопровождающего инвентаря погребений – О. С.

Посткраниальный скелет представлен правыми бедренной и большеберцовой костями. Пол мужской, возраст зрелый (около 50–55 лет). Отмечены значительная массивность костей с выраженным мышечным рельефом, развитые надбровные дуги (3 балла), крупные сосцевидные отростки (2 балла), признаки зарастания сагиттального шва. Стертость сохранившихся премоляров значительная (4 балла), что, очевидно, может быть объяснено ранним выпадением больших коренных зубов. Альвеолярный отросток в задних отделах челюстей полностью атрофирован.

Череп долихокраний, форма свода близка к пятиугольной. Затылочный отдел значительно выступает. Лоб слабо покатый. Лицо мезогнатное, хорошо профилировано в горизонтальной плоскости, орбиты средневысокие. Нос узкий (табл. 1).

Курган 3, погребение 2. Череп неплохой сохранности. Разрушены левые височная и частично теменная кости, передняя часть основания, правая и часть левой скуловых костей, лобный отросток правой верхнечелюстной кости, альвеолярный край верхней челюсти в области вторых моляров как справа, так и слева. Отсутствует венечный и суставный отростки нижней челюсти слева.

Из длинных трубчатых костей сохранилась лишь правая большеберцовая кость. Пол женский. Возраст 20–25 лет. Кости грацильные. Мышечный рельеф развит слабо. Коронки зубов небольшие, стертость их соответствует 1 баллу. Швы свода черепа открыты. Отмечена вторичная адентия в области второго премоляра нижней челюсти, альвеолярный край сглажен.

Череп долихокраний, форма свода пентагоноидная. Лоб прямой. Лицо при визуальном определении мезогнатное, его горизонтальная профилировка выражена (табл. 1).

Курган 4, погребение 1. Хорошо сохранившаяся черепная коробка. Имеется также поврежденная нижняя челюсть и фрагмент верхнечелюстных костей, включающий нижнюю часть грушевидного отверстия. Череп принадлежал мужчине, о чем свидетельствуют массивность костей, грубый затылочный и надбровный рельеф, широкий у основания левый сосцевидный отросток. Возраст зрелый, так как стертость коронок зубов соответствует 3 баллам и определяются следы облитерации швов свода снаружи.

Свод черепа долихокраний, по форме овоидный. Затылочная чешуя выступает. Лоб покатый (табл. 1).

Курган 5, погребение 1. Мозговой череп с разрушенным основанием в задней части. В лобном отделе имеется большое отверстие овальной формы (размером 6,5 x 7 см) с закругленными ровными

краями, близкими по цвету к окружающим костям. Очевидно, здесь имеет место посмертная трепанация. Пол женский, возраст 20–25 лет. Сосцевидные отростки – 1 балл. Надглазничный и мышечный рельеф затылка развит слабо. Кости свода умеренной массивности. Все швы черепа открыты.

Череп долихокраний, форма свода овоидная. Лоб прямой. В целом череп грацильный (табл. 1).

Курган 8, погребение 1. Черепная коробка и лицевой отдел частично реставрированы. Череп принадлежал женщине, о чем свидетельствуют общая грацильность костей, малых размеров сосцевидные отростки (1 балл) и большие глазницы. Возраст старческий, так как стертость зубов соответствует 5 баллам. Все швы свода снаружи частично открыты.

Череп долихокраний, форма свода овоидная. Затылочный выступ развит умеренно. Лобная кость расположена покато. Определяется некоторая прогнатность лица и особенно его альвеолярной части. Горизонтальная профилировка лица выражена (табл. 1).

Курган 9, погребение 1. Череп хорошей сохранности (реставрирован). Отсутствуют основание и отростки нижней челюсти. Пол женский. Возраст 35–40 лет. Мышечный рельеф развит слабо. Коронки зубов небольших размеров, их стертость – 3 балла. Все швы черепного свода открыты. Череп мезокраний, свод по форме овоидный. Лицо довольно узкое, прогнатное, хорошо профилированное в горизонтальной плоскости. Орбиты невысокие. Нос широкий (табл. 1).

Курган 11, погребение 1. Хорошо сохранившийся череп (реставрирован), но нижняя челюсть отсутствует. Пол женский. Возраст 20–25 лет. Череп грацильный. Лобные и теменные бугры выражены умеренно. Мышечный рельеф развит слабо. Надбровные дуги не выражены. Верхнеглазничный край острый. Швы свода черепа открыты при полной облитерации клино-затылочного шва. Стертость коронок зубов – 1 балл.

Череп мезокраний. Лоб прямой. Лицо мезогнатное, немного уплощенное. Орбиты средневысокие. Нос узкий (табл. 1).

Курган 12 погребение 2². Сохранились фрагменты свода и три фрагмента верхнечелюстных костей. Пол установить не удастся. Возраст, если судить по стертости (3 балла) сохранившихся моляров, соответствовал группе *maturus*.

²В кургане 12 исследован только один костяк – О. С.

Курган 13, погребение 2. Свод черепа реставрирован. Лицевой отдел представлен верхнечелюстными костями и фрагментом скуловой. Череп принадлежал ребенку 6–7 лет (возраст определен по прорезыванию зубов). В области ламбды имеются три небольшие дополнительные косточки.

Свод черепа овоидной формы. Лоб покатый.

Курган 14, погребение 1. Сохранился свод черепа без нижней части правой теменной кости, правой височной кости и основания. Лицевой отдел представлен носовыми косточками, лобными отростками и отдельными фрагментами верхнечелюстных костей. Сохранилась также правая часть нижней челюсти с разрушенным мышелком. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста. Мышечный рельеф свода выражен. Сосцевидный отросток – 3 балла. Стертость коронок зубов составляет 3–4 балла. Швы свода на внешней поверхности со следами частичной облитерации. Отмечена вторичная адентия в области второго моляра нижней челюсти справа, альвеолярный край в этой области сглажен.

Череп долихокраний, форма свода близка к овоидной. Лоб покатый, заметен небольшой альвеолярный прогнатизм (табл. 1).

Курган 15, погребение 1. Скелет в значительной степени разрушен. Сохранились правая плечевая кость с поврежденным верхним эпифизом, правая лучевая и правая бедренная кости. Пол мужской, возраст зрелый, о чем свидетельствует развитый мышечный рельеф и массивность костей. Старческие изменения не обнаружены (табл. 1; 2; 3).

Курган 17, погребение 1. Череп с разрушенным основанием. Альвеолярный край верхних челюстей в области третьих моляров поврежден. Нижняя челюсть представлена лишь правой ветвью с отростками. Череп принадлежал женщине 20–25 лет. Мышечный рельеф развит слабо. Лобные и теменные бугры выражены. Надглазничный край острый. Венечный и стреловидный швы со следами частичной облитерации на внутренней поверхности. Стертость коронок зубов – 1 балл.

Череп грацильный, мезокраний. Форма свода близка к пентагоноидной. Лоб прямой. Лицо мезогнатное, умеренно профилированное в горизонтальной плоскости (табл. 1). Отмечен альвеолярный прогнатизм (76°). Орбиты относительно низкие, нос узкий (табл. 1).

Курган 18, погребение 1. Скелет довольно хорошей сохранности. Череп (реставрирован) с разрушенным основанием. Из длинных трубчатых костей сохранились правая плечевая кость с поврежден-

ными эпифизами, правая лучевая и бедренная левая бедренная, правая большеберцовая. Погребение женское, возраст старческий. Глазницы высокие. Надбровные дуги не выражены. Мышечный рельеф развит слабо.

Кости свода со следами атрофии в области теменных костей. Стертость зубов – 5 баллов. Имеются признаки начальной атрофии альвеолярного края челюстей. Все швы свода с признаками облитерации. Череп долихокранный, свод овоидной формы. Лоб прямой. Лицо мезогнатное. Орбиты выше средних, нос широкий (табл. 1).

Курган 19, погребение 1. Погребение разрушено. Сохранились фрагмент свода (реставрирован) и два фрагмента нижней челюсти. Пол установить не удалось. Возраст зрелый, так как открыт только ламбдовидный шов, стертость же коронок зубов соответствует 3 баллам. Форма свода черепа, вероятно, овоидная.

Курган 19, погребение 2³. Череп со следами мелких повреждений. Разрушена левая ветвь нижней челюсти и передненосовая кость. Пол мужской. Возраст зрелый. Череп очень массивный. Мышечный рельеф развит. Сосцевидные отростки – 3 балла. Стертость коронок зубов средняя. Швы свода частично облитерированы. Отмечен кариес первых моляров верхней челюсти как справа, так и слева.

Череп долихокранный; форма свода близка к эллипсоидной. Лоб слабо покатый. Лицо ортогатное, хорошо профилированное. Орбиты по указателю редкие. Нос средней ширины (табл. 1).

Курган 20, погребение 1. Сохранилась правая половина свода черепа женщины зрелого возраста (левая часть представлена лишь отдельным фрагментом височной кости). Мышечный рельеф развит слабо. Сосцевидный отросток – 1 балл. Стреловидный шов частично облитерирован (табл. 1).

Курган 20, погребение 2. Сохранились свод черепа, верхняя часть носовых костей и лобных отростков верхнечелюстных костей, левая ветвь нижней челюсти. Пол мужской, возраст зрелый, о чем свидетельствует развитый мышечный рельеф и общая массивность свода. Стреловидный шов со следами облитерации. В области брегмы отмечено прижизненное повреждение кости округлой формы со следами регенерации. Череп долихокранный. Лоб слабо покатый. Имеются мелкие дополнительные косточки в области швов: венечного – 2, стреловидного – 1, ламбдовидного – множественные на протяжении всего шва (табл. 1).

³В кургане 19 обнаружен только один костяк – О. С.

Курган 21, погребение 1. Сохранился лишь свод черепа и фрагмент нижней челюсти, принадлежавшие, очевидно, молодому мужчине. Мышечный рельеф довольно хорошо выражен. Швы свода открыты, но с небольшими признаками облитерации внутренней пластинки. В нижнелобной области слева непосредственно под височной линией имеется овальной формы отверстие с ровными краями размером 2 x 1 см. Стертость коронок зубов – 1 балл.

Черепная коробка долихокранная (табл. 1), овоидной формы. Лоб ближе к прямому. Затылочная часть сильно выступает.

Курган 22, погребение 1. Свод черепа значительно поврежден в области лабеллы. Отсутствуют левая височная кость и основание. Лицевой отдел представлен фрагментом скуловой кости, носовыми косточками и двумя фрагментами нижней челюсти. Пол мужской, о чем свидетельствуют развитый мышечный рельеф свода и общая массивность костей. Возраст зрелый. Швы свода облитерированы. Стертость коронок зубов средняя.

Череп долихокранный. Форма свода овоидная. Лоб покатый. Затылочная кость выступает умеренно (табл. 1).

Курган 23, погребение 1. Скелет неплохой сохранности. Череп реставрирован. Отсутствует правая скуловая кость. В правой височной ямке имеет большой дефект размером 7 x 3,5 см, переходящий сзади в участок с поврежденной наружной пластинкой свода. Скорее всего, дефект посмертного характера. Пол мужской, о чем свидетельствуют хорошо выраженные надбровные дуги, надпереносье и надсосцевидный рельеф. Возраст 18–20 лет, так как имеется третий моляр при отсутствии стертости бугорков жевательной поверхности зубов и наличии неполного зарращения клино-основного шва. Длинные трубчатые кости представлены правой плечевой с разрушенными эпифизами, правыми бедренной и большеберцовой костями. Мышечный рельеф их развит умеренно.

Череп долихокранный, форма свода близка к овоидной. Лоб слабопокатый. Лицо мезогнатное с небольшим альвеолярным прогнатизмом (табл 2, 3).

Курган 23, погребение 3⁴. Череп ребенка 11–12 лет. Разрушен альвеолярный край в области простиона. Отсутствует нижняя челюсть. Возраст определен на основании прорезывания зубов.

Череп долихокранный, форма свода овоидная. Лоб слабо покатый, лицо мезогнатное. В области лямбдовидного шва слева имеется вставная косточка.

⁴Так указано в публикации, но в кургане 23 обнаружен только один костяк – О. С.

Курган 24, погребение 1. Скелет неплохой сохранности. Черепная коробка реставрирована. Верхняя часть лицевого отдела черепа разрушена. Сохранились длинные трубчатые кости: правые плечевая и лучевая, правая и левая бедренные и большеберцовые. Мышечный рельеф развит хорошо. Кости – массивные. Пол мужской (крупные, резко заостренные книзу сосцевидные отростки, хорошо развито надбровье). Возраст зрелый (стертость зубов – до 4 баллов, признаки облитерации стреловидного и венечного швов).

Свод черепа долихокраний по форме овоидный. Лоб покатый. Затылочная кость резко выступает (табл. 1).

Курган 24, погребение 2⁵. Разрушенный свод черепа (частично реставрирован). Нижняя челюсть значительно повреждена. Череп, очевидно, принадлежал мужчине 50–60 лет, о чем свидетельствуют грубый мышечный рельеф и массивные сосцевидные отростки. Отмечена вторичная адентия больших и малых коренных зубов с последующей атрофией альвеолярного отростка и отчасти тела нижней челюсти. Все швы свода на значительном протяжении открыты. Имеется кость инков. Отмеченная кость раздвоена дополнительным швом, являющимся продолжением стреловидного. Свод черепа долихокраний, по форме овоидный. Лоб покатый. Затылок выступает умеренно (табл. 1).

Курган 27, погребение 2. Значительно поврежденный череп, свод реставрирован. Отсутствуют нижняя часть затылочной, чешуя левой височной, почти вся левая теменная и полностью клиновидная кости. Лицевой отдел представлен фрагментом верхнечелюстных костей. Нижняя челюсть с разрушенными отростками. Череп принадлежал мужчине 30–35 лет, о чем свидетельствует развитый рельеф свода при наличии облитерированных швов только на внутренней поверхности. Череп мезокраний. Форма свода, очевидно, овоидная. Лоб покатый. Затылок умеренно выступающий (табл. 1).

Курган 28, погребение 1. Череп реставрирован. Разрушен задний отдел основания. Нижняя челюсть отсутствует. Пол мужской. Возраст зрелый. Отмечен грубый надсосцевидный рельеф при умеренно развитом затылочном. Стертость коронок зубов – 3 балла. Имеются следы облитерации внутренней и отчасти внешней пластинки стреловидного шва. Определяется общая массивность костей.

Череп в целом массивный, долихокраний. Свод по форме овоидный (некоторая асимметрия, возможно, врожденного характера).

⁵В кургане 24 исследовано только одно погребение – О. С.

Лоб покатый. Лицо мезогнатное, его горизонтальная профилировка выражена. Орбиты средние. Нос широкий (табл. 1).

Курган 29, погребение 1. Реставрированный череп ребенка. Разрушены альвеолярный край в области простиона и отростки нижней челюсти. Возраст – 7–8 лет (определен по срокам прорезывания зубов). Лицо ортогнатное, профилировано в горизонтальной плоскости. Лоб прямой.

Курган 29, погребение 3. Сохранились фрагменты свода и нижняя челюсть ребенка 6–7 лет (возраст определен на основании сроков прорезывания зубов).

Курган 31, погребение 1⁶. Сильно поврежденный череп. Сохранилась лишь задняя половина свода и частично, основания. Лицевой отдел представлен фрагментами верхнечелюстных и левой скуловой костей. Среди длинных трубчатых костей сохранились левая бедренная и правая большеберцовая. Погребенный мужского пола, возраст зрелый. Мышечный рельеф развит, сосцевидные отростки составляют 3 балла. Кости массивные. Стертость коронок зубов средняя (табл. 1).

Курган 32, погребение 1. Скелет удовлетворительной сохранности. Череп реставрирован. Отсутствует значительная часть основания. Из длинных трубчатых костей сохранились правая бедренная и обе большеберцовые. Пол женский, возраст 25–30 лет. Надбровные дуги развиты слабо (1 балл). Мышечный рельеф затылочной кости не выражен. Надглазничные края острые. Стертость коронок сохранившихся моляров – 2 балла. Швы свода на внутренней поверхности со следами облитерации. Череп мезокранный. Лоб прямой. Лицо близко к ортогнатному, хорошо профилировано в горизонтальной плоскости. Нос широкий. Орбиты средневысокие (табл. 1; 2).

Курган 33, погребение 1. Череп со следами значительных повреждений (реставрирован). Отсутствуют задняя часть правой теменной кости, затылочная кость, основание и правая ветвь нижней челюсти. Череп принадлежал женщине 20–25 лет. Мышечный рельеф развит слабо. Верхний край глазниц острый. Череп грацильный. Стертость бугорков жевательной поверхности зубов – 1 балл. Швы свода открыты. Череп долихокранный, форма свода овоидная. Угол лба близок к прямому. Затылочная кость выступает слабо. Лицо умеренно профилировано в горизонтальной плоскости. Клы-

⁶Так в публикации. Речь идет о п. 2 кургана 31.

ковые ямки глубокие (5,1 мм), орбиты относительно низкие. Нос по указателю средний (табл. 1).

Курган 34, погребение 1. Скелет разрушен. Сохранились лишь отдельные мелкие фрагменты свода и верхней челюсти черепа ребенка 6–7 лет. Возраст установлен по срокам прорезывания зубов.

Курган 35, погребение 1⁷. Череп подростка 12–13 лет. Имеются мелкие повреждения в области брегмы. Возраст определен по срокам прорезывания зубов и наличию открытого затылочно-клиновидного синхондроза. В области лямбды имеется небольшая дополнительная косточка.

Курган 36, погребение 1⁸. Скелет удовлетворительной сохранности. Исследованы: череп (после реставрации), правые плечевая, лучевая, локтевая, бедренная и большеберцовая кости. Пол погребенного мужской, возраст зрелый, на что указывают массивность костей, развитый мышечный рельеф, умеренная стертость коронок зубов (2–3 балла), полная облитерация швов на внутренней поверхности свода. Отмечена вторичная адентия в области вторых моляров нижней челюсти.

Череп долихокраний, форма свода близка к овоидной. Лоб слабо покатый. Лицо мезогнатное, горизонтальная профилировка его выражена. Орбиты низкие. Нос узкий (табл. 1; 2; 3).

Переходим к общей антропологической характеристике описываемой серии, в основу которой положены средние значения основных краниологических признаков и указателей.

В изучаемых черепах средние показатели по продольному диаметру соответствуют очень большим, а по высотному (от базиона) – большим величинам. При этом поперечный диаметр находится на границе малых и очень малых величин (у женщин этот диаметр средний), что определяет резко долихокраний черепной указатель – 70,4 (у женщин указатель приближается к мезокрании – 74,5). Наименьшая ширина лба средняя. Надпереносье на мужских черепах развито хорошо (средний балл – 3,7). Угол профиля лба от назиона и от глабеллы как на женских, так и на мужских черепах, соответствует небольшой покатости лба. Скуловой диаметр на мужских черепах относится к классу малых величин, на женских – к классу средних. Верхняя высота лица находится на границе средних и больших величин, а верхнелицевой указатель большой (лептен); в женской краниологической серии лицо по указателю соответствует

⁷Согласно полевой документации, в кургане 35 остатки погребения не обнаружены – О. С.

⁸Согласно полевой документации, в кургане 36 остатки погребения не обнаружены – О. С.

рубрикации мезен. Ширина и высота носа, а также носовой указатель как на мужской, так и на женской серии средний (мезориния). Высота орбиты на двух изучаемых сериях малая, максиллофронтальная ширина на мужских черепах малая, на женских — средняя. Угол выступания носа как на мужских черепах, так и на женских большой, а назомолярный и зигомаксоллярный углы малые, что свидетельствует об отсутствии монголоидной примеси в изучаемых сериях. Симотический и дакриальный указатели в целом средние. Общий лицевой угол как на мужских, так и на женских черепах указывает на мезогнатность, хотя на двух женских черепах отмечен выраженный прогнатизм.

Таким образом, мужская и женская серии по основным краниологическим признакам дают одинаковую антропологическую картину, лишь черепной указатель и скуловой диаметр на черепах имеют относительно большие величины (эта разница особенно заметна при переводе средних величин женских черепов в мужские, согласно умножениям на коэффициенты, разработанные Г.Ф. Дебецом⁹).

При сравнении мужской краниологической серии изучаемого могильника с другими синхронными восточнославянскими краниологическими сериями видно, что ближе всего наша серия находится к сводной краниологической серии северян, вернее, их потомков, составленной В.Т. Алексеевым, а также к потомкам южных «полян» Левобережья, которые, как и изученная нами группа, характеризуются долихокраным черепным указателем, относительно высоким и узким лицом и соответственно повышенным лицевым указателем (табл. 4). Интересно, что эти же основные признаки у населения, оставившего могильник у с. Каменное (северянская территория), выражены еще более резко. Никакой монголоидной примеси в приведенных восточнославянских краниологических сериях потомков северян и «южных полян» не имеется. Некоторое понижение симотического указателя может свидетельствовать о небольшом включении южного компонента (с не очень резким выступанием носа).

⁹Дебец Г.Ф. О путях заселения северной полосы русской равнины и восточной Прибалтики // Советская этнография. 1961. № 6. С. 51–69.

№ признака Мерзляку	Признак	к.21	к.22	к.23	к.24	к.24	к.24	к.27	к.28	к.31	к.32	к.33	к.36	M
		п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	
		♀	♂	♂	♂	♂	♂	♂	♂	♂	♀	♀	♂	♀
		ad.	mat.	ad.	sin.	mat.	mat.	mat.	mat.	mat.	mat.	ad.	mat.	♀
Мозговой отдел														
1.	Продольный диаметр	191	184	184	202	190	197	169	197	—	175	1837	190	191,5 (13)
1а.	Продольный диаметр от обр.	190	187	184	199	188	194	168	194	—	174	188	188	189,3 (12)
1б.	Высотный диаметр	128	124	142	136	140	140	128	144	1271	137	156	135	150,1 (10)
17.	Высотный диаметр	—	—	103	—	107	—	—	—	—	—	—	101	128,6 (4)
5.	Длина окклюзивной черны	—	94	103	97	94	103	94	103	—	99	99	94	104,1 (6)
9.	Наименьшая ширина лба	—	112,4	—	114	116,5	—	—	—	—	96	115	102	117,2 (9)
10.	Наибольшая ширина лба	104	117	117	123	—	132	106	120	106	120	1207	120	122,7 (9)
11.	Ширина основания черепа	101	107	110	110	96	112	105	116	105	104	—	116	107,5 (6)
12.	Ширина затылка	109	109	113	112	105	111	105	111	107	107	107	115,5	120,8 (10)
18.	Длина лобного диаметра	109	109	113	107,5	112	105	111	105	111	107	107	115,5	120,8 (10)
29.	Лобная высота	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105,0 (11)
30.	Высота вклива лба	35	26,2	23	37,5	25	26,7	25	26,7	—	29,5	27,5	27	25,1 (10)
30.	Теменильная хорда	114	107	113	108	114	108	108	115	—	106,5	1057	122	110,4 (11)
31.	Затылочная хорда	—	—	96,5	99	—	—	—	113	94	94	—	95	102,4 (8)
31.	Высота вклива затылка	—	—	33,5	35,2	—	—	—	—	28,5	25,5	—	29	38,8 (8)
7.	Длина затылочного отверстия	—	—	33	40	—	—	—	—	—	—	—	31	27,3 (8)
1.	Угол профиля лба (X–m)	—	—	85,5	—	—	—	—	—	—	—	—	83	28,5 (2)
2.	Угол профиля лба (X–n)	—	—	79	—	—	—	—	78	—	86	—	83	81,4 (5)
3.	Надбровные (по Мартаву)	—	—	—	—	—	—	—	70	—	82	—	77	74,2 (5)
1–6	Надбровные дуги (1–3)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	110,4 (11)
1–6	Наружные затылочные выступы (по Брока 0–5)	1	2	3	2	4	3	4	4	—	3	1	4	37,3 (12)
—	Сосцевидный отросток	2	4	4	4	4	4	3	4	4	1	—	3	2,43 (13)
—	Нижний край грушевидного отверстия	2	—	3	3	2	3	3	3	3	1	—	3	3,64 (14)
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2,92 (13)
Указатели мозгового черена														
8.1.	Черепной	67	74,7	65,6	73,4	73,4	75,7	67,3	75,7	73,1	—	78,3	74,3	74,9 (10)
17.1.	Высотно-продольный I	—	—	103,7	105,4	—	—	—	—	—	—	—	71,3	71,5 (1)
20.1.	Высотно-продольный I	—	—	61,4	60,5	—	—	—	—	—	—	—	95	39,4 (1)
20.8.	Высотно-поперечный II	54,4	—	83,7	82,1	88,1	88,1	88,1	88,1	88,1	63,4	—	60	61,2 (8)
9.8.	Лобно-поперечный I	81,3	75,8	83,7	71,3	73,4	72,9	71,3	84,7	—	71	72,8	81	82,3 (9)
9.10.	Лобный	—	83,6	—	85,1	83,3	84,7	83,3	84,7	—	83,3	84,6	66	72,8 (12)
40.3.	Выступания лба	—	—	93,7	—	—	—	—	—	—	76,2	—	73	92,2 (9)
9.45.	Лобно-скуловой	—	—	23,2	31,4	23,9	23,8	23,8	24	—	27,2	—	23	76,1 (7)
—	Игла затылка	—	—	34,7	25,5	—	—	—	—	—	27,5	25,7	23,5	24 (10)
16.7.	Затылочного отверстия	—	—	86,4	82,5	—	—	—	—	25,2	27,1	—	30,5	29,5 (8)
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	84	87,0 (6)
Лицевой отдел														
40.	Длина окклюзивной лба	—	—	96,5	—	—	—	—	—	—	—	—	100	120,0 (4)
45.	Скуловой диаметр	—	—	126	—	—	—	—	1367	1281	126	120	128	131,2 (7)
48.	Верхняя высота лица	—	—	69	—	—	—	—	72	—	64	67	70	72,8 (6)
43.	Верхняя ширина лица	—	—	—	—	—	—	—	111	—	109	192	93	101,7 (4)
—	Вымягивая ширина лица-ино	—	—	—	—	—	—	—	18,8	—	17,5	—	19,5	83,9 (6)
—	Высота изнона над лицо-ино	—	—	—	—	—	—	—	18,6	—	16,4	—	19	17,7 (6)

№ признака по Мертвею	Признак	♀		♂		♀		♂		♀		♂		
		к-21	к-22	к-23	к-24	к-26	к-27	к-28	к-31	к-32	к-33	к-36	М	М
		п.1	п.1	п.1	п.1	п.2	п.2	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1	п.1
		ad.	ad.	ad.	ad.	mat.	mat.	mat.	mat.	mat.	mat.	mat.	mat.	mat.
46.	Средняя ширина лица (zm - zm)	-	-	-	-	-	-	101,5	89,2	90	90	98,8 (4)	98,8 (4)	88,5 (6)
	Зигто-максиллярная ширина	-	-	-	-	-	-	101,5	89,2	90	90	98,8 (4)	98,8 (4)	88,5 (6)
60.	Высота лба над zm - zml	-	-	-	-	-	-	28	22,5	22	22	26,3 (4)	26,3 (4)	21,6 (6)
61.	Ширина лобной доли	-	-	-	-	54	54	64,5	58	61,5	61,5	63,7 (6)	63,7 (6)	59,0 (3)
62.	Ширина лобной доли от л/п	-	-	-	-	44	44	44	44	46	46	46,8 (7)	46,8 (7)	44,1 (4)
63.	Ширина неба	-	-	64	61	44	44	44	44	46	46	46,8 (7)	46,8 (7)	44,1 (4)
64.	Ширина неба от л/п	-	-	-	-	39	39	39	35	34	38	37 (8)	37 (8)	33,1 (4)
65.	Высота носа	-	-	36,5	39	45,5	45,5	51,5	46,2	49	49	52,5 (5)	52,5 (5)	47,9 (7)
66.	Ширина орбиты от л/п	-	-	32	34	40	40	40	38,5	38,5	38,5	39,3 (6)	39,3 (6)	36,9 (5)
67.	Ширина орбиты от л/п	-	-	34,5	34,5	40	40	40	38,5	38,5	38,5	39,3 (6)	39,3 (6)	36,9 (5)
68.	Ширина орбиты от л/п	-	-	34,5	34,5	40	40	40	38,5	38,5	38,5	39,3 (6)	39,3 (6)	36,9 (5)
69.	Ширина орбиты от л/п	-	-	34,5	34,5	40	40	40	38,5	38,5	38,5	39,3 (6)	39,3 (6)	36,9 (5)
70.	Высота орбиты	-	-	30	30	33,5	33,5	33,5	32	29,2	29,2	31,9 (6)	31,9 (6)	27,4 (8)
71.	Симметричная ширина	-	-	9,1	9,5	12	10,2	10,5	11	11	12,5	11,6 (18)	11,6 (18)	10,56 (9)
72.	Симметричная высота	-	-	3,9	3,6	5,3	5	5	4,9	5	4,9	4,7 (13)	4,7 (13)	4,08 (9)
73.	Максимальная ширина	-	-	21,5	21,5	28,1	28,1	28,1	28,1	28,1	28,1	28,1 (5)	28,1 (5)	24,08 (9)
74.	Максимальная высота	-	-	19,6	19,6	25,5	25,5	25,5	25,5	25,5	25,5	25,5 (5)	25,5 (5)	21,58 (4)
75.	Максимальная ширина	-	-	21	21	26,5	26,5	26,5	26,5	26,5	26,5	26,5 (5)	26,5 (5)	22,58 (4)
76.	Максимальная высота	-	-	10,7	8,5	11,7	11,7	11,7	11,7	11,7	11,7	11,5 (10)	11,5 (10)	10,58 (5)
77.	Глубина клыковой ямки (mm)	-	-	4	4	6,01	6,01	6,01	6,01	6,01	6,01	6,01 (5)	6,01 (5)	4,4 (6)
78.	Средний лицевой угол	-	-	85	85	82	82	82	84	82	82	82 (5)	82 (5)	86,0 (6)
79.	Угол альвеолярной части	-	-	90	90	92	92	92	92	92	92	92 (5)	92 (5)	79,2 (6)
80.	Угол альвеолярной части	-	-	71	71	49	49	49	61	46	46	52,8 (4)	52,8 (4)	58,3 (3)
81.	Угол альвеолярной части	-	-	33	33	33	33	33	33	33	36	30,8 (4)	30,8 (4)	28,7 (3)
82.	Угол альвеолярной части	-	-	141	141	141	141	141	138	142	135,5	136,9 (4)	136,9 (4)	129,3 (6)
83.	Угол альвеолярной части	-	-	122	122	122	122	122	126	128	116	123,9 (4)	123,9 (4)	117,3 (6)
84.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
85.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
86.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
87.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
88.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
89.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
90.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
91.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
92.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
93.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
94.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
95.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
96.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
97.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
98.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
99.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
100.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
101.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
102.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
103.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
104.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
105.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
106.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
107.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
108.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
109.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
110.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
111.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
112.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
113.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
114.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
115.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
116.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
117.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
118.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
119.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
120.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
121.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
122.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
123.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
124.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
125.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
126.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
127.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
128.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
129.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
130.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
131.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
132.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
133.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
134.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
135.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
136.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
137.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
138.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
139.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
140.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
141.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
142.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
143.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
144.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
145.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
146.	Угол альвеолярной части	-	-	4	4	4	4	4	2	3	1	3 (3)	3 (3)	2,3 (6)
147.	Угол альвео													

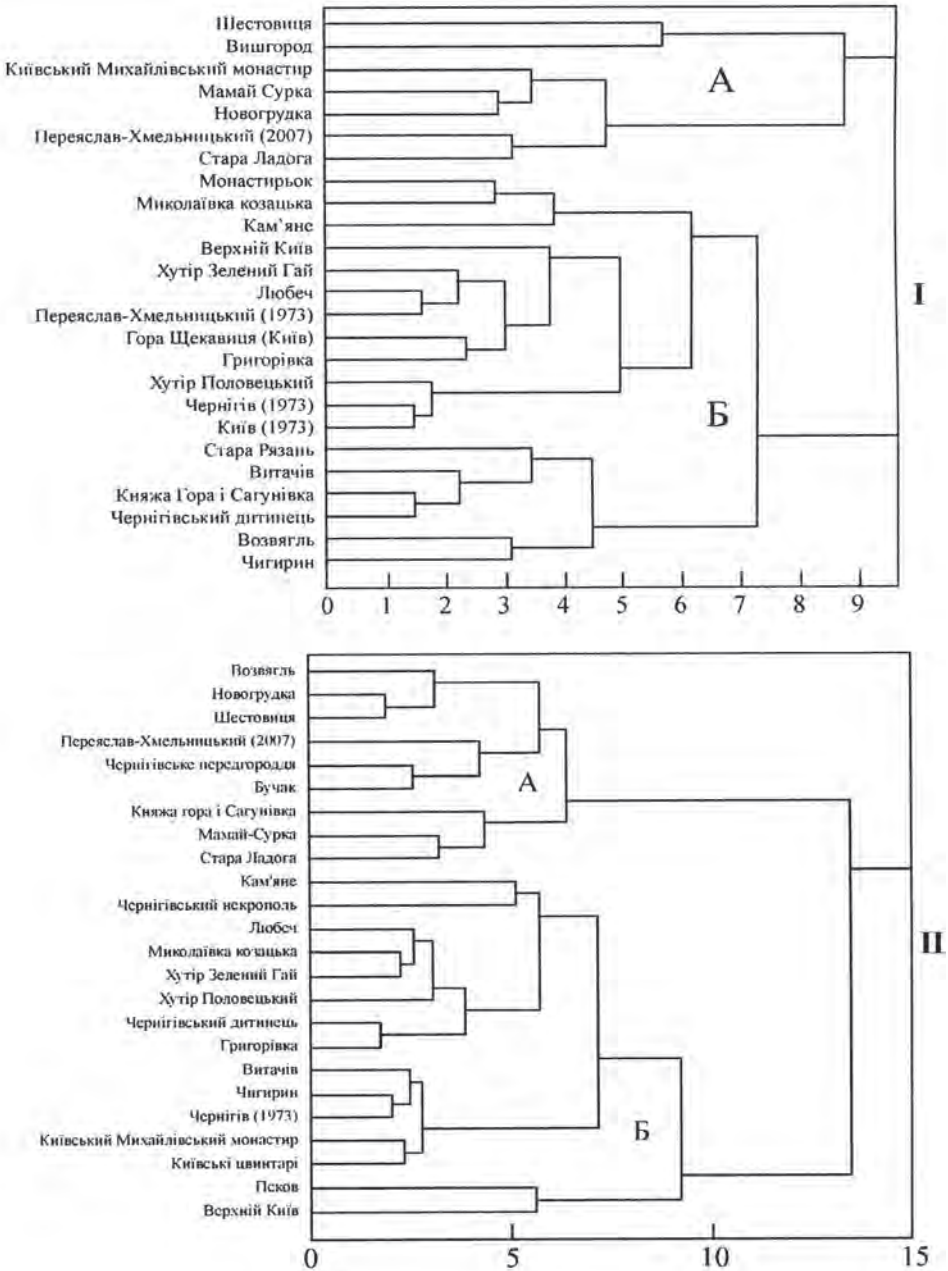
Таблица 2. Индивидуальные измерения длинных трубчатых костей верхних конечностей из могильника X–XII вв. в с. Каменное.

№ признака по Мартину	Признак	к.15	к.18	к.23	к.24	к.36
		п.1	п.1	п.1	п.1	п.1
		♂	♀	♂	♂	♂
		mat	sin	ad	mat	mat
Плечевая кость						
		Правая	Правая	Правая	Правая	Правая
1.	Наибольшая длина	349	–	–	320	323
2.	Вся длина	336	–	–	312	319
3.	Верхняя эпифизарная ширина	–	–	–	–	49
4.	Нижняя эпифизарная ширина	64	–	–	–	65
5.	Наибольший диаметр середины диафиза	27	22	25	23	24
6.	Наименьший диаметр середины диафиза	18	17	19	19	18
7.	Наименьшая окружность диафиза	71	59	65	65	66
7а.	Окружность середины диафиза	74	63	73	68	71
6:5.	Указатель сечения	66,5	77,2	76	82,6	75
7:1.	Указатель массивности	21,2	–	–	20,3	20,4
Лучевая кость						
1.	Наибольшая длина	262	259	–	–	233
2.	Физиологическая длина	245	250	–	–	220
4.	Поперечный диаметр диафиза	17	15	–	16	16
5.	Сагиттальный диаметр диафиза	12	12	–	15	12
3.	Наименьшая окружность диафиза	46	40	–	42	44
5:4.	Указатель сечения	70,6	80	–	93,7	75
3:2.	Указатель массивности	18,8	16	–	–	20

Таблица 3. Индивидуальные измерения длинных трубчатых костей нижних конечностей из могильника X – XII вв. у с. Каменное.

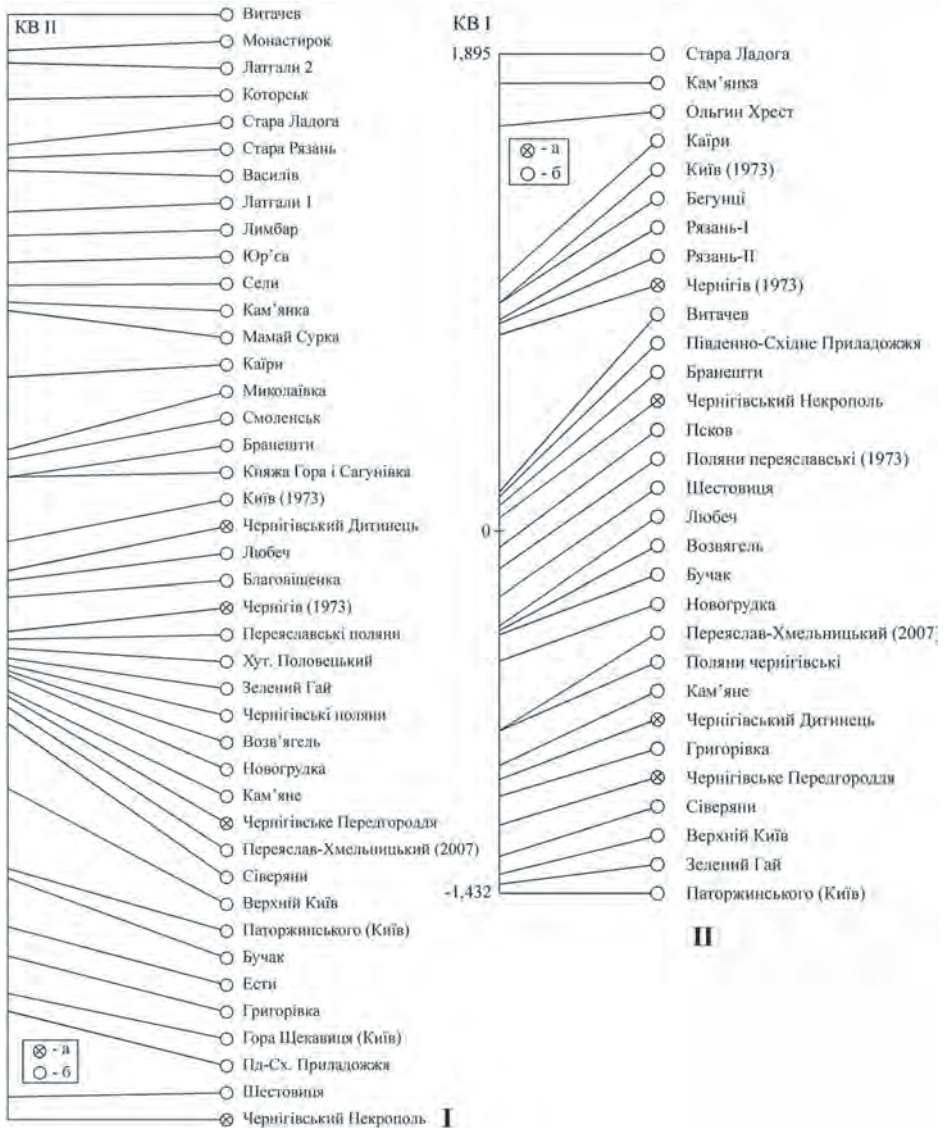
№ по Мар- гибу	Признак	к.3		к.15		к.18		к.23		к.24		к.31		к.32		к.36	
		п.1	п.2	п.1	п.2	Левая	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая		
																	Правая
Бедренная кость																	
1а.	Наибольшая длина	442	—	454	403	402	428	444	444	444	—	425	389	—	438	—	
2.	Длина в естественном положении	439	—	452	401	400	425	438	439	—	418	386	—	437	—	—	
2л.	Мышечная ширина	82	—	84	86	86	73	—	—	—	70	69	—	81	—	—	
6.	Самый большой диаметр	31,5	—	33	26	27	27	28	28	—	29	26	—	30	—	—	
7.	Средний диаметр	27	—	31	25	25	27	27	27	—	26	26	—	30	—	—	
9.	Верхний поперечный диаметр диафиза	34	—	34	32	32	28	30	31	—	32	31	—	38	—	—	
10.	Верхний сагиттальный диаметр диафиза	28	—	29	25	25	27	25	25	—	22	23	—	27	—	—	
8.	Окружность середины диафиза	9,2	—	97	83	82	85	85	87	—	83	78	—	95	—	—	
8:2.	Указатель массивности	21	—	21,5	20,7	20,5	20	19,4	19,8	—	19,9	20,2	—	21,7	—	—	
6:7.	Указатель пластичности	117	—	106,5	104	108	100	104	100	—	111,5	100	—	100	—	—	
10:9.	Указатель пластичности	82,4	—	85,3	78,1	78,1	96,4	83,3	80,6	—	68,8	74,2	—	71,1	—	—	
Большеберцовая кость																	
1.	Полная длина	350	344	—	323	—	340	348	351	330	310	310	356	—	—	—	
2.	Мышечно-таранная длина	339	334	—	315	—	330	337	340	319	299	299	—	—	—	—	
3.	Наибольшая ширина	336	336	—	339	—	353	362	365	344	322	322	359	—	—	—	
5.	Верхнего эпифиза	76	76	—	73	—	67	—	—	—	68	69	—	—	—	—	
6.	Наибольшая ширина	57	51	—	—	—	49	—	45	—	46	46	49	—	—	—	
8.	Самый большой диаметр на уровне середины диафиза	31	29	—	28	—	28	27	29	30	27	26	29	—	—	—	
8а.	Самый большой диаметр на уровне гол.п.п.	35	35	—	31	—	35	31	34	36	30	30	34	—	—	—	
9.	Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	25	27	—	19	—	21	27	26	25	20	20	21	—	—	—	
9а.	Поперечный диаметр на уровне гол.п.п.	27	24	—	21	—	25	28	27	26	22	23	23	—	—	—	
10.	Окружность на уровне середины диафиза	87	82	—	73	—	78	80	80	86	73	73	83	—	—	—	
10в.	Наименьшая окружность диафиза	81	75	—	70	—	74	71	72	81	67	68	79	—	—	—	
9а:8а.	Указатель сечения	77,1	68,5	—	67,7	—	71,4	90,3	79,4	72,2	73,3	76,7	67,6	—	—	—	
10в:1.	Указатель массивности	23,1	21,8	—	21,7	—	21,8	20,4	20,5	24,5	21,6	12,9	22,2	—	—	—	

Таблица 5. Результаты кластерного анализа расстояния Эвклида восточнославянских серий: I – мужчины; II – женщины (по Долженко Ю.В., Потехина И.Д.)¹

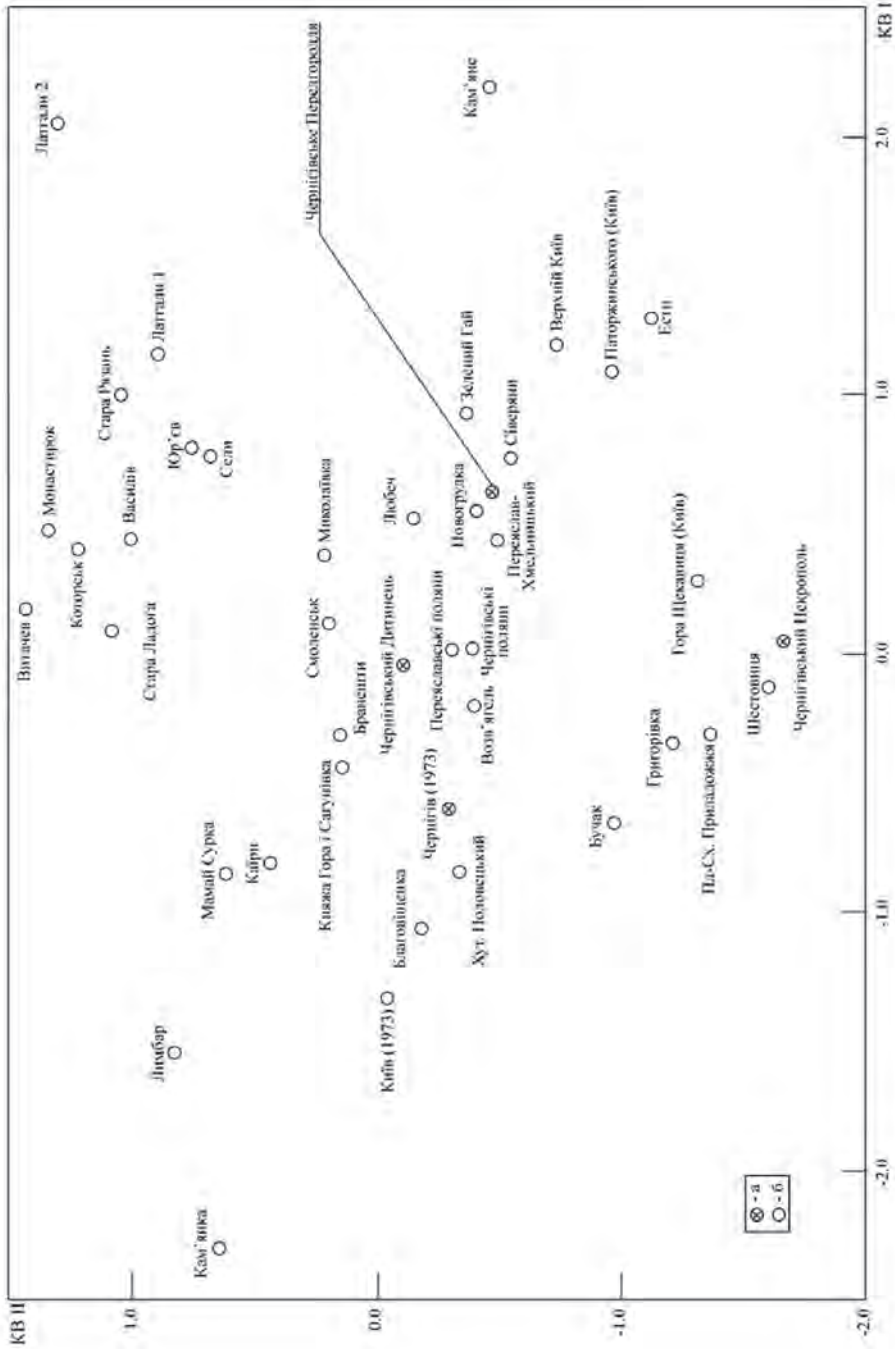
¹Долженко Ю.В., Потехина И.Д., Мешканці Чернігівського Дитинця: антропологічне дослідження // в кн.: Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. К. 2011. С. 293.

Таблица 6. Результаты канонического анализа мужских (I) и женских (II) групп (по Долженко Ю.В.)²

²Долженко Ю.В. До антропології похованих у Чернігівському Некрополі XI–XIII ст. // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький. 2011. Вип. 26. Рис. 8; 10.

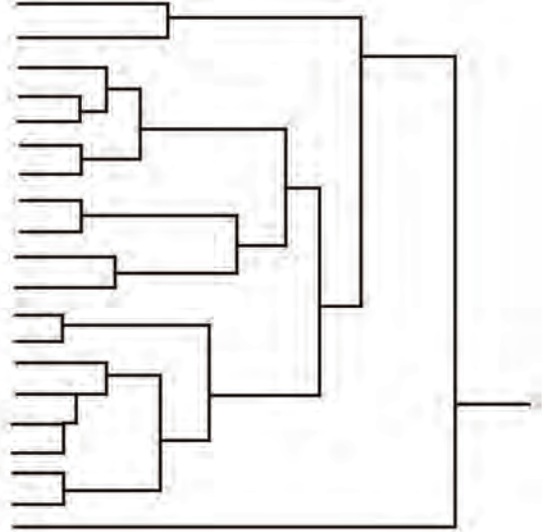
Таблица 7. Результаты канонического анализа мужских серий в плоскости I и II канонических векторов (КВ I и КВ II) (по Долженко Ю.В.)³

³Долженко Ю.В. До антропології похованих у Чернігівському Некрополі XI–XIII ст. Рис. 9.

Таблиця 8. Кластеризация мужских серий Среднего Поднепровья древнерусского времени (по Т.А. Рудич)⁴

Липове
Камінне
Переяслав-Хмельницький
Поляни переяславські
Сіверяни
Зелений Гай
Любеч
Юр'їв
Миколаївський могильник
Монастирок
Витачів
Княжа Гора
Київ
Яблунівка
Хут. Половецький
Чернігів
Поляни чернігівські
Бучак
Григорівка
Шестовиця

⁴Рудич Т.О. Населення Лівобережної України давньоруської доби за матеріалами антропології // Археологія. 2009. № 4. С. 21.

Приложение 2

**Результаты спектрографического анализа находок
из раскопок роменско-древнерусского комплекса памятников
у с. Каменное Сумской обл.,
произведенного в лаборатории Харьковского
государственного университета (1977 г.)**

шифр	Наименование предмета	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1416	Поясная бляшка, к. 2, № 235	0,236	0,742	2,538	0,018	Осн.			0,02				0,0001
1417	Серьга с бусиной, п. 1 к. 2, № 234	6,11	0,952	2,462	0,014	0,236	0,079	0,023	0,15	0,021	0,006	0,007	0,001
1418	Поясная бляшка, к. 14, № 577	0,22	1,066	0,904	0,033	Осн.			0,027		0,006	0,007	0,0005
1419	Поясная бляшка, к. 14, № 577	0,07	2,462	0,53	0,21	Осн.		0,023	0,026				0,0001
1420	Пряжка, к. 14, № 576	0,011	2,637	0,53	0,04	Осн.			0,027				0,0001
1421	Поясная бляшка, к. 13, № 571	0,002	0,939	0,3	0,022	Осн.			0,02		0,006		0,0001
1422	Поясная бляшка, к. 5, № 354	0,17	2,769	0,611	0,072	Осн.	0,009		0,025		0,006		0,0002
1423	Поясная бляшка, (к. 5), № 354	2,165	0,915	1,231	0,043	Осн.			0,025	0,003	0,006		0,003

Продолжение таблицы

шифр	Наименование предмета	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1424	Поясна Поясная бляшка, к. 5, № 354	0,38	2,429	0,553	0,043	Осн.		0,023	0,02				0,0001
1425	Поясной наконечник, к. 1, № 236	0,357	0,834	0,753	0,05	Осн.			0,024	0,003	0,006		0,0001
1426	Бубенчик, к. 1, № 219	4,49	3,11	2,835	0,014	0,146	0,014	0,15	0,217	0,038	0,056	0,007	0,0001
1427	Иконка, киотовидная, № 150	9,52	0,915	0,01	0,025	0,18	0,064	0,023	0,025	0,012	0,006	0,007	
1428	Иконка, прямо- угольная, № 140	2,637	7,19	0,233	0,037	0,085	1,396	2,231	0,09	0,518	0,079	0,011	0,0001
1429	Энкол- пион, № 141	2,637	0,776	0,01	0,052	0,03	0,089	0,643	0,036	0,018	0,006		

Приложение 3

Комар А.В. Хронология могильника у с. Каменное

Погребения курганного могильника у с. Каменное разделяются на три выразительные группы по уровню залегания костяка относительно древнего горизонта (Табл. I), рассматриваемые О.В. Сухобоквым как последовательные стадии в эволюции погребального обряда.

Группа I – погребения в насыпи выше погребенного горизонта (на подсыпке). Сравнение глубин залегания костяков и уровня погребальной почвы позволяет несколько расширить состав этой группы по сравнению с первичной интерпретацией полевых данных. Группа включает кремационное погребение в урне (*курган 10*) и 16 ингумаций (*курганы 1, 4-7, 9, 11-14, 18, 30; п. 1 кургана 2; п. 2 кургана 8*).

Группа II – 9 ингумаций под насыпью на уровне древнего горизонта (*курганы 19, 26, 34, 39, 40; п. 2 кургана 2; п. 1 кургана 25; п. 1 кургана 28*).

Еще в трех нарушенных аматорскими раскопками курганах (*курганы 35, 36, 38*), судя по глубине вкопов, погребения располагались на уровне древней поверхности (*курганы 36, 38*) или выше в насыпи (*курган 35*).

Группа III – ингумации в ямах ниже горизонта (23), из которых 11 совершены уже в гробах. К группе относятся погребения *курганов 3, 15, 16, 17, 20-24, 27, 29, 31-33, 37, п. 1 кургана 8, п. 2 кургана 25*. В *курганах 3, 16, 21, 23, 29, 31, 33, 37* погребения совершены выше материка в темном грунте. Первоначально часть из них в полевой документации даже интерпретированы как погребения на горизонте (*курган 3*), но уровень залегания костяков во всех случаях ниже древней поверхности, что действительно позволяет рассматривать погребения таких курганов как ранний вариант захоронений в ямах.

При сравнении показателей глубин ям от уровня древней поверхности выделяются три подгруппы: IIIa – 0,4-0,45 м (*курганы 3, 16, 21, 23, 29, 37, п. 1 кургана 8*); IIIб – 0,65-0,75 м (*курганы 32, 33, п. 1 кургана 20*); III – 0,8-1,2 м (*курганы 15, 17, 22, 24, 26, п. 2 кургана 20, п. 2 кургана 25*). При этом распределение гробов по подгруппам (4 – 3 – 3) дает в процентном соотношении максимальный показатель в группе IIIб (100 %), а минимальный – в группе IIIв (43 %).

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
№ 10		x		x				x	x	x	x		x		x	x	x			
№ 1	x		x	x				x	x	x		x	x	x	x			x	x?	
№ 2/1	x		x	x				x	x	x			x		x	x		x	x	
№ 14	x		x	x				x	x	x		x			x			x		
№ 9/1			x	x				x	x		x		x		x	x				
№ 4	x		x	x				x	x		x		x		x					
№ 18			x	x				x	x						x	x				
№ 6			x	x				x	x			x								
№ 5	x		x	x								x			x			x		
№ 11			x	x								x	x		x	x				
№ 12			x	x									x		x	x				
№ 13/1	x		x	x									x							
№ 13/2	x		x	x											x	x		x		
№ 9/2			x	x											x	x				
№ 8/2	x		x	x											x	x			x	
№ 7			x	x															x?	
№ 30			x	x																
№ 19	x		x		x			x		x				x?		x				
№ 25/1	x		x		x							x			x	x				
№ 39	x		x		x							x			x	x	x			
№ 28/1			x		x								x		x					
№ 34			x		x										x	x				
№ 2/2	x		x		x										x	x				
№ 26			x		x										x					
№ 28/2			x		x															
№ 40			x		x															
№ 8/1	x		x			x	x	x		x	1/2	x	x			x				
№ 3/2	x		x			x	x	x		x	1/2		x		x					
№ 15			x			x	x	x		x		x	x	x						
№ 32			x			x	x					x			x	x				
№ 33	x		x			x	x					x			x					

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
№ 22	x		x			x	x					x								
№ 20/1	x		x			x	x						x		x	x				
№ 17			x			x	x						x		x	x				
№ 20/2	x		x			x	x						x							
№ 3/1	x		x			x	x								x	x		x		
№ 21			x			x	x									x				
№ 29/3	x		x			x		x		x					x	x				
№ 16			x			x		x	x?					x?	x	x	x			
№ 24	x		x			x		x		x										
№ 29/1	x		x			x										x			x	
№ 23	x		x			x							x							
№ 27/2			x			x							x							
№ 31/2	x		x			x								x?						
№ 37			x			x											x			
№ 27/1			x			x														x
№ 29/2	x		x			x						x								
№ 25/2	x		x			x														
№ 31/1	x		x			x														
№ 36					x?			x		x		x								
№ 38	x				x?															
№ 35				x?																

Таблица I. Элементы погребального обряда могильника у с. Каменное: 1 – курганный ровик; 2 – кремация; 3 – ингумация; 4 – выше уровня древнего горизонта; 5 – на уровне горизонта; 6 – в яме ниже горизонта; 7 – гроб; 8 – керамика; 9 – лепная керамика; 10 – гончарная керамика; 11 – сосуд; 12 – угли; 13 – нож; 14 – кости животных; 15 – украшения; 16 – бусы; 17 – гривны; 18 – поясные детали; 19 – амулеты; 20 – оружие.

В то же время, погребения группы IIIв наименее инвентарные из всех, что соответствует динамике исчезновения сопровождающих предметов по мере окончательной христианизации погребального обряда.

В курганах 2 и 9 под насыпью сочетались погребения групп I и II; в кургане 8 – групп I и III, а в кургане 25 – групп II и III. При этом в курганах 2 и 9 в центре насыпи располагались погребения группы I, тогда как погребения группы II смещены от центра (Рис. 57; 70) и явно совершены позже. В кургане 13 оба погребения принадлежали группе I, но смещенное от центра погребение 1 залегало несколько глубже центрального (Рис. 78). В кургане 8 центральное положение занимало погребение 2 группы I, а погребение 1 в яме группы III смещено от центра (Рис. 67). В кургане 25 погребения групп II и III располагались на одинаковом расстоянии от центра насыпи, но погребение 2 группы III явно было впускным, о чем свидетельствует прослеженная яма запуска (Рис. 99). В кургане 20 из двух погребений группы III глубже смещенное от центра погребение 2, что в целом также подтверждает тенденцию к углублению могил со временем. Таким образом, планиграфически и стратиграфически погребения группы I предшествуют группе II, а последняя – группе III.

В группе I присутствует языческое погребение по обряду кремации, а в группе III – 11 погребений в ямах и гробах по христианскому обряду, что несомненно отражает направление эволюции погребальной обрядности. При этом такие признаки «языческого» обряда как угли, остатки тризны в виде фрагментов керамики и костей животных, нож при погребенном, определяющими не оказались, будучи практически равномерно представленными во всех трех группах (Табл. I). Амулеты из клыков животных присутствуют в ожерельях погребенных из двух групп I (п. 1 кургана 2, п. 2, кургана 8) и III (п. 1 кургана 29); потенциальные амулеты в виде астрагалов и скифского бронзового наконечника также найдены в курганах 1 и 7 группы I, что делает наличие этой категории находок в п. 1 кургана 29 из группы III скорее исключением.

Только в III группе отмечены предметы вооружения (п. 1 кургана 27), тогда как поясные украшения (пряжка, бляшки, наконечник) и принадлежности (колчаный (?) крюк) – в основном в погребениях группы I (курган 1, п. 1 кургана 2, курганы 5, 13, 14), а также в одном погребении группы III (п. 1 кургана 3). «Статусные» предметы в виде шейных гривен представлены во всех трех группах, но в группах I–II гривны железные, тогда как в группе III – бронзовые.

В курганах всех трех групп присутствовала древнерусская гончарная посуда, но лепная роменская и целые сосуды (*курган 4, п. 1 кургана 9, курган 10*) – только в группе I. В группе III можно отметить лишь две нижние части разбитых гончарных сосудов (*п. 2 кургана 3, п. 1 кургана 8*) и мелкие лепные фрагменты с кальцинированными косточками в насыпи *кургана 16*, которые, впрочем, могли попасть туда случайно из культурного слоя могильника.

Сразу 5 ингумационных погребений группы I (*курган 1, п. 1 кургана 2, курган 5, п. 2 кургана 13, курган 14*) содержали салтовские поясные детали (Рис. 128) хронологического горизонта IV (последняя четверть IX – первая треть X в.), дата которых в собственно салтовских комплексах не поднимается выше первой половины X в.¹ О.В. Сухобоков справедливо обратил внимание на необычные обстоятельства находок салтовских поясных деталей в погребениях Каменного. Ни в одном из пяти случаев в погребениях не было признаков наличия полного наборного пояса – детали встречались единично и не сопровождались пряжками, а салтовская пряжка из *кургана 14* попала в погребение в уже сломанном виде. Все это говорит о чистом символизме салтовских деталей в уборе погребенных или даже о намеренном погребальном ритуале.

Собранные во время раскопок в разных погребениях поясные детали создают удивительное впечатление всего одного разделенного на мелкие части пояса (Рис. 128), но данные спектрального анализа состава металла деталей (*Приложение 2*) показывают, что детали из разных курганов различаются. Находки происходят из 5 погребений, в т. ч. заметно отделенных друг от друга пространственно (*курган 5*) (Рис. 54). Это не позволяет допускать серьезный хронологический разрыв погребений с временем бытования аналогичных наборов в салтовской среде, подразумевая дату в рамках середины – второй половины X в.

За исключением расположенного в западной части могильника *кургана 5*, остальные курганы с салтовскими деталями образуют вместе с кремационным *курганом 10* (содержащим нож салтовского типа) дугообразную цепочку, вытянутую с севера на юг. В эту линию (Рис. 54; Рис. I) вписывается *курган 6* с лепной керамикой, а также, возможно, и *курган 8* с амулетом из клыка медведя (Рис. 69), хотя *курган 8* скорее примыкает сбоку к *кургану 2* и принадлежит к линии, образованной западнее безинвентарным *курганом 7* и *курга-*

¹Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 130-131; Табл. V.

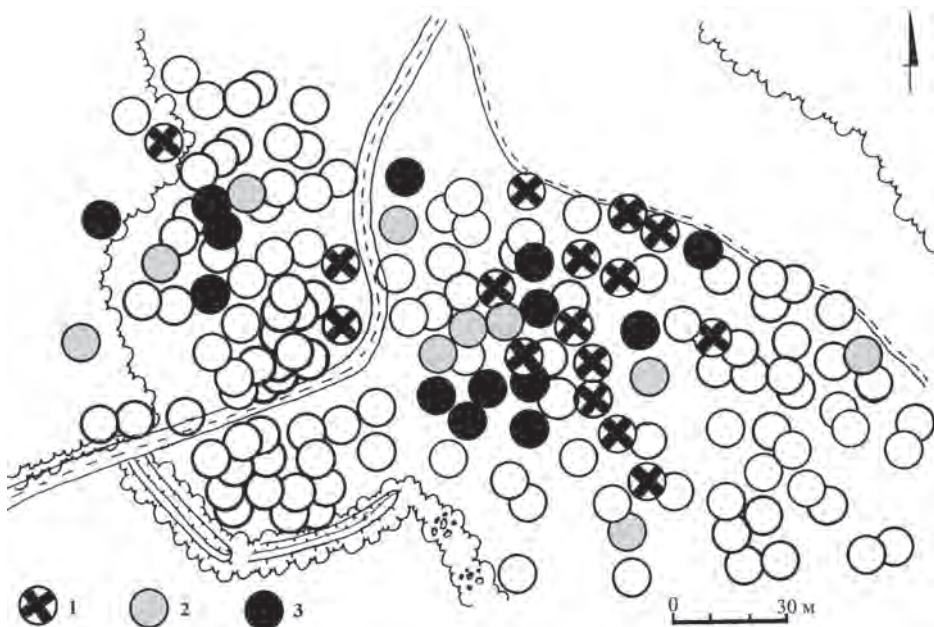

Рис. 1. Распределение хронологических групп курганов: 1 – группа I; 2 – группа II; 3 – группа III

нами 9, 12 с украшениями горизонта Броварок (ожерелье из бронзовых пуговиц, «усатый перстень», круглые височные кольца, золотостеклянные бочковидные бусы) (Рис. 72; 76). Следующую линию образуют курганы 11 и 18, также с украшениями горизонта Броварок, включая спиральные височные кольца (Рис. 76; 90). Отдельную (родовую – ?) группу составляют курганы 4, 5 в западной части могильника, также образующие линию по оси С – Ю (Рис. 54; Рис. 1). К сожалению, никаких данных нет о наборе инвентаря в разрушенных любителями курганах 35 и 30, расположенных в западной и восточной частях могильника (Рис. 54; Рис. 1), скорее всего, они маркируют ядра других родовых групп могильника.

Совмещение планиграфии, данных об обряде и составе инвентаря позволяют предполагать, что могильник у с. Каменное начал формирование минимум из четырех самостоятельных курганных групп, располагавшихся цепочками по линии С – Ю (Рис. 1, 1). На примере центральной части могильника наблюдаем дальнейшее расположение новых погребений группы I сначала параллельными цепочками, а затем на этапе групп II и III начинаются как подзахоронения в более ранние курганы, так и бессистемное окружение курганов группы I новыми курганами групп II и III (Рис. 1), т. е. переход к семейному принципу группировки погребений.

Для обрядовой группы I получается более дробная хронологическая градация:

группа Ia – курган 1, п. 1 кургана 2, курганы 4, 5, 6, 10, п. 2 кургана 13, курган 14;

группа Ib – курган 7, п. 2 кургана 8, п. 1 и 2 кургана 9 (п. 2 раньше п. 1); курганы 11, 12, п. 1 кургана 13, курган 18.

В группе Ib нет салтовских предметов, но появляются круглые и спиральные височные кольца, «усатый» перстень, многочисленные пуговицы в ожерелье, спаянные из двух половинок, а также бочковидные и цилиндрические золотостеклянные бусы. В группе Ia обращает внимание полное отсутствие височных колец, но в п. 1 кургана 2 и курганах 4, 5, 10 у черепа погребенных располагались по одной серьге с заходящими концами.

Группа II более монолитна (Рис. II). С группой I ее связывают железная гривна, ожерелья с многочисленными бронзовыми пуговицами, парные круглые височные кольца среднего диаметра, литые кольцевые пряжки, наличие каменных бус (халцедоновые, тогда как в группе I – только сердоликовые), бубенчик с крестовидной прорезью. В комплексах группы уже нет лепной посуды, вместо спиральных височных колец отмечено лишь одно большое спиралеконечное с загибом спирали внутрь (п. 2 кургана 2), а «племенные» украшения представлены ажурными подвесками, которые принято считать спецификой радимичского убора (Рис. 56, 13-15). В то же время, с группой III комплекс украшений группы II связывают многочисленные подовальные височные колечки (или серьги?) малого диаметра (Рис. II).

Группа III (Рис. II) выделяется наличием бронзовых тордированной и гладкой шейной гривен, S-конечных серег, пуговичек с рифленным низом и крестовидной прорезью, семилопастного височного кольца «деснинского» типа. В группе нет круглых парных височных колец среднего диаметра, остаются лишь малые. В наборе бус появляются большие пастовые однотонные и «ягодovidные», при большей, по сравнению с группой II, доле золотостеклянных.

Погребальный инвентарь в целом подтверждает более раннее положение группы IIIа ингумаций в неглубоких ямах (курганы 3, 16, 21, 23, 29, 31, 37, п. 1 кургана 8). Именно в этой группе (IIIа) сосредоточены гривны (курганы 16, 37), ожерелье из ягодovidных бус с клыками-амулетами и большая рубчатая бусина (п. 1, 3 кургана 29), халцедоновые бусы (п. 1 кургана 8). В группе IIIб (курганы 32, 33, п. 1 кургана 20) концентрируются новые элементы – S-конечные серь-

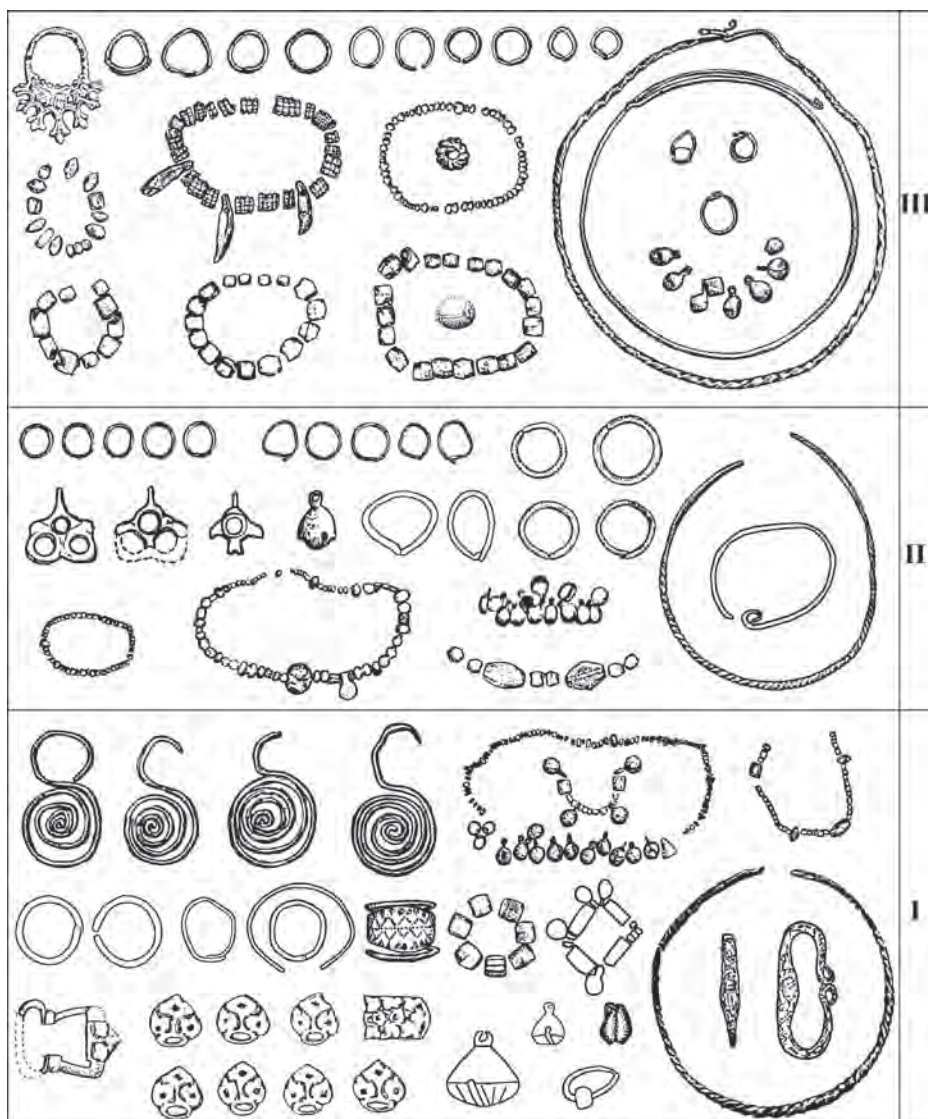

Рис. II. Инвентарь из погребений I-III групп

ги (п. 1 кургана 20, курган 32), пуговицы с крестовидной прорезью (п. 1 кургана 20) и семилопастное височное кольцо (курган 33). В наименее инвентарной группе погребений IIIв (курганы 15, 17, 22, 24, 26, п. 2 кургана 20, п. 2 кургана 25) показательна только S-конечная серьга (курган 17), свидетельствующая о хронологической близости этой группы с погребениями группы IIIб. С точки зрения эволюции христианского погребального обряда, набор инвентаря всех трех подгрупп видоизменяется хронологически закономерно: от

амулетов в группе IIIa до практически полного исчезновения инвентаря в погребениях группы IIIв.

Гораздо сложнее вопрос абсолютных привязок выделенных периодов развития могильника у с. Каменное, что обусловлено общей слабостью разработок абсолютной хронологии южнорусских погребальных памятников конца X – XIII вв., обычно сталкивающихся с проблемой ограниченной базы закрытых датированных комплексов.

Для начальной фазы функционирования могильника Каменное (группа Ia) важно присутствие поясных деталей салтовского горизонта IV (последняя четверть IX – первая треть X в.). Во второй трети X в. горизонт IV сменяется ярким комплексом серебряных с позолотой и чернением поясных украшений горизонта V, представляющего горизонт разгрома Саркела (965 г.)². Находок последнего горизонта в Каменном (как и в целом в лесостепном бассейне Северского Донца) нет – по-видимому, связи с салтовским культурным кругом у данной группы северянского населения были оборваны не позже первой трети X в. Уже в кремационном кургане 10 Каменного наблюдаем новый вектор влияния – «северный» или древнерусский: фрагменты разбитого гончарного сосуда в насыпи, железная витая гривна, подвеска-«блесна» (Рис. 74). Учитывая, что поясные детали из Каменного уже до 40-х гг. X в. полностью вышли из употребления в салтовской среде, откровенно сложно предполагать временной диапазон запаздывания таких находок в северянских комплексах больше отрезка жизни одного поколения (не более 40-50 лет), а следовательно, группа Ia несомненно принадлежит к языческому периоду.

Следующая фаза могильника (группа Ib) принадлежит к яркому горизонту Броварок, на котором у северянского населения бассейнов Сулы, Псла, Ворсклы возникает самобытный комплекс женских украшений, включающий спиральные височные кольца, пластинчатые или тканевые с нашивками бус и раковин каури очелья, дровые, головные венчики, ожерелья с двучастными бронзовыми пуговицами, „аксельбанты” с бубенчиками, браслеты с уплощенными концами, «усатые» перстни и др. (Рис. III-VI; Фото 23-26).

Проблема абсолютной даты горизонта Броварок пока не имеет однозначного решения. В.В. Седов относил появление спиральных

²Макарова Т.И., Плетнева С.А. Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2. С. 62-76; Рис. 2-5; Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы С. 130-131; Табл. V.

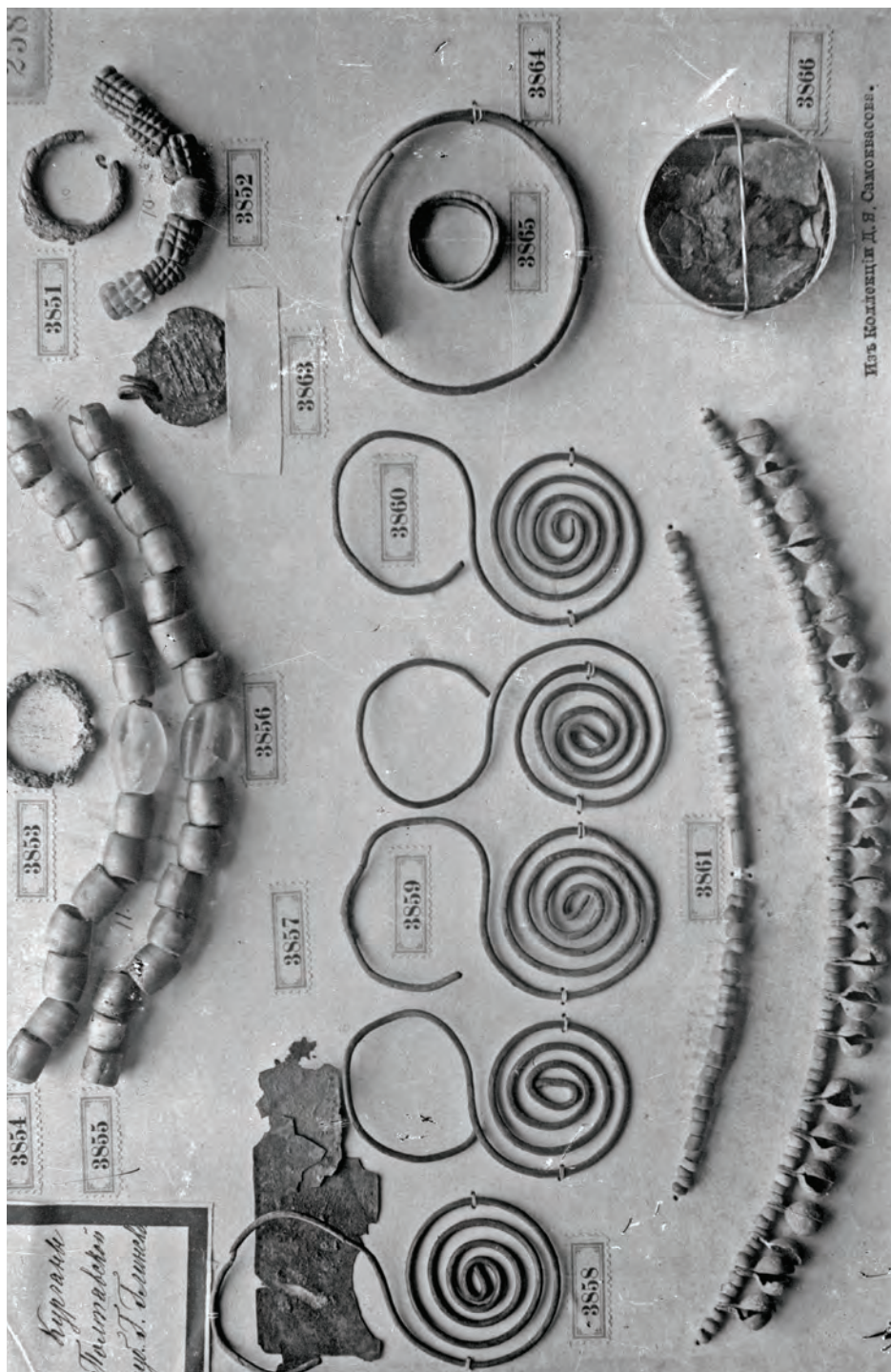

Рис. III. Глинск I, курганы I–III

колец еще к IX в., датируя так Полтавский клад 1905 г.³ и, вслед за Б.А.Рыбаковым, связывая генезис данных украшений с развитием типов украшений горизонта «антских» кладов⁴. О.В. Сухобоков и А.В. Григорьев считали комплекс Полтавского клада характерным для позднероменского этапа конца IX – начала XI в., позиционируя сам клад в рамках X в.⁵ По мнению Е.А. Шинакова, Полтавский клад относится к концу X – началу XI в., а весь комплекс украшений горизонта Броварок бытует в конце X – начале XII в., в период распространения древнерусской культуры у северян⁶. А.Г. Шпилев синхронизирует Полтавский клад с Жидеевским (80-е гг. X в.), определяя таким образом нижнюю границу горизонта в рамках последней четверти X в., но также на примере Гочево допускает бытование ингумаций на уровне древней поверхности с венчиками до начала XII в.⁷

Тип гривны Полтавского клада не ассоциируется в комплексах с предметами XI в., но подобных семилопастных височных колец и спиральных подвесок нет в слое гибели Супрутского городища⁸, являющегося наиболее важным комплексом постновотроицкого хронологического горизонта конца IX – первой трети X в. (Супруты, Зарайский клад). В кладе из Лухтовки пятилучевое височное кольцо (Фото 27) найдено с младшим дирхемом 932 г.⁹ В Жидеевском кладе семилучевые кольца, близкие полтавским, сочетались с дирхемами 974/975 гг. и милиарисием 976-1025 гг.¹⁰

На вторую половину X в. приходится выпадение еще одного клада в рассматриваемом регионе – Шпилевского, включающего детали древнерусского поясного набора и «северный» браслет с за-

³Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава. 1908. Вып. 5. С. 203-212; Табл. I.

⁴Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М. 1982. С.139.

⁵Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII-XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968-1989 рр.). К. 1992. Рис. 9; Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула. 2000. С. 44.

⁶Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. №3. С. 120; Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж. 1991. С. 85-86.

⁷Шпилев А.Г. Погребения с головными венчиками и очельями как показатели этнокультурных и политических процессов на Верхнем Псле в XI в. (по материалам Гочевского курганного некрополя) // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII – XIV вв. Тула. 2005. С. 192-215; Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X – XI в.) // Русский сборник. 2008. Вып. 4. Брянск. С. 43-59; Шпилев А.Г. Об одном типе погребальных головных уборов у южных северян в конце X – XI вв. // Stratum plus. 2009. № 5. С. 338-351.

⁸Григорьев А.В. Славянское население Оки и Дона. Тула. 2005. Рис. 38, 4-12.

⁹Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII – XIII ст. С. 51.

¹⁰Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком. Рис. 5.

вязанными концами¹¹. Монетную часть клада (99 монет) составляют дирхемы 896/897 – 966/967 гг. чеканки и византийский милиарисий 948–959 гг., к которым добавлен мерванидский дирхем 90-х гг. X в. Учитывая, что клад поступал в Археологическую комиссию частями от разных лиц, хронологический разрыв между основной частью монет и мерванидским дирхемом, скорее всего, объясняется случайным попаданием последнего в коллекцию. Аналогичные шпилевским поясные детали отливались в ювелирной мастерской на Киевском Подоле из раскопок на ул. Верхний Вал¹². Дендрохронологические даты срубов раскопа тяготеют к началу X в., что противоречит археологической дате горизонта (третья четверть X в.)¹³. При этом и рассматриваемая усадьба в раскопе по ул. Верхний Вал, и синхронная усадьба в соседнем раскопе по ул. Нижний Вал, погибли в пожаре, который может быть связанным с эпизодом печенежской осады Киева 968 г.

Дата Полтавского клада несомненно не выходит за рамки второй половины X в., и с наибольшей долей вероятности его сокрытие связано с событиями печенежских вторжений 968–990 гг., обусловивших в конечном итоге масштабное строительство Посульской оборонной линии для защиты юго-восточной границы Руси¹⁴.

Таким образом, нижняя граница горизонта Броварок относится к последней трети или, как минимум, последней четверти X в. Сам могильник Броварки¹⁵ расположен в 15 км южнее Каменного ниже по течению р. Псел. Это ближайший из синхронных исследованных памятников к могильнику Каменное, закономерно притягивающий к себе наше внимание. В.В. Хвойкой были исследованы 80 курганов, из которых «нетонутых» могил насчитал только 16; из них суммарно описаны 5 кремационных погребений и индивидуально 8 ингумационных. Согласно В.В. Хвойке, кремационные погребения встречались от вершины насыпи до глубины 1 м; прослежены четырехугольные площадки с остатками кремации на месте, сопровождавшиеся лепной посудой.

Ингумационные погребения Броварок делятся на три группы по глубине залегания от современной поверхности: 0,4–0,55 м (*кур-*

¹¹Корзухина Г.Ф. Русские клады IX – XIII вв. М. 1954. С. 86; Табл. IX.

¹²Гупало К.М., Івакін Г.Ю., Сагайдак М.А. Дослідження Київського Подолу (1974–1975 рр.) // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. К. 1979. С. 47–53; Рис. 9.

¹³Сагайдак М.А. Давньокіївський Поділ. К. 1991. С. 82, 92.

¹⁴Моргунов Ю.Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 3. Курск. 1998.

¹⁵Хвойко В.В. Раскопка могильника при с. Броварки, Гадячского уезда, Полтавской губ. // Труды Московского археологического общества. Древности. 1904. Т. XX. Вып. II. С. 40–48.

ганы 1, 6, 7); 0,65-0,8 м (курганы 2, 4, 5); 1,15-1,2 м (курганы 3, 8). Погребение кургана 8 (глубина 1,15 м) отмечено особо как лежащее на материковом грунте, что позволяет рассматривать группу 3 Броварок как погребения в неглубоких ямах, стадияльно синхронную группе IIIа Каменного. Высота насыпи над материком в Каменном колебалась от 0,8 до 2 м, чаще всего составляя ок. 1 м. Поскольку В.В. Хвойка описывал курганы Броварок как „едва заметные на поверхности земли насыпи”, следует заключить, что высоких курганов здесь не было. В то же время, ориентируясь на показатели глубин погребений Каменного, группу 1 Броварок можно условно считать погребениями на подсыпке выше погребенного горизонта, а группу 2 – на уровне древнего горизонта. При этом существенным различием с Каменным выглядит наличие остатков гробов в первой и второй группах погребений.

По инвентарю группировка выглядит чуть иначе: курганы 1, 4, 5, 7 содержали спиральные кольца, венчики, металлические очелья, ожерелья с пуговицами, „аксельбанты” с бубенчиками, раковины каури и др. (Фото 23-26), связывающими эту группу с курганом 18 Каменного. В курганах 2, 6 Броварок наблюдались тканевые очелья с круглыми проволочными кольцами, железная гривна; курганы 3 и 8 объединяются бедностью убора и наличием, кроме ножей, соответственно, костяного гребня и кресала. Ожерелье из кургана 7 включало литую ширококорогую лунницу (Фото 24), но в кургане 4 Броварок найдена писанка с поливой – черта уже древнерусского христианского обряда XI в.¹⁶ „Подвеска в виде прорезного креста” из кургана 2 – скорее всего, крестовидная ажурная подвеска „радимичского” облика¹⁷, заставляющая вспомнить ажурные подвески из п. 2 кургана 2 Каменного. Курганы 4, 5 Броварок дополнительно объединяет между собой наличие „аксельбанта” с бубенчиками (Рис. IV; Фото 23). Погребение 1 кургана 25 Каменного и курган 6 Броварок содержали каменные бусы из горного хрусталя или халцедона, а п. 2 кургана 2 Броварок объединяется с курганами 10 и 39 Каменного наличием железных гривен.

«Усатые» перстни в Броварках представлены в двух погребениях: в кургане 1 без декора (Фото 25) и с «зубчатым» декором надчеканкой – в кургане 7, что связывает последний с п. 2 кургана 9

¹⁶Моця О.П. Населення Південно-руських земель IX – XIII ст. К. 1993. С.100.

¹⁷Богомольников В.В. Радимичи: (по материалам курганов X-XII вв.). Гомель. 2004. Рис. 11, 23, 24. Именно такого типа украшение хранится на музейном планшете с надписью „с. Броварки на Полтавщині. Розкопки Хвойка”, хотя в каталоге коллекции Ханенко оно фигурирует под номером 512 с аналогичным украшением из с. Жукин – Ханенко Б.И., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. К. 1902. Вып. VI. С. 40; Табл. XXX.

Рис. IV. Броварки, курган 5

Каменного. «Усатые» перстни с зубчатым декором, как свидетельствует *курган 1* Михайловского могильника, появляются в древнерусских материалах в первой половине X в.¹⁸, но используются еще и во второй половине XI в., о чем говорит находка из *кургана 38* могильника Грехов Ручей совместно с денарием 1059–1071 гг.¹⁹ Аналогичный диапазон бытования имели и витые железные гривны, судя по находке в *кургане 5* Курово с денарием 1059–1086 гг., используемые на севере Руси до второй половины XI в.²⁰ Эти примеры иллюстрируют, что попытки привязать даты комплексов к индивидуальным рамкам бытования того или иного типа артефактов,

¹⁸Мурашева В.В. Курган I из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Труды ГИМ. 2000. Вып. 111. С. 30–33; Рис. 7; 8.

¹⁹Равдина Т.В. Погребения X – XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М. 1988. С. 49; Табл. 3, 28.

²⁰Там же. С. 80.

Рис. V. Броварки, курган 4

в нашем случае непродуктивны, и нужно учитывать весь возможный комплекс признаков.

Сопутствующий инвентарь погребений могильника Броварки в целом не противоречит выделению как позднейшей группы 3 – погребений в неглубоких ямах (*курганы 3, 8*). Группы 1 (*курганы 1, 6, 7*) и 2 (*курганы 2, 4, 5*) Броварок демонстрируют более тесные внутренние связи, обнаруживая последние и с соответствующими группами Iб и II Каменного. В то же время, в Броварках нет ингумаций с предметами группы Ia Каменного, очевидно, ей синхронны кремационные погребения данного могильника. Более поздний древнерусский горизонт малоинвентарных погребений Броварок, скорее всего, отнесен к „разграбленным” и попросту не описан В.В. Хвой-

кой, упоминающим, например, два погребения с пиррофиллитовыми пряслицами и одно с глиняным, а также приводящим на фото еще два серебряных венчика из неописанных погребений²¹.

Близкая картина наблюдается на двух небольших могильниках Глинска (на р. Сула), раскопанных в 1889 г. Д.Я. Самоквасовым²². На обоих могильниках раскопаны ингумации на горизонте и в ямах с гробами. В могильнике Глинск I в *кургане I* сочетались погребение на горизонте с двуцветными ягодовидными бусами (Рис. III, № 3852) и погребение неглубокой в яме («на материке») с ложновитым кольцом (Рис. III, № 3852). В *кургане III* погребение на горизонте с комплексом украшений горизонта Броварок (металлическое очелье, спиральные кольца, браслеты с уплощенными концами, ожерелье с пуговицами, «усатый» перстень) включало также саманидский дирхем Наср ибн-Ахмада (914–943 гг.) (Рис. III, № 3857–3866). В *кургане IV* с двумя аналогичными погребениями горизонта Броварок оба костяка располагались на такой же глубине в 3/4 аршина (0,53 м), как и погребение в *кургане III*. Под *курганами II, V, VI* исследованы погребения в ямах глубиной ок. 0,7 м, в т. ч. в гробе (*курган VI*); два последних погребения сопровождалась серьгами с металлическими ягодовидными бусами.

На могильнике Глинск II *курган I* с украшениями горизонта Броварок (серебряный венчик, спиральные кольца, ожерелье с пуговицами, раковины каури) также принадлежал к группе захоронений на горизонте, а в *кургане II* на уровне горизонта на угольном слое располагалась частичная кремация на месте („обугленный остов“). *Курганы III и IV* содержали погребения в неглубоких ямах („на материке“) с сережкой с серебряной ягодовидной бусиной. А в *курганах V и VI* малоинвентарные погребения в гробах опущены в ямы глубиной ок. 0,7 м.

Синхронизируя Глинские могильники с Каменным, группе Ia Каменного будет соответствовать *курган II/Гр. II* Глинска; группам Ib и II Каменного — *курганы III, IV* группы I и *курган II/Гр. II*; группе III — *п. 1 кургана I, курганы II, V, VI* группы I и *курганы III–VI* группы II. Любопытна позиция *п. 2 кургана I* Глинска I, расположение которого на горизонте синхронизирует его с группой II Каменного, но инвентарь (ягодовидные бусы) — с *п. 1 кургана 29* Каменного, принадлежащего к группе IIIa — погребений в неглубоких ямах, что подтверждает их раннюю позицию в рамках группы III Каменного. В отношении третьей группы погребений Глинска следует отметить

²¹Хвойко В.В. Раскопка могильника при с. Броварки. С. 43; Рис. 3.

²²Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М. 1908. С. 217–129.

наличие металлических ягодовидных бус, не представленных в Каменном, в чем Глинский могильник сходен с городским некрополем Переяславля, где такие находки сопровождают значительный процент погребений²³.

В разработках хронологии украшений Гочевского могильника²⁴ данные погребального обряда обычно игнорируются, тем не менее, связь погребений на горизонте с очельями и венчиками горизонта Броварок с кремациями здесь еще более выражена: 5 погребений — кремации на месте; в *кургане 32* (Г 1915) слегка обгоревший костяк на угольной подсыпке, а в *кургане 1* (Р 1912) сочетались две частичных кремации и ингумация.

Современные исследования курганов горизонта Броварок, в частности, *курган 2/1998 г.* Глинского могильника (на р. Ворскла) (Рис. VI), подтверждают наблюдаемую в Каменном картину наличия под насыпью фрагментов лепных роменских сосудов²⁵, на которые мало обращалось внимание в дореволюционное время. Верхняя граница горизонта, таким образом, в основном совпадает с верхней хронологической границей роменской культуры, позволяя заключить, что специфика убора северян Днепровского Левобережья развивалась параллельно сохранению самобытности в керамическом комплексе, после чего происходит вытеснение местных типов общерусскими.

Иллюстрацией данного процесса в Каменном служат погребения группы III в ямах ниже горизонта (Рис. II, III). Время появления ямных погребений в могильнике маркируют ожерелье из ягодовидных бус, височное кольцо «деснинского» типа и S-конечные серьги.

Зеленые рубчатые «ягодовидные» бусы обычны для слоев Киевского Подола второй половины XI — XII вв.²⁶ Но в *п. 1 кургана 29* Каменного (Фото 20) и в *п. 2 кургана 1* Глинска I (Рис. III, № 3852) вместе с зелеными представлены аналогичные синие бусы. Последние относительно редки в Поднепровье, но представлены в комплексах второй половины X — первой половины XI в. Повол-

²³Лесман Ю. Переяславский курганный могильник «за тюрьмой» в раскопках В.М.Щербаковского: некоторые наблюдения над хронологией могильника // Наукові записки з української історії. 2008. Вип.20. С. 131-132.

²⁴Шинаков Е.А. Население верхнего течения реки Псел в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1982. № 2. С. 90-99; Шпилев А.Г. Погребения с головными венчиками и очельями. С. 192-215.

²⁵Золотницька Т.М., Супруненко О.Б. Глинський курганный некрополь // Полтавський археологічний збірник. Полтава. 1999. С. 188-211.

²⁶Сагайдак М.А. Давньокиївський Поділ. Табл. XII; XV.

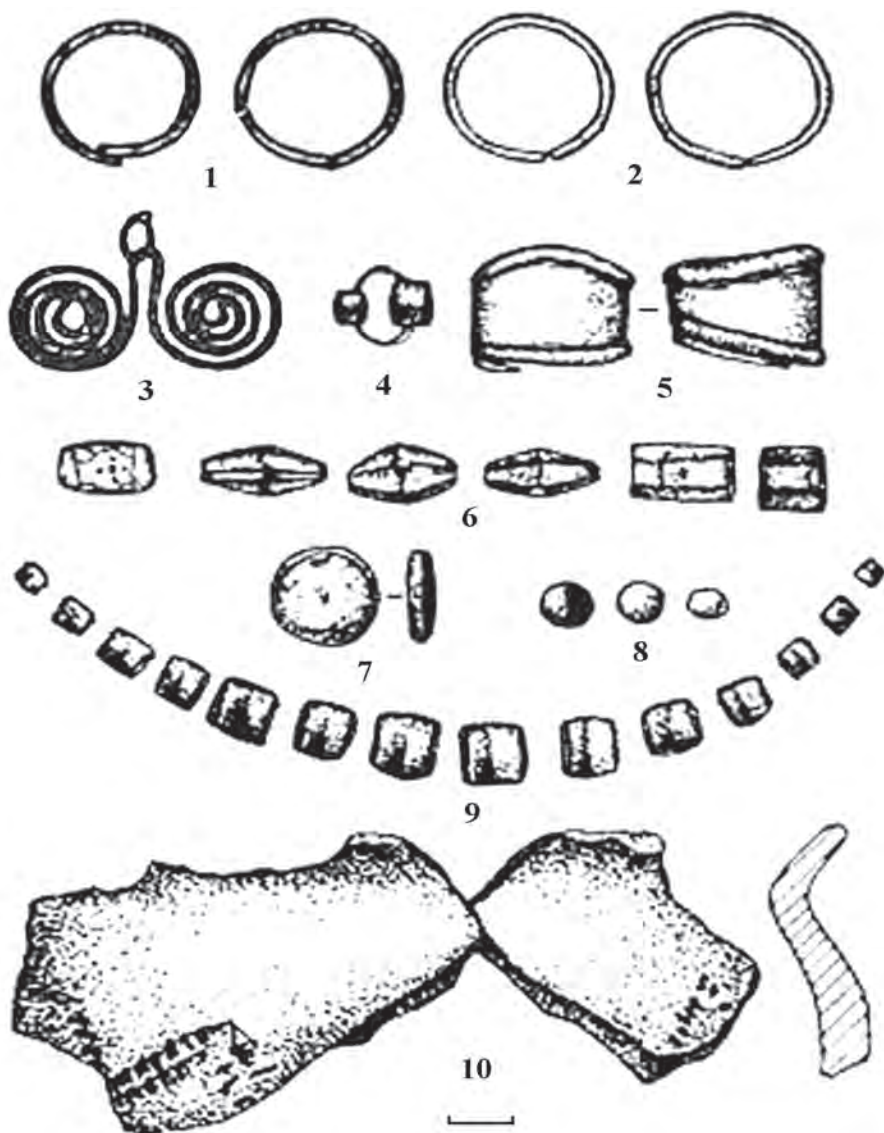

Рис. VI. Глинское, курган 2/1998 г.

жья и Прикамья²⁷. Сочетание синих и зеленых ягодовидных бус в ожерельях указывает на середину XI в.

Время появления семилопастных колец «деснинского» типа (Рис. 127, 18) хронологически стыкается с горизонтом Бровка. Об этом говорят находки таких колец в *кургане 4* могильника

²⁷Абдулова С.И. Хронология бус могильников Верхнего Прикамья VIII – XIV веков // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23. С. 6.

Шапчицы вместе с ажурной крестовидной подвеской и в *кургане* 76 могильника Шейки с «аксельбантом» и монетой 1059-1086 гг.²⁸ Основания для датировки колец «деснинского» типа после работ Т.В. Равдиной и Г.Г. Недошивиной²⁹ практически не изменились, хотя география данного типа украшений неуклонно разрастается, заставляя все более скептически относиться к узко племенным атрибуциям³⁰. В частности, в ближайшем окружении Каменного такие кольца обнаружены в древнерусских слоях городищ Ницаха³¹ и Лухтовка (Фото 27). Датируя время появления колец «деснинского» типа второй – третьей четвертью XI в., Т.В. Равдина ориентировалась на находку обломка такого кольца в слое „середины XI в.” Белой Вежи. Предмет происходит из слоя 3, датированного впоследствии С.А. Плетневой суммарно второй половиной XI – началом XII в.³², что согласуется с показаниями материалов собственно древнерусских комплексов.

Несомненно общедревнерусского характера S-конечные серьги (Рис. 129, 17, 27) или височные кольца (вполне вероятно их полифункциональность), представленные практически во всех регионах Древней Руси. Серия погребений с S-конечными серьгами дает следующую картину по младшим монетам: *п. 3 кургана 2* Вичугино – монета 1024-1039 гг.; *курган 6* Пекуново – монета 1054-1076 гг.; *п. 3 кургана 1* Заозерья и *кургана 5* могильника Удрай IV – монеты 1059-1086 гг.; *курган 1* Алеховщины – монета 1068-1090 гг.³³ В Новгороде древнейшие находки S-конечных серег происходят из слоя 70-х гг. XI в. и распространены они в ярусах выше 22-го (после 1076 г.)³⁴. Такая же картина в Новгороде и с металлическими бусами

²⁸Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. Табл. XLVI, 4, 11; Равдина Т.В. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. С. 129; Табл. 14, 8, 11.

²⁹Равдина Т.В. Древнейшие семилопастные височные кольца // СА. 1975. № 3. С. 218-223; Недошивина Н.Г. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец // Труды ГИМ. 1980. Вып. 51. С. 109-110.

³⁰Тригорьев А.В. Славянское население Оки и Дона. С. 106-107; Шпилев А.Г. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX – начало XIII вв.) // Славяно-русские древности Днепро-Донецкого Левобережья. Курск. 2008. Рис. 3, 7, 8; Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. К. 2011. С. 225.

³¹Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя. Рис. 17, 43.

³²Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Симферополь. 2006. С. 101-114; Рис. 82, 11.

³³Равдина Т.В. Погребения X – XI вв. с монетами на территории Древней Руси. С. 5, 34, 60, 96, 118; Табл. 1, 1, 2; 2, 11; 4, 12, 13; 8, 3; 10, 5.

³⁴Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X – XV вв. М. 1981. С. 11. Рис. 3, 7, 6. Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X – XV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М. 1990. С. 71.

(после 1076 г.), а ложновитой перстень из *п. I кургана I* Глинска I (Рис. III, № 385I) находит аналогии в слое 1055-1096 гг.³⁵

Даты аналогий позволяют заключить, что ямные подкурганые погребения Каменного и синхронных могильников региона появляются не позже третьей четверти XI в., что сужает время бытования обряда ингумации на горизонте до первой половины XI в. Верхняя хронологическая граница могильника трудноопределима из-за невыразительности инвентаря и безинвентарности позднейших погребений. Несомненно лишь наличие в курганах группы гончарной посуды конца XI – XII в. при отсутствии образцов конца XII – первой половины XIII в. с массивным валикообразным венчиком, что, очевидно, связано с общими тенденциями перехода от курганного к бескурганному обряду, завершившемуся в Южной Руси до конца XII в.

В целом для выделенных обрядовых групп могильника у с. Каменного можно предложить следующие условные хронологические рамки:

группа Ia – 960-990 гг.;

группа Ib – 990-1025 гг.;

группа II – 1025-1050 гг.;

группы IIIa-IIIб – 1050-1100 гг.;

группа IIIв – 1100-1200 гг.

Хронология курганов Каменного подтверждает промежуточную позицию погребений на древнем горизонте как в культурном (между роменским и древнерусским этапами), так и идеологическом плане (между языческим и христианским обрядом), тогда как датировка ингумаций группы Ia (на подсыпке выше древнего горизонта) ранее конца X в. идет в разрез с традиционными представлениями о появлении ингумаций у роменцев исключительно после принятия христианства.

Ингумации на подсыпке В.В. Седов счел „впускными” и нетипичными для северян из-за малочисленности данной группы на роменских могильниках³⁶, но их очевидная связь с роменскими частичными кремациями на месте или расположением костяка на угольной подсыпке заставляет видеть в группе таких погребений эволюцию обряда с перемещением остатков кремации из верхней части насыпи на горизонт с одновременной эволюцией в направлении полного отказа от кремаций.

³⁵Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода. С. 51, 81.

³⁶Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. С.139.

В случае с роменским населением Каменного, бережно хранившего память о своем «хазарском» прошлом в виде деталей салтовских поясов, конечно, не исключено влияние ингумационного обряда салтовского населения Подонья, тем более, что С.П. Сегеда даже усматривает некоторое аланское влияние в антропологии погребенных из могильника³⁷. Но переход от кремации к ингумации ранее христианизации с таким же успехом мог быть обусловлен и древнерусским влиянием, учитывая раннее, еще с конца IX в., бытование обряда трупоположения в могильниках древнерусских центров³⁸.

В пользу именно такого сценария говорит отсутствие или крайняя малочисленность классических роменских урновых кремаций в верхней части насыпи кургана в Чернигове, Седневе, Любече, т.е. в древнерусских городах, где документировано проживание роменского населения в конце IX–X вв. В X в. здесь доминирует кремация на месте (или помещение остатков кремации на стороне на древний горизонт), и именно полную и частичную кремацию на месте демонстрируют «переходные» курганы Гочево и Глинска.

Другая картина наблюдается в Посемье на примере Липинского могильника. Связь с погребениями языческого этапа здесь демонстрирует *п. 2 кургана 1 группы 2*, совершенное в глубокой яме посреди сожженной частокольной кольцевой оградки, аналогичной роменским погребениям Посемья по обряду кремации³⁹. Погребения Липино с инвентарем горизонта Броварок (*курган 1 группы 2, курган 90 группы 1*) также совершены в ямах, а немногочисленные погребения могильника на горизонте не занимают отдельного места в эволюции обряда, и интерпретируются В.В. Енуковым через призму поло-возрастного статуса погребенных⁴⁰.

Отсутствие единообразной картины перехода от кремации к ингумации в различных регионах северянского ареала лишний раз свидетельствует о спонтанности данных процессов, далеко не всегда связанных с централизованным внедрением христианской религии, а в случае с роменским могильником у с. Каменное — скорее с комплексом культурных и социально-экономических изменений в обществе северян X в. в процессе их интеграции в Древнерусское государство.

³⁷Сегеда С. Етногенетичні процеси на території Русі-України за даними антропології // Український історичний журнал. 2001. № 3. С. 73.

³⁸Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX – XIII вв. К. 1990.

³⁹Енуков В.В. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских» ингумациях // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск. 2008. Рис. 3; Шпилев А.Г. Северянское Посемье // Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск. 2008. С. 226.

⁴⁰Енуков В.В. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских» ингумациях. С. 43; Рис. 3-6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	- Археологічні відкриття в Україні. К.
АЛЛУ	- Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АО	- Археологические открытия. М.
ВВ	- Византийский временник. М.
Вестник РГО	- Вестник Императорского Русского географического общества. СПб.
ВИ	- Вопросы истории. М.
ВУАН	- Всеукраїнська академія наук. К.
ГИМ	- Государственный исторический музей. М.
К	- Киев.
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
Л	- Ленинград.
М	- Москва.
МАО	- Московское археологическое общество. М.
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
НА ИА НАНУ	- Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. К.
НТШ	- Наукове товариство імені Шевченка. Львів.
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей.
РИС	- Русский исторический сборник. М.
СА	- Советская археология. М.
САИ	- Свод археологических источников. М.
СПб	- Санкт-Петербург.
Труды АС	- Труды Археологического съезда.
УІЖ	- Український історичний журнал. К.
ААС	- Acta Archaeologica Carpathica. Krakow.
АР	- Archeologia Polski. Warszawa.
SA	- Slovenská archeológia. Bratislava.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фото 1. Городище у с. Каменное (вид с юга)

Фото 2. Городище. Вид на пойму р. Псел

Фото 3. Городище. Раскоп II. Разрез вала

Фото 4. Селище. Раскоп 1. Жилище 1

Фото 5. Селище. Раскоп 2. Постройка 1

Фото 6. Селище Раскоп 1. Гончарный горн

Фото 7. Селище Раскоп 1. Гончарный горн

Фото 8. Могильник. Курган 18

Фото 9. Погребение из кургана 18

Фото 10. Могильник. Курган 15

Фото 11. Могильник. Курган 17

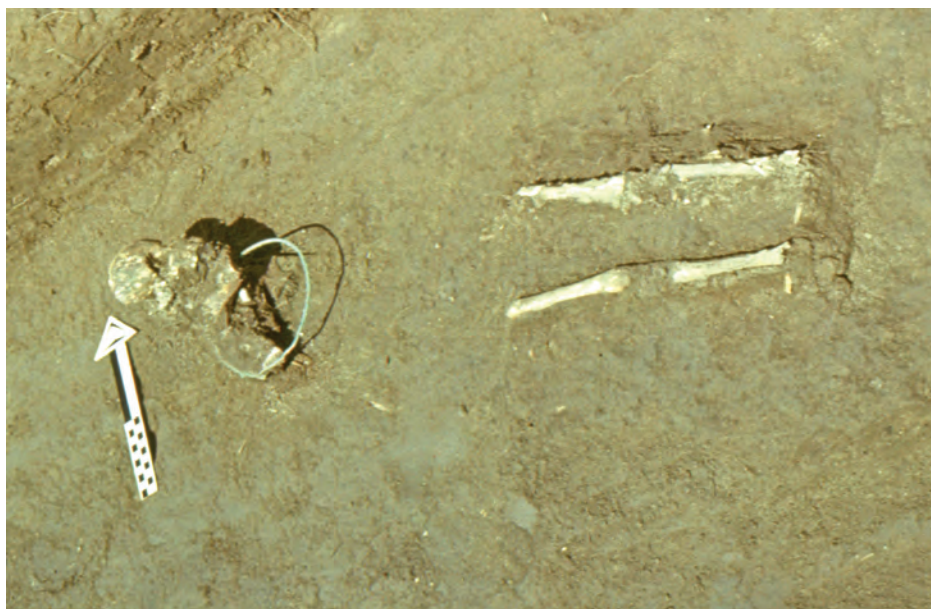

Фото 12. Могильник. Курган 16

Фото 13. Могильник. Курган 32

Фото 14. Иконки из слоя вала городища

Фото 15. Крест-энколпион из слоя вала городища

Фото 16. Предметы из кости с городища и селища

Фото 17. Орудия труда с селища

Фото 18. Украшения с городища и могильника

Фото 19. Лепные сосуды из погребений могильника

Фото 20. Бусы из погребений могильника

Фото 21. Каменное, Зеленый Гай. Украшения из погребений могильников. Экспозиция Сумского областного краеведческого музея

Фото 22. Каменное, Ницаха. Украшения из погребений могильников. Экспозиция Сумского областного краеведческого музея

Фото 23. Броварки. Украшения из кургана 5

Фото 24. Броварки. Украшения из погребений

Фото 25. Броварки. Украшения из кургана 1

Фото 26. Броварки. Украшения из погребений

Фото 27. Лухтовка. Монеты и украшения из клада и слоя городища

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Наукове видання

О.В. Сухобоків

**«ЗЕМЛЯ НЕЗНАЕМА»:
НАСЕЛЕНИЕ БАССЕЙНА СРЕДНЕГО
ПСЛА В X–XIII вв.**

(по материалам роменско-древнерусского комплекса
у с. Каменное)

Оригінал-макет виготовлено видавництвом «Видавничий дім «Скіф»
Комп'ютерне верстання — Д.Рубін
Художнє оформлення обкладинки — Д.Рубін

Підписано до друку 25.08.2012 р.
Формат 84 × 108/16. Умов. друк. арк.
Наклад: 300 прим.